

ISSN 2223–2982

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№2–2 2025 (ФЕВРАЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

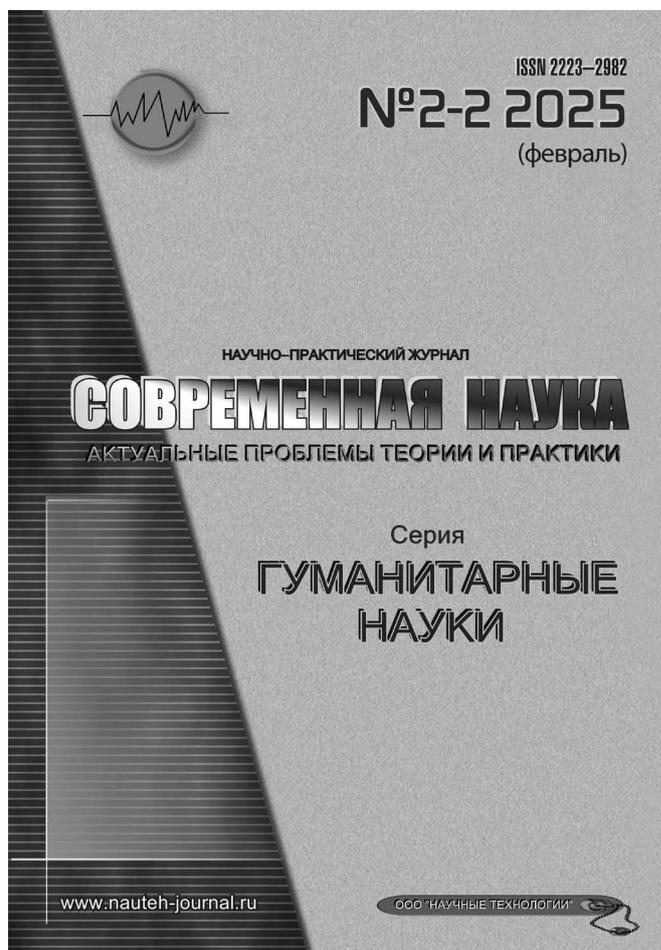
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки №2-2 (февраль) 2025 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.6.x, 5.8.x, 5.9.x)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 13.02.2025 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор,
Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины и
биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор,
Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н., доцент,
независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ
им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр
Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н.,
профессор, Московский государственный областной
университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения
детства, семьи и воспитания Российской академии
образования (ИИДСВ РАО)

Какваева Сабрина Бастаминовна — д.филол.н., доцент,
Дагестанский государственный медицинский университет
Минздрава РФ

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-
Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-
Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор,
Северный (Арктический) Федеральный университет им.
М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н.,
профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н.,
профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор,
Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н.,
профессор, Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский
государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор,
Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт
экономики РАН, г.н.с.

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор,
Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО
МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор,
Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор,
Владимирский филиал Финансового университета при
Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Завьялова М.С. – Научно-техническая деятельность газового завода Санкт-петербургского политехнического института (1900-1920-е гг.)
Zavyalova M. – Scientific and technical activities of the gas plant of the St. Petersburg polytechnic institute (1900-1920-ies) 7

Куровский С.В., Зинчук М.Г., Мишин Д.А. – Торгово-экономическое сотрудничество РФ и стран персидского залива: историческая ретроспектива, современные тренды и перспективы
Kurovsky S., Zinchuk M., Mishin D. – Trade and economic cooperation between the Russian Federation and the Persian Gulf countries: historical retrospective, modern trends and prospects 11

Поляков А.Н. – Проблема двоеверия в истории древней Руси
Polyakov A. – The problem of dual faith in the history of ancient rus' 17

Смоляно И.А. – Роль представителей дворянского рода Мордвиновых в развитии краеведения во второй половине XIX – начале XX в.
Smolyanko I. – The role of representatives of the noble family of the Mordvinovs in the development of local history in the second half of the 19th – early 20th centuries 27

Педагогика

Бормин А.С. – Роль инновационных технологий в обучении школьников с выраженными интеллектуальными нарушениями
Bormin A. – The role of innovative technologies in teaching students with severe intellectual disabilities 31

Давидан М.В. – Особенности применения визуальных методов в обучении решению арифметических задач младших школьников с задержкой психического развития
Davidan M. – Features of using visual methods in teaching solving arithmetic problems to primary school children with mental retardation 35

Желтиков О.В. – Перспектива подготовки педагогов физической культуры к реализации комплекса ГТО в современных условиях
Zheltikov O. – The point of view on the training of teachers for realization of the TRP complex in modern conditions 40

Киркина Е.Н., Щемерова Н.Н., Хрюкина Н.А. – Возможности использования цифровых технологий будущими педагогами дошкольного образования
Kirkina E., Shchemerova N., Hrykina N. – Digital technologies in the process of preparing a future teacher of preschool education 45

Кишкинова О.А., Везубова Н.А., Яковлева О.А. – Значимость дисциплин математического цикла для выпускников ветеринарно-биологического направления вуза
Kishkinova O., Verezubova N., Yakovleva O. – The importance of mathematical cycle disciplines for graduates of the veterinary and biological direction of the university 48

Кутликова И.В., Кишкинова О.А., Миндлин Ю.Б. – Возможности применения методов статистического анализа для верификации данных педагогических исследований
Kutlikova I., Kishkinova O., Mindlin Yu. – Statistical analysis application for verification of pedagogical research data 53

Левенец А.А., Логинова И.О., Макаrchук Т.М. – Динамика формирования навыка удаления зубов и корней зубов у леворуких студентов <i>Levenets A., Loginova I., Makarchuk T.</i> – Dynamics of the formation of the skill of tooth extraction and tooth roots in left-handed students..... 57	<i>Filonenko V., Petkov V., Tenisheva V., Genkin Yu., Filonenko B.</i> – Integration of 3D printing into the practice of professional training of marine specialists 89
Лу Лу – Применение визуализации знаний в преподавании истории китайской средней школы <i>Lu Lu</i> – Applying knowledge visualization in teaching Chinese middle school history..... 64	Филология
Масягин В.П., Чуфаров А.С. – Перспективы развития религиозно-нравственного воспитания военнослужащих вооруженных сил Российской Федерации (по опыту Специальной Военной Операции) <i>Masyagin V., Chufarov A.</i> – Development prospects religious and moral education of military personnel of the armed forces of the Russian Federation (based on the experience of a Special Military Operation)..... 68	Вань Гуанфу – Концепт «справедливость» в понимании русского и китайского народов <i>Wan Guangfu</i> – The concept of “justice” in the understanding of the Russian and Chinese peoples..... 93
Скопа В.А. – Использование кейс-технологии в патриотическом воспитании молодежи <i>Skopa V.</i> – Using case study technology in patriotic education of children and youth..... 74	Вань Гуанфу – Концепт «добро» в китайском и русском языках - на примере фразеологизмов <i>Wan Guangfu</i> – Concept of “good” in Chinese and Russian languages - using the example of phraseologisms..... 97
Соловьева О.В. – О целесообразности пересмотра рабочих программ по высшей математике для архитектурных специальностей вуза <i>Solovyeva O.</i> – About expediency of revising the working programs on higher mathematics for architectural specialties of higher education institution 78	Гашимова С.Э. – Отражение типологических черт дальневосточной культуры в мифологии Японии <i>Gashimova S.</i> – Reflection of typological features of East Asian culture in the mythology of Japan..... 104
Сунь Кай – Всесторонний подход в воспитании будущих вокалистов при формировании певческой культуры в организациях высшего профессионального образования <i>Sun Kai</i> – A comprehensive approach to the education of future vocalists in the formation of singing culture in higher education institutions 83	Глазков А.В., Глазкова Е.А. – Номинационная цепочка как инструмент создания когерентных отношений <i>Glazkov A., Glazkova E.</i> – The nominative chain as a tool for creating coherence relations 108
Филоненко В.А., Петьков В.А., Тенищева В.Ф., Генкин Ю.Ю., Филоненко Б.В. – Интеграция 3D-печати в практику профессиональной подготовки морских специалистов	Гордеева Н.А. – Функционирование иронии в медиадискурсе при создании образа политического деятеля <i>Gordeeva N.</i> – Functioning of irony in media discourse when creating the image of a political figure..... 114
	Жандарова А.В., Семенова С.Н., Тертычко Д.Д. – Анализ использования идиом в современном китайском романе (на примере произведения Мосян Тунсю «Система „спаси-себя-сам” для главного злодея») <i>Zhandarova A., Semenova S., Tertychko D.</i> – Analysis of the use of idioms in modern Chinese novel (based on Mo Xiang Tong Xiu’s work “The scum villain’s self-saving system”) 121

- Калакутская Е.А.** – Особенности кино как средства медиакommunikации
Kalakutskaya E. – Features of cinema as a means of media communication 125
- Качанова А.А., Сабурова С.В.** – Категория ошибки в изучении русского языка как иностранного и русского языка как неродного
Kachanova A., Saburova S. – The category of error in the study of Russian as a foreign language and Russian as a non-native language..... 129
- Клецкая С.И.** – Прагмонимы в рекламном дискурсе
Kletskaya S. – Pragmonyms in advertising discourse 133
- Ковалев К.В.** – Хуан Леон Мера и Хуан Валера: диалог о цивилизационном многообразии
Kovalev K. – Juan León Mera and Juan Valera: the discussion about civilizational diversity 138
- Копытко В.Н.** – Лексико-семантическое поле как проявление системности в лексике
Kopytko V. – Lexico-semantic field as a manifestation of systematicity in vocabulary 142
- Ли Цянь** – Парадокс исторической эпохи в романе «Зулейха открывает глаза»
Li Qian – The paradox of historical epoch in the novel "Zuleikha opens her eyes" 146
- Лин Чэнь, Ци Гоцзян** – Качество перевода русских публичных объявлений в провинции Хэйлунцзян: анализ ошибок и исследование способов их преодоления
Ling Chen, Qi Guojiang – Translation quality of Russian public announcements in Heilongjiang province: error analysis and research on ways to overcome them 151
- Ло Чжимэн** – Фразеологизмы, обозначающие флору в современном китайском и русском языках
Luo Zhimeng – Phraseological units representing flora in modern Chinese and Russian languages. 156
- Мартемьянова М.А.** – Особенности функционирования медицинской лексики в англоязычных медиатекстах (на материале газет The Times и The Guardian)
Martemyanova M. – Features of the functioning of medical words in English-language media texts (based on the material of The Times and The Guardian newspapers)..... 159
- Темиз Умутджан** – Приёмы работы с лингвокультурологической терминологией при обучении филологов-русистов Турции
Temiz Umutkan – Techniques of working with linguocultural terminology in training Turkish philologists-Russianists 162
- Ферапонтова Ю.В.** – Влияние стрессовых факторов на лингвистические характеристики профессиональной речи сотрудников МЧС
Ferapontova Yu. – Influence of stress factors on linguistic characteristics of professional speech of EMERCOM employees..... 168
- Ху Минсинь** – Проблемы экологической этики в произведении Ч. Айтматова «Когда падают горы (вечная невеста)»
Hu Mingxin – Problems of environmental ethics in Ch. Aitmatov's work "When mountains fall (eternal bride)" 172
- Чжэн Гуанцзе, Белоус Б.С.** – Детективные повести для детей и подростков как жизнеспособный жанр современной российской детской литературы
Zheng Guangjie, Belous B. – Detective stories for children and adolescents as a viable genre of contemporary Russian children's literature. 176
- Чэнь Ниюй** – Лингвокогнитивные механизмы формирования образа Китая в англоязычных цифровых медиа
Chen Niyu – Linguocognitive mechanisms of forming the image of China in English-language digital media 180

<p>Чэнь Цзоу – Влияние истории и культуры на формирование городских топонимов: примеры из Беларуси, России и Китая <i>Chen Zou</i> – The influence of history and culture on the formation of urban toponyms: examples from Belarus, Russia, and China .....186</p> <p>Шугушева Д.Х. – Кабардинские и английские пословицы о здоровье и благополучии в аспекте лингвокультурологического описания <i>Shugusheva J.</i> – Kabardian and English proverbs about health and well-being in the aspect of linguistic and cultural description .....191</p> <p>Юе Цюаньсинь – Катастрофический мотив в творчестве В.Г. Распутина <i>IUe TSiuansin</i> – The disaster motive in the works of V. Rasputin .....195</p>	<p>Ян Ихуа – Специфики распространения фейковых новостей в современном медиапространстве на примере Китая <i>Yan Ikhua</i> – Specifics of fake news dissemination in the modern media space using the example of China .....199</p> <p>Ян Сяоцин – Исследование концепции китайского переводчика русско-китайской литературы Ру Лонга <i>Yang Xiaoping</i> – A study of the translation concept of Chinese translator of Russian-Chinese literature Ru Long .....204</p> <p>Информация</p> <p>Наши авторы. Our Authors.....210</p> <p>Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале.....212</p>
--	---

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГАЗОВОГО ЗАВОДА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА (1900-1920-Е ГГ.)

Завьялова Мария Сергеевна
Аспирант, Санкт-Петербургский
политехнический университет
Петра Великого
marusya.zavjalova@yandex.ru

SCIENTIFIC AND TECHNICAL ACTIVITIES OF THE GAS PLANT OF THE ST. PETERSBURG POLYTECHNIC INSTITUTE (1900-1920-IES)

M. Zavyalova

Summary: The article examines the scientific and technical activities of a gas plant at the St. Petersburg Polytechnic Institute. The work of the gas plant provided scientists and students of the institute with the opportunity to conduct scientific research of an applied nature, and the lamp gas produced at the gas plant was actively used in the educational process of various training areas.

Keywords: St. Petersburg Polytechnic Institute, gas plant, lamp gas, science, technology, technical equipment.

Аннотация: В статье рассматривается научно-техническая деятельность газового завода в Санкт-Петербургском политехническом институте. Работа газового завода обеспечила ученых и студентов института возможностью проведения научных исследований прикладного характера, а светильный газ, вырабатываемый на газовом заводе, активно использовался в образовательном процессе различных направлений подготовки.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский политехнический институт, газовый завод, светильный газ, наука, техника, техническое оснащение.

Конец XIX – начало XX века – период становления новых высших технических школ в Российской империи. Этот процесс напрямую коррелирует с промышленным переворотом, экономическим ростом и реформами, организованными в стране под руководством государственного деятеля С.Ю. Витте. Привлечение иностранных представителей инженерных специальностей было дорогостоящим, поэтому появилась необходимость открытия собственных высших учебных заведений, которые позволили восполнить нехватку инженерных кадров. Благодаря реформам образования С.Ю. Витте в период 1898–1914 гг. было открыто четыре политехнических института: Рижский политехнический институт, Варшавский политехнический институт, Киевский политехнический институт и самый крупный из них – Санкт-Петербургский политехнический институт [17, с. 199].

В октябре 1902 г. Санкт-Петербургский политехнический институт был открыт и начал свою работу как учебное заведение. Стоит отметить, что Политехнический институт имел особую организацию и устройство: внимание было уделено организации кампуса, лабораторного пространства, основной целью которого являлось проведение разнообразных практических занятий [9, с. 192]. Среди учебно-вспомогательных учреждений в институте был газовый завод.

В работе указаны технические характеристики газового завода и газгольдера, его значение для научно-исследовательской и научно-технической деятельности Санкт-Петербургского политехнического института. В научный оборот вводятся материалы из фондов Музея истории СПбПУ, Информационно-библиотечного комплекса СПбПУ (ИБК), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) и Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб).

В конце июля 1902 г. на территории Политехнического института был заложен газовый завод, рассчитанный на производство $\approx 850 \text{ м}^3$ светильного газа в сутки. Начал свою работу газовый завод в начале 1903 года [8, с. 100].

В журнале «Строитель: вестник архитектуры, домовладения и санитарного зодчества» № 13-18 от июля 1902 г. [1] содержится описание газового завода: газовый завод представлял собой одноэтажное с мезонином на левом крыле кирпичное здание, поставленное на северо-восточной окраине участка института. Газовый завод будет вырабатывать из каменного угля светильный газ, который будет обеспечивать работу всех лабораторий. Для этих целей спроектированы:

- камера для приемки и испытания каменного угля;
- помещение печей и реторт для производства каменноугольного газа;

В журнале указано, что регенераторные печи для газового завода – это печи новой системы. Они отапливаются генераторным газом, который сгорает за счет воздуха и предварительно нагревается посредством продуктов горения вместе с электрическими ретортами. Печи построены из огнеупорного материала, выдерживающего температуру 1300-1400 °С [1, с. 578].

- в) камеры для сгущения газа, охлаждения, промывки и для химического очищения (удаляются из газа: сернистый водород, угольная кислота, сернистый углерод).
- г) камера для эксгаустора (устаревшее название вентилятора): аппарат, который высасывает очищенный газ и гонит его в газгольдер.

При газовом заводе имелись две квартиры для мастеров, помещения для склада отработанной очистительной массы и уборные [1, с. 579-580].

Светильный газ, полученный на заводе, до поступления в газосносную сеть, собирался в газгольдере, где он находится под определенным давлением. Газгольдер представлял из себя многогранное здание, углубленное в грунт и осыпанное снаружи на высоту 4,27 м. Далее стена поднимается на высоту 5,33 м и в этой части представляет собой ограждение для металлического колокола. Нижняя часть постройки газгольдера сделана в виде бассейна (цистерны для воды), поэтому стены и полы забетонированы. Простой цилиндрический колокол с выпуклым верхом выполнен из полукотельного железа и – при помощи котлов – направляется в своих вертикальных перемещениях по железным шинам. Из колокола газ направляется в разводящую газосносную сеть [1]. Газгольдер в Политехническом институте устроен по мокрому типу. Вода в газгольдер поступала из собственной институтской сети водоснабжения.

В Журнале заседания Особой Строительной комиссии по сооружению зданий Политехнического института в Санкт-Петербурге от 3 мая 1902 г. № 77 указана информация о количестве ежедневного потребления газа в институте. Ежедневное потребление газа составляло 30 000 кубических футов ($\approx 850 \text{ м}^3$), а именно: химическая лаборатория – 15 000 кубических футов ($\approx 425 \text{ м}^3$), металлургические учебные помещения – 10 000 кубических футов ($\approx 283 \text{ м}^3$), прочие кабинеты и лаборатории – 7 000 – 10 000 кубических футов ($\approx 198\text{-}283 \text{ м}^3$) [10]. Ответственный за строительство газового завода был инженер-технолог, уполномоченный Правления столичного освещения, Владимир Евгеньевич Серебряков [8, с. 234].

Работа и функционирование газового завода курировалась в разные периоды времени заведующими, научная деятельность которых, как правило, была на-

прямую связана с работой газового завода. Отметим, что в научной статье представлена не вся информация о заведующих газового завода, так как не удалось найти достоверных сведений обо всех руководителях и сроках их работы.

В 1903 г. расчеты необходимо количества топлива для газового завода осуществил старший лаборант, заведующий газовым заводом А.А. Волков – химик и педагог, ассистент Д.И. Менделеева [6]. В первые годы работы газового завода одним из его руководителей был старший ассистент по кафедре металлургии Н.Н. Тутурин [12, с. 30]. На протяжении нескольких лет газовым заводом руководил инженер А.А. Лебедев [19]. С 1904 г. он начал свою трудовую деятельность в Политехническом институте, одновременно в должности лаборанта и преподавателя газовых машин, двигателей внутреннего сгорания и механизмов воздухоплавательных аппаратов [14, с. 236].

С 1909 по 1918 гг. газовым заводом заведовал Владимир Карлович Вальгис [5, с. 30]. С 1906 по 1923 гг. он был также старшим лаборантом кафедры органической технологии Политехнического института в Санкт-Петербурге [20]. В 1919 г. на химическом факультете института он читал курс лекций: по химической технологии каменного угля и горючих сланцев, и химической технологии торфа и дерева [18]. В.К. Вальгис – химик, специалист в области сухой перегонки дерева и горючих ископаемых, термического крекинга и гидрогенизации нефти.

Научная и исследовательская деятельность В.К. Вальгиса была плодотворной. В 1910 г. он посетил бакинские нефтяные промыслы и нефтеперегонные заводы для пополнения сведений по технологиям работы с нефтью [3]. В 1914 г. В.К. Вальгис побывал в Германии, где работал в лаборатории профессора К. Энглера в Карлсруэ (современный Технологический институт Карлсруэ) и провел исследования по вопросу йодных чисел нефти, а также осмотрел лаборатории и газовые заводы в Германии [2].

В 1920 г. вышла его работа, посвященная описанию технологии по выработке газа из сланцев. Данный способ был им предложен впервые в мире. В работе Владимира Карловича сообщалось следующее: «Газовый завод 1-го Петроградского Политехнического института построен для добычи светильного газа из каменного угля. Суточная производительность его – 1000 м^3 . На заводе имеется блок из 3 печей; в каждой печи 3 реторты, всего 9 реторт... Газ из реторт поднимается по стоякам и поступает затем в холодильники, где осаждается значительная часть в скруббер для очистки от аммиака, и, наконец, проходит сухие очистители, загруженные болотную железную руду (гидрат окиси железа), для очистки от сернистых и цианистых соединений. После этих при-

боров газ измеряется заводскими газовыми часами и поступает в газгольдер и сеть» [4]. В этих же ретортах и печах производились опыты по перегонке сланцев с целью выяснения возможности их использования в промышленных масштабах. Полученный продукт по теплотворности не уступал традиционному каменноугольному. Отметим, что 4 августа 1921 г. был подписан акт, который фиксировал подачу газа из сланцев на газовом заводе Политехнического института в производственные и отопительные системы Первой государственной типографии Петрограда, что свидетельствует о завершении испытания технологии [7, с. 398].

Как и многие учебно-вспомогательные учреждения газовый завод был задействован в научной и образовательной деятельности Политехнического института. В учебные программы входили лабораторные работы, выполнение которых происходило на газовом заводе. В пособии С.А. Погодина «Практические занятия по общей химии (для студентов Metallургического и Химического факультетов)» 1925 г. содержатся рекомендации для проведения лабораторных работ. Указано, что для обращения с газовой горелкой необходимо воспользоваться светильным газом, который получают в институте путем накаливания каменного угля без доступа воздуха [11]. В Справочнике по механическому факультету ЛПИ им. М.И. Калинина за 1926 г. в нескольких программах обучения включены работы со светильным газом, вырабатываемым на газовом заводе: программа по курсу «Топливо» – выявление тепловых характеристик газообразного топлива; программа по курсу «Термические двигатели» – изучение свойств горючих, применяемых в двигателях внутреннего сгорания; программа курса «Конструкция

автомобильных двигателей» – применение светильного газа в автомобильных двигателях особого типа и автомобильных газогенераторах [15]. Среди лабораторных занятий в программе металлургического факультета ЛПИ им. М.И. Калинина за 1929 г. по курсу «Учения о горении и топливе» указаны лабораторные работы по химическому анализу светильного газа приборами Гемпеля и Орса и вычисления теплопроизводительной способности газа по данным анализа [13].

С появлением магистральных газопроводов работа институтского газового завода стала неактуальной. В обход запрета на строительство в 1960-е годы в Политехническом институте была произведена «реконструкция» газового завода, в результате чего появился лабораторный корпус, расположенный в строительных осях газового завода [16]. Газгольдер был встроен в здание корпуса. Круглые выступы в лабораторном корпусе можно увидеть и сегодня. В Музее истории СПбПУ находится макет газового завода, созданный на основе исторического описания завода.

Строительство газового завода в Санкт-Петербургском политехническом институте открыло новые возможности для отечественной научной мысли. Учебно-вспомогательное учреждение стало значимой площадкой для организации научно-исследовательской деятельности, например, в стенах газового завода была создана впервые в мире технология получения сланцевого газа, разработанная В.К. Вальгисом. Выработка собственного светильного газа позволяла выполнять лабораторные работы и студентам института, что также качественно отразилось на образовании будущих инженеров страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барановский Г.В. Санкт-Петербургский политехнический институт / Г.В. Барановский // Строитель: вестник архитектуры, домовладения и санитарного зодчества. – 1902. – № 13-18. – С. 481-590.
2. Вальгис В.К. Отчет о заграничной командировке в 1914 году / В.К. Вальгис // Известия Санкт-Петербургского политехнического института Императора Петра Великого. – 1914. – т. 22, выпуск 2. – С. 719-721.
3. Вальгис В.К. Отчет о посещении бакинских нефтяных промыслов летом 1910 года / В.К. Вальгис // Известия Санкт-Петербургского политехнического института Императора Петра Великого. – 1911. – т. 15, выпуск 1-2. – С. 355-361.
4. Вальгис В.К. Светильный газ и газовая смола из сланцев: опытное исследование, произведенное на газовом заводе Петроградского политехнического института / В.К. Вальгис. – Петроград: Научное химико-техническое изд-во, 1920. – 39 с.
5. Густов С.В. Два века российского газа: в 3-х т. Т. 2: Время большого газа / С.В. Густов, А.Р. Соколов, Д.В. Митюрин. СПб.: Лики России, АКК «Энергетик», 2-13. – 392 с., ил.
6. Записки об отоплении, вентиляции, освещении, водоснабжении: Господину Товарищу Министра финансов, заведующему делами торговли и промышленности. № 1794 (19 июня 1903 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://elib.spbstu.ru/dl/2/ed-119_0000440429br.pdf/info
7. Матвейчук А.А., Евдошенко Ю.В. Истоки газовой отрасли России. 1811–1945 гг.: Исторические очерки. – М.: Издательская группа «Граница», 2011. – 400 с.: ил.
8. Меншуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института (1899-1930) / Б.Н. Меншуткин; редактор-составитель биографических справок и примечаний Н.П. Шаплыгин. — СПб.: Изд-во Политехи, ун-та, 2012. – 508 с.
9. Metallургическое отделение: Обзор преподавания. Состав учащихся. Состав преподавателей. Учебно-вспомогательные учреждения. – Санкт-Петербург: Типо-Литография Шредера, 1914. – 276 с.

10. Особая строительная комиссия по сооружению зданий Политехнического Института в Санкт-Петербурге. — Журналы заседаний Особой строительной комиссии по сооружению зданий Политехнического Института в Санкт-Петербург. № 1-243 (3 апреля 1899 года – 19 сентября 1906 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://elibr.spbstu.ru/dl/2/ed-3567_0000440639br.pdf/info
11. Погодин С.А. Практические занятия по общей химии (для студентов Metallургического и Химического Факультетов) / С.А. Погодин. – Ленинград.: Изд-во КУБУЧ, 1925. – 58 с.
12. Санкт-Петербургский политехнический институт: сборник № 2. – Нью-Йорк: Издание Объединения С.-Петербургских Политехников, 1958. – 244 с.
13. Славинский М.П. Программы металлургического факультета / М.П. Славинский. – Ленинград.: Типо-Литография «СОКОЛ», 1929. – 186 с.
14. Смелов В.А. История кораблестроительной школы в Политехническом. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2005. – 267 с.
15. Справочник по Механическому факультету (Учебный план, программы, методы преподавания и контроля). – Ленинград.: Гос. Тип. ар. Соколинского, 1926. – 298 с.
16. Стронкин Н.Н. Борис Пантелеймонович Бельтихин / Н.Н. Стронкин // Политехник: издание Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2000. — № 8 (3268). – С. 3.
17. Уварова Е.Е. История развития отечественного политехнического образования (конец XIX — начало XX в.) / Е.Е. Уварова // Молодой ученый. – 2020. – № 45 (335). – С. 199-201.
18. ЦГА СПб ф.Р-3121 оп.12 д. 92
19. ЦГИА СПб ф. 478 оп.14 д.70
20. ЦГИА СПб ф.478 оп. 14 д. 12

© Завьялова Мария Сергеевна (marusya.zavjalova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РФ И СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА, СОВРЕМЕННЫЕ ТRENДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

TRADE AND ECONOMIC COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PERSIAN GULF COUNTRIES: HISTORICAL RETROSPECTIVE, MODERN TRENDS AND PROSPECTS

S. Kurovsky
M. Zinchuk
D. Mishin

Summary: This article reveals the stages of development of trade and economic cooperation between the Russian Federation and the Persian Gulf countries. The issues reflected in the article are of particular relevance in the context of the need to form promising areas for the development of trade and economic cooperation between the Russian Federation and the Persian Gulf countries. The purpose of the scientific research is to analyze the historical retrospective of international relations between the Russian Federation and the Persian Gulf countries, as well as to identify modern trends and prospects for trade and economic cooperation between the Russian Federation and the Persian Gulf countries. To achieve this goal, the article provides a historical retrospective of trade and economic cooperation between the Russian Federation and the Persian Gulf countries (the period 2000-2022), analyzes the current stage of trade and economic cooperation between the Russian Federation and the Persian Gulf countries, identifies prospects for the development of trade and economic cooperation between the Russian Federation and the Persian Gulf countries.

Keywords: trade and economic cooperation; international relations; modern trends; promising directions; historical retrospective; stages of development; Persian Gulf countries.

Куровский Станислав Валерьевич

Руководитель научно-исследовательского подразделения
ООО «Высшая Школа Образования»
8917564@gmail.com

Зинчук Максим Григорьевич

Аспирант, РУДН
Senior.20112012@yandex.ru

Мишин Денис Александрович

Руководитель редакционно-издательского отдела,
ООО «Высшая Школа Образования»
9651530@gmail.com

Аннотация: В данной статье раскрываются этапы развития торгового-экономического сотрудничества РФ и стран Персидского залива. Отражаемые в статье вопросы приобретают особую актуальность в условиях необходимости формирования перспективных направлений развития торгового-экономического сотрудничества РФ и стран Персидского залива. Цель научного исследования состоит в анализе исторической ретроспективы международных отношений между РФ и странами Персидского залива, а также выявлении современных трендов и перспектив торгового-экономического сотрудничества РФ и стран Персидского залива. Для достижения поставленной цели в статье приведена историческая ретроспектива торгового-экономического сотрудничества РФ и стран Персидского залива (период 2000-2022 гг.), проанализирован современный этап торгового-экономического сотрудничества РФ и стран Персидского залива, определены перспективы развития торгового-экономического сотрудничества РФ и стран Персидского залива.

Ключевые слова: торгового-экономическое сотрудничество, международные отношения, современные тренды, перспективные направления, историческая ретроспектива; этапы развития; страны Персидского залива.

Введение

В современных условиях трансформация мировых отношений, по мнению зарубежных исследователей [2], [8], является переходным временным периодом, который способствует разнонаправленно и фундаментально складывающейся неустойчивостью в глобальном мире.

Начиная с 2000 года, происходит углубление в международном сообществе социально-экономической нестабильности, которая планомерно превращается в рецессию. Это явно проявлялось в период 2008-2010 гг.

Одновременно с этим временные промежутки рецессии в течение 2000-2024 гг. становятся более короткими. Например, в период 2008-2010 гг. международный финансовый кризис являлся объективным событием развития государств в глобальном мире, однако замедление прироста ВВП и объёма экспортных операций по итогам 2014-2016 гг. и 2020-2021 гг. [9] обусловлено специфическими особенностями проводимой западными государствами макроэкономической политики.

С течением времени активно трансформируется в международном сообществе социально-экономическое положение отдельных государств, интеграционных объ-

единений, макрорегионов, что определяется уровнем вклада участников взаимоотношений в ВВП мировой экономики, а также международными рейтингами [9].

Исходя из имеющихся статистических данных [9], по показателю производственного выпуска в ВВП достаточно проблемным макрорегионом в период 2012-2023 гг. выступает европейский. До усиления международных экономических ограничений в отношении РФ на протяжении 2022-2024 гг. европейские государства являлись ключевыми партнёрами РФ в международных торговых связях. При этом развитие азиатского макрорегиона определяется опережающим приростом производственного выпуска в ВВП в рассматриваемом временном периоде [9].

Наблюдаются значительные, как правило, искусственно сформированные рыночные колебания, которые способствуют появлению кризисных процессов в национальных и международных отраслевых секторах, в частности, это продовольственный, энергетический кризисы. При этом принимаемые решения макроэкономической политики приводят к ухудшению работы логистических и производственных комплексов. Соответственно, последующее усиление международных торговых войн, экономических санкционных ограничений в отношении РФ, Ирана будет отрицательным образом влиять на внешнюю политику и международные отношения государств. Ожидается преобладание нерыночных способов международной конкуренции.

Следовательно, странам Персидского залива и РФ в современных условиях неустойчивости в глобальном мире нужно выявить и принять собственные приоритетные направления торгового-экономического сотрудничества. Они должны быть сформированы по итогам исторической ретроспективы торгового-экономического сотрудничества РФ и стран Персидского залива (период 2000-2022 гг.), анализа современного этапа торгового-экономического сотрудничества РФ и стран Персидского залива.

Учитывая новую социально-экономическую реальность, высокую актуальность имеет динамический анализ торгового-экономического сотрудничества РФ и стран Персидского залива, определение специфики современного этапа международных отношений между обозначенными государствами. Страны Персидского залива представляют собой своеобразное звено между тремя макрорегионами: африканским, азиатским и европейским, а также имеют развитую инфраструктуру, через них проходят крупнейшие транспортно-логистические маршруты, с помощью которых благотворно развивается предпринимательский сектор.

Цель работы – анализ исторической ретроспективы

международных отношений между РФ и странами Персидского залива, а также выявление современных трендов и перспектив торгового-экономического сотрудничества РФ и стран Персидского залива.

Для достижения поставленной цели в статье необходимо решить следующие задачи:

1. Представить историческую ретроспективу торгового-экономического сотрудничества РФ и стран Персидского залива (период 2000-2022 гг.).
2. Проанализировать современный этап торгового-экономического сотрудничества РФ и стран Персидского залива.
3. Определить перспективы развития торгового-экономического сотрудничества РФ и стран Персидского залива.

Материалы и методы

Для выявления исторической ретроспективы торгового-экономического сотрудничества РФ и стран Персидского залива (период 2000-2022 гг.) был осуществлен анализ теоретических и эмпирических источников академической литературы, ретроспективный анализ, аналитических документов, отражающих исторические и социально-экономические вопросы развития прибрежных, арабских стран Персидского залива, а также особенности реализации ими международной политики и выстраивания отношений в глобальном сообществе.

Помимо вышеуказанных методов, авторами статьи для анализа современного этапа торгового-экономического сотрудничества РФ и стран Персидского залива, а также определения перспектив развития торгового-экономического сотрудничества РФ и стран Персидского залива использовались методы индукции, дедукции, анализа статистических временных рядов, сопоставления, систематизации, институциональный подход, факторный анализ.

Историческая ретроспектива торгового-экономического сотрудничества РФ и стран Персидского залива (период 2000-2022 гг.)

На протяжении 2000-2022 гг. социально-экономическое развитие РФ является достаточно противоречивым, что подтверждается динамическим изменением ВВП РФ, а также показателем внешнеторгового оборота со странами Персидского залива. По итогам 1991 года по стоимостному параметру ВВП РФ страна входила в ТОП-20 международного рейтинга, в 1999 году – РФ находилась на 23 месте, в 2000 году – на 21 месте. За 2021 год РФ поднялась в международном рейтинге по стоимостному параметру ВВП РФ до 11 места, хотя отмечалась существенная волатильность ВВП РФ в период 2000-2021 гг.

Статистические данные по стоимостному параметру ВВП РФ и некоторых стран Персидского залива приведены на рисунке 1.

Исходя из рисунка 1, можно наблюдать, что стоимостной параметр ВВП РФ преобладает над аналогичным показателем некоторых стран Персидского залива. При этом на международном рынке в период 2000-2022 гг. позиции РФ и стран Персидского залива неизменны за счёт того, что удельный вес сегмента промышленного производства стран Персидского залива в совокупности достигает 40%, а в социально-экономическом развитии РФ сектор АПК в полной мере обеспечивает потребности национального общества. Следует обратить внимание на то, что крайне быстро отечественная экономика и экономический комплекс государств Персидского залива восстановились после введения социально-экономических ограничений на фоне события распространения COVID-19 в глобальном мире.

Ключевая причина замедления прироста стоимостного параметра ВВП РФ – введение международных санкционных ограничений в отношении данного государства в 2014 году, цель которых состояла в ухудшении функционирования национальных энергетических ком-

паний, внешнеторговых связей. В этот период времени обрушилась рыночная стоимость нефти в международном рыночном сегменте, что привело к негативным последствиям социально-экономического развития для стран Персидского залива (произошел резкий спад макроэкономики анализируемого региона в течение 2014-2016 гг.), что подтверждается уменьшением экспортных операций [9].

Одновременно с этим динамическое изменение стоимостного параметра ВВП РФ и некоторых стран Персидского залива, проиллюстрированное на рисунке 1, позволяет прийти к выводу, что экономическая динамика анализируемых государств похожа. Соответственно, общее присутствует в структуре страновых экономических систем, поэтому задачи макроэкономической политики также должны быть близкими по своему содержанию, что, в свою очередь, укрепляет перспективы торгово-экономического сотрудничества РФ со странами Персидского залива.

Современный этап торгово-экономического сотрудничества РФ и стран Персидского залива

Современный этап торгово-экономического со-

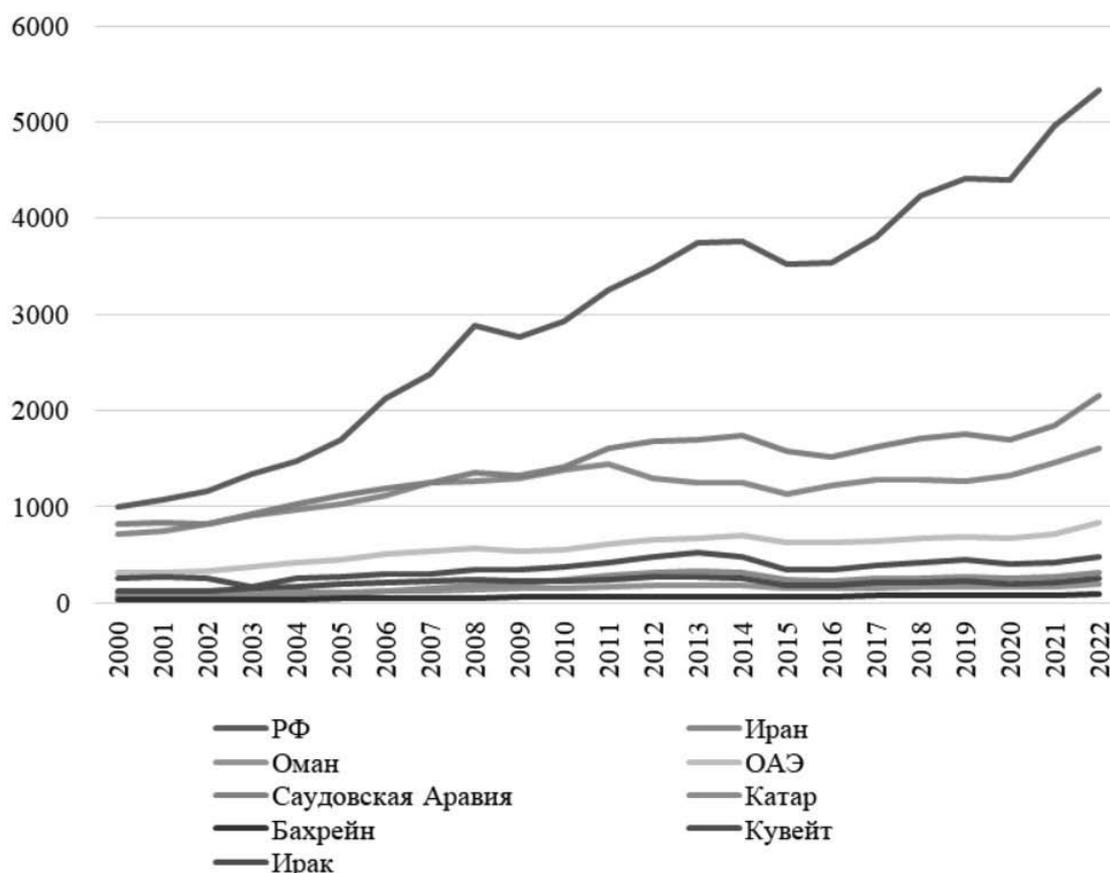

Рис. 1. Динамическое изменение стоимостного параметра ВВП РФ и некоторых стран Персидского залива, млрд. долл. [3]

трудничества РФ и стран Персидского залива, который приходится на 2023-2024 гг., демонстрирует расширение международных отношений анализируемых государств в различных сферах, а также товарных позиций во внешнеторговом обороте. Например, по итогам 2022 года внешнеторговый оборот РФ и ОАЭ составил около 9 млрд. долл., в 2023 году этот параметр превысил 11 млрд. долл. [7]. По внешнеторговому обороту среди стран Персидского залива ОАЭ заняли первое место в рамках торгово-экономического сотрудничества с РФ.

Кроме того, ОАЭ занимают первое место по объёму прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из РФ и аналогичному параметру ОАЭ в отечественной экономике. Взаимные сферы ПИИ этих стран: операции с недвижимостью, АПК, торговля (оптовая и розничная), обрабатывающие производства, научно-техническая деятельность.

Российские компании осуществляют активную деятельность по проектам производственной локализации на территории ОАЭ. Центральное звено такого сотрудничества – сформированный в первом квартале 2023 года Евразийский торгово-промышленный хаб, в котором уже функционируют более двадцати отечественных организаций [5].

Прирост параметра внешнеторгового оборота в отношениях Саудовской Аравии и РФ за 2023 год достиг 12% в общей структуре внешнеэкономической деятельности. Прирост в первом полугодии 2023 года по сравнению с первым полугодием 2022 года достиг 18%. За 2022-2023 гг. РФ экспортировала в Саудовскую Аравию существенный объём пшеницы, который превысил 2 млн. тонн. Помимо этого, были реализованы совместные инвестиционные проекты РФ и Саудовской Аравии (свыше 40 проектов за 2023 год), в том числе ориентированные на комплексное обеспечение инженерно-технической инфраструктуры [4].

В страны Персидского залива планомерно внедряются отечественные цифровые платформенные решения и интеллектуальные системы. Например, в ОАЭ представлена интеллектуальная система от компании «Яндекс», в рамках которой осуществляются перевозки на такси и курьерская доставка посредством робототехники.

Между РФ и Оман показатель внешнеторгового оборота в существенной мере увеличился в первом полугодии 2023 года в отличие от первого полугодия 2022 года – практически в три раза. При этом, начиная с 2023 года, полностью возобновлены авиаперевозки между РФ (г. Москва) и Оманом.

На протяжении 2023-2024 гг. Катар и РФ прорабатывали совместные инновационно-инвестиционные про-

екты, общая сумма которых достигла 150 млрд. руб. При этом катарская сторона инвестирует денежный капитал в проекты отечественных корпораций. В период 2022-2023 гг. поставки продуктов АПК и продовольствия из РФ в Катар увеличились в 1,5 раза [1].

Современный этап 2023-2024 гг. продемонстрировал увеличение заинтересованности отечественных компаний к международным выставкам, которые проходили в некоторых странах Персидского залива. В частности, в международной выставке IDEX российские организации участвуют, начиная с 1993 года (военно-промышленный комплекс). Также национальные компании участвовали в таких международных выставках, как: Dubai Airshow – 2023, 2024 (аэрокосмический комплекс), Saudi Build – 2023, 2024 (строительство: материалы и технологии), Foodex Saudi – 2023, 2024 (продовольственная сфера).

В международных отношениях РФ и стран Персидского залива на протяжении 2023 года наблюдалось активное продвижение туристического кластера и гуманитарных связей. Среди государств Персидского залива ОАЭ стали наиболее популярной страной для отечественных туристов – более 1 млн. граждан отдыхали на территории анализируемого государства.

Повышение потока отечественных туристов наблюдалось в Бахрейне. За 2022 год численность отдохнувших отечественных туристов составила 20 тыс. граждан, а в 2021 году – всего 3,5 тыс. граждан. Одновременно с этим численность отдохнувших в РФ туристов из Бахрейна также увеличилась в несколько раз.

Для Кувейта российская сторона также планомерно становится востребованной страной для отдыха. В 2023 году поток кувейтских туристов в РФ повысился в отличие от 2022 года практически в десять раз. В первом квартале 2023 года были в полном объёме восстановлены авиаперевозки между Кувейтом и РФ (г. Москва). Ожидается отмена туристических виз в РФ для граждан из Омана, Кувейта, Бахрейна и Саудовской Аравии [6].

Исследование современного этапа торгово-экономического сотрудничества РФ и стран Персидского залива показало, что международные торговые отношения между РФ и государствами Персидского залива обладают существенным потенциалом к развитию несмотря на то, что в настоящее время двусторонняя внешняя торговля испытывает отрицательное воздействие неолиберальной политики в глобальном мире и международных санкционных ограничений в отношении РФ и Ирана.

Перспективы развития торгово-экономического сотрудничества РФ и стран Персидского залива

Взаимодополняемость стран Персидского залива и

РФ в различных сферах партнёрства, в частности, транспортно-логистической, внешнеторговой, нефтегазовой, металлургической, энергетической, сельскохозяйственной, продовольственной, строительной, туристической, аэрокосмической, способствует многовекторному перспективному присутствию РФ в Персидском заливе, при этом для данного макрорегиона развитие торгово-экономического сотрудничества с РФ приведет к диверсификации стратегических альянсов и международных отношений.

Некоторые страны Персидского залива и РФ входят в объединение ОПЕК+, они занимают примерно 39% от международного производственного выпуска нефтегазовых ресурсов. В связи с этим торгово-экономическое и производственное партнёрство анализируемых государств играет основополагающую роль при обеспечении устойчивого развития и функционирования сегмента углеводородов в рамках принятия значимых решений по нефтедобыче. Рассматриваемый вопрос выступает крайне актуальным в контексте попыток европейских стран и США использовать рыночный спрос на углеводороды как способ геополитического давления на РФ в условиях действующих международных санкций.

В современных условиях страны Персидского залива и РФ стремятся придать сложившемуся торгово-экономическому сотрудничеству новый импульс, расширить двухсторонние международные связи. По мнению российской стороны, перспективные направления торгово-экономического партнёрства со странами Персидского залива базируются на уважении международного суверенитета, схожих интересах, при этом ни одна из сторон международных отношений не навязывает другой собственные приоритеты и повестки сотрудничества.

Роль стран Персидского залива во внешнеэкономических взаимодействиях РФ возрастает, это становится значимым обстоятельством для российской стороны при усилении международного санкционного давления в период 2022-2024 гг. С 2014 года во внешнеэкономической политике РФ стала активизировать двухсторонние связи с восточноазиатскими странами. При этом посредством наращивания международной торговли с ОАЭ подавляющее число российских компаний смогут выйти на рыночные сегменты иных стран Арабского макрорегиона, в первую очередь, это страны Персидского залива. Тогда возникнет возможность получения для национально-нефтегазового сектора нового оборудования и производственных машин, наращивания инвестиционных взаимоотношений (в направлении развития ПИИ и практической реализации совместных инвестиционно-инновационных проектов). Для России важно в настоящее время увеличить объёмы международной торговли со странами Персидского залива, ПИИ из этих государств, осуществлять совместные нефтегазовые разработки,

координировать предпринимаемые усилия в рыночном сегменте углеводородов на глобальном уровне.

Несмотря на крайне высокий рыночный потенциал стран Персидского залива для отечественных компаний, авторы считают, что в современных условиях присутствуют варианты по углублению партнёрства (торгово-экономического, геополитического) между РФ и странами Персидского залива в контексте негативного санкционного давления и существующего уровня внешнеэкономических и двухсторонних взаимоотношений.

Выводы

В рамках данного исследования была представлена историческая ретроспектива торгово-экономического сотрудничества РФ и стран Персидского залива (период 2000-2022 гг.).

Экономическая динамика ВВП анализируемых государств похожа. Соответственно, общее присутствует в структуре страновых экономических систем, поэтому задачи макроэкономической политики также должны быть близкими по своему содержанию, что, в свою очередь, укрепляет перспективы торгово-экономического сотрудничества РФ со странами Персидского залива.

Проанализирован современный этап торгово-экономического сотрудничества РФ и стран Персидского залива.

Исследование современного этапа торгово-экономического сотрудничества РФ и стран Персидского залива показало, что международные торговые отношения между РФ и государствами Персидского залива обладают существенным потенциалом к развитию несмотря на то, что в настоящее время двусторонняя внешняя торговля испытывает отрицательное воздействие неолиберальной политики в глобальном мире и международных санкционных ограничений в отношении РФ и Ирана.

Были определены перспективы развития торгово-экономического сотрудничества РФ и стран Персидского залива.

Торгово-экономическое и производственное партнёрство анализируемых государств играет основополагающую роль при обеспечении устойчивого развития и функционирования сегмента углеводородов в рамках принятия значимых решений по нефтедобыче. Рассматриваемый вопрос выступает крайне актуальным в контексте попыток европейских стран и США использовать рыночный спрос на углеводороды как способ геополитического давления на РФ в условиях действующих международных санкций.

Посредством наращивания международной торговли с ОАЭ подавляющее число российских компаний смогут выйти на рыночные сегменты иных стран Арабского макрорегиона, в первую очередь, это страны Персидского залива. Тогда возникнет возможность получения

для национального нефтегазового сектора нового оборудования и производственных машин, наращивания инвестиционных взаимоотношений, в направлении развития ПИИ и практической реализации совместных инвестиционно-инновационных проектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трофимова О.Е., Подчасов Н.А., Кулинич А.Д. Проект ЕС–Африка: изменение стратегии в условиях конкуренции // Сравнительная политика. – 2025. – Т. 15. – №. 4. – С. 66-90. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-4-15-5.
2. Baylis J., Smith S., Owens P. The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations (8th edn). - Oxford University Press, 2019. DOI: 10.1093/heap/9780198825548.001.0001
3. ВВП стран мира в 1990–2022 гг. (Всемирный банк; ППС, млрд долл.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://svspb.net/danmark/vvp-stran-wb.php> (дата обращения: 21.01.2025).
4. Объем торговли между Россией и Саудовской Аравией вырос за 11 месяцев 2023 года на 12% [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.finam.ru/publications/item/obem-torgovli-mezhdu-rossiy-i-saudovskoy-araviey-vyros-za-11-mesyatsev-2023-goda-na-12-20240205-1957/> (дата обращения: 21.01.2025).
5. Решетников: страны Персидского залива входят в число важнейших инвестиционных партнеров РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/17704817> (дата обращения: 21.01.2025).
6. Россия и страны Персидского залива в 2023 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/about/news/experts/rossiya-i-strany-persidskogo-zaliva-2023/> (дата обращения: 21.01.2025).
7. Товарооборот России и ОАЭ в 2023 году достиг 11 млрд долларов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://center.business-magazine.online/fn_1563278.html (дата обращения: 21.01.2025).
8. Spence M. The Global Economy in Transition [Electronic resource] // The Jordan Times. – 2022. - URL: <https://jordantimes.com/opinion/michael-spence/global-economy-transition> (accessed: 21.01.2025).
9. UNCTAD [Electronic resource]. - URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx> (accessed 21.01.2025).

© Куровский Станислав Валерьевич (8917564@gmail.com), Зинчук Максим Григорьевич (Senior.20112012@yandex.ru), Мишин Денис Александрович (9651530@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА ДВОЕВЕРИЯ В ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

THE PROBLEM OF DUAL FAITH
IN THE HISTORY OF ANCIENT RUS'

A. Polyakov

Summary: The article examines the issue of the essence of dual faith in Ancient Rus' and its influence on elite culture. The author questions the existence of developed polytheism among the Eastern Slavs. In his opinion, the sources allow us to speak only about the cult of Perun. The rest of the "deities", known from numerous lists of gods, are either Christian saints (Volos), or book borrowings (Dazhbog, Stribog, Khors, Simargl, Troyan, Veles, Svarog, Dyy). The author believes that after the baptism of Rus, the Christian church encountered lower-order beliefs (animism, fetishism, personification), for which the Christian teaching had no replacement. The high (elite) culture of Kievan Rus was oriented toward the Greek-Slavic Orthodox world, and does not contain traces of dual faith. Formed by borrowing cultural patterns, it was built on top of the pagan culture of the Eastern Slavs. In his opinion, this is where the so-called dual faith in Ancient Rus manifested itself.

Keywords: paganism, dual faith, polytheism, animism, fetishism, elite culture, symbolism, décor.

Поляков Александр Николаевич

кандидат исторических наук, доцент,
Оренбургский государственный университет
polyakov150@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о сущности двоеверия в Древней Руси и его влиянии на элитарную культуру. Автор подвергает сомнению существование развитого политеизма у восточных славян. На его взгляд, источники позволяют говорить только о культе Перуна. Остальные «божества», известные по многочисленным спискам богов, являются либо христианскими святыми (Волос), либо книжными заимствованиями (Дажьбог, Стрибог, Хорс, Симаргл, Троян, Велес, Сварог, Дый). Автор считает, что христианская церковь после крещения Руси столкнулась с верованиями низшего порядка (анимизмом, фетишизмом, персонификацией), которым у христианского учения не было замены. Высокая (элитарная) культура Киевской Руси была ориентирована на греко-славянский православный мир, и следов двоеверия не содержит. Формируясь за счёт заимствования культурных образцов, она надстраивалась над языческой культурой восточных славян. В этом и проявлялось, по его мнению, так называемое двоеверие в Древней Руси.

Ключевые слова: язычество, двоеверие, политеизм, анимизм, фетишизм, элитарная культура, символика, декор.

Проблема двоеверия на Руси изучается многими поколениями исследователей. Об этом писали А.П. Шапов, Н.М. Гальковский, Е.В. Аничков, Г.А. Носова, В.В. Мильков, Н.И. Толстой, Б.А. Рыбаков, В.П. Даркевич, В.Я. Петрухин и многие другие. Ситуация, сложившаяся в историографии вопроса, неоднозначна. Одни авторы настаивают на преобладании языческого слоя в христианском мировоззрении, где под двоеверием, по сути, подразумевается обрамлённое христианским фасадом язычество (Б.А. Рыбаков). Другие, наоборот, утверждают, что в основе двоеверия находится христианство, считая языческий пласт пережитком (Н.М. Гальковский, Е.В. Аничков, В.П. Даркевич).

Источники

В качестве основных источников изучения двоеверия на Руси используются сочинения, направленные против проявлений язычества в жизни древнерусского общества. Привлекаются также данные летописей, фольклора, топонимии и археологии. Очень ценный и богатый материал содержит «Слово некоего христолюбца и ревнителя по правой вере». Здесь говорится: «... тако и сеи не мога терпети хрестьян **двоеверно живущих** (здесь и далее выделено мною. — А. П.), и веруют в Перуна, и в Хорса, и в Мокошь, и в Сима, и в Ръглу, и в Вилы, ихъ же числом 39 сестрениць. Глаголять невегласи

и мнать богинями и так покладывахуть имъ теребы, и куры имъ режутъ, и огневе молятся, зовущее его Сварожичемъ, и чесновиток богомъ же его творят. Егда же у кого будет пиръ, тогда же кладут въ ведра и въ чаши и пьютъ, о идолахъ своихъ веселящеяся [...] иже въ вере и во крещеньи тако творятъ не токмо невежи, но и вежи — попове и книжници [...] Того ради не подобает крестьяномъ игръ бесовскихъ играти, еже есть плясанье, гуденье, песни мирьския и жертвы идольския, еже молятся огневе под овиномъ, и Вилам, и Мокоше, и Симу, и Ръглу, и Перуну, и Роду и Рожанице [...] Не тако же зло творимъ просто, но смешаемъ некия чистыя молитвы со проклятымъ моленьемъ идольскимъ» [44, с. 123, 124, 125].

Значительная часть исследователей склонна доверять сведениям «Слова». На его основе делается вывод, что на Руси долгое время сохранялись не только обычаи язычников, но и вера в славянских богов, которым продолжали приносить жертвы и посвящать праздники. Причём среди христиан, «двоеверно» живущих, были не только «невежи», но и «вежи» — попы и книжники. На самом деле, такой вывод нельзя назвать достаточно обоснованным. Он не учитывает происхождение источника, его назначение, игнорирует обстоятельства создания произведения и его окружение. Не говоря уже о том, что достоверность сведений, которые содержатся в поучении, не устанавливается и не оценивается, а просто

берётся на веру.

«Слово некоего христолюбца» дошло до нас в списках конца XIV–XV веков и более позднего времени, хотя и считается одним из самых ранних «антиязыческих» произведений. Е.В. Аничков датирует его XI веком, выделяя две редакции (первая — 40–50-гг. XI в., вторая — 70-х гг. XI в.). В.И. Мансикка, также указывая на две редакции (краткую и пространную), предполагает, что «Слово» было написано не ранее XIV столетия. Одним из аргументов раннего датирования, на который обращает внимание Е.В. Аничков, является упоминание в сочинении языческих богов [2, с. 127]. Поздняя датировка опирается на состав текста и его источники [27, с. 141–142].

«Слово некоего христолюбца» представляет собой компиляцию цитат, взятых главным образом из Священного писания [2, с. 133]. Автор использовал также апокриф «Видения апостола Павла» и какое-то южнославянское сочинение (оттуда заимствован текст о вилах). Считается, что «Слово» составлено для наставления священнослужителей и направлено против пережитков язычества — пиров и связанных с ними игр и забав. Упоминания богов считаются вставками в первоначальный текст [34, с. 531, 27, с. 138].

Необходимо отметить, что «Слово» демонстрирует слабое знание восточнославянских богов. В первую очередь, обращает на себя внимание интерпретация загадочного существа Симаргла, упомянутого ещё в «Повести временных лет» под 980 годом. Его имя автору (редактору) было явно непонятно, и он разбил его на два — Сим и Рьгл. Кроме того, ошибочно были причислены в разряд высших славянских богов род и рожаницы [36, с. 367–369; 35, с. 322–323]. Вилы, как об этом уже было упомянуто выше, попали в состав почитаемых на Руси божеств благодаря южнославянскому источнику поучения [27, с. 139]. Автору были хорошо знакомы, как признают исследователи, лишь языческие пережитки — «бабы каши», фаллические обряды, игры, пляски, «гудения», свадебные ритуалы [27, с. 142; 34, с. 531, 535].

Если считать список богов вставкой, а само произведение относить к XI столетию, придётся признать, что спустя несколько десятилетий после крещения Руси, православную церковь совсем не волновали культы славянских богов, она обращала внимание только на обрядовые пережитки. И лишь через какое-то время проблема поклонения идолам вдруг заинтересовала переписчика и редактора. Непонятно, зачем редактору понадобилось вспоминать давно забытые тени славянских кумиров. Если же предположить, что список богов в произведении был изначально, то «Слово» необходимо датировать более поздним временем (не ранее XIV столетия, как предлагает В.И. Мансикка), когда память о славянских богах притупилась, а культы исчезли. В этом случае незнание автором восточнославянского языче-

ского пантеона становится объяснимо. Правда, и тогда не ясно, зачем о них надо было писать, как о реальных, будто бы почитаемых двоеверно живущими христианами.

Такую же картину — сомнительные списки богов и основное внимание к обрядовым пережиткам — мы наблюдаем и в других произведениях, направленных против двоеверия. Почти все они являются компиляциями или переводами с греческих поучений, содержащими вставки, сделанные славянскими переводчиками.

В «Хождении Богородицы по мукам» (греческий апокриф IV–V века, самый ранний древнерусский список XII в.) отмечается поклонение силам природы (солнцу, земле, воде), а также перечисляются славянские божества: «...того они все боги прозваша: солнце и месяц, землю и воду, и звери и гади, то святеи человеки, камни ту устроа, Трояна, Хърса, Велеса, Перуна, но быша обратиша бесомъ злымъ и вероваша...» [52, с. 168].

В так называемом «Слове святого Григория» об идолах (перевод греческого текста IV века с русскими вставками), которое дошло до нас в списках XV века, упоминаются славянские боги — Мокошь, Перун, Хорс, Див (Дий) и Переплут. Однако наиболее красочно и подробно, как и в «Слове Христолюбца», рассказывается о поклонении роду и рожаницам, берегиням, Огню-Сварожичу, навьям, «мужской срамоте» и описываются связанные с ними обряды и обычаи [34, с. 243, 244].

В Слове «о посте к невежам», который датируется обычно XIII веком, (единственный список XVI столетия) речь идёт только об обрядовых пережитках и суевериях: поклонении навьям, подаяниях предкам в Чистый четверг и тому подобном [34, с. 245, 246; 9, с. 15–16].

В «Слове Иоанна Златоуста о том, как первые поганные веровали в идолы и требы им клали», датируемом XIII веком, (самый ранний список XIV столетия) имеется два списка богов. В первом упоминаются Перун, Хорс, Мокошь, вилы, упыри, берегини, Сварожич и Артемид, а во втором — Стрибог, Дажьбог и Переплут (как всегда, без каких-либо подробностей и раскрытия их функций или описания образа). Основное внимание уделено, как и в предыдущих сочинениях, поклонению навьям и прочим обрядовым пережиткам [34, с. 247–249].

О языческих игрищах, на которые люди идут несмотря на погоду, говорится в Слове о «твари» и «неделе» (датируется XIII веком, списки XIII–XVI вв.) [34, с. 254; 9, с. 82]. В «Слове Исаяи пророка» (комментированное издание 65-й главы Книги пророка Исаяи, известное по списку XV века) речь идёт только о трапезах роду и рожаницам [34, с. 256]. В «Откровении св. апостолов» (апокрифическая компиляция XV–XVI веков) упоминаются Перун, Хорс, Дый и Троян. При этом Перун представляется

обожествлённым греческим (эллинским) старейшиной, Хорс — старейшиной из Кипра, а Троян — римским императором [9, с. 51–52]. В «Слове Кирилла о злых дусех» (конец XIV–XV вв.) осуждаются вера в приметы, гадания по птицам, ворожба, обращение к «бабам-чародейкам» и волхвам [9, с. 64–68]. «Слово св. отец како подобает христианам жити» (рубеж XV–XVI вв.) в качестве проявления язычества (поганства) содержит осуждение пьянства и блуда [9, с. 106].

Подобные сведения находим также в летописях, «Во-прошании» Кирика и Стоглаве. Автор «Повести временных лет», описывая религию и обряды восточных славян (в недатированной части), ничего о богах не пишет. Он отмечает только то, что славяне живут «звериным образом» — брака не знают, устраивают игрища между сёлами и умыкают невест у воды; имеют по две и три жены; покойников сжигают, складывая их прах в сосуд и устраивая затем тризну [39, стб. 13–14]. «Вопрошание» Кирика Новгородца, написанное в середине XII века (списки XIII–XVI вв.), упоминает трапезы роду и рожаницам [20, с. 302]. Стоглав (сборник решения собора 1551 г.) осуждает практику обращения к волхвам, веру в родословие («рекше в рожаницы»), игры с плясаниями и плесканиями, переодевания мужчин в женщин (и наоборот), блуд и другие языческие вольности [53, с. 387–393].

В Ипатьевской летописи под 1114 годом имеется вставка из греческой хроники Иоанна Малалы (VI в.) с указанием на функции двух славянских богов: «... и **Сварога** нарекоша Егуптяне царствующю. сему Феосте въ Егупте въ время царства его. спадоша клеще съ небесе нача ковати оружие преже бо того палицами и каменемъ бяхуся тъ же Феоста законъ оустави женамъ за единъ мужъ посагати и ходити говеючи, а иже прелюбы деючи казнити повелеваше сего ради прозваше богъ **Сварогъ**. преже бо сего жены блудяху <...> и по семъ царствова сынъ его именовъ **Солнце** его же наричють **Дажьбогъ** семъ тысящъ и семъдесять днѣи <...> начаша человци дань давати царемъ **Солнце царь сынъ Свароговъ**. еже есть **Дажьбогъ** бе бо мужъ силенъ ...» [40, стб. 278–279]. Нередко эти сведения понимаются как прямые свидетельства о славянском язычестве. Например, Б. А. Рыбаков, опираясь на них, утверждает, что у славян с именем Дажьбога «связывается начало счёта по солнечному календарю и начало царской власти». «Сам Дажьбог-Солнце, — пишет он, — один из первых царей и законодателей» [42, с. 442]. На самом деле, кроме имён богов здесь нет ничего, относящегося к язычеству славян. Сварог заменяет в тексте Гефеста, а Дажьбог — Гелиоса, представленных в хронике правителями Египта [18, с. 55–57]. Не ясно, на каком основании славянский книжник сопоставил их друг с другом, однако не вызывает сомнения, что всё описанное здесь относится не к славянским богам Сварогу и Дажьбогу, а к Гефесту и Гелиосу, поскольку летопись в данном случае полностью повто-

ряет авторский текст Малалы. В. Й. Мансикка полагает, что замена греческих имён на славянские произошла случайно и была вызвана греческим оригиналом [27, с. 93]. Строго говоря, данный источник ничего не даёт для выявления функций и связей славянских богов, кроме указания на то, что Дажьбог — это солнце. О Свароге на основании данного текста судить трудно. Малала далеко отошёл от древнегреческой мифологии — Гефест не был отцом Гелиоса, а оба они никакого отношения не имели к царской династии Египта. Гелиос, согласно мифам древних греков, был сыном титана Гипериона и Тейи, братом Селены и Эос [10, с. 116]. Кроме того, Малала, указывая на Гефеста, явно не имел намерения раскрывать происхождение славянского бога солнца. Сделал это, вольно или невольно, славянский переводчик. При этом не ясно, отошёл ли он от реальной мифологии славян, переводя имя Гефеста как Сварога, и если отошёл, то насколько. Дажьбог в представлении славян вполне мог быть сыном Сварога, который, однако, мог и не быть богом кузнецов. Возможно, и наоборот, Сварог был богом кузнецов, но не был отцом Дажьбога. По мнению В. Я. Петрухина, «... в источниках нет прямых оснований для того, чтобы считать Дажьбога Сварожичем» [35, с. 320]. В других древнерусских сочинениях сыном Сварога (Сварожичем) обычно называется огонь («Слово некоего христолюбца»).

Приведённый обзор основных письменных источников, вполне определённо позволяет говорить о наличии на Руси языческих обрядовых пережитков (трапез, игрищ и т.п.), о культе мёртвых (навьев) и тому подобном, но совсем не даёт возможности уверенно утверждать, что в это же время сохранялась вера в славянских языческих богов. Древнерусские авторы (писатели, переводчики, переписчики и редакторы), которые включают в свои произведения списки богов, никогда не раскрывают их функций (в отличие от описаний трапез и игрищ или сообщений католических авторов о богах балтийских славян), не рассказывают, как именно выглядели божества, какие обряды сопровождали их почитание. Состав древнерусского (восточнославянского) пантеона в этих списках всегда разный, что, скорее всего, говорит о том, что христианские книжники не сильно заботились о чистоте и правдивости своих слов об идолах. Иначе говоря, подбор богов в них всегда случайный. Не исключено, что упоминания языческих божеств и идольского служения были всего лишь данью традиции греческих поучений против двоеверия и к реальным проблемам ревнителей православия на Руси отношения не имели [51, с. 106, 108].

Многобожие восточных славян и древнерусское двоеверие

Состав славянских богов, которым поклоняются русские двоеверцы (и поклонялись язычники до крещения

Руси), при внимательном взгляде на списки действительно вызывает вопросы. Впервые их перечень мы обнаруживаем в «Повести временных лет» под 980 годом в рассказе о строительстве языческого святилища в Киеве: «И нача княжити Володимиръ въ Києве єдинъ и постави кумиръ на холму вне двора теремнаго. Перуна древяна а главу єго сребрену. а оузь златъ. и Хърса Дажьбога и Стрибога и Симарьгла и Мокошь [и] А жряху имъ наричюще æ б[ог]ъи. [и] А привожаху сыны свое и дъщери. и жряху бесомъ» [39, стб. 79].

Близкий текст имеется в Новгородской первой летописи младшего извода, которая, согласно шахматовской традиции, содержит остатки так называемого Начального свода, использованного автором «Повести временных лет» в качестве основного источника [41, с. 128]. Воспринимая текст «Повести», как свидетельство о языческой реформе Владимира, исследователи часто игнорируют выводы того же А.А. Шахматова о том, что перечень богов здесь появился не сразу. По мнению А.А. Шахматова, составитель Древнейшего свода (наиболее близкого самим событиям), рассказывая о строительстве капища, ограничился указанием: «и постави кумиръ на холме вне двора теремнаго» [55, с. 139]. Имена богов, считает он, были вставлены в конце XI века составителем Начального свода (перечень богов, как уже было отмечено, там действительно был, только вместо Симаргла читается Сеимарекл). Г. Ловмянский полагает, что это сделал чуть раньше редактор Древнейшего свода Никон [26]. Так или иначе, предположение В.И. Мансикка о том, что список составлен «из случайно подобранных имён», в этих условиях наиболее вероятно [27, с. 77].

Состав славянских богов в святилище Владимира действительно странный. Перун — это бог грозы (здесь и далее называю наиболее распространённые версии), Хорс — солнца, Дажьбог — опять солнца (или князей?), Стрибог — бог ветра, Симаргл считается крылатым чудовищем (сказочной птицей грифоном или собакой), Мокошь — чудесной пряхой [26, с. 97–100]. Усматривать в этом перечне какой-то особый смысл можно только фантазируя на тему языческой реформы, придавая богам функции и значения удобные исследователю. Вне этого контекста ясно, что список богов, скорее всего, вставлен летописцем для раскрытия понятия «кумиры» и внутренней логики не имеет.

Часть богов, приведённых автором «Повести временных лет», судя по всему, на Руси вообще не почиталась. На эту мысль наводит отсутствие следов поклонения им в фольклоре восточных славян и топонимии Восточной Европы. Из приведённого летописцем списка восточнославянский фольклор сохранил имена только Перуна и Мокошь. А.Н. Афанасьев описывает белорусское предание о Перуне, где он изображается вооружённым луком и стрелами [3, с. 247]. Известно проклятие, связан-

ное с его именем — «чтоб тебя Перун убил». Встречаются упоминания о его оружии — «Перунов камень», «Перунова стрела», «Перунова палица» и выражение «метать перуны». [33, с. 165; 3, с. 250, 251, 257]. С именем Мокошь связывается предание о чудесной пряже мокошэ с длинными руками и большой головой [15, с. 149–150, 153; 30, с. 169]. Известны выражения «а то Мокоша спрядёт», «Мокуша остригла овец», «Мокуша пряла», «мокош», «мокуш» — о нечистой силе [33, с. 167; 8, с. 134]. Знает их и восточнославянская топонимия (урочище «Перынь» под Новгородом, урочище «Мокошино болото» в Белоруссии, деревня «Мокшея» Новг. губ.) [6, с. 339, 554; 15, с. 157].

Дажьбог и Стрибог в фольклоре и топонимии восточных славян представлены слабо, а те данные, что есть, вызывают сомнения. В украинских народных песнях Дажьбог изображается покровителем свадеб. Имя Дажьбога в качестве антропонима зафиксировано в актовых документах XIV–XV веков. В.Л. Виноградова отмечает 103 таких случая [29, с. 169; 7, с. 149–150]. Известны выражения «Покучись Дажь-Богу [дажь богу], управит понемногу», «полно тосковать, Дажь-Бог [дажь бог], всё минет» [5, с. 367]. Основания, надо признать, довольно уязвимые, чтобы утверждать, что культ Дажьбога был распространён у восточных славян. Указания на наличие его имени в украинских песнях вряд ли можно считать надёжными. Они записаны довольно поздно (в начале XX века) и могут быть связаны с усвоением в народной среде книжного наследия (того же «Слова о полку Игореве») [47, с. 39–40]. Поговорки известны со слов только одного человека, а именно крестьянки Ирины Калиткиной, проживавшей в Череповецком уезде Новгородской губернии. Кроме того, как признаётся Е.В. Барсов, который ссылается в своём труде на слова крестьянки, смысл поговорки во всех случаях связан с выражением «дай бог» (только в древнерусской форме) и, следовательно, вряд ли имеет отношение к языческому богу солнца [5, с. 367]. Связь личных имён с языческим божеством тоже маловероятна. Скорее всего, имена восходят всё к тому же выражению «дай бог». Двусловные древнерусские имена, образованные от глагола (как первой основы) и существительного (в качестве второй) хорошо известны. Среди них, как довольно распространённые (Владимир, Владислав, Мстислав, Станислав), так и ставшие известными совсем недавно, благодаря находкам берестяных грамот — Борислав, Горислав, Держимир, Станимир, Стоиног, Сбислав, Творимир, Хотослав и другие [14, с. 204].

Следов почитания Стрибога совсем мало. Иногда упоминают на наличие топонимов, образованных от имени Стрибога под Новгородом (село Стрибожь Новг. губ., Стрибоже озеро) [49, с. 777; 5, с. 366]. Однако в специальных трудах, посвящённых исторической топонимии Новгородской земли, оба персонажа (Дажьбог и Стри-

бог) отсутствуют [1; 6]. Существование реки Стрибожьская Киевской губернии и села Стрибож в Житомирской области также не находят подтверждения [1, 6]. Село с похожим названием действительно есть на карте, но звучит оно несколько иначе — Стрибиж, что вызывает сомнения в происхождении названия от имени славянского бога.

Относительно Хорса и Симаргла в фольклоре и в топонимии царит полная тишина. Исследователи, описывая культ Хорса у восточных славян, заняты обычно выяснением того, как он попал на русскую почву, ссылаясь исключительно на письменные памятники, перечисленные мной выше, то есть на его присутствие во всевозможных списках богов. Примеры, которые приводит Е.В. Барсов, утверждая, что «имя его донныне живёт в бесчисленных названиях селений, озёр и урочищ», по всей видимости, настолько никого не убедили, что повторить их больше никто не решается [5, с. 362]. В слабой доказательной силе этих примеров легко убедиться. Е. В. Барсов к имени Хорса возводит следующие топонимы: Хоросино, Хорошки, Хорошково, Хорошее озеро, Хороша, Хорославинских [5, с. 362–363]. Большинство из них в основе имеет корень «хорош», т.е. восходят к слову «хорошо», а не «хорс». Имеет ли отношение само это слово к Хорсу, вопрос спорный [54, с. 353; 47, с. 37]. М. Фасмер, например, считает это невероятным [50, с. 267]. Но даже если имеет, этот факт к свидетельству о почитании Хорса восточными славянами отнести всё равно трудно, если вообще возможно, учитывая, что в древнерусской письменности слово «хорошо» начинает встречаться только с XIII века [54, с. 352]. Название деревни Хоросино, которая и сейчас существует в Московской области (во всяком случае она есть на карте), вероятно, восходит к гидрониму Хоросинка, и следовательно, уходит своими корнями к дославянскому населению этих мест. В.В. Иванов и В.Н. Топоров утверждают, что Хорс за пределами Руси был неизвестен [29, с. 579]. На самом деле, сведения о культе Хорса, наряду со свидетельствами почитания Перуна, Велеса, Сварога и Дажьбога есть у южных славян [38, с. 32–36]. Болгарские исследователи отмечают, что Хорс был знаком древним болгарам, указывая на целый ряд местных топонимов, образованных от имени этого бога (Хорсово, Хорсград, Хорсова могила и т.п.) [19, с. 119]. Антропонимы, посвящённые этому богу, известны у болгар и сербов [29, с. 579].

Симаргл однозначно трактуется исследователями как иноземное мифологическое существо (чаще всего, как священный крылатый пёс Сэнмурв или Симвург), не имеющее корней в восточнославянской религиозной традиции [42, с. 442]. Это заимствование (наряду с Хорсом), было якобы вызвано наличием иранского слоя в дружине киевского князя и связями раннего Киева с Хазарским каганатом (с последующей увязкой этих связей с военным корпусом из Хорезма) [47, с. 27, 29–34].

Однако все эти утверждения носят гипотетический характер. Они связаны со стремлением доказать хазарское происхождение Киева, причём, как совершенно верно заметил О.Н. Трубачёв по этому поводу, демонстративно игнорирующие очевидный славянский фон основного населения города и прозрачную славянскую этимологию названия столицы Руси [48, с. 212, 216, 217]. Несмотря на наличие в науке «объективных пределов комментаторства», с которыми, казалось бы, «надлежит считаться всем», всегда находятся исследователи, регулярно их игнорирующие по тем или иным соображениям [48, с. 216]. Положения, которые выдвигает О. Прицак об ирано-хазарском следе в вопросе возникновения Киева и поддерживает В.Н. Топоров (желая объяснить появление Хорса и Симаргла в пантеоне Владимира наличием в Киеве иранского элемента), противоречат летописному материалу и археологическим данным (что ещё более важно, учитывая отсутствие современных событию летописных записей) [22, с. 135–137]. Как справедливо заметил всё тот же О.Н. Трубачёв, указанные построения «в значительной своей части рискуют оказаться мифом» [48, с. 219].

Выходит, среди богов, включённых летописцем в «пантеон Владимира», восточными славянами на деле почитались только Перун и Мокошь. Последняя, скорее всего, как дух, а не бог — именно так она предстаёт в восточнославянском фольклоре. Мокошь — это одно из названий кикиморы, которая, согласно фольклорным данным, тоже может прясть пряжу, помогая по ночам девушкам. Хорс, Дажьбог, Стрибог и Симаргл оказались среди них исключительно по воле древнерусского книжника.

Самый ранний перечень славянских богов, если исходить из времени создания списка, а не из даты написания оригинала (часто предполагаемой), содержится в греческом апокрифе «Хождение Богородицы по мукам», переведённом на славянский язык (судя по набору богов, скорее всего, в Болгарии). Он датируется XII веком. Апокриф в числе славянских богов называет *Трояна, Хърса, Велеса и Перуна*. В пантеон Владимира из этого списка попали только два божества (Хорс и Перун). Во всех остальных сочинениях, имеющих перечни славянских богов, повторяется в различных сочетаниях список «Повести временных лет» с добавлением некоторых новых персонажей (Переплут, Дый) или исключением некоторых старых (Дажьбог, Стрибог, Перун). При этом наиболее близким к списку «Повести временных лет» является перечень, который находим в «Слове некоего христоролюбца» — здесь не хватает только Дажьбога и Стрибога, а Симаргл разбит на два персонажа. Можно предположить, что все «лишние» божества, включённые в пантеон Владимира — Дажьбог, Стрибог, Хорс, а, возможно, и Симаргл — попали на Русь через болгарское посредство и потом кочевали из одного древнерусского сочинения в

другое, изображая почитаемых двоеверцами богов.

Такая же судьба была у Трояна и Велеса. Троян хорошо представлен в южнославянской топонимии и фольклоре. Существует сербское предание, рассказывающее о короле Трояне. Здесь он описывается существом, которое боится солнечного света [4, с. 641–642]. На Балканах известна «дорога Трояна», «Трояновы валы», ойконимы, образованные от его имени (село Трояново, Троянград), антропоним Троян [56, с. 133; 19, с. 135]. Вероятнее всего, представления о «демоине ночи» Трояне у южных славян связаны с именем римского императора Траяна, превращённого народной фантазией в злого духа, т. е. речь идёт о случае точного попадания христианских книжников, писавших, что богами славян стали обожествлённые люди, среди которых как раз упоминается император Траян (Откровение св. апостолов).

Велеса знают южнославянские и западнославянские источники. В чешских преданиях велесом называют злого духа (существует чешское ругательство, отсылающее «за море к велесу»), Известны топонимы «Велес» (города в Македонии и Сербии), Велесница (на Дунае), Велестово (Черногория), Велес (гора в Боснии), [38, с. 33; 16, с. 46, 66; 3, с. 693]. Исследователи, как правило, сопоставляют славянского Велеса с балтийским Велсом — богом преисподней, наделяя его схожими функциями [21, с. 202; 33, с. 169].

В восточнославянских источниках имя Велеса сильно уступает по распространённости Волосу, который часто отождествляется с ним. Впервые «Велес» замечен в славянском переводе апокрифа «Хождение Богородицы по мукам». Он упомянут в «Слове о полку Игореве» (выражение «Велесов внук»). В «Летописце Еллинском и Римском» (хронографический свод XV в.) именем «Велес» переводится Бела, сын Посейдона (он же Баал (Ваал) ассиро-вавилонской мифологии — бог неба и солнца, плодородия и войны), представленный здесь как царь Ассирии [24, с. 10, 11, 13; 25, с. 9, 134, 137, 203, 205]. В «Житии Авраамия Ростовского» (списки XV–XVII вв.) упомянут идол Велеса, который якобы стоял в Чудском конце Ростова и был разрушен Авраамием [11, с. 80]. В третьей редакции распространённого вида жития Владимира (XVI в.) Велес заменяет Волоса. Его идол Владимир якобы сбросил в Почайну [28, с. 458].

Топонимия, связанная с именем Велеса, сосредоточена в основном на севере восточнославянского мира и представлена названием деревень «Велеша» (Вележа) в низовьях Волхова (Волховский район Ленинград. обл.) и возле пос. Батецкий Новгородской области, «Велещи» (Западнодвинский р-н Тверской обл.) [6, с. 337, 338], «Велесово» (Владимирская губ.) [21, с. 246], «Велесово ребро» (Романовский уезд Ярослав. губ. — ссылка на устное сообщение местного археолога В.И. Лествицына)

[17, с. 72; 5, с. 353]. По мнению С.Л. Николаева, все они не бесспорны [31, с. 535].

Иногда называют диалектное слово «велес» в значении «указчик», «повелитель», ссылаясь на Е.В. Барсова [21, с. 246; 17, с. 51]. Однако, как и в случае с Хорсом и Дажьбогом, Е. В. Барсов здесь слукавил. На самом деле «велес» — это слово «велец», образованное от глагола «велеть» и к Велесу не имеет никакого отношения [см.: 5, с. 354. Прим. 1]. Что касается топонимии с именем Велеса (если допускать, что она всё же восходит к имени языческого персонажа), то она, вероятно, связана с балтийскими славянами, переселившимися в Новгородскую землю (сведений на этот счёт масса) [37, с. 176–177].

Следовательно, проникновение Велеса в русскую культуру обязано либо книжным заимствованиям (скорее всего, путём распространения на Руси болгарских переводов), либо преданиям переселенцев из южного берега Балтийского моря.

Что касается Волоса, то он часто называется в древнерусских сочинениях различного характера, топонимии и фольклоре. Волос встречается в «Повести временных лет» в статье 907 года, рассказывающей о походе Олега на Царьград. Здесь Олег клянётся Волосом, наряду с Перуном, соблюдать договор о мире с Византией. Затем имя Волос повторяется в статье 971 года при описании заключения договора Святослава с Иоанном Цимисхи-ем. В «Сказании о построении града Ярославля» говорится о том, что на месте города раньше было святилище, в котором стоял идол Волоса — скотьего бога [13, с. 139]. Известно выражение «Волосу на бородку» (русские крестьяне так называли пучок несжатых колосьев, завязанных узлом, который оставляли для будущего урожая). Среди восточных славян распространено личное имя Волос. Топонимы — Волосов монастырь (Владимирской губ.), Волосова улица в Новгороде, 26 сёл под названием «Волосово» (по подсчётам В.С. Миллера), Волосовичи (Минск. губ.) [21, с. 142, 143]. Топонимия, образованная от имени «Волос», признаётся исследователями самой распространённой [23, с. 41; 42, с. 209].

Вместе с тем, есть основания полагать, что Волос не только не сопоставим с Велесом, но и вообще не имеет отношения к славянским богам. Л.С. Клейн отмечает, что восточнославянский Волос, по всей видимости, произошёл от южнославянского Власа (с точки зрения лингвистики такая трансформация безупречна), который, в свою очередь, восходит к св. Власию — покровителю скота в Византийской империи [21, с. 64, 147]. В этом случае вся восточнославянская топонимия, связанная с Волосом, лишается языческого налёта, поскольку происходит не от славянского бога скота, а от имени христианского святого, покровительствующего скоту.

Итак, данные фольклора и топонимии не подтверждают распространение культов большинства перечисляемых в древнерусской литературе богов. Но это не всё, что заставляет сомневаться в их реальном почитании. Археологические раскопки не дают бесспорных доказательств существования святилищ у восточных славян до принятия христианства. По словам Л.С. Клейна, в слоях VI–VII веков открыты только небольшие жертвенные ямы и площадки. Культовые сооружения VIII–IX веков и более позднего времени у восточных славян достоверно неизвестны (они открыты только у западных славян). Знаменитые капища, о которых сообщают письменные источники (Перынь под Новгородом, киевское святилище Владимира), археологически не подтверждены, а их предполагаемые остатки носят спорный характер [21, с. 156–157, 162, 164, 170, 180]. Это вполне укладывается в общую картину фантомности восточнославянского многобожия, поскольку сложившийся культ какого-либо языческого божества предполагает и место его поклонения, и особый ритуал, и канон изображения.

Всё это вместе позволяет усомниться в существовании развитого (и развивающегося после официального крещения) политеизма у восточных славян. Совокупные сведения восточнославянского фольклора и топонимии более или менее обосновано позволяют говорить только о Перуне — боге грозы и неба. Остальные «божества» оказываются либо христианскими святыми (Волос), либо книжными заимствованиями (Дажьбог, Стрибог, Хорс, Симаргл, Троян, Велес, Сварог, Дый), либо духами низшего порядка, зачем-то возведёнными христианскими книжниками в разряд богов (мокошь, род и рожаницы) или персонификациями (Ярило, Купало, Кострома).

Видимо, религия восточных славян выглядела иначе, чем мы привыкли представлять. Данные фольклора и упомянутых в обзоре сочинений (об этом выше уже говорилось), позволяют утверждать наличие у восточных славян только первобытного язычества, связанного с такими явлениями как анимизм, фетишизм и персонификация. Существование этого пласта древних религиозных представлений не только в древнерусское время, но и вплоть до XX столетия широко известно, подкреплено солидной источниковой базой и никем из исследователей не оспаривается.

Следовательно, христианская церковь после крещения Руси столкнулась исключительно с верованиями низшего порядка, которым у христианского учения не было замены. О неразвитости, «бедности и примитивности» восточнославянского язычества писали ещё С. М. Соловьёв, С.Ф. Платонов, Н.Н. Рожков и некоторые другие исследователи. «... Русское язычество, — отмечает С.М. Соловьёв, — было так бедно, так бесцветно, что не могло с успехом вести спора ни с одной из религий, имевших место в юго-восточных областях тогдашней Ев-

ропы, тем более с христианством...» [45, с. 169].

Проблема двоеверия в древнерусской элитарной культуре

Культура высших слоёв древнерусского общества была ориентирована на греко-славянский православный мир. Это общеизвестно. Она складывалась на основе великоморавских и болгарских традиций, испытывая сильное влияние Византии, а в некоторых аспектах — кочевого Востока и феодального Запада [37, с. 206–208].

Древнерусская литература является полностью христианской. Она совершенно лишена какого-либо налёта языческого мировоззрения. Исключением является «Слово о полку Игореве». В «Слове», несмотря на явную принадлежность автора к христианской книжной традиции, его герои действуют в своеобразном полуязыческом мире. Днём Солнце им заступает путь, ночью — волки воют по оврагам, орлы, предчувствуя поживу, собираются на пир, лисицы лают на красные щиты русских воинов. Перед решающей схваткой небо окрашивается кровью, чёрные тучи с моря идут, ветры осыпают полки Игоря стрелами. Земля стонет, реки мутно текут, пыль поля прикрывает. После поражения русичей Карна и Жля с криками мечутся по Русской земле, тьма свет закрывает. В Путивле плачет Ярославна — упрекает Ветер за стрелы, осыпавшие воинов её мужа, просит Днепр Славутич укрыть Игоря, укоряет Солнце за лучи, затворившие колчаны его воинам. Как ответ на плач Ярославны — опускается туман, шумит трава, дрожит земля, половецкие вежи колышутся. Игорь, превращаясь в различных зверей и птиц, бежит из плена, затем разговаривает с рекой Донцом и благодарит его за помощь.

В описанной здесь картине трудно различить, где действует Бог, а где — Дьявол. Солнце (казалось бы, олицетворение добра) преграждает русским воинам путь, томит их жаждой. Злые Ветры осыпают русичей стрелами. Это очень похоже на языческое восприятие мира, где нет границ между тем и этим светом, где всё взаимодействует друг с другом — ветер и солнце, люди и духи. Для христианской системы ценностей невероятно, чтобы человек укорял Бога за ниспосланные ему испытания, как это делает Ярославна в отношении Солнца, или называл дьявола господином, как Ярославна — злой Ветер. Однако неясно, является ли описанная в «Слове» картина проявлением мировоззрения автора, или это всего лишь литературный приём, основанный на фольклорных и библейских мотивах, проникновение которых в «Слово» не подлежит сомнению.

Вместе с тем следы «языческого мировоззрения», которые обнаруживаются в «Слове о полку Игореве», за рамки данных, получаемых из поучений против двоеверия, не выходят. Даже здесь вера в славянских язы-

ческих богов не прослеживается. Действительно, боги в «Слове» не осуждаются и не представляются бесами, в отличие от всей остальной древнерусской литературы. Однако имена их упомянуты только в связи с эпитетами, которые создавал автор, украшая свой текст. Велес здесь представлен, как «предок» Бояна (в выражении «Боян — Велесов внук»); Стрибог — как дед ветров («ветры — Стрибожьи внуки»); Дажьбог — как дед русских князей (конкретного русского князя или русичей в целом, не ясно); Хорс — в связи с тем, что ему полоцкий князь Всеслав «перерыскивал» путь; Троян — как персонаж, давший имя земле (непонятно, какой именно) и векам. Возможно, автор «Слова» что-то и знал конкретное, что позволило ему связать Бояна с Велесом, ветры со Стрибогом, а Дажьбога с князьями. Но, может быть, и не знал. Представленные им образы слишком туманны, чтобы можно было об этом говорить более определённо. Не исключено, что автор «Слова» употреблял имена славянских языческих богов произвольно, не заботясь об их реальной сущности, не зная её и не пытаясь узнать, как это делали его собратья по перу.

Следов язычества в архитектуре, живописи и прикладном искусстве также не прослеживается. Если, конечно, не заниматься спекуляциями. Примером подобного подхода являются труды Б.А. Рыбакова, одно время очень популярные. Между тем система доказательств, позволяющая утверждать, что славянское язычество активно проникало в высокое искусство и перемешивалось с христианством, очень слабая.

Одним из доказательств Б.А. Рыбакову служит стилистическое сходство грифонов на знаменитых турьих рогах из Чёрной Могилы, созданных до крещения Руси, и грифонов, помещённых на двери Рождественского собора в Суздале (1230-е годы). Грифонов церковных дверей Б.А. Рыбаков считает «даже более языческими, чем грифоны-дивы священного рога эпохи Святослава», поскольку их сопровождают два крылатых пса (Симаргла в интерпретации Рыбакова) [42, с. 559]. Указывая на грифонов из оковки турьего рога, Рыбаков провозглашает любое их изображение «олицетворением язычества», и соответственным образом трактует сюжеты, где они встречаются [42, с. 572]. Прекрасным примером христианско-языческого двоеверия он считает амулеты-змевики. В некоторых случаях исследователь склонен поступать подобно древнерусским книжникам, подбирая античным образам славянские соответствия (придуманые, кстати, им самим). Вот один из примеров. Античные сирины, отмечает Б. А. Рыбаков, связаны с богиней плодородия Деметрой. Славянским соответствием ей является Макошь (Рыбаков предпочитает по известным причинам чтение этого имени через «а», а не через «о») [42, с. 581]. Даже в образе популярного персонажа христианской псевдоисторической литературы Александра Македонского Рыбаков видит «некое языческое божество

неба или солнца» [42, с. 569]. Всё это фантазии исследователя, подкреплённые логическими суждениями, основанными на ложных изначальных посылах.

Факты же говорят о другом. Буквально весь декоративно-символический ряд высокого древнерусского искусства полностью отсутствовал у восточных славян в языческую эпоху. И грифоны, и сирины, а равно как и львы, барсы, кентавры, танцующие и пирующие люди, птицы, крины, геометрические узоры и плетёнка пришли на Русь с византийской модой в составе книжного и архитектурного декора, вместе с вещами (браслетами-наручами, колтами, венцами-диадемами и т. п.), сюжетами и символикой [43, с. 184, 262; 12, с. 197–201, 204–205]. Это в полной мере касается и змеевиков [12, с. 177; 34, с. 32]. Грифоны же с оковки знаменитых турьих рогов из Чёрной Могилы вписаны в декоративно-символическую систему, которая повторяет орнаментальные мотивы и технику изготовления украшений из Великой Моравии, совмещающая в себе восточные и византийские сюжеты [37, с. 183]. Иначе говоря, к местной, восточнославянской языческой традиции грифоны с оковки турьего рога отношения не имеют. Воспринимаемые Рыбаковым как языческие, все эти символы, будучи органично вписаны в единую систему книжного, ювелирного и архитектурного декора, носили христианский смысл. А значит к двоеверию они не имеют никакого отношения. Грифон церкви Покрова на Нерли, например, символизировал Иисуса Христа, а лань, которую он держит — христианскую душу [12, с. 198]. В Византии грифоны, помимо всего прочего, были эмблемой кесарского чина [43, с. 261]. Проникая на Русь в качестве образца высокого искусства, византийский образный и символический ряд (сам по себе синкретический по происхождению) не мог восприниматься иначе, как христианский.

Вывод

Формируясь за счёт заимствования христианских культурных образцов, древнерусская элитарная культура надстраивалась над языческой народной культурой восточных славян, не замещая и не отрицая, а лишь приращивая её. Представители всех слоёв древнерусского общества, став христианами, в быту продолжали руководствоваться ценностями и правилами, выработанными на основе первобытных языческих культов. Это хорошо заметно в рассмотренных выше древнерусских сочинениях, направленных на борьбу с языческими традициями (упоминания игрищ, трапез, фаллических обрядов, «гудений» и умыканий в различной социальной среде), в актовых документах и в восточнославянском этнографическом материале. Занимая в сознании древнерусского общества свою нишу, языческое мировоззрение на какую-либо роль в элитарной культуре не претендовало.

Таким образом, под древнерусским двоеверием

следует понимать соединение христианского учения с восточнославянскими языческими культурами низшего порядка (анимизмом, фетишизмом, персонификацией), связанными с ними обычаями и стереотипами поведения, праздниками и бытовыми традициями. При этом, высокая (элитарная) культура Киевской Руси была лишена следов двоеверия. В условиях борьбы христианства

с язычеством допустить проникновение языческих элементов в искусство и элитарную культуру в целом Церковь не могла. И литература, и живопись, и зодчество в то время были на острие атаки, направленной против язычества, как главного идеологического врага. В этих условиях языческие мотивы проникнуть просто не могли ни в литературные произведения, ни в архитектуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Административно-территориальное деление Новгородской губернии и области 1727–1995 гг.: справочник / сост.: О.В. Снытко (отв. сост.), Т.А. Данько, А.В. Кузнецов и др. СПб., 2009. 352 с.
2. Аничков, Е.В. Язычество и Древняя Русь / Е.В. Аничков; послесловие В.Я. Петрухина. М.: «Индрик», 2003. 440 с.
3. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу / А.Н. Афанасьев. М.: изд. К. Солдатенкова, 1865. Т. 1. 800 с.
4. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу / А.Н. Афанасьев. М.: изд. К. Солдатенкова, 1868. Т. 2. 784 с.
5. Барсов, Е.В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси / Е.В. Барсов. М.: В университет. тип. (М. Катков), 1887. Т. 1. 478 с.
6. Васильев, В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли / В.Л. Васильев. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 816 с.
7. Виноградова, В.Л. О некоторых словах и выражениях в «Слове о полку Игореве» / В.Л. Виноградова // «Слово о полку Игореве» и его время / отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1985. С. 126–153.
8. Волошина, Т.А. Языческая мифология славян / Т.А. Волошина, С.Н. Астапов. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996. 448 с.
9. Гальковский, Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. 2. Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе / Н.М. Гальковский. М.: Печатня А. Снегирёвой, 1913. 308 с.
10. Грейвс, Р. Мифы Древней Греции / Роберт Грейвс; пер. с англ.; под ред. и с послесл. А.А. Тахо-Годи. М.: Прогресс, 1992. 624 с.
11. Державина, Е.И. Житие Авраамия Ростовского / Е.И. Державина, А.Б. Дубовицкий // Русская речь. 2014. № 2. С. 75–84.
12. Древняя Русь. Быт и культура / отв. ред. тома Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1997. 368 с.
13. Дубов, И.В. Города, величеством сияющие / И.В. Дубов. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. 182 с.
14. Зализняк, А.А. Древненовгородский диалект / А.А. Зализняк. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
15. Зубов, Н.И. О теониме Мокошь / Н.И. Зубов // Этимологические исследования. 1981. Вып. 2. С. 149–160.
16. Иванов, В.В. Исследования в области славянских древностей: лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. М.: Наука, 1974. 342 с.
17. Иванов, В.В. К проблеме достоверности поздних вторичных источников в связи с исследованиями в области мифологии (данные о Велесе в традициях северной Руси и вопросы критики письменных текстов) / Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров // Учёные записки Тартуского государственного университета. Вып. 308. Труды по знаковым системам. Т. VI. Сб. науч. ст. в честь М. М. Бахтина. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1973. С. 46–82.
18. Иоанн Малала. Хронография. Книги I–VI / отв. ред. Н. Н. Болгов. Белгород: НИУ «БелГУ», 2016. 156 с.
19. Калоянов, А. Стрoбългaрскoтo езичествo / А. Калоянов. Варна, 2000.
20. Кирик Новгородец и древнерусская культура. В 2-х ч. Часть II / отв. ред. В. В. Мильков. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2012. 358 с.
21. Клейн, Л.С. Воскрешение Перуна: к реконструкции восточнославянского язычества / Л.С. Клейн. СПб.: Евразия, 2004. 480 с.
22. Комар, А.В. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева / А.В. Комар // Ruthenica: Альманах історії та археології Східної Європи. 2005. № 4. С. 115–137.
23. Летова, И.А. О следах языческих представлений в русской топонимии (к постановке вопроса) / И. А. Летова // Вопросы ономастики. Свердловск: УрГУ, 1982. Вып. 15. С. 32–44.
24. Летописец Еллинский и Римский: в 2 т. Т. 1. Текст. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. 513 с.
25. Летописец Еллинский и Римский: в 2 т. Т. 2. Комментарии и исследование О.В. Творогова. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2001. 270 с.
26. Ловмянский, Г. Религия славян и её упадок (VI–XII вв.) / Генрик Ловмянский; перевод с польского М.В. Ковальковой. СПб.: Академический проект, 2003. 512 с.
27. Мансикка, В.Й. Религия восточных славян / В.Й. Мансикка; подготовка текста, вст. ст., комм. А.И. Алиев, В.Я. Петрухин, С.М. Толстая. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2005. 368 с.
28. Милютенко, Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники / Н.И. Милютенко. СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2008. 576 с.
29. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: «Советская энциклопедия», 1990. 672 с.
30. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: «Советская энциклопедия», 1988. 719 с.
31. Николаев, С.Л. «Слово о полку Игореве»: реконструкция стихотворного текста / С.Л. Николаев. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 640 с.
32. Николаева, Т.В. Древнерусские амулеты-змеевики / Т.В. Николаева, А.В. Чернецов. М.: Наука, 1991. 124 с.

33. Очерки истории культуры славян / ред. В.К. Волков, В.Я. Петрухин, А.И. Рогов и др. М.: «Индрик», 1996. 463 с.
34. Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3 т. Т. 1. Домонгольский период / сост., авт. вст. ст. и коммент. И.Н. Данилевский. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 688 с.
35. Петрухин, В.Я. «Боги и бесы» русского Средневековья: род, рожаницы и проблема древнерусского двоеверия / В.Я. Петрухин // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М.: «Индрик», 2000. С. 314–343.
36. Поляков, А.Н. История цивилизации в Древней Руси / А.Н. Поляков. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2012. 544 с.
37. Поляков, А.Н. Образование Киевской Руси / А.Н. Поляков. Оренбург: ОГУ, 2020. 254 с.
38. Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси / отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Наука, 1988. 272 с.
39. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
40. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
41. ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
42. Рыбаков, Б.А. Язычество древней Руси / Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1988. 783 с.
43. Рябцева, С.С. Древнерусский ювелирный убор: основные тенденции формирования / С.С. Рябцева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ин-та истории РАН «Нестор-История», 2005. 384 с.
44. Слово некоего христолюбца, ревнителя по правой вере // Красноречие Древней Руси (XI–XVII вв.) / сост., вступ. ст., комм. Т.В. Черторицкой. М.: Советская Россия, 1987. С. 123–127.
45. Соловьёв, С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 1. История России с древнейших времён. Т. 1–2 / отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М.: Мысль, 1988. 797 с.
46. Токарев, С.А. Ранние формы религии / С.А. Токарев. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
47. Топоров, В.Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре / В.Н. Топоров // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы / отв. ред. И.И. Толстой. М.: Наука, 1989. С. 23–60.
48. Трубочёв, О.Н. К истокам Руси. Народ и язык / О.Н. Трубочёв. М.: Алгоритм, 2013. 304 с.
49. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Макс Фасмер. М.: Прогресс, Т. 3. 832 с.;
50. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Макс Фасмер. М.: Прогресс, Т. 4. 864 с.
51. Хамайко, Н.В. Древнерусское «двоеверие»: происхождение, содержание и адекватность термина / Н.В. Хамайко // Ruthenica. Київ, 2007. Т. 6. С. 86–114.
52. Хождение Богородицы по мукам // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.: Художественная литература, 1980. С. 167–183.
53. Царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинах (Стоглав) / предисл. Н. Субботин. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1890. 424 с.
54. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П.Я. Черных. М.: «Русский язык», 1999. Т. 2. 560 с.
55. Шахматов, А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. 686 с.
56. Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб. Изд-во «Дмитрий Булавин», 1995. Т. 5. 399 с.

© Поляков Александр Николаевич (polyakov150@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДВОРЯНСКОГО РОДА МОРДВИНОВЫХ В РАЗВИТИИ КРАЕВЕДЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Смоляно Игорь Алексеевич

Преподаватель, ФГБОУ ВО Национальный
исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
Kasparov_2011@mail.ru

THE ROLE OF REPRESENTATIVES OF THE NOBLE FAMILY OF THE MORDVINOVS IN THE DEVELOPMENT OF LOCAL HISTORY IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

I. Smolyanko

Summary: The nobility, being the highest ruling class of the Russian state, were its most cultured and educated layer. The main aspects of the local history activity of A.A. Mordvinov, a Siberian writer and local historian, are analyzed. The activity of Alexander Mordvinov brought enormous results for the development of local history throughout the Russian Empire. His articles were published in some of the main magazines of the country, which allowed ordinary citizens to learn about new, previously unexplored horizons in the studied area. He was able to bring novelty in his research, which received wide publicity throughout the country. Retrospective analysis was used as a theoretical and methodological basis for the study, which allows us to study the problem of the participation of the nobility in the development of regional culture.

Keywords: Mordvinovs, noble family, local history, ethnography, educational activities, Alexander Nevsky Temperance Society, sober literature, sobriety.

Для изучения культуры российских сословий необходимо использовать междисциплинарный подход исследования, который ориентируется на принцип дополнительности, предполагающий обращение к целому ряду подходов, представленных различными областями социокультурного знания. Поэтому на первое место необходимо поставить интеграционный метод, основанный на взаимодействии таких наук, как история, этнография, культурология. Основой исследования также стали современные методы: биографический, позволяющий связать судьбу отдельного человека с общественными трансформациями, локальной и новой социальной истории. Источниковую базу исследования составили материалы различного характера, прежде всего, это произведения А.А. Мордвинова, которые издавались в журнале «Отечественные записки», в «Вестнике Русского Императорского географического общества» и др.

Мордвинов Александр Александрович – писатель,

Аннотация: Дворяне, являясь высшим правящим сословием российского государства, были наиболее его культурным и образованным слоем. Проанализированы основные аспекты краеведческой деятельности А.А. Мордвинова, сибирского литератора и краеведа. Деятельность Александра Мордвинова принесла огромные плоды для развития краеведения во всей Российской Империи. Его статьи печатались в одних из главных журналов страны, что позволяло узнать обычным гражданам о новых, ранее неизведанных горизонтах в изучаемой области. Он смог принести новизну в своих исследованиях, которые получили широкую огласку по всей стране. В качестве теоретико-методологической основы исследования использован ретроспективный анализ, который позволяет изучить проблему участия дворянского сословия в развитии региональной культуры.

Ключевые слова: Мордвиновы, дворянский род, краеведение, этнография, просветительская деятельность, Александровское общество трезвости, трезвенная литература, трезвость.

литератор, который окончив Иркутскую гимназию, стал преподавать в Нерчинском уездном училище географию и историю, а также успешно занимался историей края, этнографией бурят и тунгусов, и литературным творчеством.

Вместе с В.П. Паршиным, М.А. Зензиновым, И.А. Юренским, И.Е. Благовещенским он являлся активным участником литературных кружков, в котором участники изучали историю родных краев, занимались в местном архиве, записывали легенды древних людей, стариков, образцы бурятского устного творчества собирали различные естественнонаучные коллекции, и как раз с этой целью организовывались длительные и дальние экспедиции, которые даже можно назвать экспедициями.

Эти занятия дали огромные результаты, а именно организовывались «литературные эксперименты» на этнографические и бытовые темы местного характера, а также статьи и заметки о природе и истории региона.

Однако, данные биографические сведения о деятелях культуры, несмотря на тщательные и длительные поиски и эксперименты, получались фрагментарными, отрывочными и неполными, особенно если говорить про первую половину XIX века.

А.А. Мордвинов совершил путешествие по Туруханскому краю, Прибайкалью и Даурии и на основе сбора данных в этих экспедициях составлял этнографические сведения, которые вошли впоследствии в такие журналы, как «Русский вестник», «Отечественные записки», «Москвитянин», «Современник» и так далее.

В 1930-40-е годы в культуре жителей Нерчинска было заметно косвенное воздействие, а иногда и прямое влияние, декабристов, сосланных в Забайкалье. Местные молодые жители внимательно прислушивались к их мнению. А.А. Мордвинов переписывался с декабристами, отправлял им книги. Ему принадлежало большое собрание художественной литературы, приравнивавшееся в тот период к библиотеке Юренских. Точнее, библиотека Мордвинова мало уступала известной декабристам библиотеке Юренских. Отмечая переписку с декабристами, следует обратить внимание на общение Мордвинова с В.К. Кюхельбекером, который с 1841 г. жил в Акше и проявлял большой интерес к журналам, в которых издавался Мордвинов.

В.К. Кюхельбекер проявлял интерес к новым книгам и журналам. Между А.А. Мордвиновым и В.К. Кюхельбекером возникли дружеские отношения. В.К. Кюхельбекер посвятил Мордвинову послание «Прощай, приятель! Не забудь...», которое подтверждает его дружбу с декабристами [1, с. 479]. Послание было написано после переезда Кюхельбекера в Акшу в 1840 г, что позволяет датировать это стихотворение 1840 – 1841 гг. Мордвинов также общался с Д.И. Завалишиным, декабристом, публицистом. И в одном из писем Завалишин советовал людям не идти на поводу у разгульной и бурной жизни, которая была типична и привычна для жителей Сибири и Нерчинска в том числе. Совместно с В.П. Паршиным и М.А. Зензиновым первым в Забайкалье начал выпускать рукописные сатирические листки. В 1841 году Мордвинов пишет небольшой очерк «Горбика» [7, с. 10], а в 1942 г. создает крупные очерковые произведения – «Очерк Заяблонья» и повесть «Одай» [8, с. 20]. В своих произведениях он использует важные этнографические детали, которые были характерны для проявления культурных традиций эвенков, относящихся к различным группам:

1. Привязка деятельности коллектива, команды к конкретному важному событию, в котором необходимо использовать разную праздничную одежду и соблюдать определенную последовательность в своих действиях в процессе гуляний, празднования свадеб.

2. Обрядовый и традиционный характер, присущий командному действию, что также подтверждалось особенностям одежды – коллективный танец-запев эвенкийки сопровождался использованием пояса с колокольчиками, наряду с праздничной одеждой.
3. Использование специальных символов – шеста в центре круга, символизирующий движение вверх, и движение по солнцу, характерное для проявления причастности к культуре солнца.
4. Особенный хват рук во время танца, который демонстрировал желание максимально объединиться.
5. Использование импровизации в запеве.
6. Смена ритма-движения в рамках коллективного запева-действия.
7. Значимая длительность действия, которая характеризовалась несколькими часами исполнения песен без перерыва.

А. А. Мордвинов дает описание определенному и конкретному типу движений во время танцевальной деятельности – это перекрестные шаги перекрестным шагом ступней правой ноги за ступней левой, или же прыжковой характер движения, где нужно отталкиваться правой ногой, а приземляться на левую и затем приставить ногу вместе.

В работах А.А. Мордвинова можно определить наиболее древний тип запева Ёгорье, о чем свидетельствует типологическая структура запевов.

А.А. Мордвинов описывает также в своих произведениях исходный вариант коллективного запева Ёгорье, включающий композиционные стадии: призыв, предложение к исполнению запева, повод исполнения, импровизация, сатира в отношении не участвующих лиц в запеве, трансляция эстафеты другому запевале [12, с. 25].

В 1851 году 6 июня император с одобрением принял «Проект Положения о Сибирском отделе Русского географического общества», а после 9 июля Правительствующим сенатом был издан указ о создании Сибирского отделения Русского географического общества. В 1851 году, 17 (29) ноября десять участников Русского географического общества: К.К. фон Венцель, М.С. Корсаков, Н.Г. Меглицкий, И.С. Сельский, К.П. Бобановский, Ю.Н. Штубендорф, Д.В. Молчанов, Б.В. Струве, священник П. Громов и В.Н. Баснин, проживавшие в Иркутске, образовали Сибирское отделение Русского географического общества. Создание отдела стало возможным по инициативе заместителя председателя Русского географического общества М.Н. Муравьева, которую также поддержал его брат, генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев. Отдел получил периодическую поддержку и полную независимость в науке. Первым

председателем Сибирского отделения был избран генерал-майор К.К. Венцель, первым секретарем - доктор медицинских наук Ю.Н. Штубендорф, а нынешние члены Русского географического общества стали основателями Русского географического общества. Отделу была выделена ежегодная государственная субсидия в размере 2000 рублей серебром [15, с. 12].

Период времени с середины 50-х по 90-е годы 19 века считается наиболее важным и продуктивным этапом в развитии научной деятельности, так как был собран фундамент и основа научно-культурной интеллигенции, созданы разветвленные и огромные сети научных организаций и институтов. Этот временной промежуток также дал толчок к созданию и открытию первых в регионе высших учебных заведений, институтов, что входили в состав Академии наук.

Члены Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества активно взялись за исследование архивов Главного управления Восточной Сибири. В работе с местными архивными материалами участвовали А.А. Мордвинов, А.С. Полонский, А.П. Щеглов, В.И. Вагин [5, с. 61].

Отдел увидел статью от А.А. Мордвина под названием «Описание Заяблонья, или Нерченского округа» в разделе «физическая география» [14, с. 35]. Данное научное исследование было одним из первых в своей области, что охватывало всю географию региона, в котором проживали жители Бурятии.

Восточно-Сибирское отделение активно и целеустремленно занималось разработкой маршрутов перевозки различных грузов, расширяя свою научную деятельность разнообразными картами, зарисовками, чертежами. Так, к примеру, А.А. Мордвинов в 1856 году представил мелкомасштабную карту кругобайкальских дорог в приложении к статье «Об открытии маршрутов вокруг озера Байкал» [2, с. 3].

Позже, в середине XIX века, к изучению и систематизации находок приступил действительный член Отдела А.А. Мордвинов. Он специально отправился в Тунку, чтобы лично осмотреть руины, и подготовил детальное описание своей находки в статье «О древних развалинах, найденных около крепости Тунка в 1809 г.» [6, с. 13]. Это описание позволило позже Черскому сформулировать заключение о том, что найденные возвышенности – это

не искусственные сооружения, а естественные известковые отложения.

А.А. Мордвинов в конце 50-х гг. обследовал население Туруханского края. Он побывал на севере Туруханского края, являясь чиновником Енисейского округа и членом Сибирского отдела РГО. А также он совместил свои исследовательские интересы и потребности с путешествием «казенную надобность». В результате путешествия издана научная публикация «Иногородцы, обитающие в Туруханском крае» (1860), которая была написана в форме этнографического очерка. В данной публикации содержится описание и анализ различных этнических групп: тунгусов, самоедов, долган, якутов, остяков и юраков, которые живут на севере Туруханского края. Автором перечислены как остяки-самоеды Баихинской управы, Карасинского рода и Тымско-Караконской орды, так и как остяки-енисейцы, которые относятся к Подкаменно-Тунгусской, Верхнеимбатской и Нижнеимбатской управам, [12, с. 30].

В своей исследовательской и профессиональной деятельности он старался в доступной форме представить культурные идеи, связанные с организацией современной жизни и актуальными проблемами времени.

А.А. Мордвинов внёс значительный вклад в изучение и распространение этнографического дела во всей Российской Империи. Его деятельность в Восточно-Сибирском Отделе Императорского Русского Географического общества была ключевой. Множество исследований, который оставил нам Александр Мордвинов должны изучаться и по сей день, чтобы понять истинную ценность его трудов и перенимать его опыт в наше время. Вся жизнь краеведа была посвящена важной составляющей, а именно он узнавал о судьбах народов России, изучал их традиции, образа жизни и мышление. Это было очень важно ещё, потому что, наша страна из поконов веков является многонациональной и многоконфессиональной. Это остаётся значимым и по сей день. Деятельность А.А. Мордвина была настолько важна, что благодаря ей был реальный толчок для изучения краеведения по всей стране, и на основе этого в дальнейшем были построены первые высшие учебные заведения и институты, которые были уже полноценно заточены, каждый в своём регионе, изучать этнографию народов. Можно сказать, что Александр Мордвинов один из тех, кто поставил исследование этнографии на профессиональный поток.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барановская М.Ю. и др. Письма к Кюхельбекеру: письма В.Д. Вольховского, Г.А. Глинки, А. Краевского, А.А. Мордвина А.В. Поджио, И.И. Пушина, М.А. Фонвизина, А.И. Шляхтинского // Литературное наследство. – 1954. – Т. 59. – С. 479-500.
2. Герасимов А.С. Результаты деятельности ВСОРГО за 75 лет. 1851-1926. Известия Восточно-Сибирского Отдела государственного Русского географического

- общества. Иркутск, 1927. LXXV. Т.1. В.2. С.3.
3. Жервэ Н.Н. Единомысленники (Два портрета в пространстве Тихвина) // In situ: к 85-летию профессора А.Д. Столяра: сборник статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 405-421.
  4. Крупейченко И.П. Исаакий Петрович Мордвинов. 7. На нелегальном положении // Трудовая слава. №115 (12204). 19 июля. С. 4.
  5. Манассеин В.С. Очерк исторической деятельности ВСОРГО за 75 лет его существования. //Известия ВСОРГО. Иркутск, 1927. LXXV. Т.1. В.1. С.61
  6. Мордвинов А. О древних развалинах, найденных около крепости Тунки в 1809 г. //Записки СОИРГО. СПб, 1856. Кн.1. С. 13-16.
  7. Мордвинов А.А. Горбица. Из путевых записок по Нерчинскому окр. // Отечественные записки. – 1841. – Т. 14, № 1.
  8. Мордвинов А.А. Сцены из жизни бурят (отрывок из повести «Одай») // Отечественные записки. – 1843. – Т. 20, № 10.
  9. Мордвинов И.П. Возрождение. Рассказ. СПб.: тип. А.Е. Колпинского, 1902. 24 с.
  10. Мордвинов И.П. Дух и буква. СПб.: Алекс.-Невск. о-во трезв., 1911.4 с.
  11. Мордвинов И.П. Увечье. СПб.: Алекс.-Невск. о-во трезв., 1905. 15 с.
  12. Мордвиновъ А.А. Инородцы, обитающие в Туруханскомъ краѣ / А. Мордвинов // Вѣстникъ Императорскаго Русскаго географическаго общества. – Санктпетербургъ: въ типографіи В. Безобразова и комп., 1860. – Ч. XXVIII. – С. 25–64.
  13. Мордвиновъ А.А. Инородцы, обитающие в Туруханскомъ краѣ / А. Мордвинов // Вѣстникъ Императорскаго Русскаго географическаго общества. – Санктпетербургъ: въ типографіи В. Безобразова и комп., 1860. – Ч. XXVIII. – С. 25–64.
  14. Отчет о действиях Сибирского Отдела за первое полугодие 1852 г. //Записки СОИРГО. Кн.1. СПб., 1856. С. 35.
  15. Сибирский архив: Архивные документы, публикации, факты, комментарии. Иркутск, 2002. № 3. С. 12-18.
  16. Соколов Р.А., Спиридонова Е.К. «Дух и буква» ИП Мордвинова: литературные произведения, изданные Александро-Невским обществом трезвости // Клио. – 2015. – №. 10. – С. 46-50.

© Смолянок Игорь Алексеевич (Kasparov_2011@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ ШКОЛЬНИКОВ С ВЫРАЖЕННЫМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ

Бормин Андрей Сергеевич

Аспирант, Московский городской
педагогический университет
antoneo088@mail.ru

THE ROLE OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN TEACHING STUDENTS WITH SEVERE INTELLECTUAL DISABILITIES

A. Bormin

Summary: The article considers the features of using innovative technologies in the process of teaching adolescents with moderate and severe mental retardation (MR). It is determined that the development of ideas about the world around them in children with MR plays a key role in their further development in "adult" life. Among the effective didactic methods are described: the use of a multimodal approach, the introduction of IT and VR technologies in training; the use of assistive technologies; the use of the "MES" environment. It is concluded that in the methodological support of the educational process of children with MR there is no structured description of possible tools, educational technologies and special software used for children with various cognitive disabilities. It is assumed that the development of methodological recommendations for the use of innovative technologies in teaching schoolchildren with severe intellectual disabilities could make a positive impact on the widespread use of new methods in educational organizations.

Keywords: mental retardation, oligophrenia, correctional and developmental education, defectology, correctional pedagogy.

Аннотация: В статье рассмотрены особенности использования инновационных технологий в процессе обучения подростков с умеренной и тяжелой умственной отсталостью (УО). Определено, что развитие представлений об окружающем мире у детей с УО играет ключевую роль в их дальнейшем становлении во «взрослой» жизни. Среди эффективных дидактических методик описаны: использование мультимодального подхода, внедрение IT и VR-технологий в обучение; применение ассистивных технологий; использование «МЭШ»-среды. Сделан вывод, что в настоящее время в методическом обеспечении учебного процесса детей с УО отсутствует структурированное описание возможных инструментов, образовательных технологий и специального программного обеспечения, используемого для детей с различными когнитивными нарушениями. Предполагается, что разработка методических рекомендаций по использованию инновационных технологий в обучении школьников с выраженными интеллектуальными нарушениями, может оказать положительное влияние на широкое применение новых методик в образовательных организациях.

Ключевые слова: умственная отсталость, олигофрения, коррекционно-развивающее обучение, дефектология, коррекционная педагогика.

В настоящее время очевидно, что современные технологии стали важнейшим аспектом общества, жизни и образования. В частности, использование новейших методик и технологий обучения предоставляет возможность лицам с различными нарушениями интеллекта улучшить и облегчить как образовательный процесс, так и повседневную жизнь.

Одним из важнейших направлений в работе с детьми с различной степенью задержки умственного развития является раннее вмешательство специалистов, т.е. процесс обучения и адаптации детей с умственной отсталостью к жизни в обществе. Исследования коррекционно-педагогической деятельности с участием обучающихся с умственной отсталостью традиционно фокусируются на том, как обучают учащихся, иногда в ущерб тому, чему следует обучать этих детей [8]. Например, многое известно о том, как разбить навыки на отдельные компоненты и как формировать последовательные действия. Одна-

ко, каким навыкам лучше всего обучать с использованием этой технологии? Нужно ли готовить обучающихся к изучению языка или следует использовать стратегии, усиливающие коммуникацию, чтобы они могли быстрее взаимодействовать с другими, т.е. практическое применение навыка?

Эти вопросы, на наш взгляд, выходят на первый план изучения образовательных стратегий в области коррекционной педагогики. Текущая тенденция заключается в предположении о том, что обучающиеся с различной степенью умственной отсталости могут освоить значимые навыки с большей эффективностью в рамках реализации практической деятельности [4]. Другими словами, вместо того, чтобы обучать изолированным навыкам, педагоги внедряют реальную практическую деятельность в искусственно созданных условиях, и обучают необходимым представлениям. Среди наиболее эффективных методов обучения детей с умственной отсталостью

А. Р. Маллер и Г.В. Цикото выделяют задания, основанные на применении синтеза «наглядной и практической деятельности с реальными предметами» [4]. При этом, первостепенное значение имеет формирование представления об окружающем мире, куда относят представления как о природном мире, так и о социальной среде.

Важность сенсорного развития детей с умственной отсталостью в своем диссертационном исследовании отметила А.А. Катаева [2], которая пришла к выводу, что уровень сформированности восприятия у детей с различной степенью УО будет выше в заданиях, где восприятие представляется «целью», а не «средством» выполнения, т.е. эффективны действия, направленные на «перцептивную тренировку».

На современном этапе развития внедрение новых информационно-коммуникационных технологий позволяет расширить возможности сенсорной интеграции, например, посредством внедрения таких технологий как виртуальная (VR) и дополненная (AR) реальность. Использование новых средств обучения детей с УО позволяет достичь более высокой степени сенсорной интеграции, которая ранее была недоступна педагогике. В свою очередь, достаточный уровень сформированности представлений об окружающем мире имеет ключевое значение для развития обучающихся с УО, и восполняет пробелы в их последующей социальной адаптации в обществе [3].

Особую важность степень сформированности представлений об окружающем мире у детей с УО приобретает в подростковом возрасте, который характеризуется как период перед становлением «самостоятельной», «взрослой» жизни. На данном этапе отмечается, что «у подростков с умственной отсталостью преобладают проблемы социального плана, большинство из которых носит управляемый характер...» [10] и связано, в т.ч. с качеством развития представлений об окружающем мире.

В этой связи интерес представляет изучение опыта формирования представлений об окружающем мире у подростков с умеренной и тяжелой степенью умственной отсталости на базе Государственного казенного общеобразовательного учреждения города Москвы «Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа-интернат № 52». В процессе организации коррекционно-развивающей деятельности, нами используются комбинации следующих образовательных технологий:

1. Мультимодальный подход.
2. Внедрение диджитал-технологий (IT и VR-технологий).
3. Ассистивные технологии для лиц с ОВЗ.
4. Использование «МЭШ»-среды и интерактивной панели для МЭШ-обучения.

Рассмотрим каждую из технологий подробнее и представим опыт их использования для формирования представлений об окружающей среде у подростков с умеренной и тяжелой умственной отсталостью.

Всю деятельность по коррекционной работе с обучающимися с различными уровнями УО мы основываем на применении принципов мультимодального подхода. Мультимодальный подход представляет собой систему работы, направленную на формирование полимодального восприятия, т.е. активизацию преимущественно всех (или одновременно нескольких) органов восприятия в процессе обучения подростков: аудиальная; визуальная; тактильно-кинестетическая модальности, а также применение предметно-практических действий [1]. Такой метод продемонстрировал эффективность и более быстрое освоение представлений об окружающем мире (как природном, так и социальном) при работе с подростками с УО.

Структура обучения основана на следующем алгоритме: анализ объекта (явления) – уточнение его функционального назначения – характеристика способов взаимодействия – синтез признаков объекта (явления) – задания, направленные на актуализацию знаний (основаны на применении современных диджитал-технологий, ассистивных технологий и т.д.) – создание макета / 3D-компьютерное моделирование изучаемого объекта / явления (предметно-практические действия). Такой подход позволяет активизировать и удерживать внимание обучающихся на более длительный период времени за счет непрерывной смены деятельности и подключения различного вида модальностей к анализу.

Использование диджитал (IT и VR) технологий дает возможность сделать обучение более динамичным, эффективным и интерактивным, может улучшить качество коррекционно-развивающего обучения. Виртуальная реальность может преобразовать стиль обучения детей, предоставляя больше возможностей и наглядности, она может привлекать и концентрировать внимание подростков, предлагать надлежащий контроль над учебной средой, а также вовлекать участников эмоционально.

Кроме того, диджитал технологии могут быть применимы при обучении подростков с интеллектуальными нарушениями, которые отказываются от реального взаимодействия, поскольку VR может обеспечить погружение и взаимодействие пользователя с виртуальной средой. Таким образом, может быть использовано внедрение «реального» мира без каких-либо воображаемых компонентов, абстрактные концепции могут быть представлены с помощью визуальных средств, в рамках которых подростки условно помещены в определенные контексты, в которых они не могут принять участие в реальных условиях (из-за различных социальных барье-

ров, ресурсов или ограничений, напрямую связанных с интеллектуальными нарушениями) [9].

Например, для детей с умственной отсталостью VR обеспечивает подлинность и реализм в контролируемой среде, поэтому они могут улучшить навыки обучения и восприятия, позволяя приобретать представления реального мира (например: урок-виртуальная экскурсия; урок-путешествие и т.д.). Видео моделирование с помощью VR может стать полезным инструментом для детей с различными интеллектуальными нарушениями, увеличивая степень их вовлеченности.

В то же время использование технологии VR дает возможность изучать презентации и выполнять различные упражнения без участия дополнительного человека (педагога). Различные исследования показывают, что технология VR может помочь людям с нарушениями нейроразвития развивать коммуникативные способности, поскольку эти они могут «ориентироваться» более простым способом в виртуальной среде, которая создает проблемы, схожие с реальным миром [8]. С этой целью виртуальная реальность и IT-технологии были использованы при разработке «МЭШ»-среды».

«МЭШ» («Московская Электронная Школа») представляет собой «единую образовательную среду в школах Москвы, удобную для всех участников процесса: учеников, родителей и учителей» [5]. Иными словами, «МЭШ» - особая форма виртуальной школы, которая позволяет интегрировать в процесс образования современные компьютерные технологии, а также обмениваться опытом, материалами и дидактическими наработками педагогам.

Применение МЭШ в образовательной практике при работе с детьми с умственной отсталостью позволяет успешно координировать учебный процесс, обучать подростков навыкам «самостоятельной» деятельности – использование «личного кабинета» в программе, самостоятельному выполнению заданий. Внедрение в коррекционно-развивающий процесс интерактивной панели для МЭШ-обучения дает возможность педагогу использовать как готовые «цифровые уроки» и прочие ресурсы из библиотеки МЭШ, так и собственные презентационные материалы, направленные в т.ч. на развитие представления об окружающем природном мире.

Неотъемлемым компонентом образовательного процесса для детей с умственной отсталостью представляется применение ассистивных технологий для лиц с ОВЗ. Ассистивные технологии представляют собой различные устройства, специальные средства, продукты, программное обеспечение, направленные на развитие и улучшение функциональных возможностей лиц с различными видами ОВЗ, в т.ч. в процессе их обучения.

Набокова Л.А., представляя анализ современных ассистивных устройств, отмечает, что среди наиболее значимых устройств, которые используются для лиц с интеллектуальными нарушениями, можно выделить:

- программное обеспечение для преобразования текста в речь и распознавания речи;
- устройства для альтернативной и дополнительной коммуникации;
- адаптивные клавиатуры и мыши и т.д. [6].

В своей практике работы мы используем следующие виды ассистивных технологий:

- Средства подсказок/помощники для запоминания. Такие средства помогают людям с когнитивными нарушениями выполнять важные задачи, такие как вспоминание информации, встреч или последовательности выполнения действий. Например: будильник, чтобы напомнить пользователю о задаче; доска заметок, где зафиксированы важные напоминания.
- Устройства распознавания речи. Такие инструменты помогают подросткам в их повседневных задачах использования при использовании компьютера / смартфона. Их можно использовать для набора текста, просмотра, отправки писем и сообщений и т.д.
- Программное обеспечение для прогнозирования слов (wordpredict). Это программное обеспечение позволяет подросткам вспомнить необходимые слова, улучшить грамматику и структуру предложений на основе контекстного значения.

Таким образом, формирование представлений об окружающей среде у подростков с умеренной и тяжелой умственной отсталостью представляет собой значимую задачу, стоящую перед коррекционным педагогом. Среди эффективных инструментов развития представлений об окружающей среде, определены: использование мультимодального подхода; внедрение диджитал (IT и VR-технологий) и ассистивных технологий; применение «МЭШ»-среды и интерактивной панели для МЭШ-обучения.

Описанный комплексный подход позволяет:

- улучшить восприятие информации подростками с умственной отсталостью;
- предоставить альтернативные способы интеграции информации для детей с дополнительными потребностями;
- виртуальная реальность может позволить подросткам получить доступ к некоторым средам, которые для некоторых из них практически недоступны.

Однако существует ряд проблем, которые возникают в связи с использованием инновационных технологий в обучении школьников с выраженными интеллектуаль-

ными нарушениями:

1. доступность и материальное обеспечение процесса: внедрение современных технологий часто требует значительных финансовых вложений, что может стать решающим фактором для многих учебных заведений, в особенности, государственных бюджетных учреждений;
2. влияние на социальное взаимодействие: более широкое использование технологий в образовании может потенциально сократить личное взаимодействие, которое имеет решающее значение для социального развития учащихся с различными интеллектуальными нарушениями;
3. недостаточный уровень квалификации педагогических кадров: эффективное использование технологий требует регулярного обучения и повышения квалификации педагогов. Без этого потенциальные преимущества технологий не могут быть полностью реализованы;
4. интеграция в учебную программу: анализ современного методического обеспечения учебного процесса (Примерная адаптированная основная образовательная программа основного общего образования обучающихся с задержкой психического развития (далее – ПАООП ООО обучающихся с ЗПР) [7] демонстрирует проблему отсутствия интеграции представленных технологий в существующую учебную программу на законодательном уровне, что может препятствовать эффективности ее реализации.

Таким образом несмотря на то, что в новейших исследованиях подтверждены эффективность и преимущество использования современных технологий в обучении школьников с выраженными интеллектуальными нарушениями, существует проблема недостаточности методического обеспечения данного процесса. В разделе 2.3.5.2. Материально-техническое обеспечение ПАООП ООО обучающихся с ЗПР содержится информация о том, что технические средства обучения (включая компьютерные инструменты обучения, мультимедийные средства) играют важную роль в удовлетворении особых образовательных потребностей детей с различными интеллектуальными нарушениями, повышают общий уровень мотивации, а также предоставляют возможность применения дистанционных технологий обучения. Однако, отсутствуют рекомендации по применению конкретных методик, например, диджитал-технологий, или специального программного обеспечения, что снижает вероятность повсеместного использования подобных методических инструментов.

Отсюда, представляется важным систематизировать имеющиеся методики и инновационные технологии, используемые в обучении школьников с выраженными интеллектуальными нарушениями, в единые методические рекомендации, которые могут применяться образовательными учреждениями различного уровня, оказывающими специальную (коррекционную) работу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бормин А.С. Использование мультимодального подхода в работе с детьми с интеллектуальными нарушениями. URL: педпроект.рф/бормин-а-с-мультимодальный-подход/ (дата обращения: 16.11.2024).
2. Катаева А.А. Сенсорное развитие и сенсорное воспитание аномальных детей дошкольного возраста: Автореф. дис. док. наук. М., 1977.
3. Коваль, В.А. Проблемы обучения детей с умственной отсталостью / В.А. Коваль, М.Р. Абдулганиев // Инновационная наука. – 2021. – № 7. – С. 109-111.
4. Маллер А.Р., Цикото Г.В. Воспитание и обучение детей с тяжелой интеллектуальной недостаточностью: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2003. — 208 с.
5. МЭШ-среда. URL: <https://www.mos.ru/city/projects/mesh/mashschool/#> (дата обращения: 16.11.2024).
6. Набокова, Л.А. Современные ассистивные устройства для лиц с когнитивными нарушениями / Л.А. Набокова. Дефектология: научно-методический журнал. Москва, 2009. № 3. С. 84-91.
7. Примерная адаптированная основная образовательная программа основного общего образования обучающихся с задержкой психического развития. URL: <https://fgosreestr.ru/uploads/files/b879595b79c169fcf469b6b86936cfc4.pdf> (дата обращения: 16.11.2024).
8. Рубинштейн С.Я. Психология умственно отсталого школьника: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2111 «Дефектология» — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Просвещение, 1986. — 192 с.
9. Тирская, Е.Д. Урок - виртуальная экскурсия с использованием VR-очков для учащихся с интеллектуальными нарушениями / Е.Д. Тирская // Общее образование в цифровую эпоху: стандартизация и технологизация, эффективные практики и риски обновления : Материалы XXIV международных педагогических чтений, посвященных Году семьи и Десятилетию науки и технологий в РФ, Волгоград, 10 апреля 2024 года. – Волгоград: РИЦ ГАУ ДПО ВГАПО, 2024. – С. 248-252.
10. Хвастунова Е.П. Медико-социальная адаптация подростков с умственной отсталостью: дис. ... канд. психол. наук. - М., 2016. - 159 с.

© Бормин Андрей Сергеевич (antoneo088@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ МЕТОДОВ В ОБУЧЕНИИ РЕШЕНИЮ АРИФМЕТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Давидан Марина Викторовна,

*Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева
davidanmarina2000@gmail.com*

FEATURES OF USING VISUAL METHODS IN TEACHING SOLVING ARITHMETIC PROBLEMS TO PRIMARY SCHOOL CHILDREN WITH MENTAL RETARDATION

M. Davidan

Summary: The article considers the problem of using visual methods in teaching primary school children with mental retardation to solve arithmetical problems. Particular attention is paid to the effectiveness of visual approaches in the context of the cognitive characteristics of children with mental retardation. The key aspects of using visual methods in developing the skill of solving arithmetical problems in children with mental retardation are determined, including the use of graphic diagrams, charts, illustrations and action algorithms. Adapted visual methods are proposed that take into account the specifics of perception and processing of information by children with mental retardation. It is noted that the key factor of success is the adaptation of visual methods to the individual characteristics of each child with mental retardation.

Keywords: mental retardation, visual teaching methods, arithmetic problems, primary school students, cognitive characteristics, graphic diagrams, visual aids, mathematical thinking.

Аннотация: В статье рассматривается проблема применения визуальных методов в обучении решению арифметических задач младших школьников с задержкой психического развития (ЗПР). Особое внимание уделяется результативности визуальных подходов в контексте когнитивных особенностей детей с ЗПР. Определены ключевые аспекты применения визуальных методов в формировании навыка решения арифметических задач у детей с ЗПР, включая использование графических схем, диаграмм, иллюстраций и алгоритмов действий. Предложены адаптированные визуальные методы, учитывающие специфику восприятия и обработки информации детьми с ЗПР. Отмечено, что ключевым фактором успеха является адаптация визуальных методов к индивидуальным особенностям каждого ребенка с ЗПР.

Ключевые слова: задержка психического развития, визуальные методы обучения, арифметические задачи, младшие школьники, когнитивные особенности, графические схемы, наглядные пособия, математическое мышление.

Инклюзивное образование становится одним из ключевых направлений развития российской образовательной системы. Этот подход призван обеспечить доступность качественного образования для всех детей, независимо от их особенностей и потребностей. Суть инклюзии заключается в создании такой образовательной среды, которая учитывает индивидуальные потребности каждого ребенка и способствует его максимальной самореализации. Особую актуальность инклюзивный подход приобретает при работе с детьми, имеющими задержку психического развития (ЗПР). Учащиеся с ЗПР вне зависимости от варианта обучения (7.1 или 7.2 ФГОС НОО ОВЗ), требуют особого внимания педагогов и создание специальных образовательных условий. ЗПР характеризуется неравномерным развитием познавательных процессов, недостаточной сформированностью речи и мышления, а также определенными особенностями эмоционально-волевой сферы. Внедрение инклюзивных практик в работу с детьми с ЗПР ставит перед образовательными учреждениями ряд серьезных задач [2].

Необходимо не только адаптировать учебные программы и методики, но и создать комфортную психологическую атмосферу, способствующую успешной социализации таких детей. Важно помнить, что инклюзия — это не просто физическое присутствие ребенка с особенностями в обычном классе, а полноценное включение его в образовательный процесс с учетом его индивидуальных возможностей и потребностей. Успешная реализация инклюзивного подхода требует комплексной работы педагогов, психологов, дефектологов и других специалистов. Только при таком междисциплинарном взаимодействии можно обеспечить эффективное обучение и развитие детей с ЗПР в условиях общеобразовательной школы [1].

Работы отечественных ученых охватывают широкий спектр вопросов, связанных с обучением математике детей с ЗПР. С.В. Шкутова [11] акцентирует внимание на особенностях формирования арифметических представлений в условиях инклюзивного образования, подчеркивая необходимость адаптации учебного материала

и применения специальных методов обучения. Особое внимание исследователи уделяют когнитивным особенностям детей с ЗПР. П.Г. Савельева, И.В. Смолярчук [9] анализируют специфику мышления младших школьников с ЗПР, что имеет значение для разработки успешных методик обучения решению арифметических задач. Е.Г. Капитанец, Д.Р. Рафикова [4] изучают взаимосвязь между развитием логического мышления и успеваемостью этих детей, косвенно затрагивая вопросы формирования навыков решения задач.

Методические аспекты обучения математике детей с ЗПР, в частности применение визуальных методов при решении арифметических задач, раскрываются в работе К.С. Прониной [8], которая предлагает различные подходы к организации учебного процесса с учетом особенностей восприятия и обработки информации детьми с ЗПР. Автор подчеркивает важность использования наглядных пособий и графических схем для облегчения понимания математических концепций.

Исследуя умения решать сюжетные арифметические задачи у нормотипичных младших школьников Н.Г. Артюхова [1] предоставляет базу для сравнения и адаптации методик к особенностям детей с ЗПР. Ее работа позволяет выявить ключевые различия в восприятии и решении задач между нормотипичными детьми и детьми с ЗПР, что является основой для разработки специализированных визуальных методов обучения.

Интересным направлением исследований является изучение влияния коммуникативной компетентности на процесс обучения математике. Е.П. Олейник [7] рассматривает эту проблему применительно к детям с ЗПР, что может быть важно при обучении пониманию и интерпретации условий задач. Автор подчеркивает, что развитие коммуникативных навыков тесно связано с способностью детей с ЗПР воспринимать и интерпретировать визуальную информацию, что особенно актуально при работе с графическими представлениями арифметических задач.

Новые подходы к развитию математических навыков с использованием визуальных методов предлагают И.В. Налимова, А.Н. Никитенко [5], исследуя возможности ментальной арифметики для формирования познавательных универсальных действий. Хотя их работа ориентирована на нормотипичных детей, авторы подчеркивают важность визуализации при работе с числами и арифметическими операциями, что может быть особенно полезно при адаптации этих методов для учащихся с ЗПР. Авторы демонстрируют, как использование визуальных образов и мысленных представлений может улучшить понимание математических концепций и ускорить процесс решения арифметических задач. Они предлагают ряд визуальных техник, которые могут быть

модифицированы для работы с детьми с ЗПР, учитывая их особенности восприятия и обработки информации. Анализ литературы показывает, что проблема формирования навыка решения арифметических задач у младших школьников с ЗПР изучается комплексно, с особым акцентом на визуальные методы обучения. Исследователи учитывают когнитивные, методические и коммуникативные аспекты, подчеркивая важность визуализации на всех этапах работы с задачей.

Анализ программного материала по математике за 3 класс позволил сделать вывод, что учащиеся с ЗПР в 3 классе учатся решать 15 видов задач: простые задачи на умножение; задачи на увеличение и уменьшение числа в несколько раз; задачи на деление по содержанию и на равные части; задачи на кратное сравнение; задачи в косвенной форме на увеличение и уменьшение числа в несколько раз; составные задачи на нахождение суммы; задачи на приведение к единице; составные задачи на нахождение уменьшаемого, вычитаемого и разности; составные задачи на разностное и кратное сравнение; задачи на нахождение суммы двух произведений; задачи на нахождение неизвестного слагаемого; составные задачи на деление суммы на число и числа и числа на сумму; простые и составные задачи на цену, количество, стоимость; задачи на нахождение периметра и сторон геометрических фигур; задачи на нахождение числа по доле и доли по числу.

Надо отметить, что это самый большой объем разных задач по сравнению с 1-2 и 4 классами. Анализ решения математических задач позволил выделить следующие особенности:

- 1) не все дети усвоили правила совершения элементарных вычислительных операций и простейших вычислительных действий;
- 2) выполнение действий примитивными приемами вычислений: счет на пальцах, рисование и зачеркивание палочек, счет по линейке;
- 3) непонимание смысла математической задачи, а, следовательно, выбор неправильного варианта решения;
- 4) непонимание смысла операций умножения и деления, что приводит к разным ошибкам в их выполнении. Чаще всего ученики заменяют умножение и деление сложением и вычитанием;
- 5) недостаточность речевого развития, которая проявляется в замене чисел как по пространственному положению (6 и 9, 1 и 4), так и слуховому сходству (7 и 8); замене арифметических действий; в путанице или непонимании понятий длина, ширина, высота;

б) сложности понимания сути операций сложения и вычитания, умножения и деления.

В ходе преодоления выявленных нарушений лежит раскрытие смысла каждого арифметического действия. Раскрытие смысла арифметического действия требует совершенствования конкретных действий с предметами, которые позволяют конкретизировать и идентифицировать каждое действие и сформировать основы установления связей между ними. Установлению связей способствуют наглядные и практические действия. В данной работе остановимся на применении визуальных методов.

При обучении детей с задержкой психического развития решению арифметических задач особую результативность показало применение визуальных методов. Исследование выявило, что использование визуальных подходов значительно улучшает восприятие и анализ условий задачи учащимися с ЗПР. Ключевым аспектом успешного обучения оказалось применение графических схем и наглядных пособий на начальном этапе работы с задачей. Визуализация помогает детям с ЗПР лучше понять структуру задачи, выделить в ней существенные элементы и установить связи между ними, что создает прочный фундамент для дальнейшего развития математических навыков. Исследование показало, что использование специально разработанных конспектов с визуальными элементами существенно облегчает процесс обучения. Каждый конспект, содержащий визуализацию условий задачи, место для зарисовывания схемы и записи решения, позволяет ученикам лучше структурировать информацию и планировать ход решения. Важным результатом стало выявление результативности предварительного обучения решению основных видов задач с использованием визуальных методов. Такой подход значительно снижает уровень затруднений, испытываемых учащимися на уроках математики в классе. Применение визуальных методов также способствует развитию у детей с ЗПР навыков самостоятельного анализа задачи и планирования ее решения, что является критически важным для их дальнейшего математического образования.

Важно научить ребенка задавать себе правильные вопросы при работе с задачей: «О чем говорится в задаче?», «Какая информация нам дана?», «Что требуется найти?». Такой подход помогает структурировать мышление ребенка и формирует алгоритм работы с математическими задачами. Особое внимание следует уделить пониманию взаимосвязей между данными в задаче. Ребенок должен научиться видеть, как связаны между собой числа и величины, упомянутые в условии. Это крайне важно для правильного выбора математического действия при решении. Также нужно научить ребенка определять, что именно требуется найти в задаче - конкретное чис-

ло, отношение между величинами или подтверждение какого-либо утверждения. Это поможет ему правильно сформулировать ответ на вопрос задачи. Такой подход к начальному этапу работы над арифметическими задачами позволяет заложить прочную основу для дальнейшего математического развития детей с ЗПР [9].

В нашем исследовании при решении составных задач наибольшую результативность показало решение задач по вопросам. Ученики сначала записывали вопрос к каждому действию, а потом решение. После отработки умения задавать вопросы и выбора соответствующего действия переходим к решению задач с пояснением.

При работе с учениками мы использовали авторские методики. Ниже сделаем обзор некоторых из них.

Методика Е.М. Семеновой предлагает интересный подход к обучению детей решению арифметических задач. Она фокусируется на простых задачах, связанных со сложением и вычитанием, что особенно важно для начального этапа обучения. Процесс разделен на три ключевых этапа, каждый из которых играет важную роль в формировании математических навыков у дошкольников. Первый этап знакомит детей с понятием «простое сообщение», что закладывает основу для понимания структуры задачи. На втором этапе дети осваивают концепцию «простой задачи» и учатся выделять ключевые элементы для ее решения. Заключительный этап посвящен практическому закреплению навыков решения простых арифметических задач [3].

А.В. Белошистая в своей методике также предлагает трехэтапный подход, но с несколько иным акцентом. Она начинает с моделирования различных ситуаций, что помогает детям визуализировать математические концепции. Далее идет обучение выбору арифметических действий и составлению математических выражений. На этом этапе дети знакомятся с важными математическими символами. Завершающий этап посвящен непосредственно решению задач, где дети учатся применять методы присчитывания и отсчитывания. Обе методики имеют свои уникальные особенности, но обе направлены на постепенное и структурированное развитие математических навыков у дошкольников. Они помогают детям не просто механически решать задачи, но и понимать суть математических операций, что крайне важно для дальнейшего обучения [6; 10].

Работа с задачами на нахождение числа по доле и доли по числу направлена прежде всего на развитие математических навыков и включает в себя знакомство с фундаментальными понятиями, такими как целое и часть. Этот процесс имеет ключевое значение для формирования у детей базового понимания структуры чисел и арифметических операций. Выполняя сначала

простые упражнения, дети начинают осознавать, как отдельные элементы соотносятся с целым. Использование графических изображений в этом процессе играет важную роль, создавая наглядную модель взаимоотношений между целым и его составляющими. Такой подход позволяет детям буквально «увидеть» абстрактные математические концепции.

Особенно интересно наблюдать, как дети начинают понимать, что предмет может одновременно быть частью целого и сохранять свои индивидуальные характеристики. Например, треугольник остается треугольником, даже когда он является частью более сложной геометрической фигуры. Это понимание закладывает основу для более сложных математических концепций в будущем. Такой подход к обучению не только помогает детям освоить базовые математические понятия, но и развивает их логическое мышление. Дети учатся анализировать, сравнивать и классифицировать объекты, что является важным навыком не только в математике, но и в других областях знаний. Работая над разными видами задач, мы придерживались 3 этапов в обучении:

- 1 этап – подготовительный – у детей актуализировались полученные ранее знания, ставилась проблемная ситуация, в ходе решения которой дети смогли бы применить имеющиеся знания. На этом же этапе детей подводим к новой теме.
- 2 этап – основной, который заключается в знакомстве с новыми способами решения и рациональными способами действия.
- 3 этап – закрепление полученных навыков и перенос отработанного способа решения на аналитическую задачу.

В конечном итоге, проведенная нами работа существенно облегчает детям понимание структуры арифметических задач и смысла математических действий. Она создает прочный фундамент для дальнейшего математического образования, позволяя детям не просто запоминать правила, а действительно понимать суть математических операций.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что формирование навыка решения арифметических задач у младших школьников с ЗПР требует комплексного подхода, учитывающего их когнитивные особенности. Особую результативность показали методики, основанные на визуализации математических концепций и поэтапном формировании умственных действий. Ключевым аспектом успешного обучения детей с ЗПР является предварительная подготовка к решению основных видов задач. Разработанный нами сборник конспектов, содержащий визуализацию условий задачи, место для зарисовывания схемы и записи решения, представляет собой инструмент формирования навыка решения арифметических задач. Такой подход позволяет значительно снизить уровень затруднений, испытываемых учащимися на уроках математики в классе. Визуализация играет критически важную роль при работе с детьми с ЗПР, способствуя лучшему восприятию, анализу и решению арифметических задач. Она помогает компенсировать некоторые когнитивные особенности этих детей, облегчая процесс обработки и усвоения информации. Использование адаптированных визуальных методик, включая элементы подходов Е.М. Семеновой, А.В. Белошистой и др., позволяет значительно улучшить математические навыки детей с ЗПР. Систематическое применение визуальных методов, в том числе предварительная пропедевтическая подготовка с использованием разработанных нами специальных конспектов, не только улучшает академические результаты учащихся, но и способствует развитию их математического мышления и когнитивных навыков в целом. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку индивидуализированных визуальных программ обучения, учитывающих специфику каждого ребенка в рамках инклюзивного образования, а также на изучение долгосрочного влияния визуальных методов на развитие математических способностей детей с ЗПР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артюхова Н.Г. Исследование актуального состояния сформированности умения решать сюжетные арифметические задачи у младших школьников / Н.Г. Артюхова // Современное начальное образование: проблемы и перспективы развития: Материалы региональной научно-практической конференции, Красноярск, 25–26 апреля 2019 года / Ответственный редактор Е.В. Гордиенко; Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2019. – С. 61-63.
2. Голубева Г.Г., Чабан Ю.С. Изучение проблемы формирования навыков общения у школьников с задержкой психического развития // Специальное и инклюзивное образование: теория и практика: сборник научно-методических трудов с международным участием. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2020. С. 118-120.
3. Горлач Е.Я. Использование устных упражнений при изучении арифметических действий у младших школьников // Педагог-профессионал в школе будущего: Материалы IV Всероссийской молодежной конференции. Элиста: ЗАОр "НПП "Джангар", 2021. С. 210-214.
4. Капитанец Е.Г. Влияние развития логического мышления младших школьников с задержкой психического развития на их успеваемость / Е.Г. Капитанец,

- Д.Р. Рафикова // Новости науки 2019: сборник материалов VIII-ой международной очно-заочной научно-практической конференции, Москва, 15 марта 2019 года. Том 1. – Москва: Научно-издательский центр "Империя", 2019. – С. 202-205.
5. Налимова И.В. Возможности ментальной арифметики для формирования познавательных универсальных действий младших школьников / И.В. Налимова, А.Н. Никитенко // Современное начальное образование: опыт, реальность и перспективы : Сборник научных статей второй национальной научно-практической конференции, Ярославль, 25–28 февраля 2020 года / Под научной редакцией С.В. Жарова, О.С. Кипятковой, И.В. Налимовой. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2020. – С. 141-145.
  6. Немцева А.В., Мальчевская М.Л. Изучение познавательного интереса младших школьников с задержкой психического развития с позиции мотивации к учению // Развитие социально-устойчивой инновационной среды непрерывного педагогического образования: Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2023. С. 88-90.
  7. Олейник Е.П. Особенности коммуникативной компетентности младших школьников группы нормы и детей с задержкой психического развития / Е.П. Олейник // Студенчество в научном поиске: материалы XXXIII студенческой научно-практической конференции, Сургут, 26 апреля 2019 года. – Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2019. – С. 9-11.
  8. Пронина К.С. Методы обучения математике детей с задержкой психического развития / К.С. Пронина // Актуальные проблемы социогуманитарного образования: Сборник статей / Под научной редакцией Т.С. Дороховой, Е.В. Донгаузер. Том Выпуск 3. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2019. – С. 96-100.
  9. Савельева П.Г. Особенности мышления младших школьников с задержкой психического развития / П.Г. Савельева, И.В. Смолячук // Социализация детей с ограниченными возможностями здоровья: опыт, проблемы, инновации: Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции, Тамбов, 18–19 ноября 2021 года. – Тамбов: Издательский дом "Державинский", 2021. – С. 153-157.
  10. Узерова Х. Проблема формирования вычислительных навыков младших школьников в современных условиях // Начальное образование: вчера, сегодня, завтра: Материалы республиканской научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов. Махачкала: ДГПУ им. Р. Гамзатова, 2023. С. 238-242.
  11. Шкутова С.В. Проблема формирования арифметических представлений младших школьников с задержкой психического развития в условиях инклюзивной образовательной организации / С.В. Шкутова // Мировые тенденции специального и инклюзивного образования : Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, Москва, 22 января 2020 года. Том 1. – Москва: Издательство ПАРАДИГМА, 2020. – С. 264-268.
  12. Штейникова К.А., Новикова Е.А. Современные технологии формирования у детей дошкольного возраста уметь решать арифметические задачи // Современные наука и образование: достижения и перспективы развития: сборник материалов XXX международной очно-заочной научно-практической конференции. М.: Научно-издательский центр "Империя", 2023. Т. 1. С. 129-131.

© Давидан Марина Викторовна (davidanmarina2000@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРСПЕКТИВА ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГОВ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ К РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЛЕКСА ГТО В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Желтиков Олег Витальевич

Аспирант, «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина»
cambuct23051997@mail.ru

THE POINT OF VIEW ON THE TRAINING PE TEACHERS FOR REALIZATION OF THE TRP COMPLEX IN MODERN CONDITIONS

O. Zheltikov

Summary: The article is devoted to the analysis of the historical experience of physical education teachers training for the realization of the TRP complex in the USSR and modern Russia. The evolution of the requirements and criteria for the selection of teaching staff and professional development programs is traced to different stages of the development of the TRP complex - from its foundation in the 1930s to its abolishment in the late 1980s and revival in the 2010s. Special attention is paid to the comparison of Soviet and modern systems of training physical education teachers, identification of continuity and innovative approaches. Based on the study of regulatory documents, historical sources and scientific publications, conclusions are drawn about the role of staffing in the successful functioning of the TRP complex as a program of physical education of the population. The article is addressed to specialists in the field of physical culture and sports, the history of pedagogy.

Keywords: the TRP complex, physical education teachers, staff training, professional development, selection criteria, history of physical education and sports.

Аннотация: Статья посвящена анализу исторического опыта подготовки учителей физической культуры к реализации комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) в СССР и современной России. Прослеживается эволюция требований и критериев отбора педагогических кадров, программ повышения их квалификации на разных этапах развития комплекса ГТО - от его становления в 1930-е годы до упразднения в конце 1980-х и возрождения в 2010-е годы. Особое внимание уделяется сравнению советской и современной систем подготовки учителей физкультуры, выявлению элементов преемственности и инновационных подходов. На основе изучения нормативных документов, исторических источников и научных публикаций делаются выводы о роли кадрового обеспечения в успешном функционировании комплекса ГТО как программы физического воспитания населения. Статья адресована специалистам в области физической культуры и спорта, истории педагогики.

Ключевые слова: ГТО, комплекс «Готов к труду и обороне», учителя физической культуры, подготовка кадров, повышение квалификации, критерии отбора, история физической культуры и спорта.

Введение

Комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО), впервые введенный в СССР в 1931 году, стал одной из самых массовых и долгосрочных программ физического воспитания населения в истории. Возрожденный в России в 2014 году, он остается действенным инструментом развития физкультуры и спорта, укрепления здоровья нации. Ключевую роль в реализации комплекса ГТО на всех этапах его существования играли и играют учителя физической культуры. От их профессионализма, мотивации и подготовленности во многом зависит эффективность работы системы ГТО.

Актуальность темы данной статьи обусловлена необходимостью обобщения и критического осмысления накопленного исторического опыта подготовки педагогических кадров для работы по комплексу ГТО в разные периоды. Этот опыт может быть полезен для совершенствования современной системы физкультурного обра-

зования, развития кадрового потенциала в сфере ГТО.

Цель статьи – на основе анализа исторических источников, нормативных документов и научной литературы выявить особенности, проблемы и тенденции в подготовке учителей физкультуры к реализации комплекса ГТО в СССР и современной России.

Логика проводимой работы предполагала следующее:

- Рассмотреть предпосылки создания комплекса ГТО в СССР и охарактеризовать начальный этап подготовки кадров для его реализации.
- Проследить эволюцию требований к учителям физкультуры и программ их подготовки на этапе укрепления и развития ГТО в СССР.
- Проанализировать причины кризиса и отмены комплекса ГТО в конце советского периода, его влияние на кадровую ситуацию.

- Выявить особенности возрождения ГТО в России, новые подходы и проблемы в подготовке учителей физкультуры.
- Определить актуальные тенденции развития кадрового обеспечения комплекса ГТО на современном этапе.
- Обозначить перспективные направления совершенствования системы подготовки педагогических кадров для комплекса ГТО.

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных ученых, посвященные истории становления и развития комплекса ГТО (В.А. Голощапов, Д.Н. Гавриков, А.А. Гужаловский и др.), вопросам подготовки физкультурных кадров (В.У. Агеевец, В.В. Кузин, Н.Н. Чесноков и др.).

Эмпирическую базу работы образуют исторические источники (постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР, документы Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта и т.д.), законодательные акты Российской Федерации, нормативные документы Министерства спорта и Министерства просвещения РФ, касающиеся внедрения комплекса ГТО и подготовки кадров для его реализации.

Основные результаты

Комплекс «Готов к труду и обороне СССР» был введен по инициативе комсомола постановлением ЦК ВКП(б) в 1931 году [8]. Его создание стало ответом на вызовы индустриализации и нарастающей военной угрозы. Программа ГТО должна была способствовать укреплению обороноспособности, повышению производительности труда и улучшению здоровья трудящихся.

С самого начала организаторы ГТО столкнулись с острой нехваткой квалифицированных кадров. В 1920-е годы подготовка физкультурных работников только начала складываться. По данным на 1929 год, в СССР насчитывалось всего 2,6 тыс. штатных работников в сфере физкультуры и спорта, в том числе около 1 тыс. инструкторов-преподавателей. Для массовой реализации ГТО этого было крайне недостаточно [11].

Постановление ЦК ВКП(б) 1931 года предусматривало создание широкой сети краткосрочных курсов по подготовке общественных инструкторов, способных привлечь к сдаче норм ГТО максимальное число трудящихся. Главными организаторами обучения стали комсомольские комитеты предприятий, колхозов и учебных заведений. За 1931-1932 годы курсы ГТО окончили около 100 тыс. человек [15].

Одновременно началась организация профильного физкультурного образования. В 1931 году в Москве открылся Государственный центральный институт физиче-

ской культуры, готовивший педагогов и научные кадры. В регионах создавались техникумы физкультуры, кафедры и факультеты при педагогических вузах. В середине 1930-х годов, несмотря на значительное развитие физкультурного движения в СССР, система подготовки профессиональных кадров всё еще не могла полностью удовлетворить растущие потребности отрасли. Во второй половине 1930-х годов подготовку специалистов осуществляли 6 институтов физической культуры, выпускавших специалистов с высшим образованием, и 25 физкультурных техникумов, готовивших специалистов со средним специальным образованием. Для восполнения нехватки кадров государственные и общественные органы организовывали курсы переподготовки, уделяя особое внимание обеспечению школ квалифицированными учителями физкультуры и замене тренеров-общественников подготовленными специалистами [14].

Таким образом, в начальный период введения ГТО подготовка преподавательских кадров носила форсированный, во многом стихийный характер. Упор делался на массовость и быстроту обучения в ущерб качеству. В дальнейшем по мере укрепления комплекса ситуация с кадрами постепенно улучшалась.

В предвоенные и послевоенные годы комплекс ГТО окончательно утвердился как основа советской системы физического воспитания. Вовлечение широких масс населения в занятия физкультурой и спортом, подготовка к труду и обороне провозглашались приоритетными государственными задачами. Для учителей физкультуры работа по комплексу ГТО стала главным содержанием профессиональной деятельности.

Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта» (1966) подчеркивало необходимость укрепления материально-технической базы и кадрового состава детско-юношеских спортивных школ, повышения качества уроков физкультуры в школах и вузах, более активного использования комплекса ГТО [2].

Были повышены требования к уровню образования и квалификации физкультурных кадров. В 1960-80-е годы происходил переход на подготовку специалистов с высшим профильным образованием. Расширилась сеть вузов и факультетов физической культуры. К началу 1990-х годов в стране действовало более 60 физкультурных вузов и факультетов, выпускавших ежегодно около 15 тыс. специалистов [13].

Учителя физкультуры должны были не только владеть предметными знаниями и навыками, но и проявлять высокую общественно-политическую активность. Важным критерием отбора и продвижения кадров выступало членство в КПСС и ВЛКСМ, идейная убежденность. Типичной была практика совмещения учителем професси-

ональных и партийных обязанностей.

Вместе с тем к 1980-м годам обозначился ряд проблем кадрового обеспечения системы ГТО. Сохранялся дефицит высококвалифицированных специалистов, особенно в сельских школах. Многие учителя были перегружены общественной работой в ущерб учебно-тренировочному процессу. Уровень мотивации школьников и взрослых к сдаче норм ГТО заметно снизился по сравнению с довоенным периодом.

В конце 1980-х годов комплекс ГТО переживал глубокий кризис, связанный как с общими социально-экономическими трудностями в стране, так и с внутренними проблемами советской системы физического воспитания. Число сдающих нормы неуклонно падало. Материальная база физкультуры и спорта деградировала из-за недофинансирования.

Постановлением Госкомспорта СССР в 1990 году комплекс ГТО был упразднен. В условиях перехода к рыночной экономике государство фактически самоустранилось от массовой физкультурно-спортивной работы. Многие ДЮСШ, секции и спортивные общества лишились поддержки и закрылись. Произошел массовый отток кадров из отрасли.

Попытки заменить ГТО альтернативными программами («Олимпийские надежды», «Спортивная смена» и др.) не увенчались успехом. В школах и вузах физкультура превратилась в формальный, второстепенный предмет. К началу 2000-х годов в России насчитывалось лишь около 60 тыс. штатных физкультурных работников на всех уровнях - в 10 раз меньше, чем в конце советского периода [9].

Проблемы с кадрами усугубили общий кризис физкультуры и спорта в стране. Выросло целое поколение, не приученное к регулярным занятиям физкультурой. Резко обострились проблемы со здоровьем детей и молодежи. Снижение уровня физической подготовки юношей стало одним из факторов кризиса призывной системы. Все это способствовало осознанию властями необходимости возрождения комплекса ГТО в новых условиях.

Впервые идея восстановления ГТО на государственном уровне была высказана в 2013 году на совещании по развитию детско-юношеского спорта. В марте 2014 года Президент РФ подписал указ «О Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО)», который должен был стать программной и нормативной основой физического воспитания населения [5].

Внедрение комплекса проходило поэтапно в 2014-2017 годах – сначала среди школьников, затем среди взрослого населения. Были разработаны возрастные

нормативы ГТО, создан интернет-портал для онлайн-регистрации участников, открыты сотни центров тестирования в регионах. К 2018 году удалось охватить испытаниями более 7 млн. человек [6].

Ключевой проблемой возрождения ГТО стало кадровое обеспечение. За годы упадка 1990-х многие опытные учителя физкультуры ушли из профессии, система подготовки и переподготовки кадров была разрушена. Быстро восполнить дефицит квалифицированных специалистов не удавалось.

В 2010-е годы началось восстановление системы спортивно-педагогического образования. Открылись новые профили подготовки, связанные с фитнесом, адаптивной и лечебной физкультурой. Больше внимания стало уделяться практико-ориентированному обучению, информационным технологиям, инклюзивным компетенциям педагогов.

Министерством спорта РФ совместно с Министерством просвещения были разработаны и внедрены профессиональные стандарты для специалистов в области ГТО: «Инструктор-методист» и «Спортивный судья». Они определили требования к образованию, опыту работы, умениям и навыкам работников центров тестирования, привлекаемых к судейству мероприятий ГТО [3].

При этом проблемы с педагогическими кадрами по-прежнему сдерживают массовое вовлечение населения в подготовку и сдачу нормативов ГТО. Сохраняется разрыв между системой подготовки специалистов и реальными потребностями физкультурно-спортивных организаций. Многие выпускники вузов не обладают достаточными практическими навыками работы с населением разных возрастных групп, не владеют современными методиками и технологиями. Низкий престиж профессии на фоне невысокой оплаты труда вызывает отток молодых кадров.

В последние годы государство предприняло ряд шагов по повышению эффективности комплекса ГТО и укреплению его кадрового потенциала. В 2018 году принята программа поэтапного внедрения ГТО в систему образования на период до 2024 года. Она предусматривает включение комплекса в федеральные государственные образовательные стандарты, вовлечение в соревнования большинства обучающихся [1].

В регионах внедряются различные меры мотивации и поддержки учителей, участвующих в работе по комплексу ГТО: доплаты за подготовку значкистов, льготы при аттестации, дополнительные дни отпуска, награды и знаки отличия. Проводятся конкурсы профессионального мастерства среди преподавателей и инструкторов центров тестирования ГТО [10].

Совершенствуются образовательные программы подготовки специалистов в вузах физической культуры. Больше внимания уделяется формированию компетенций в сфере менеджмента, маркетинга, PR-технологий, необходимых для эффективной организации и продвижения комплекса ГТО. Растет число практико-ориентированных курсов повышения квалификации [7].

Важным направлением является развитие волонтерского движения в поддержку ГТО. По данным на начало 2020 года, в стране действует более 5 тыс. волонтерских объединений с числом участников около 200 тыс. человек. Волонтеры помогают в организации мероприятий, пропагандируют комплекс в социальных сетях, сами активно сдают нормативы [12].

В целом современный этап развития ГТО в России характеризуется постепенным смещением акцентов с количественных показателей охвата населения на качественные параметры - доступность и привлекательность комплекса, уровень вовлеченности людей в активные занятия физкультурой, мастерство и мотивированность кадров. Однако достижение амбициозных целей по превращению ГТО в подлинно массовое движение остается делом будущего.

Структура современного комплекса ГТО включает 11 ступеней для различных возрастных групп (от 6 до 70 лет и старше). Комплекс предусматривает выполнение нормативов, направленных на развитие основных физических качеств - силы, выносливости, гибкости и скоростных способностей. В перечень испытаний входят бег на различные дистанции, прыжки, подтягивания, рывок гири, плавание и другие упражнения.

Ключевую роль в реализации комплекса ГТО призваны сыграть учителя физической культуры и преподаватели ОБЖ (с 2024 года - Основ безопасности и защиты Родины). Последние десятилетия в вузах России накапливается опыт интеграции профилей подготовки педагогов этих двух специальностей, что представляется логичным и эффективным в контексте задач ГТО. Сочетание компетенций в сфере физического воспитания и военно-патриотической подготовки создает оптимальные условия для комплексной работы по привлечению молодежи к выполнению нормативов ГТО.

Дальнейшее развитие комплекса ГТО в нашей стране связано с применением эффективных мер по укреплению его кадрового потенциала. Основную миссию в реализации комплекса ГТО берут на себя учителя физической культуры и ОБЗР (основы безопасности и защиты родины). Ключевыми направлениями работы здесь должны стать:

- Повышение социального статуса и престижа профессии учителя физкультуры и ОБЗР, привлечение в отрасль талантливой молодежи. Это потребует

существенного увеличения заработной платы, введения льгот и дополнительных стимулов для педагогов.

- Модернизация системы профильного высшего и среднего образования в области физической культуры и ОБЗР. Необходим пересмотр образовательных стандартов и программ в сторону усиления их практической направленности, ориентации на конкретные запросы работодателей с учетом задач ГТО. Особое внимание следует уделить формированию у будущих специалистов компетенций, необходимых для эффективной работы по комплексу - организаторских, методических, цифровых, коммуникативных.
- Внедрение системы непрерывного образования для работающих учителей физкультуры, преподавателей ОБЗР и организаторов ГТО. Требуется создание общенациональной сети центров повышения квалификации и профессиональной переподготовки с участием ведущих спортивных и педагогических вузов, федераций по видам спорта, входящим в комплекс, профильных НИИ.
- Развитие института наставничества, обеспечение преемственности лучших традиций советской и российской школы физического воспитания и военно-патриотической подготовки. Необходимо активнее задействовать потенциал опытных учителей, ветеранов спорта, заслуженных тренеров для передачи профессионального опыта молодым специалистам.
- Формирование нового стандарта физкультурно-спортивной и военно-патриотической работы с населением, престижного образа учителя физкультуры и ОБЗР в медийном пространстве и общественном сознании. Нужны яркие просветительские проекты, социальная реклама, продвигающие ценности здорового образа жизни, патриотизма и комплекса ГТО [4].

Все эти меры должны быть увязаны в единую систему и подкреплены достаточным финансированием. Только при комплексном подходе государства можно рассчитывать на появление качественно новой генерации педагогических кадров, способных вывести комплекс ГТО на уровень подлинно массового движения, интегрирующего задачи физического и патриотического воспитания граждан России.

Заключение

Исторический опыт подготовки учителей физкультуры к реализации комплекса ГТО в СССР и России демонстрирует неразрывную связь системы физического воспитания с общественно-политическими и социально-экономическими процессами. На всех этапах развития комплекса ключевыми факторами выступали идеологическая и ресурсная поддержка государства, наличие

продуманной кадровой политики.

Проведенный анализ исторического опыта и современной практики подготовки педагогов физической культуры к реализации комплекса ГТО позволяет выделить некоторые эффективные системные модели, опирающиеся на интеграцию потенциала учителей физической культуры и ОБЖ, межведомственное взаимодействие, непрерывное образование и социальное партнерство. Дальнейшее развитие и распространение подобных моделей позволит существенно продвинуться в решении приоритетных общественно-государственных задач по укреплению здоровья нации и улучшению качества жизни через приобщение граждан к ценностям физической культуры и спорта.

Возрождение ГТО в России в 2010-е годы происходило уже на новых концептуальных и организационных основах. Акцент сместился на формирование устойчивой мотивации людей к физкультурно-спортивной деятель-

ности, учет возрастных и индивидуальных особенностей. Предпринимаются попытки интеграции комплекса в систему образования, усиления его семейной и молодежной направленности.

Определенный интерес для развития системы подготовки кадров для комплекса ГТО представляет опыт полиатлона – программы многоборья, схожей по своим задачам и структуре. В частности, заслуживает внимания практика сертификации судей и тренеров по полиатлону, элементы которой могут быть адаптированы для ГТО с учетом специфики комплекса.

Вместе с тем сохраняются проблемы в системе подготовки и закрепления физкультурных кадров. Дефицит высококвалифицированных специалистов, способных на уровне современных требований организовать работу по комплексу ГТО, остается главным препятствием для его превращения в подлинно массовое движение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства РФ от 21.01.2015 N 30 (ред. от 29.11.2018) «О федеральной целевой программе «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016 - 2020 годы» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 5. Ст. 810.
2. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 11.08.1966 N 671 «О мерах по дальнейшему развитию физической культуры и спорта» // СП СССР. 1966. № 16. Ст. 135.
3. Приказ Минтруда России от 28.03.2019 N 191н «Об утверждении профессионального стандарта «Инструктор-методист» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201904160028> (дата обращения: 24.01.2025).
4. Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2020 № 3081-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://static.government.ru/media/files/Rr4JTrKQ5nANTR10j29BM7zJBHXM05d.pdf> (дата обращения: 22.01.2025).
5. Указ Президента РФ от 24.03.2014 № 172 «О Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО)» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38129> (дата обращения: 23.01.2025).
6. Виноградов П.А. О ходе внедрения Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) в субъектах Российской Федерации // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 10 (96). С. 221-228.
7. Воронков А.В., Исаев И.Ф., Никулин И.Н., Жилина Л.В., Бражник Е.А. Новые подходы к организации физкультурно-спортивной деятельности студентов в условиях внедрения комплекса ГТО // Теория и практика физической культуры. 2019. № 4. С. 3-5.
8. Голощапов Б.Р. История физической культуры и спорта. М.: Академия, 2017. 151 с.
9. Еркомайшвили И.В. Проблемы и инновации физического воспитания в вузах // Физическое воспитание и спортивная тренировка. 2016. № 1 (15). С. 66-71.
10. Крамской С.И., Амельченко И.А. Стратегии реализации комплекса ГТО в вузе // Культура физическая и здоровье. 2015. № 4 (55). С. 44-45.
11. Кулино Н.Ф. История физической культуры и спорта. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 1997. 224 с.
12. Парфенова Л.А., Гришина Г.Г. Предпосылки внедрения нового комплекса ГТО в систему физического воспитания населения России // Поволжский педагогический поиск. 2014. № 2 (8). С. 113-118.
13. Подготовка и повышение квалификации кадров по физической культуре и спорту в СССР (1917-1991 гг.) / Под ред. Н.Н. Чеснокова. М.: Прометей, 2012. 54 с.
14. Развитие социалистической физической культуры в Советском Союзе (1925-1941) // История спорта [Электронный ресурс]. URL: https://sport.arhiv-history.ru/news/razvitie_socialisticheskoy_fizicheskoy_kultury_v_sovetskom_sojuze_1925_1941/2010-05-25-143 (дата обращения: 24.01.2025).
15. Столбов В.В. История физической культуры и спорта. М.: Физкультура и спорт, 1983. 159 с.

© Желтиков Олег Витальевич (cambuct23051997@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ БУДУЩИМИ ПЕДАГОГАМИ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF PREPARING A FUTURE TEACHER OF PRESCHOOL EDUCATION

**E. Kirkina
N. Shchemerova
N. Hrykina**

Summary: The introduction of ICT into the educational process of preschool education reflects the modern realities of the digitalization of education. The article discusses the importance of organizing the educational process of preschool education using digital technologies. The necessity of using these technologies both in the education of preschoolers and in working with parents is substantiated. The article shows the possibility of including innovative technology "storytelling" in the educational process of a kindergarten.

Keywords: digitalization, digital technologies, preschool education, preschool teachers, storytelling.

Киркина Елена Николаевна

кандидат филологических наук,
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический
университет им. М.Е. Евсевьева» (Саранск, Россия)
kirkinaelena@yandex.ru

Щемерова Надежда Николаевна

кандидат филологических наук,
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический
университет им. М.Е. Евсевьева» (Саранск, Россия)
nadya.shem@mail.ru

Хрюкина Надежда Андреевна

Магистрант,
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический
университет им. М.Е. Евсевьева» (Саранск, Россия)
nadezhdahriukina@yandex.ru

Аннотация: Внедрение цифровых технологий в образовательный процесс дошкольного образования отражает современные реалии процесса цифровизации образования. В статье рассматривается вопрос о важности организации воспитательно-образовательного процесса дошкольного образования с использованием цифровых технологий. Обосновывается необходимость применения данных технологий как в воспитании дошкольников, так и в работе с родителями. В статье показана возможность включения в образовательный процесс детского сада инновационной технологии «сторителлинг».

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, дошкольное образование, педагоги дошкольного образования, сторителлинг.

В условиях быстро развивающегося и меняющегося информационного общества возникает острая необходимость использования новых форматов, современных дидактических средств в образовательном процессе. Выпускник педагогического вуза должен быть высококвалифицированным, конкурентоспособным, умеющим самостоятельно работать в избранной сфере образования и отвечающим современным требованиям к качеству специалистов. Ни для кого не секрет, что квалифицированными педагогами становятся те студенты, которые живут идеями привнести в методику и практику авторские разработки, прошедшие апробацию на производственных (педагогических) практиках, а также иные полезные средства и ресурсы, позволяющие обогатить функционал педагогов, облегчить и в то же время креативно представить материал для познания детьми [1].

Активность ребенка-дошкольника будет раскрываться именно в ведущей деятельности, определяющей интересы и отношение к действительности, аспекты взаимоотношений с окружающими людьми. Именно игра является основной формой деятельности детей

дошкольного возраста. Определяя термин «игра» через призму дошкольной педагогики, мы ссылаемся на трактовку А.П. Усовой о «форме организации жизни и деятельности детей-дошкольников, когда в свободно избранной и протекающей игре, направляемой воспитателем, создаются играющие детские коллективы, складываются между детьми определенные отношения, личные симпатии и антипатии, общественные и личные интересы» [5, с 28]. Именно поэтому наше видение на подготовку будущих педагогов таково, что современные студенты лучше понимают общественные и иные интересы подрастающего поколения в силу своего возраста, чем поколение преподавателей со стажем. И мы поддерживаем их инициативы в разработке и раскрытии идей цифровых технологий, завоевавших доверие по результатам апробаций.

За последний год научные исследования студентов обогащены цифровыми образовательными разработками по технологии «сторителлинг». Дошкольники быстрее запоминают истории-сочинения с долей импровизации, чем заученные тексты. Чтобы научиться правильно и интересно рассказывать, использовать это умение в

будущей работе, предлагается студентам в часы самостоятельной работы познакомиться с инновационной технологией «сторителлинг», разработанной Дэвидом Армстронгом и обосновавший феномен рассказывания от своего имени, что по восприятию и интересу более увлекательно в сравнении с прочтением текста на глазах у слушателей. Для примера приведем сторителлинг, включающий в себя задания на отработку вычислительных навыков детей старшего дошкольного возраста с использованием народной сказки «Лиса и журавль». После основной работы по знакомству с данным произведением можно рассказать детям так: «Лиса с журавлем подружились. Вот вздумала лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости:

– Приходи, куманек, приходи, дорогой! Уж я тебя угощу!

Пошел журавль на званный пир. Лиса наварила манной каши и размазала по тарелке 2 ложки и еще одну ложку добавила для сладости. Сколько всего ложек каши положила лиса журавлю? (Ответ детей).

Импровизации поддается и развязка данной сказки.

– Ну, не обессудь, кума! Каждому свое, но голодной я тебя не оставлю, припас для тебя бидон молока.

Лиса обрадовалась, уже замечталась, что наестся на целую неделю. Налил журавль ей молока в миску, та и рада была, что даже не заметила, как одну за другой журавль миску с молоком ей менял. Посчитал журавль ее обед. 1 миска молока плюс еще 5 мисок выпила лисица. Сколько всего мисок молока выпила лиса у журавля в гостях? (Ответ). Лиса поблагодарила журавля, посидела еще немного у него в гостях, да и к себе домой пошла. С тех пор лиса знала, что нужно гостей правильно принимать».

Мы также можем отметить, что данный сторителлинг является активным по своему характеру, так как он непосредственно содержит основу события, формирует проблемы в виде математических преград, которые позволяют вовлекать детей дошкольного возраста в процесс формирования и совместного пересказывания и рассказывания историй.

Цифровой формат технологии «сторителлинг», когда рассказывание истории дополняется визуальными компонентами (видео, скрайбинг, инфографика) распространился в современном педагогическом сообществе за счёт многогранного представления, решения многих целей и обучающих, развивающих и воспитательных задач. Детям втройне интересно, когда история совмещается с игрой в дополнении с цифровым форматом.

Основой для авторского образовательного сторителлинга по математическому развитию для детей среднего дошкольного возраста магистрантки Н. А. Хрюкиной стала игра «Найди пару» (доступен по ссылке https://youtu.be/v5CkZJKru_M).

Цель данного авторского сторителлинга – привлечь внимание детей к развитию представлений о геометрических фигурах на основе соотнесения их с формой различных предметов.

Образовательный сторителлинг «Найди пару» интегрирует в себе отработку умений по 3 образовательным областям: «Социально-коммуникативное развитие», «Познавательное развитие», «Речевое развитие».

Сам прием не требует материальных затрат, требуется только лишь пару часов свободного времени и творческого подхода к работе. Сторителлинг «Найди пару» для детей среднего возраста может быть использован как средство отработки представлений о геометрических фигурах и способ разнообразить деятельность детей в ДОО в любое время воспитательно-образовательного процесса. Будьте уверены, что он эффективен по своей природе, потому что импровизированные рассказы вызывают у детей большой интерес, развивают фантазию, логику. А что делать, если дети попросят еще такой «мультфильм»?... Обучаемся технологии цифрового сторителлинга, продвигаем его в своей педагогической практике и коллективе, действуем на благо разностороннему развитию дошкольника.

Цифровые технологии могут быть использованы будущим педагогом не только во взаимодействии с детьми дошкольного возраста, но и в процессе работы с родителями. Так, к примеру, в организации и педагогической поддержке валеологического просвещения родителей в условиях взаимодействия дошкольной образовательной организации и семьи возможно создание на виртуальных информационных площадках и цифровых платформах (мобильные мессенджеры и социальные сети) блогов или открытых чатов, где педагогу электронный цифровой ресурс поможет создать условия в разрешении вопроса поддержания здорового образа жизни в семьях воспитанников [6].

Период выходных и длительных каникул большое пространство для акций, фото-кроссов, где становится возможным охватить различные виды деятельности ребенка с родителями. Если говорить о блоге группы детского сада, то будущему педагогу как руководителю будет интересно и полезно записывать короткие видеоконсультации для родителей, рекомендации по участию в мероприятиях региона, организовать электронную выставку книг на различную тематику.

Широкую популярность могут набрать вебинары на платформе видеохостинга YouTube, где родителям покажутся полезными затронутые вопросы просвещения, что потенциально приведет к активному участию родителей воспитанников жизнедеятельности группы [4].

Таким образом, в процессе проводимых в нашей стране образовательных реформ использование цифровых технологий в воспитательно-образовательном процессе дошкольного образования своевременно и

закономерно. Будущему педагогу будет необходимо внедрять как новые средства в традиционную очную практику, так и сделать доступными дистанционные и онлайн-формы образовательного процесса. Поскольку педагог является непосредственным агентом реализации имплементации цифровых технологий в дошкольную ступень образования, педагогические установки доказанно оказывают влияние на реализацию практик с цифровыми устройствами в образовании, а также на практику онлайн-занятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веракса А.Н., Гаврилова М.Н., Чурсина А.В., Фоминых А.Я. Оценка опыта внедрения ИКТ в образовательную практику дошкольных педагогов // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 6 (123). С. 186-195. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2021-6-123-186-195>.
2. Зарипова Г.К., Аvezов А.А. Совершенствование внедрения цифровых технологий в процесс подготовки будущих педагогов // Universum: технические науки: электронный научный журнал 2022. 10 (103). URL: <https://7universum.com/ru/tech/archive/item/14372>
3. Казакова Е.И. Цифровая трансформация педагогического образования // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 1 (112). С. 8–14. DOI: 10.20323/1813-145X2020-1-112-8-14
4. Паршина Л.Г., Карпушина Л.П. Возможности цифровых технологий в подготовке будущих педагогов-музыкантов // Гуманитарные науки и образование. 2023. Т.14. № 2 (54). С.70-74 https://doi.org/10.51609/2079-3499_2023_14_02_70
5. Усова, А.П. Роль игры в воспитании детей / под ред. А.В. Запорожца. Москва: Просвещение, 1976. 327 с.
6. Хрюкина, Н.А., Мазуренко О.В. Цифровые форматы реализации технологии валеологического просвещения родителей // Дети и детство в современном провинциальном социуме: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции «59-е Евсевьевские чтения» (г. Саранск, 20-21 апреля 2023 г.) / редкол.: Л.В. Карпушина, Н.Г. Спиренкова, Ю.Г. Ширяева; отв. ред. Н.Г. Спиренкова; Мордовский государственный педагогический университет. Саранск: РИЦ МГПУ, 2023. С. 156–162. ISBN 978-5-8156-1689-9.

© Киркина Елена Николаевна (kirkinaelena@yandex.ru), Щемерова Надежда Николаевна (nadya.shem@mail.ru),
Хрюкина Надежда Андреевна (nadezhdahriukina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗНАЧИМОСТЬ ДИСЦИПЛИН МАТЕМАТИЧЕСКОГО ЦИКЛА ДЛЯ ВЫПУСКНИКОВ ВЕТЕРИНАРНО-БИОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ВУЗА

Кишкинова Ольга Алексеевна

Старший преподаватель, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
olga.19672015@yandex.ru

Верезубова Наталья Афанасьевна

Кандидат экономических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
nverez@mail.ru

Яковлева Ольга Анатольевна

Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина
yakovleffo@yandex.ru

THE IMPORTANCE OF MATHEMATICAL CYCLE DISCIPLINES FOR GRADUATES OF THE VETERINARY AND BIOLOGICAL DIRECTION OF THE UNIVERSITY

**O. Kishkinova
N. Verezubova
O. Yakovleva**

Summary: The article is devoted to the importance of the mathematics discipline in the educational process of a veterinary university, which, as part of education, forms skills for successful work in professional activities. The fields of application of knowledge on the discipline in the work of future graduates are presented. The author says that mathematical education approaches contribute to stimulating students' independent thinking, accelerating their academic and professional growth. The competencies that students need to develop in the educational process are considered. The article highlights the key role of mathematics as a tool for education, development and preparation of students for successful academic and professional activities. The author provides recommendations on improving the effectiveness of the use of higher mathematics in the educational process of the veterinary and biological profile of the University.

Keywords: higher mathematics, educational competencies, learning process, graduate, professional activity, formation of skills and abilities.

Аннотация: Статья посвящена значимости дисциплин математического цикла в учебном процессе ветеринарного вуза, которая как часть образования формирует навыки успешной работы в профессиональной деятельности. Представлены области применения знаний по дисциплине в работе будущих выпускников. Автор говорит о том, что подходы математического образования вносят вклад в стимулирование независимого мышления студентов, ускоряя их академический и профессиональный рост. Рассматриваются компетенции, которые необходимо развить у студентов в процессе образования. В статье говорится о ключевой роли математики в качестве инструмента для образования, развития и подготовки студентов к успешной академической и профессиональной деятельности. Автором приводятся рекомендации относительно повышения эффективности применения высшей математики в образовательном процессе ветеринарно-биологического профиля ВУЗа.

Ключевые слова: высшая математика, образовательные компетенции, учебный процесс, выпускник, профессиональная деятельность, формирование навыков и умений.

Роль высшей математики в образовании будущих выпускников ветеринарной академии значительно выходит за рамки простого выполнения арифметических операций. Математика является фундаментальной дисциплиной, формирующей не только прочные теоретические знания и практические навыки, необходимые для успешного освоения специализированных дисциплин ветеринарного направления, но и закладывающей основу для высококвалифицированной профессиональной деятельности в будущем.

Обучение высшей математике в ветеринарном вузе – это инвестиция в качество будущей работы специалиста данного направления. На рисунке 1 приведена схема, где представлена значимость дисциплины математики

в образовании и приведены компетенции, которые она развивает в учебном процессе.

Отметим, что обучение высшей математики в ветеринарном вузе способствует развитию самостоятельности и самообразования. Студенты учатся работать с учебной и научной литературой, анализировать информацию из разных источников, критически оценивать полученные данные и принимать объективные решения. Они развивают навыки самоконтроля и самоорганизации, что является необходимым условием для успешной профессиональной деятельности в динамично развивающейся области ветеринарии. В современном мире, где доступ к информации практически неограничен, способность самостоятельно получать и анализировать знания явля-

Рис. 1. Роль математики в образовании

Рис. 2. Применение высшей математики в профессиональной деятельности

ется ключевой компетенцией для любого специалиста, и ветеринар не является исключением. Понимание основы математических методов позволяет ветеринарному врачу критически относиться к результатам исследований и аналитических отчетов, чтобы применять только достоверную информацию в своей практике.

Преподавание высшей математики в ветеринарных вузах является неотъемлемой частью образовательной программы, так как математика занимает центральное место в различных аспектах профессиональной деятельности будущих специалистов. Ветеринарная медицина требует не только практических навыков, но и глубокого понимания количественных методов, которые помогают в принятии обоснованных решений [1].

Выпускники ветеринарного ВУЗа сталкиваются со знаниями дисциплины «Высшая математика», практически во всех сферах своей профессиональной деятельности, начиная от базовых задач и заканчивая сложными научными исследованиями. Рассмотрим подробнее, как именно разделы высшей математики используются в этой области.

На рисунке 2 приведена схема, где представлены области применения знаний по дисциплине «Высшая математика» в работе будущих выпускников ветеринарной академии по направлениям подготовки.

В биомеханике математика играет ключевую роль. С помощью математических моделей ветеринары могут рассчитывать силы, действующие на опорно-двигательную систему животных. Это особенно важно при оценке состояния животных после травм или операций. Например, при разработке реабилитационных программ для животных, имеющих проблемы с суставами, математические расчеты помогают определить оптимальные нагрузки и упражнения, способствующие восстановлению [2].

Расчет дозировок лекарств - еще одна важная область применения математики в ветеринарии и зоотехнии. Правильная дозировка медикаментов критически важна для эффективности лечения и предотвращения побочных эффектов. Математика позволяет создавать различные таблицы и графики, которые помогают ветеринарам точно определять необходимые дозы в зависимости от веса и состояния здоровья животного. Это особенно актуально при использовании препаратов, имеющих узкий терапевтический диапазон.

Анализ данных и статистика являются неотъемлемой частью ветеринарной практики. Ветеринары проводят исследования, собирают и анализируют данные о здоровье животных, результатах лечения и эффективности

различных методик. Математические методы помогают интерпретировать эти данные, выявлять закономерности и делать научные выводы. Например, с помощью статистических методов можно определить, какие методы лечения наиболее эффективны для определенных заболеваний.

Высшая математика необходима для разработки научных теорий и моделей, которые позволяют прогнозировать результаты исследований. Это может включать в себя моделирование распространения инфекционных заболеваний среди животных или оценку воздействия различных факторов на здоровье животных. Такие математические модели помогают в планировании профилактических мероприятий и разработке стратегий борьбы с эпидемиями.

Кормление животных - это одна из самых важных задач, с которой сталкиваются ветеринары и зоотехники. Для обеспечения правильного рациона питания необходимо точно рассчитать количество корма, учитывая возраст, вес, вид и состояние здоровья животного. Это требует применения математических формул для определения оптимальных пропорций различных компонентов корма, таких как белки, жиры и углеводы. Кроме того, ветеринары должны учитывать индивидуальные потребности каждого животного, что может потребовать сложных вычислений.

Контроль за состоянием здоровья животных включает в себя измерение различных физиологических параметров, таких как артериальное, внутричерепное и внутриглазное давление. Здесь математика помогает не только в проведении измерений, но и в интерпретации полученных данных, что важно для диагностики заболеваний и оценки эффективности лечения. Использование формул и алгоритмов позволяет ветеринарам анализировать динамику изменений этих показателей и делать обоснованные выводы о состоянии пациента.

Акушерство - еще одна область, где высшая математика играет важную роль. Ветеринары применяют математические методы для расчета сроков беременности, оценки размеров плодов и определения оптимальных условий для родов. Например, знание о том, как рассчитывать время родов, на основе данных о предыдущих беременностях и текущем состоянии здоровья матери, может значительно повысить шансы на успешное решение.

Также стоит отметить, что в ветеринарной практике все чаще используются сложные технологии, такие как компьютерная томография, ультразвуковая диагностика и лабораторные анализы. Эти технологии требуют от специалистов не только технических навыков, но и

глубоких математических знаний, чтобы правильно интерпретировать результаты и принимать обоснованные решения.

Моделирование - это еще один аспект, где математика находит свое применение. Создание математических моделей, которые описывают физиологические процессы в организме животного, позволяет ветеринарам и исследователям предсказывать развитие заболеваний и выбирать оптимальные методы лечения. Например, модели могут учитывать симптомы болезни и предлагать различные варианты терапии, что значительно упрощает процесс принятия решений [3].

Математическое моделирование широко используется в ветеринарии. Приведем некоторые области, где это применяется:

- в биомеханике математические модели помогают рассчитывать силы, воздействующие на опорно-двигательную систему животных, а также оценивать возможность реабилитации после травм или операций;
- при обработке данных в ветеринарной статистике математические методы помогают собирать и обрабатывать данные о ветеринарно-санитарном состоянии поголовья, динамике заболеваний и смертности скота и других видов животных;
- при расчётах дозировок лекарств математика нужна для создания различных таблиц и графиков, необходимых для мониторинга здоровья животных;
- в анализе данных при проведении исследований математические навыки помогают ветеринарам принимать точные решения и предсказывать возможные последствия тех или иных медицинских вмешательств.

Кроме того, для математического моделирования и создания трёхмерной модели коровы применяют компьютерную томографию и сканирование препарированных анатомических структур. Так создают, например, интерактивный анатомический 3D-атлас коровы, который используют в учебном процессе, клинической практике и научно-исследовательской работе [3].

Когда речь идет о работе с наследственностью, то этот аспект также требует применения математических знаний. Комбинаторика и генетические расчеты помогают ветеринарам просчитывать вероятности наследования определенных признаков, что является важным для селекционной работы и оценки здоровья потомства.

Рассматривая необходимость знаний по математике в профессиональной деятельности выпускников, надо отметить, что с каждым годом в учебном заведении на-

грузка по математике сокращается, что может негативно сказаться на качестве подготовки специалистов в различных областях. Математика - это не просто набор формул и уравнений, это основа для развития аналитического мышления, логики и способности решать комплексные задачи. В современном мире, где технологии и экономика стремительно развиваются, математические знания становятся необходимыми для успешного выполнения множества производственных и технических задач [4].

Фундаментальные математические знания помогают выпускникам не только понять существующие технологии, но и адаптироваться к новым условиям. В условиях постоянных изменений в производственных процессах и технологических новшествах, способность к быстрой адаптации и освоению нового становится критически важной. Поэтому сокращение математической нагрузки может привести к тому, что студенты не смогут в полной мере осваивать новые методы и подходы в своей профессиональной деятельности [5].

Чтобы компенсировать сокращение учебного времени по математике, можно рассмотреть несколько эффективных стратегий.

Необходимо обеспечить практическую направленность преподавания. Внедрение проектных задач и реальных кейсов из жизни позволит студентам применять свои математические знания на практике. Например, можно организовать занятия, на которых студенты будут решать задачи, связанные с оптимизацией процессов в компаниях или анализом данных, что делает обучение более увлекательным и полезным [6].

Использование современных образовательных технологий может значительно улучшить процесс обучения математике. Интерактивные программы, мобильные приложения и онлайн-ресурсы делают изучение математики более доступным и интересным. Такие технологии могут включать в себя симуляции, игры и визуализации, которые помогают лучше понять сложные концепции и повысить мотивацию студентов.

Кроме того, важно усилить работу над базовыми математическими знаниями еще на этапе подготовки к поступлению в учебное заведение. Многие абитуриенты приходят в университеты с недостаточными математическими навыками, что затрудняет их успешное освоение более сложных тем. Поэтому стоит обратить внимание на программы дополнительного образования и курсы, которые помогут подготовить студентов к вступительным экзаменам и повысить их уровень математической подготовки.

Также следует рассмотреть возможность создания менторских программ, где более опытные студенты или преподаватели могли бы оказывать помощь тем, кто испытывает трудности в изучении математики. Это не только поможет улучшить уровень знаний, но и создаст атмосферу поддержки и сотрудничества в учебном процессе.

В заключение, важно понимать, что высшая математика – это неотъемлемая часть образования, которая формирует навыки, необходимые для успешной профессиональной деятельности. Поэтому сокращение ее нагрузки должно быть обдуманым и сбалансированным, а предпринятые меры – направлены на сохранение и укрепление математической базы студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кишкинова О.А. Прогрессивные методы преподавания высшей математики в университетах с аграрным профилем / О.А. Кишкинова, Ю.Б. Миндлин, О.А. Яковлева // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки -2023-№9-2 –С.90-95.
2. Кишкинова О.А. Преподавание математических дисциплин в непрофильном вузе // О.А. Кишкинова, Ю.Б. Минлин // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки -2023-№3 –С.60-65.
3. Машков С.В., Колсанов А.В., Баймишев Х.Б., Назарян А.К. Компьютерное моделирование в ветеринарии // Известия Самарской государственной сельскохозяйственной академии. 2019. №. 4. С. 48-54. [Электронный ресурс]. - Режим доступа — URL: <https://doi.org/10.12737/33179> (Дата обращения: 23.01.2025).
4. Кишкинова, О.А. Роль цифровых технологий в процессе преподавания математики в вузе / О.А. Кишкинова, И.Н. Везубова // Новые векторы развития Российской науки: Материалы Всероссийской (Национальной) научно-практической конференции, Москва, 16–17 декабря 2024 года. – Москва: Московский институт экономики, политики и права, 2025. – С. 87-89.
5. Везубова, Н.А. Информационные технологии как фактор и необходимое условие развития высшего образования / Н.А. Везубова // Проблемы энергообеспечения, информатизации и автоматизации, безопасности и природопользования в АПК: Международная научно-техническая конференция, Брянск, 12–14 сентября 2012 года. – Брянск: Издательство Брянской ГСХА, 2012. – С. 43-46.
6. Андрейко Л.В. Проблемы преподавания математики в среднем профессиональном образовании: вызовы и перспективы. [Электронный ресурс]. - Режим доступа — URL: <https://www.pedopot.ru/categories/19/articles/3411> (Дата обращения: 23.01.2025).

© Кишкинова Ольга Алексеевна (olga.19672015@yandex.ru), Везубова Наталья Афанасьевна (nvezub@mail.ru), Яковлева Ольга Анатольевна (yakovleffo@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ВЕРИФИКАЦИИ ДАННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

STATISTICAL ANALYSIS APPLICATION FOR VERIFICATION OF PEDAGOGICAL RESEARCH DATA

**I. Kutlikova
O. Kishkinova
Yu. Mindlin**

Summary: The article is devoted to the topical problem of the application of statistical analysis methods to verify the relevance of methods and empirical data of pedagogical research. The research goal is to systematize the most frequently used methods of statistical research to verify the sample or results of empirical pedagogical research. The research objectives are: to consider the possibilities of using statistical analysis methods for data verification; as well as in the systematization of the main methods that are most often used in pedagogical research of modern pedagogical science.

The research methodology includes general scientific methods: synthesis, analysis, systematization, descriptive method, comparison, as well as the formal-logical method. In the course of the study, special methods were also used: historiographical analysis of scientific literature on the topic under study; qualitative analysis of the possibilities of using statistical analysis methods to verify pedagogical research data.

Based on the results of the study, the following conclusions were formulated: in the process of verifying the data of pedagogical research, four methods of regressive and correlational statistical analysis are most often used (U-Mann test, Student's t-test, α -Cronbach coefficient and Pearson's correlation coefficient).

Keywords: pedagogy, statistical analysis, pedagogy, verification, pedagogical research.

Кутликова Ирина Вениаминовна

старший преподаватель,

ФГБОУ ВО МГАВМиБ – МВА имени К.И. Скрябина

Кишкинова Ольга Алексеевна

старший преподаватель,

ФГБОУ ВО МГАВМиБ – МВА имени К.И. Скрябина

olga.19672015@yandex.ru

Миндлин Юрий Борисович

К.э.н., доцент,

ФГБОУ ВО МГАВМиБ – МВА имени К.И. Скрябина

mindliny@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме применения методов статистического анализа для проверки релевантности методик и эмпирических данных педагогических исследований. Цель исследования состоит в том, чтобы систематизировать наиболее часто применяемые методы статистического исследования для верификации выборки или результатов эмпирических педагогических исследований. Соответственно цели в работе были решены следующие задачи: выявлена роль статистического анализа для современных педагогических исследований; рассмотрены возможности применения методов статистического анализа для верификации данных; систематизированы основные методы, которые наиболее часто используются в эмпирических исследованиях современной педагогической науки.

Методология исследования включает в себя общенаучные методы: синтез, анализ, систематизация, описательный метод, сопоставление, а также формально-логический метод. В ходе исследования использовались также специальные методы: историографический анализ научной литературы по изучаемой теме; качественный анализ возможностей применения методов статистического анализа для верификации данных педагогических исследований.

По итогу проведенного исследования были сформулированы следующие выводы: в процессе верификации данных педагогических исследований наиболее часто применяются четыре метода регрессивного и корреляционного статистического анализа (тест U-Манна, t-критерий Стьюдента, коэффициент α -Кронбаха и коэффициент корреляции Пирсона).

Ключевые слова: педагогика, статистический анализ, педагогика, верификация, педагогические исследования.

Введение

Актуальность темы состоит в том, что недавние исследования в области педагогики все больше фокусируются на необходимости проверки данных, полученных в результате эмпирических исследований. При этом использование методов статистического анализа является важным аспектом доказательного обоснования результатов исследования [10, с. 111]. Статистические методы, такие, как корреляционный,

регрессионный и дисперсионный анализ, позволяют исследователям не только обрабатывать полученные данные, но и выявлять закономерности и тенденции, что существенно повышает достоверность выводов [9, с. 81].

Как отмечают исследователи, одним из основных преимуществ использования статистических методов является возможность количественной оценки взаимосвязей между переменными в педагогическом эксперименте [8, с. 122]. Статистический анализ позволяет

максимально полно охарактеризовать степень влияния различных факторов на результаты образования, что в свою очередь дает возможность применять более эффективные методы обучения и управления образовательным процессом. Кроме того, наличие статистически надежных данных укрепляет научную основу образовательной практики и помогает формировать целевые образовательные программы на основе позитивистского подхода к гуманитарным наукам [11, с. 75].

Отметим, что статистический анализ также помогает оценить значимость данных, полученных в ходе педагогических экспериментов. Например, проверку научных гипотез можно использовать для подтверждения или опровержения предварительных предположений, повышая уверенность в результатах исследования. Более того, применение статистических методов является необходимым компонентом современной педагогической науки.

Историография исследуемой темы довольно обширна и включает в себя работы как отечественных, так и зарубежных исследователей. В частности, анализ методов статистики и их релевантность для эмпирической педагогической работы представлен в исследованиях таких авторов, как М.М. Басимов [1], Д.А. Богданов [2], С.П. Грушевский, Л.В. Шелехова, О.В. Мороз [3], Н.В. Задохина [4], Д.М. Фроленко, Н.В. Локоть [5], В.В. Шапкин [6], Г.В. Щагина [7] и др.

Методические основания применения методов статистического анализа для верификации данных педагогических исследований подробно изучены в работах таких авторов, как А. Абдалла, С. Ламис, Г. Омар [8], Н. Хасим, А. Арфиани, С. Салех [9], Н. Никмалини, С. Сумарно, Э. Эрни [10], Дж. Сикин [11], М. Юний, Э. Этомес, Р. Ниддл [12] и др.

По мнению большинства исследователей, статистический анализ играет важную роль в проверке результатов эмпирических исследований в области образования и обеспечения надежности и обоснованности полученных данных [12, с. 72]. С помощью современных статистических программ, таких, как Neural Designer, Minitab, StatSoft, преподаватель вуза или педагог школы могут быстро и относительно легко систематизировать необходимую информацию, при этом выявляя закономерности, которые на первый взгляд могут быть незаметны или могут находиться не в основном фокусе анализа. Например, данные программы позволяют на основе ввода исходных данных применять все известные коэффициенты корреляции или регрессии, избегая трудоемкого ручного подсчета.

Отметим, что с методической точки зрения использование современных статистических методов позволяет педагогам школ и преподавателям вузов подкреплять

свои выводы количественными показателями, что существенно повышает научную значимость современных педагогических исследований.

На наш взгляд, одним из важных аспектов статистического анализа является возможность проверки гипотез. Проведение верификационных тестов помогает определить, являются ли наблюдаемые эффекты следствием случайности или устойчивой закономерности. Это имеет решающее значение в образовательных исследованиях, поскольку используемые методы и подходы должны быть научно обоснованы, чтобы их можно было применять на практике.

В рамках эмпирических педагогических исследований статистический анализ играет еще одну важную роль – он позволяет обобщить результаты, полученные как в ходе опросов экспертов, так и по итогу разного рода педагогических наблюдений (включенных и не включенных). В частности, анализ вариации и определение доверительных интервалов позволяет исследователям делать выводы, применимые к более широкой изучаемой выборке, а не только к конкретной репрезентативной группе. Такой подход расширяет возможности разработки рекомендаций для образовательной практики, что является важной целью стратегических фундаментальных педагогических исследований.

Тем не менее, требуется определенная систематизация методов статистического анализа в контексте их использования в исследованиях педагогического направления. Как показал анализ современных педагогических исследований, в процессе верификации данных педагогических исследований наиболее часто применяются четыре метода регрессивного и корреляционного статистического анализа (таблица 1).

Тест U-Манна используется для сравнения двух независимых выборок и является важнейшим инструментом в педагогических исследованиях, где необходимо оценить, например, различия в успеваемости между группами учащихся. Данный непараметрический тест особенно полезен, когда данные распределены «ненормально», что часто бывает в гуманитарных экспериментах. Например, метод можно использовать для анализа влияния новой педагогической методики обучения на успеваемость обучающихся, получая четкие результаты, на которые не влияют предположения о распределении данных.

Тест Манна U (также известный как тест Манна-Уитни) основан на ранговых данных и позволяет сравнивать две независимые группы по парным выборкам, поэтому его не рекомендуется использовать в случаях, когда размер выборки мал или нарушаются особые экспериментальные условия, то есть для использования данного метода нужны определенные предпосылки. Метод особенно по-

Таблица 1.

Основные методы статистического анализа.

Наименование метода	Формула
тест U-Манна	$U = \min \{ U_1, U_2 \}$
t-критерий Стьюдента	$sX^2 = \sum t = 1n(Xt - X)^2 / (n - 1)$
коэффициент α -Кронбаха	$\alpha = N * r / (1 + r * (N - 1))$
коэффициент корреляции Пирсона	$r = (n\sum xy - \sum x \sum y) / \sqrt{[(n\sum x^2 - (\sum x)^2) \times (n\sum y^2 - (\sum y)^2)]}$

лезен для проведения параметрического тестирования.

Для оценки гипотез о средних значениях в пределах небольших выборок в гуманитарных исследованиях широко используется t-критерий Стьюдента, особенно он актуален для сравнения средних значений по нескольким выборкам.

В сопоставительных гуманитарных работах t-критерий Стьюдента применяется для анализа таких факторов, как индивидуальные стратегии обучения, внешняя и внутренняя мотивация, а также для многих других параметров личности студента, которые можно обследовать в рамках двух выборок: экспериментальной и контрольной. Для релевантности t-критерия необходимо обеспечить репрезентативность выборки, а именно ее однородность по значимым показателям (пол, возраст и курс обучения студентов), чтобы сопоставлять 1 курс экспериментальной группы с 1 курсом контрольной группы, 2 курс – также со 2 курсом контрольной группы и т.п. В количественном отношении выборка также должна быть однородна настолько, насколько это возможно, по числу участников контрольной и экспериментальной групп (принцип однородности дисперсии). Критерий Стьюдента позволяет выявить существенные статистические различия между показателями по двум группам, если таковые различия имеются.

При своей относительной простоте расчета t-критерий Стьюдента используется очень широко в самых разных отраслях педагогической науки. Особенно полезен данный статистический инструмент для проведения эмпирических исследований на разных уровнях обучения, когда требуется сопоставить результаты академической успеваемости среди разных курсов студентов. При этом критерий Стьюдента практически не применяется для эмпирических исследований в школе, поскольку на этой ступени образования слишком сильны психофизиологические различия между выборками, например, в 1 и во 2 классе. Адекватное применение данного статистического инструмента возможно только в старших классах, но такого рода исследования практически не проводятся с помощью t-критерия Стьюдента.

Еще один популярный в педагогическом научном сообществе статистический инструмент – это коэффициент α -Кронбаха, который в основном применяется

для оценки надежности психометрических измерений. Данный коэффициент используется чаще всего для психолого-педагогических работ по выявлению таких параметров учебного процесса, как психологические установки, эмоциональное состояние обучаемых, а также различные психологические проблемы (фрустрации, психотравмы, комплексы и т.п.), которые препятствуют успешному обучению. Данный тест можно проводить как в университете среди студентов, так и в школе среди детей и подростков.

По сути, коэффициент α -Кронбаха позволяет отсеять несущественные факторы и выявить основные аспекты, влияющие на обучение индивида. По итогу тестирования преподаватель вуза или педагог школы может точно установить, какие именно проблемы с обучением в процессе освоения материала возникают у обучающихся. Психологические барьеры, травмы и отсутствие психологической поддержки со стороны преподавателя или родственников зачастую становятся серьезным препятствием для успешного обучения. Но, поскольку эти факторы лежат, как правило, не на поверхности, для коррекции психологического состояния студентов или школьников применяется именно коэффициент α -Кронбаха.

Коэффициент корреляции Пирсона представляет собой еще один эффективный статистический инструмент, который педагогами используется для выявления взаимосвязи между несколькими переменными: диапазон значений от -1 до 1, где 1 указывает на сильную положительную корреляцию, -1 указывает на сильную отрицательную корреляцию, а 0 указывает на отсутствие корреляции. То есть преподаватель может выявить, есть ли взаимовлияние таких факторов, как мотивация, социальный интерес и эмоциональный интеллект у экспериментальной группы студентов или такая связь отсутствует. Иными словами, коэффициент корреляции Пирсона применяется для выявления конкретных влияний в процессе обучения студентов. В школьной педагогике данный инструмент практически не применяется, поскольку в рамках школы, как правило, такие сложные корреляты не изучаются по причине их несформированности в сознании школьников. Следует иметь в виду, что релеванность применения коэффициента корреляции Пирсона в педагогической эмпирике зависит от двух основных условий: нормального распределения и линейной зави-

симости переменных. Поэтому, прежде чем применять все перечисленные выше методы верификации данных, преподаватели должны определиться со следующими параметрами исследования:

- 1) Репрезентативность выборки по двум группам (экспериментальной и контрольной).
- 2) Релевантность метода верификации данных, полученных в ходе эмпирической работы.
- 3) Комплексное применение всех трех рассмотренных методов возможно только для исследований сложных коррелятов на уровне высшего образования. Для школы необходимы другие, более простые способы верификации данных, например, адаптированные опросники для школьного возраста с готовыми шаблонами балльной шкалы подсчета результатов эмпирического исследования.

Заключение

В ходе проведенного исследования возможностей верификации эмпирических данных в педагогических

исследованиях было выявлено следующее:

1. С помощью количественных методов верификации данных преподаватель вуза или педагог школы могут проверять свои рабочие гипотезы, выявляя скрытые закономерности обучения студентов или школьников в зависимости от степени обучения. Данные методы позволяют обнаружить скрытые закономерности, особенно в психолого-педагогических исследованиях, когда многие характеристики обучения (мотивация, стратегии обучения, внутренние психологические барьеры, и т.п.) мешают осуществлять нормальный учебный процесс.
2. С помощью проанализированных выше статистических методов верификации данных современная педагогика имеет возможность существенно повысить степень прозрачности при работе с данным эмпирических исследований как в вузе, так и в школьной практике, с той лишь разницей, что не все методы подходят для обследования школьников в силу психолого-возрастных параметров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басимов, М.М. Методы изучения нелинейных статистических связей как не обходимое условие синергетических воззрений в психолого- педагогических исследованиях // Вестник ЧГАКИ. – 2018. – № 1 (7). – С. 139-148.
2. Богданов, Д.А. Применение статистических методов в педагогических исследованиях // Форум молодых ученых. – 2019. – № 2 (30). – С. 77-89.
3. Грушевский, С.П., Шелехова, Л.В., Мороз, О.В. Современные тенденции профессиональной подготовки студентов педагогических специальностей к применению статистических методов в научных исследованиях // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 67-4. – С. 129-138.
4. Задохина, Н.В. Эксперимент в психолого-педагогических исследованиях // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – № 4. – С. 37-56.
5. Фроленко, Д.М., Локоть, Н.В. Исторические периоды применения статистических методов в педагогических исследованиях // Теория и практика современной науки. – 2017. – № 5. – С. 92-112.
6. Шапкин, В.В. Еще раз о педагогическом эксперименте в научном исследовании // Традиционное прикладное искусство и образование. – 2020. – № 4 (35). – С. 77-83.
7. Щагина, Г.В. Комбинационность обработки данных педагогического исследования математическими и статистическими методами // Вестник ЮУрГПУ. – 2020. – № 4 (157). – С. 34-59.
8. Abdalla, A., Lamis, S., Omar, G. Enhancing EFL learners' engagement in situational language skills through clustered digital materials // Humanitarian studies. – 2022. – № 10. – pp. 120-139.
9. Hasyim, N., Arfiani, A., Saleh, S. The Influence of Teachers' Pedagogic Competence on Student Learning Activity // Humanitarian studies. – 2024. – № 4. – pp. 78-89.
10. Nikmalini, N., Sumarno, S., Erni, E. The Influence of Infrastructure Facilities and Teacher Pedagogic Competence on Student Satisfaction in Public High Schools in Pekanbaru City // Perspectives in Education. – 2021. – № 1. – pp. 110-122.
11. Sikin, J., Jyngelngriid, B., Bardsdatter, B., Tristram, H. Exploring Practitioners' Pedagogic Stances in Relation to Integrated Guidance: A Q-Method Study // Nordic Journal of Transitions Careers and Guidance. – 2024. – № 5. – pp. 68-82.
12. Younyi, M., Etomes E., Ndille, R. Pedagogic and programmes change and the enhancement of relevance of state higher education system in Cameroon // Perspectives in Education. – 2023. – № 4. – pp. 70-100.

© Кутликова Ирина Вениаминовна, Кишкинова Ольга Алексеевна (olga.19672015@yandex.ru),
Миндлин Юрий Борисович (mindliny@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКА УДАЛЕНИЯ ЗУБОВ И КОРНЕЙ ЗУБОВ У ЛЕВОРУКИХ СТУДЕНТОВ

DYNAMICS OF THE FORMATION OF THE SKILL OF TOOTH EXTRACTION AND TOOTH ROOTS IN LEFT-HANDED STUDENTS

**A. Levenets
I. Loginova
T. Makarchuk**

Summary: The aim of the study was to track the dynamics of the formation of the tooth extraction skill in left-handed students, to study the problem of left-handedness in the educational process and to form recommendations for a group of students studied. The study involved 20 left-handed students of the Faculty of Dentistry. At the time of the study, 18 out of 20 used their left hand in everyday life, and 0 out of 20 used it in dental practice. After conducting in-depth theoretical and practical classes, according to the results of the formative experiment, the evaluation of the effectiveness of left-hand manipulation showed an increase in efficiency. Those with an efficiency of 80-100% became 9 out of 20, which is characterized by an increase of 2.25 times. It was possible to exclude a group with an efficiency of 21-51%. The dominant group is represented by 11 out of 20 people with an efficiency from 51% to 79%. The second survey after completing the internship of a dental surgeon showed that 20 study participants considered the acquired skills and better preparedness for practical activities useful, of which 18 used their left hand as a guide during clinical practice. Taking into account the effectiveness of the conducted research, recommendations have been formed for left-handed students, such as conducting courses, cycles, master classes for in-depth theoretical and practical study of dental manipulations performed with the left hand, introduction to the educational process of a dental installation oriented to work with the left hand.

Keywords: dentistry, lefty, tooth extraction, manual skill.

Левенец Анатолий Александрович

Д.м.н., профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого" Министерства здравоохранения Российской Федерации
aalevenets@mail.ru

Логинава Ирина Олеговна

д.псих.н., профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого" Министерства здравоохранения Российской Федерации
loginova70_70@mail.ru

Макарчук Тихон Максимович

Ассистент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого" Министерства здравоохранения Российской Федерации
Tikhon.makarchuk@yandex.ru

Аннотация: Целью исследования было отследить динамику формирования навыка удаления зубов у леворуких студентов, изучить проблему левшества в образовательном процессе и формирование рекомендаций для группы исследуемых обучающихся. В исследовании участвовали 20 студентов левшей стоматологического факультета. На момент организации исследования 18 из 20 использовали левую руку в повседневной жизни, а в стоматологической практике 0 из 20. После проведения углубленных теоретических и практических занятий, по итогам формирующего эксперимента проведенная оценка эффективности манипуляций левой рукой показала прирост эффективности. Тех, кто имеет эффективность 80-100% стало 9 из 20, что характеризуется приростом в 2,25 раза. Удалось исключить группу с эффективностью 21-51%. Доминирующая группа представлена 11 из 20 человек с эффективностью от 51% до 79%. Второе анкетирование после прохождения производственной практики врача стоматолога хирурга показало, что 20 участников исследования считают полезными полученные навыки, лучшую подготовленность к практической деятельности, из них 18 использовали во время клинической практики левую руку как ведущую. С учетом эффективности проведенного исследования сформированы рекомендации для студентов левшей, такие как проведение курсов, циклов, мастер-классов для углубленного теоретического и практического изучения стоматологических манипуляций, осуществляемых левой рукой, введение в учебный процесс стоматологической установки ориентированной для работы левой рукой.

Ключевые слова: стоматология, левшество, левша, удаление зуба, мануальный навык.

Введение

В настоящее время сформировалось новое направление научного поиска, занимающиеся поиском взаимосвязи функциональной асимметрии мозга человека с особенностями его нервно-психической и социально-психологической адаптации. Важнейшим аспектом проблематики функциональной асимметрии мозга человека является левшество и леворукость. Во современным данным, в настоящее время наблюдается рост количества леворуких людей в популяции [1; 2; 3; 7]. Данный рост свидетельствует, о существенном изменении факторов внешней среды, вызывающих необходимость соответствующих перестроек механизмов адаптации мозга; об увеличении разнообразия типов мозговой организации в человеческой популяции; о повышении влияния фактора левшества на адаптацию и другие психические процессы [1; 2; 4; 5; 6]. Все это свидетельствует о том, что в психологии, педагогике, медицине имеется необходимость в проведении исследований, направленных на выявление и обоснование различий в нервно-психической и социально-психологической адаптации леворуких и праворуких людей.

Удаление зубов и корней зубов является одной из наиболее распространенных процедур в хирургической стоматологии. И формирование навыка удаления зубов требует особенного подхода, особенно для оптимизации под студента левшу [11, 12]. У леворуких студентов процесс формирования навыка данной процедуры может иметь свои особенности по сравнению с праворукими. Общепринято, что негативные стороны левшества состоят лишь в неудобстве пользования какими-либо техническими приспособлениями в мире праворуких, которые рассчитаны на предпочтение правой руки. При этом никаких минусов в работе мозга для достижения жизненных свершений у левшей нет, их левое полушарие, как и у правшей, созревает до степени функциональной активности, необходимой для получения нормативного когнитивного статуса [8].

Поэтому в данной статье рассмотрим вопрос особенностей формирования навыка удаления зубов у студентов – левшей с точки зрения необходимости адаптации инструментов и рабочего пространства для работы. Поскольку большинство инструментов и приспособлений в стоматологии разработаны для правшей, левшам может быть сложнее работать с ними. Некоторые студенты – левши вынуждены использовать правую руку для успешного использования стоматологического оборудования при удалении зубов. Это требует дополнительного времени и усилий для адаптации и формирования навыка.

Еще одной особенностью формирования навыка удаления зубов у студентов–левшей является возможное нарушение латерализации движений. Латерализация – это процесс направления движений в одну сторону тела. У правшей это обычно направление движений от центра тела к периферии (слева направо), а у левшей – наоборот. Стоит отметить в хирургической сфере выражен праволатеральный уклон, при этом 10-12% медицинских работников являются левшами [10]. Исходя из этого студенты – левши могут столкнуться с ситуацией, когда им необходимо двигаться против их естественной латерализации. Это может вызывать дополнительные сложности при контроле и координации движений инструментов и руки, и требует усилий для преодоления этого недостатка.

Также студенты–левши могут столкнуться с проблемами восприятия пространства и ориентации. Поскольку большинство врачей правши, рабочие области обычно адаптированы для их потребностей, хоть и существуют рабочие инструменты для людей с выраженной левой латерализацией, как правило возможность воспользоваться ими крайне низкая [10]. Это приводит к тому, что левшам сложнее справиться с требованиями по ориентированию и пространственной организации при работе в стоматологическом кресле. Это может выразиться в сложностях с выбором оптимального рабочего положения, координацией движений и эргономике при удалении зубов, приходится менять свою привычную латерализацию, адаптироваться к работе [10].

Все вышеперечисленное свидетельствует, что многие стороны и проблемы леворуких студентов стоматологов не решены или изучены недостаточно [9], что и послужило объектом нашего исследования.

Описание исследования

Для успешного формирования навыка удаления зубов и корней зубов у студентов–левшей необходимо обратить внимание на ряд факторов. Важно обеспечить адаптацию инструментов и рабочего пространства для работы левшей, чтобы создать оптимальные условия для выполнения процедуры. Также следует уделить внимание тренировке латерализации движений и развитию двигательных навыков, необходимых для контроля и координации движений инструментов. Кроме того, студентам–левшам следует предоставить достаточное время и поддержку для адаптации и формирования навыка удаления зубов, учитывая их индивидуальные потребности и особенности.

Цель: Повышение эффективности обучения студентов–левшей практическим навыкам удаления зубов и корней зубов.

Задачи:

1. Определить ведущую руку в повседневности и ведущую руку при выполнении стоматологической манипуляций участников исследования.
2. Определить эффективность выполнения манипуляции ведущей рукой.
3. Определить эффективность выполнения манипуляции не ведущей рукой до курса углубленной теоретической подготовки, после прохождения курса углубленной теоретической подготовки, после прохождения производственной практики.
4. Предложить рекомендации для обучения студентов-левшей в хирургической стоматологии.

Материалы и методы: студенты левши 3, 4 курса стоматологического факультета КрасГМУ.

В процессе реализации исследования, обучающимся предложен курс углубленной теоретической подготовки, разбор ошибок в рабочей позиции врача у стоматологического кресла и позиции пациента относительно врача, отработаны основные этапы операции удаления зуба.

Исследование было проведено на контрольной группе леворуких студентов 3, 4, курса стоматологического факультета, которые прошли цикл «Хирургия полости рта». Группа состояла из 20 студентов левшей возрастом от 20 до 25 лет, не имеющих ранее законченного среднего специального образования. Оценка уровня подготовки, знаний и ощущений проводилась с помощью поэтапного анкетирования согласно ходу исследования. Анкеты разработаны и согласованы совместно с кафедрой клинической психологии и педагогики с курсом ПО. Содержание анкеты представлено в таблице 1

Первым этапом исследования был анализ уровня знаний студентов о процедуре удаления зубов и корней зубов. Оказалось, что большинство студентов имели достаточное теоретическое представление о данной процедуре, 75% имели оценку по дисциплине 4, что соответствует хорошему уровню знаний.

Вторым этапом исследования был анализ ведущей и не ведущей руки в повседневной жизни и стоматологической практике (таблица 2).

Результаты показали, что 18 студентов в повседневной жизни имели ведущую левую руку, 1 студент одинаково пользовался и левой и правой рукой и один студент имел ведущую правую руку. Однако, в стоматологической практике, результат оказался обратный полученным данным о рабочей руке в повседневности, 95% студентов пользуются правой рукой, что можно связать с

разработкой стоматологических установок, ориентированных на специалистов с ведущей правой рукой.

Третий этап – выполнение мануального навыка удаление зуба контрольной группой. Студентами в произвольном порядке выбран зуб и выполнена манипуляция удаления зуба ведущей рукой, которой пользуются в стоматологической практике. После проведения манипуляций проводилась оценка навыка анкетированием. Результаты анкетирования показали, что студенты успешно справились с проведением манипуляции и оценили эффективность «рабочей» руки в диапазоне 75-100%.

Далее было проведено аналогичное исследование, но использовалась при выполнении манипуляций левая рука, которую большинство участников исследования используют в повседневной жизни. После проведения анкетирования получены результаты, которые представлены в таблице 3.

Рис. 1. Первичная оценка уровня владения левой рукой при выполнении операции удаление зуба

По анализу данных исследования, представленных в таблице, сделан вывод о том, что обучающиеся стоматологического факультета испытывают дискомфорт при проведении манипуляций левой рукой в стоматологической практике, лишь 4 обучающихся оценили свой уровень владения мануальным навыком в диапазоне от 75 до 100%.

Четвертым этапом исследования были организованы ежемесячные занятия с углубленной теоретической подготовкой, с специализированными фантомами для удаления зубов, разбор ошибок в рабочей позиции врача у стоматологического кресла и позиции пациента относительно врача. Были отработаны основные этапы операции удаления зуба, сформирован индивидуальный подход к обучению студентов левшей.

Таблица 1.

Анкета опрос для леворуких студентов.

№	Содержание вопроса	Варианты ответа
1	Средний балл по дисциплине «Хирургия полости рта»	3 удовлетворительно 4 - хорошо 5 – отлично
2	В повседневной жизни, какая рука у вас ведущая?	Правая Левая
3	При выполнении стоматологических манипуляций, какая рука у вас ведущая?	Правая Левая
4	Насколько эффективно вы выполняете стоматологические манипуляции ведущей рукой (где 1-20% очень плохо, где 80-100% отлично)	1-20% 21-50% 51-79% 80-100%
5	Насколько эффективно вы выполняете стоматологические манипуляции не ведущей рукой (Где 1-20% очень плохо, где 80-100% отлично)	1-20% 21-50% 51-79% 80-100%
	Насколько эффективно вы выполняете стоматологические манипуляции не ведущей рукой (Где 1-20% очень плохо, где 80-100% отлично)	1-20% 21-50% 51-79% 80-100%
6	После полученного опыта и участия в исследовании, будете ли вы применять полученные навыки и использовать левую руку как ведущую в стоматологической практике?	Да Нет Затрудняюсь ответить

Таблица 2.

Ведущая рука в повседневной жизни и стоматологической практике.

	Левая	Правая	Амбидекстрия
Ведущая рука в повседневности	18	1	1
Ведущая рука в работе	0	19	1

Таблица 3.

Уровень владения мануальным навыком студентов левшей до прохождения углубленного курса обучения.

№	Уровень владения	Кол-во студентов владеющих правой рукой	Кол-во студентов владеющих левой рукой
1	Уровень владения 1-20%	0	0
2	Уровень владения 21-50%	0	8
3	Уровень владения 51-79%	0	8
4	Уровень владения 80-100%	20	4

Таблица 4.

Динамика показателей владения мануальным навыком контрольной группы студентов левшей (до и после обучения).

№	Уровень владения	Кол-во студентов до обучения	Кол-во студентов после обучения
1	Уровень владения 1-20%	0	0
2	Уровень владения 21-50%	8	0
3	Уровень владения 51-79%	8	11
4	Уровень владения 80-100%	4	9

Рис. 2. Мастер класс с углубленной теоретической подготовкой, изучением стоматологического инструментария. Проводит д.м.н., профессор, профессор кафедры хирургической стоматологии и челюстно-лицевой хирургии КрасГМУ Левенец А.А.

Пятый этап включал повторное исследование владения левой рукой при проведении стоматологических манипуляций спустя 5 месяцев углубленных занятий по теме исследования. Полученные результаты представлены в таблице 4.

Рис. 3, 4. Проверка уровня владения мануальным навыком, оценка позиции врача относительно пациента,

чистоты техники манипуляции удаления зуба. Проведена оценка спустя 5 месяцев углубленных занятий

Данные таблицы указывают на то, что удалось поднять уровень эффективности владения левой рукой у студентов стоматологического факультета после прохождения углубленных курсов, все студенты оценили свой уровень владения мануальным навыком удаления зуба от выше среднего до высокого.

Для оценки практической значимости знаний проведено финальное анкетирование: после проведенного исследования и полученных навыков 15 студентов из 20 ответили, что будут использовать левую руку как ведущую в стоматологической практике.

Через полгода было проведено анкетирование после прохождения производственной практики на 4 курсе, 7 семестре в отделение хирургической стоматологии для оценки полученных знаний и навыков студентами в ходе данного исследования.

Результаты анкетирования отражают то, что все 20 участников исследования считают полезными полученные навыки в ходе исследования, а 18 из них работали исключительно левой рукой.

Стоит отметить, что использование левой руки не осталось незамеченным наставниками-кураторами производственной практики, из них 17 отнеслись положительно к использованию левой руки, 2 придерживались консервативных взглядов, 1 отнесся нейтрально.

Результаты и заключение

1. В повседневной жизни на момент организации исследования 18 из 20 исследуемых использовали левую руку, а в стоматологической практике 0 из 20.
2. Оценка эффективности манипуляций правой рукой на момент организации исследования показала, что 20 из 20 исследуемых выполняют стоматологические манипуляции, в частности, операцию удаление зуба с высоким уровнем эффективности.
3. Оценка эффективности манипуляций левой рукой на момент организации исследования показала, что лишь 4 из 20 исследуемых выполняют стоматологические манипуляции в частности операцию удаление зуба с высоким уровнем эффективности. После проведения углубленных теоретических и практических занятий, по итогам формирующего эксперимента проведенная оценка эффективности манипуляций левой рукой показала прирост эффективности. Тех, кто имеет эффективность 80-100% стало 9 из 20, что характеризуется приростом в 2,25 раза. Удалось исключить группу с эффективностью 21-51%. Домини-

Таблица 5.

Анкета опрос после прохождения практики.

№	Содержание вопроса	Варианты ответа
1	Помогли ли Вам полученные навыки в исследовании во время прохождения практики?	Да Нет
2	Преимущественно какой рукой Вы выполняли манипуляции во время практики?	Правой Левой Задействовал обе
3	Замечали ли Ваши наставники задействование левой руки во время выполнения навыков?	Да Нет
4	Как относились Ваши наставники к использованию левой руки во время выполнения навыков?	Положительно Нейтрально Негативно

Таблица 6.

Результаты второго анкетирования после производственной практики врача стоматолога хирурга.

	1 вариант ответа	2 вариант ответа	3 вариант ответа
1 вопрос	20	0	0
2 вопрос	1	18	1
3 вопрос	19	1	
4 вопрос	17	1	2

рующая группа представлена 11 из 20 человек с эффективностью от 51% до 79%. Второе анкетирование после прохождения производственной практики врача стоматолога хирурга показало, что 20 участников исследования считают полезными полученные навыки, лучшую подготовленность к практической деятельности. Из 20 участников исследования 18 использовали во время клинической практики левую руку как ведущую. Наставники-кураторы участников исследования преимущественно положительно (к 17 участникам из 20) отнеслись к использованию левой руки при выполнении хирургических манипуляций.

4. Исходя из проведенного исследования по теме, предложены рекомендации:

- Проведение курсов, циклов, мастер-классов для углубленного теоретического и практического изучения стоматологических манипуляций, осуществляемых левой рукой;
- Индивидуальный подход к обучающимся, разбор ошибок при выполнении манипуляции, позиции у стоматологического кресла, позиции относительно врача;
- С учетом прироста эффективности работы левой рукой у исследуемых и их дальнейшего желания использовать полученные навыки в стоматологической практике (15 из 20 опрошенных), рекомендовано введение к учебным процессом стоматологической установки ориентированной для работы левой рукой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леутин В.П., Николаева Е.Ж. Функциональная асимметрия мозга: мифы и действительность. СПб.: Речь, 2005.
2. Семенович А.В. Эти невероятные левши. М.: Генезис, 2005.
3. Леутин В.П., Николаева Е.Ж., Фомина Е.В. Асимметрия мозга и адаптация человека. Асимметрия. 2007;1(1):71-74.
4. Практикум по психологии здоровья. Под ред. Никифорова Г.С. М. и др.: Питер: Питер Принт, 2005.
5. Практическая психодиагностика. Методика и тесты. Под ред. Райгородского Д.Я. Самара: Бахрах-М, 2001.
6. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Издательство Института Психотерапии, 2002.
7. Хомская Е.Д. Нейропсихология. 4-е изд. СПб.: Питер, 2005.
8. Визель Т.Г. Особенности функциональных ролей полушарий мозга и вопросы обучения. Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023;8(5):539-546.
9. Al Lawati I, Al Maskari H, Ma S. «I am a lefty in a right-handed world»: Qualitative analysis of clinical learning experience of left-handed undergraduate dental students. European Journal of Dental Education. 2019;23(3):316-322. <https://doi.org/10.1111/eje.12432>

10. Othman B, Chandra R, Nestel D. Age of the leftie: the lived experience of left-handed surgeons. ANZ Journal of Surgery. 2022;92(9):2082-2087. <https://doi.org/10.1111/ans.17837>
11. Левенец А.А., Микова Т.Д., Марченко Л.Ф., Кияткина В.Я. Особенности формирования практических навыков по хирургической стоматологии у студентов 3, 4 курсов стоматологического факультета в условиях поликлиники. Стоматология. 1988;67(2):87-88.
12. Левенец А.А., Микова Т.Д., Марченко Л.Ф., Кияткина В.Я., Прахина О.В. Оптимизация формирования практических навыков по хирургической стоматологии у студентов 3, 4 курсов стоматологического факультета. Современные методы вузовской педагогики: тезисы конференции. Красноярск, 1988:32-36.

© Левенец Анатолий Александрович (aalevenets@mail.ru), Логинова Ирина Олеговна (loginova70_70@mail.ru),
Макарчук Тихон Максимович (Tikhon.makarchuk@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИМЕНЕНИЕ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ЗНАНИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Лу Лу

Аспирант, Санкт-Петербургский
государственный университет
st122747@student.spbu.ru

APPLYING KNOWLEDGE VISUALIZATION IN TEACHING CHINESE MIDDLE SCHOOL HISTORY

Lu Lu

Summary: This paper discusses the application of knowledge visualization in history teaching in Chinese middle school, analyzing its theoretical background, teaching practice and problems encountered in its promotion. With the help of tools such as concept mapping, mind mapping, knowledge visualization can effectively reduce cognitive load, enhance learning interest and promote critical thinking. The article points out the technical difficulties and lack of teachers' ability in promoting this method, and makes suggestions for its improvement.

Keywords: knowledge visualization, visualization tools, history teaching in secondary school, cognitive load, critical thinking.

Аннотация: В данной статье рассматривается применение визуализации знаний в преподавании истории в китайской средней школе, анализируются ее теоретические основы, практика преподавания и проблемы, возникающие при ее продвижении. С помощью таких инструментов, как концептуальное картирование, mind mapping, визуализация знаний может эффективно снизить когнитивную нагрузку, повысить интерес к обучению и способствовать развитию критического мышления. В статье указывается на технические трудности и недостаток способностей учителей при продвижении этого метода, а также выдвигаются предложения по его улучшению.

Ключевые слова: Визуализация знаний, инструменты визуализации, преподавание истории в средней школе, когнитивная нагрузка, критическое мышление.

Введение

Уникальность исторической дисциплины заключается в необратимой временной и географической неповторимости объекта изучения, а также в том, что исторические события и фигуры невозможно повторить или лично пережить. Историческая информация в основном представлена в учебниках в виде картинок, например, рисунков, карты, изображения людей, исторических памятников и схем сражений, и их богатые неявные знания трудно передать напрямую с помощью традиционных методов обучения [1]. Представляя знания в визуальной форме, учителя могут помочь студентам лучше понять исторические структуры знаний и снизить когнитивную нагрузку в процессе обучения.

В сфере образования визуализация знаний широко рассматривается как один из важнейших инструментов для повышения эффективности преподавания и обучения. Майкл Полanyi (Michael Polanyi) разделяет знания на явные, которые можно представить с помощью слов и диаграмм, и неявные, которые необходимо приобретать с помощью практических действий или глубокого мышления. Сделать неявные знания явными - один из эффективных способов передачи знаний и внедрения инноваций, а также одна из задач визуализации знаний [2].

В 2004 году американские эксперты по визуализации знаний Мартин Эпп (Martin J. Eppler) и Ремо Буркхард

(Remo A. Burkhard) определили визуализацию знаний как «использование визуальных представлений для изучения роли создания, расширения и распространения знаний между более чем двумя людьми. Визуализация знаний также может рассматриваться как все графические средства, используемые для составления и передачи сложного сознания». Помимо передачи фактической информации, цель визуализации знаний - передать понимание, опыт, отношение, ценности, ожидания, перспективы, мнения и прогнозы, и таким образом помочь другим правильно воссоздать, запомнить и применить эти знания [3].

Теоретические основы визуализации знаний включают соответствующие исследования в области когнитивных наук и психологии образования. Теория Брунера «Открытый в обучении» утверждает, что студенты с большей вероятностью приобретут знания через активное исследование с помощью структурированной организации знаний [4]. «Теория когнитивного развития» Пиаже подчеркивает то, как учащиеся понимают на разных когнитивных этапах [5]. «Теория когнитивной нагрузки» Свеллера, с другой стороны, предполагает, что усвоение знаний может быть эффективно улучшено за счет снижения когнитивной нагрузки на обучающегося [6]. Визуализация знаний использует такие инструменты, как изображения, карт ума (mind maps) и концептуальные карты (concept maps), чтобы соответствовать основам этих теорий, снижая когнитивную нагрузку и оптимизи-

руя представление знаний.

Преподавание истории в старших классах средней школы характеризуется сложностью и разнообразием, включает в себя временные шкалы, пространственные связи и причинно-следственные цепочки событий, а также сильные неявные знания. Традиционные методы обучения часто опираются на текст и объяснения преподавателя, что затрудняет формирование у учащихся целостного представления о структуре знаний. Визуализация знаний может оптимизировать преподавание и обучение следующими способами:

1. Снижение когнитивной нагрузки: помогает учащимся лучше понять сложные исторические сюжеты, преобразуя абстрактные знания в визуальные формы (например, временные шкалы, карты, схемы сражений и т.д.).
2. Повышение интереса к обучению: используйте визуальные образы и анимацию для моделирования исторических сцен, чтобы студенты лучше погружались в процесс обучения и проявляли инициативу.
3. Развитие критического мышления: создание сетей знаний с помощью концептуальных карт и карт ума, чтобы помочь учащимся проанализировать причинно-следственные связи между историческими событиями [7].

Общие инструменты и методы визуализации.

- 1 Концептуальные карты: показывают логическую связь между понятиями с помощью узлов и соединительных линий, помогая учащимся понять релевантность и иерархическую структуру исторических событий, подходят для сортировки знаний, составления резюме в классе и расчленения сложных понятий.
- 2 Карт ума: взять центральную тему в качестве ядра, построить сеть знаний через разветвленную структуру, выделить общий характер исторического знания, используется для стимулирования творчества, упорядочивания идей и закрепления воспоминаний.
- 3 Карты мышления: основанные на когнитивной структуре человека, они могут быть классифицированы как карты кругов, карты блистеров, карты двойных блистеров, карты деревьев, карты скобок, блок-схемы, составные блок-схемы, карты мостов и т.д. Объединяет концептуальные карты и карт ума, но имеет четкие различия в их диаграммных особенностях и педагогических функциях [2].
- 4 Исторические карты и изображения: помогите учащимся понять пространственный и временной контекст, используя карты, чтобы показать исторические географические изменения. Исто-

рические изображения также используются для воссоздания исторических сцен, чтобы улучшить интуитивное обучение и развить у студентов навыки пространственного мышления.

- 5 Временная шкала: визуализация хронологического порядка исторических событий через линейную структуру, наглядное представление исторического развития и облегчение понимания учащимися причинно-следственной связи между временем и событиями.

Дизайн преподавания истории в китайских средних школах часто имеет жесткий формат и нечеткую структуру, что ограничивает творческий потенциал учителей. Визуальный метод обучения на основе карт ума может эффективно решить эти проблемы. На примере обязательного курса истории китайской средней школы «Споры князей и движения за изменение законов» учитель использует метод составления карты ума для проведения урока, давая ученикам список системы рамок знаний этого урока.

Выше представлена карта ума, созданная автором с помощью WPS, которая имеет четкую структуру и может эффективно показать связь и логику между пунктами знаний. Учителя могут шаг за шагом расширять узлы для демонстрации в классе, а ученики могут строить и передавать свое понимание для уточнения карты-путеводителя. Карта разума преследует четыре основные цели. Во-первых, начиная с центральной темы, учащиеся должны осознать конкретную проблему, которую призвана решить карта ума, и ее предполагаемые цели. Во-вторых, постройте рамочные ключевые слова, которые должны послойно соответствовать каждому ответвлению темы. В-третьих, уточнение ключевых слов каждой подтемы требует от студентов умения кратко излагать содержание на высоком уровне, стремясь к краткости и ясности. Наконец, обозначение логических связей между разветвленными темами для улучшения организации карты ума. Способствовать пониманию и запоминанию материала студентами, тем самым повышая их способность передавать знания. Такая конструкция помогает учителям воспринимать знания как единое целое, расширять свое мышление, но и способствует участию учеников и сотрудничеству между учителем и учениками, реализуя концепцию «двухпредметного» образования.

Теории Брунера и Пиаже подчеркивают процесс самостоятельного построения знаний учащимися через активное исследование и практику в обучении, а также необходимость того, чтобы учителя оказывали поддержку и направляли учащихся в соответствии с их когнитивным уровнем. На примере урока «Опиумная война» мы используем концептуальную карту-путеводитель, инструмент визуализации истории, чтобы помочь учащимся делать визуальные заметки.

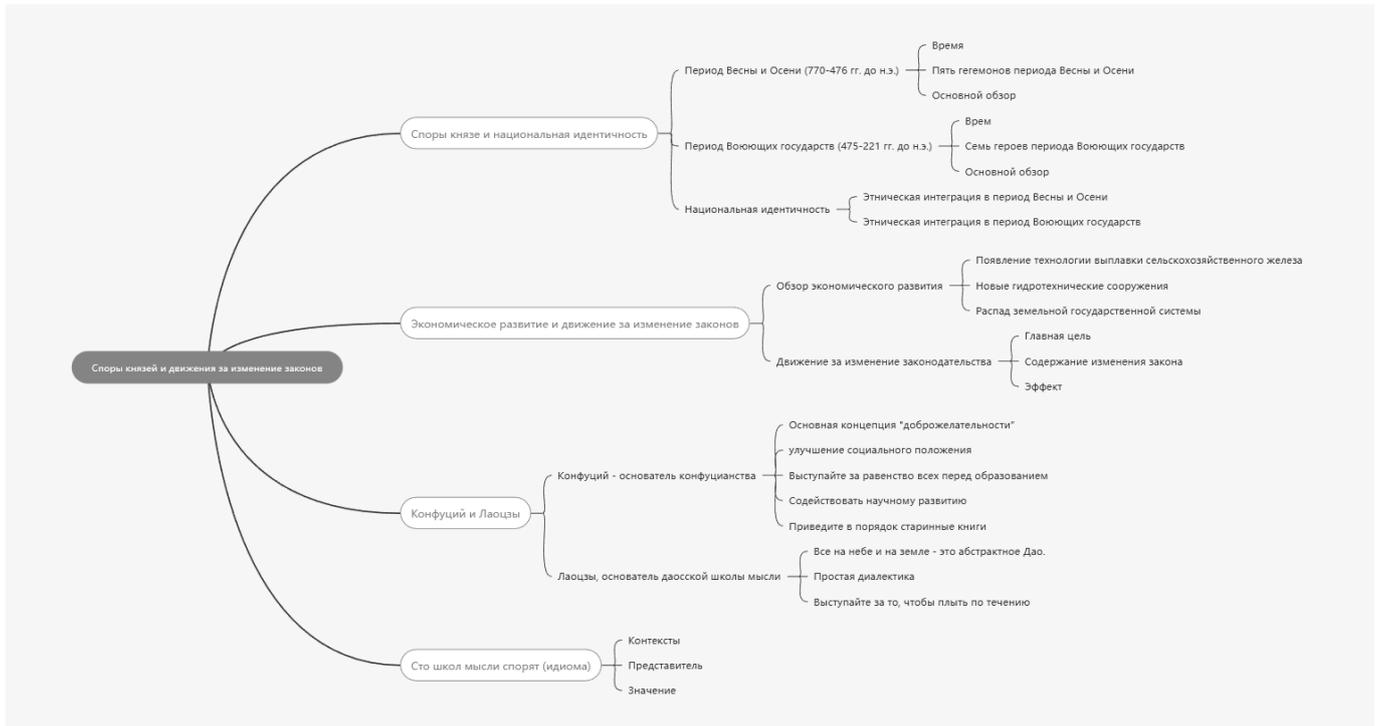

Рис. 1. Карт ума "Споров князей и движений за изменение законов"

Традиционное конспектирование студентами в основном представляет собой линейный метод записи, который затрудняет быстрое извлечение ключевой информации и ключевых знаний, а структурные рамки и фокус знаний не очевидны, и использование визуальных концептуальных карт конспектов может эффективно решить эту проблему.

Взяв «Опиумную войну» в качестве концептуального центра, расширьте такие узлы знаний, как «Первая опиумная война», «Вторая опиумная война», «Хумэньская распродажа», «начало полуколониального и полуфеодалного общества Китая» и т.д., и далее объясните причины и последствия войны, чтобы сформировать взаимосвязанную структуру знаний между ними. «Китай начал впадать в полуколониальное и полуфеодалное общество» и другие узлы знаний, а затем далее объяснить причины, процессы, результаты войны и другие точки знаний, чтобы они образовали взаимосвязанную структуру знаний. Записи на концептуальных картах могут значительно улучшить мыслительные навыки студентов и развить их дивергентное мышление, что, в свою очередь, позволит им построить свою собственную сеть знаний, которая подходит именно им.

Применение визуализации в преподавании неизбежно и целесообразно. Представление богатых и сложных знаний в наглядной форме может сделать явные знания и их внутренние неявные связи и идеи наглядными и понятными, а оптимизация учебного процесса позволит преподавателям тратить больше времени на то, чтобы

вдохновлять студентов на размышления и дискуссии, а не просто прививать знания. Это повысит эффективность передачи знаний, снизит сложность преподавания и обучения как для преподавателей, так и для студентов, а также будет способствовать углублению реформ в преподавании данной дисциплины, что позволит добиться эффекта снижения нагрузки и повышения эффективности.

Применение технологии визуализации знаний в обучении сталкивается с проблемами высокого технологического порога и недостаточной компетентности преподавателя, что затрудняет ее эффективное продвижение в реальном обучении. Чтобы решить технические проблемы, школы могут внедрить недорогие и простые в использовании инструменты визуализации. Для преподавателей можно создать региональные центры подготовки учителей, которые помогут им освоить эти инструменты с помощью регулярных тренингов и экспертных рекомендаций, или же организовать бесплатные курсы на образовательных платформах. Дизайн инструментов должен быть интегрирован с содержанием и потребностями учащихся, чтобы избежать формализации, а для разных дисциплин и педагогического контента могут потребоваться разные инструменты и методы визуализации. В то же время при разработке инструментов визуализации знаний следует учитывать когнитивный уровень и привычки учащихся. Слишком сложные или абстрактные инструменты визуализации могут оказаться непродуктивными и увеличить учебную нагрузку на учащихся, поэтому дизайнеры и разработчики должны

тесно сотрудничать с экспертами в области образования, чтобы обеспечить соответствие инструментов законам образования и потребностям учащихся.

Заключение

Визуализация знаний, как эффективный инструмент обучения, демонстрирует значительные преимущества в преподавании истории в китайской средней школе. Используя различные инструменты визуализации (например, временные шкалы, концептуальные карты, карты ума и т.д.), учителя могут оптимизировать представление знаний, значительно снизить когнитивную нагрузку учащихся, повысить их интерес к обучению и помочь им создать целостную систему знаний. На практике, при-

меня визуализацию знаний для объяснения сложных исторических событий, можно эффективно стимулировать критическое и инновационное мышление учащихся, а также повысить интерактивность класса и чувство активного участия учащихся. Хотя продвижение визуализации знаний сталкивается с такими проблемами, как высокий технологический порог и недостаточная компетентность учителей, ожидается, что усиление подготовки учителей, оптимизация дизайна инструментов и обеспечение высококачественной ресурсной поддержки позволят расширить применение визуализации знаний в преподавании истории в старших классах средней школы, что будет способствовать модернизации образования и достижению целей равенства в образовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ли Чжуанцзе. Практическое исследование наглядного преподавания истории в средней школе // Справочник преподавателя средней школы. 2016. С94.
2. Сюй Цзинь. Исследование по преподаванию "визуализации" истории средней школы // Хэнаньский университет. 2014. С9.
3. Чжао Гоцин, Хуан Жунхуай, Лу Чжицзянь. Теория и метод визуализации знаний // Исследование открытого образования, 2005. С23-27.
4. Брунер. Перевод: Шао Жуйчжэнь: "О некоторых принципах преподавания", "Исследования в области образования", № 5, 1979.
5. Пиаже. Принципы эпистемологии возникновения. Ван Сяньтянь перевод // Пекин: Коммерческое издательство, 1981. С51.
6. Fred Paas, Alexander Renkl, John Sweller. Cognitive Load Theory and Instructional Design: Recent Developments // Educational Psychologist, 2003. С1—4.
7. Цзэн Фаньцюн. Исследование визуального обучения при преподавании истории в младших классах средней школы на примере старшей школы // Сианьский университет, 2023.

© Лу Лу (st122747@student.spbu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПО ОПЫТУ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ)

DEVELOPMENT PROSPECTS RELIGIOUS AND MORAL EDUCATION OF MILITARY PERSONNEL OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION (BASED ON THE EXPERIENCE OF A SPECIAL MILITARY OPERATION)

V. Masyagin
A. Chufarov

Summary: The article examines the historical and pedagogical aspects of the religious and moral character of the education system in the Russian Armed Forces. Currently, the special military operation has demonstrated the special importance of working with religious servicemen. Based on the generalization of historical experience and analysis of the modern practice of educating military personnel, the methodological prerequisites for the creation of a military religious service and its main conceptual tasks are formulated.

Keywords: religion, religious and moral education, methodological prerequisites, spiritual and educational work, the Russian Orthodox Church, a military priest, special military operation.

Масягин Владимир Павлович

контр-адмирал в отставке,
доктор педагогических наук, профессор,
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации
masyagin@mail.ru

Чуфаров Алексей Сергеевич

полковник, адъютант, Военный университет
имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации
alekseychufarov@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются историко-педагогические аспекты религиозно-нравственного характера системы воспитания в Российских Вооруженных Силах. В настоящее время специальная военная операция продемонстрировала особую важность работы с верующими военнослужащими. Исходя из обобщения исторического опыта и анализа современной практики воспитания военнослужащих сформулированы методологические предпосылки создания военно-религиозной службы и ее основные концептуальные задачи.

Ключевые слова: религия, религиозно-нравственное воспитание, методологические предпосылки, духовно-просветительская работа, Русская православная церковь, военный священник, специальная военная операция.

В истории России и в современных условиях специальной военной операции ключевую роль на моральное состояние и формирование высокого боевого духа оказывала и оказывает религия. Сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей – необходимое условие устойчивого состояния и дальнейшего развития Российского государства и армии.

На всех этапах исторического развития нашего государства важное значение придавалось религиозному настроению войск.

Приверженность православной вере и молитва возводились в ранг государственного и воинского долга. Устав воинский 1716 года содержал главу «О молитве, как и в которое время отправлять». В первых строках главы указывалось: «Все, как офицеры, так и солдаты в лагерах, и на караулах, везде должны суть трижды молиться». В этом же Уставе воинском определяется со-

держание в штатах войсковых формирований полевого священника и обер-полевого священника, а также места и порядок их деятельности [1].

Император Российский Павел I продолжил реформирование института военных священнослужителей. Своим Указом в 1800 году он объединил управление армейским и флотским духовенством под началом обер-священника армии и флота.

Наибольшего своего влияния Русская православная церковь достигла в конце XIX - начале XX века. На средства казны и пожертвования офицеров, кадет, солдат, местных прихожан активно строились военные храмы. К началу Первой мировой войны в Российской империи богослужения велись в 25 соборах, 420 полковых и 33 судовых церквях [2].

В них поминали погибших воинов, хранились реликвии, связанные с важнейшими событиями военной

истории, жизнью выдающихся военачальников. Каждая из церквей имела свой статус: походные, портовые, крепостные, при госпиталях и лазаретах.

В целях координации деятельности и обмена опытом стали проводиться собрания военных священников, издавались методические указания, в том числе и по деятельности служителей в боевых условиях. С 1890 года начал выпускаться журнал «Вестник военного духовенства». В июле 1914 года состоялся Всероссийский съезд военного и морского духовенства.

Вся воспитательная деятельность в воинских частях носила религиозно-нравственный характер. Главной задачей командования, представителей Русской православной церкви и общественных организаций являлось формирование у воинов патриотического сознания в духе служения «вере, царю и Отечеству», верности своему воинскому и гражданскому долгу.

Основными формами нравственно-педагогического воздействия были: совершение таинств, освящение боевых знамен и корабельных флагов, встреча новобранцев и приведение их к воинской присяге, проведение полковых праздников, увековечение памяти героев, чтение проповедей и пастырские беседы, занятия по словесности, антиалкогольная пропаганда, благотворительная деятельность, сбор и обобщение информации о моральном состоянии воинских подразделений.

В январе 1918 года Советская власть упразднила институт военных священников. Вместе с тем, с началом Великой Отечественной войны произошла переоценка государством отношений с русской православной церковью. Священноначалие РПЦ сразу призвало свою паству на священную войну с фашизмом. Понимая важность духовного начала, государственная власть разрешает открытие новых храмов, проведение богослужений и отмечает заслуги священнослужителей государственными наградами [3]. Встреча И.В. Сталина с иерархами Русской православной церкви 4 сентября 1943 г. открыла возможность избрания Патриарха Московского и всея Руси.

Восстановление института военного духовенства произошло в начале 90-х годов прошлого века. В 1995 году по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II был создан Синодальный отдел по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями. Отдельным Положением был установлен порядок взаимоотношений Русской Православной Церкви с Вооруженными Силами по вопросам пастырского окормления и религиозного просвещения военнослужащих (служащих) и членов их семей, а также совершения богослужений и обрядов на

территории воинских формирований [4].

В Министерстве обороны Российской Федерации сотрудничество с РПЦ и другими религиозными объединениями регламентировано соответствующим ведомственным приказом. В нем также определены непосредственный организатор этой деятельности – помощник командира (начальника) по работе с верующими военнослужащими и основные мероприятия духовно-просветительской работы, проводимые в воинской части (соединении, объединении) [5].

Внимание государства к религии и церкви привело к значительному росту числа верующих в Российских Вооруженных Силах. Данные социологических исследований в армии и на флоте дают следующие цифры: если в начале восьмидесятых годов прошлого столетия считалось, что верующие в армии составляют менее одного процента от общей численности личного состава, то опросы в последние годы показали, что 76% считают себя верующими военнослужащими. Подавляющее большинство (98 %) верующих исповедуют одну из традиционных для России религий.

В настоящее время духовно-просветительская работа и работа с верующими военнослужащими становится одним из приоритетных направлений военно-политической работы. Прежде всего это связано с тем, что в моральном плане специальная военная операция ведется за нравственное будущее России. Очевидно, что духовную войну невозможно вести без активного участия Церкви.

Деятельность Русской православной церкви в зоне СВО становится все более энергичной и инициативной. Количество работающих священников в боевых частях и соединениях постоянно возрастает. Священнослужители доставляют в зону СВО тонны гуманитарной помощи, собранной прихожанами. Но основной целью считается все-таки помощь нравственная. Именно потребность в духовном окормлении войск за время СВО выросла в разы.

Проведенный авторами экспертный опрос помощников командиров соединений и воинских частей по работе верующими – участников специальной военной операции показал, что с началом боевых действий количество верующих военнослужащих значительно увеличилось¹.

Среди основных причин данного явления было указано:

- уверенность в том, что жизнь продолжается после физической смерти;

1 Опрос проведен в сентябре-октябре 2024 г. в группе священнослужителей, обучающихся в Военном университете.

- символы веры и молитвы помогают восстановить нравственные силы и нормализовать психологическое состояние;
- вера помогает справиться со страхом гибели, дает надежду и утешение в бою;
- религиозные практики, такие как молитвы, чтение священных текстов или участие в богослужениях, снижают уровень тревоги.

Основное влияние на духовную сферу военнослужащих священники оказывают через проведение молебнов, коллективных и индивидуальных бесед, освящения оружия, боевой техники, фортификационных сооружений, в том числе временных укрытий и опорных пунктов. В зоне СВО на боевых позициях силами самих военнослужащих при участии военных священников создаются мобильные и полевые храмы. Для поднятия боевого духа в соединения и войсковые части было организовано принесение 325 списков (копий) с иконы «Спас Нерукотворный». Были освящены и направлены в войска 400 православных знамен, более 20 воинских частей взяли в почетные наименования имена православных святых.

Военные священники в боевой обстановке показывают пример личной храбрости и мужества. За время специальной военной операции более 120 из них были награждены государственными и ведомственными наградами, в том числе девять – орденами Мужества. Ярким примером стал протоиерей Михаил Васильев. «Батюшка ВДВ», как его называли военнослужащие, побывал практически во всех «горячих точках» современности, где воевали русские солдаты. Погиб отец Михаил на боевом посту 6 ноября 2022 г. в ходе операции по отражению контрнаступления ВСУ в Херсонской области, получив смертельное ранение. За проявленный героизм он удостоен звания Героя России (посмертно).

Сегодня можно с уверенностью сказать, что присутствие в воинских частях на штатной основе представителей военного духовенства дает значимый положительный результат.

В то же время, существует необходимость проведения постоянной военно-профессиональной подготовки и повышения квалификации военных священников.

В Военном университете имени князя Александра Невского проводится обучение помощников командиров (начальников) воинских частей по работе с верующими военнослужащими. Результатами обучения является качественное изменение профессиональных компетенций в рамках имеющейся квалификации.

Обучаемые овладевают профессиональными компетенциями по основным видам деятельности:

Военно-управленческая деятельность. Она призвана анализировать особенности современного религиозного опыта и сознания, их влияния на социальные процессы в обществе и армии. Она направлена на:

- формирование у военнослужащих уважительного отношения к носителям различных типов мировоззрения;
- самостоятельного приобретения и использования новых знаний и умений в сфере военно-профессиональной деятельности;
- использовать в работе базовые знания тактики воинских подразделений, частей и соединений;
- анализировать и оценивать военно-политическую обстановку и общественно-политические явления в районе боевых действий;
- использовать в своей профессиональной деятельности знания в области военной культуры, воинского этикета;
- осуществлять планирование и организацию мероприятий по формированию и поддержанию у военнослужащих духовно-нравственных личностных качеств;
- осуществлять подготовку и принимать управленческие решения по вопросам духовно-нравственного воспитания военнослужащих в системе работы с различными категориями личного состава соединений и воинских частей.

Духовно-просветительская деятельность. Призвана понимать и анализировать процессы и явления, протекающие в воинских коллективах, пути и способы укрепления профессионально важных духовно-нравственных личностных качеств военнослужащих. Она предназначена:

- организовать духовное просвещение и участвовать в духовно-нравственном воспитании военнослужащих, в формировании у них таких качеств, как патриотизм, долг, честь, дисциплинированность, верность боевым традициям;
- в системе военно-политической работы организовывать взаимодействие с государственными органами, общественными организациями, традиционными религиозными объединениями в интересах духовно-нравственного воспитания военнослужащих;
- поддерживать межрелигиозный мир и согласие между военнослужащими различного вероисповедания, предотвращать и урегулировать конфликтные ситуации, возникающие на почве межнациональной и межрелигиозной неприязни;
- применять и владеть навыками духовного сопровождения исполнения служебных обязанностей и всей жизнедеятельности военнослужащих, членов их семей и гражданского персонала соединений и воинских частей.

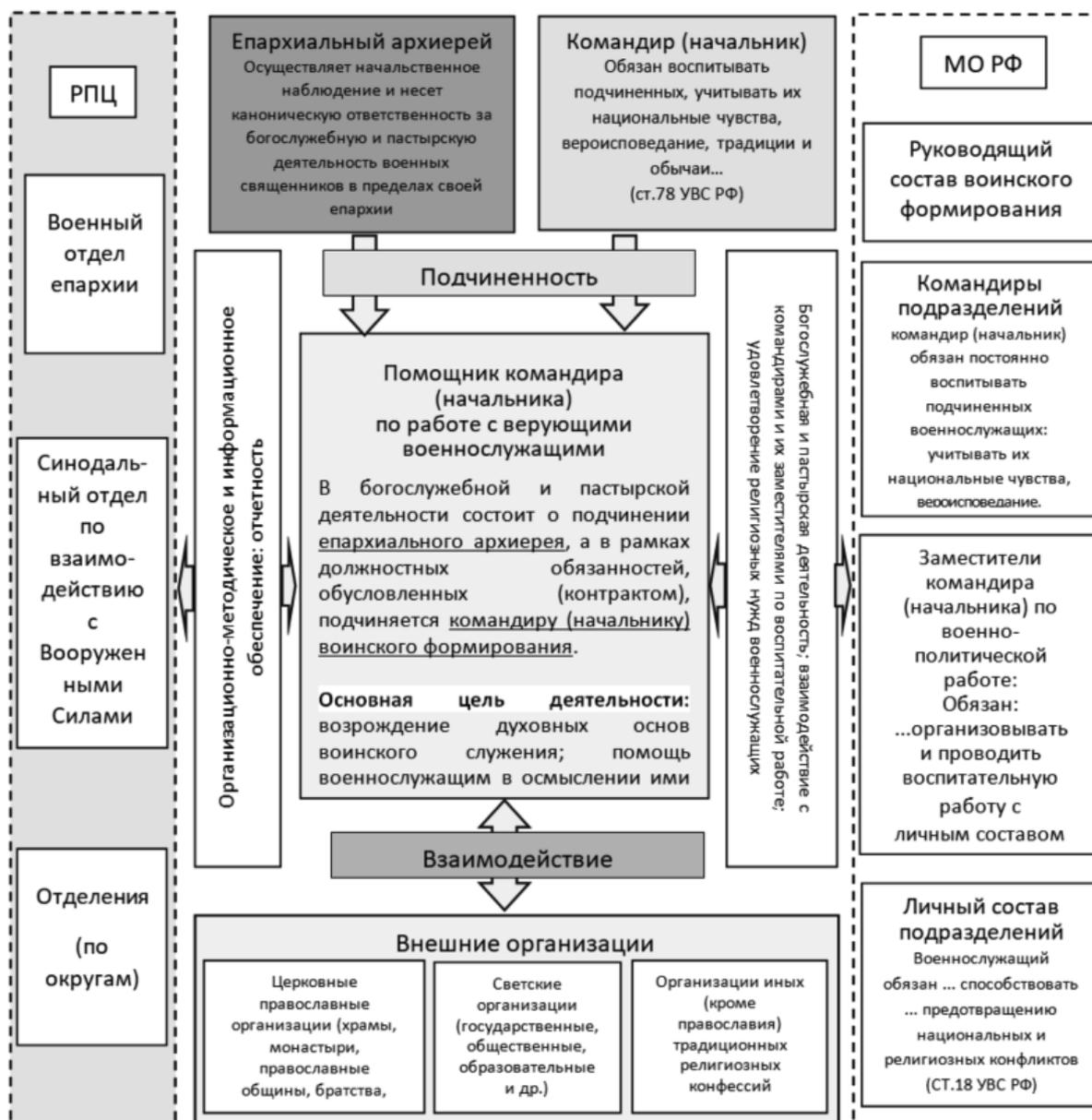

Рис. 1. Место и роль помощника командира (начальника) по работе с верующими военнослужащими в системе взаимодействия РПЦ и МО РФ

Информационно-аналитическая деятельность. Призвана оценивать, прогнозировать и моделировать систему религиозно-информационной безопасности военнослужащих, степень их защищенности от негативного воздействия деструктивных религиозных формирований. Ее задача принимать участие в изучении общественного мнения, настроений и запросов военнослужащих, членов их семей и гражданского персонала по вопросам поддержания духовно-нравственного климата в воинских коллективах.

Авторы имеют значительный опыт работы с группами военных священников. Это позволяет нам предложить несколько вопросов для обсуждения.

Во-первых, о месте и роли военного священника в воинской части. Это связано с тем, что его работу можно условно разделить на две составляющие – богослужебная деятельность и деятельность как помощника командира (начальника) по работе с верующими военнослужащими (рис.1).

В первом случае она регламентируется внутри церковными установлениями. Во втором – общевоинскими уставами Вооруженных Сил и приказами Министра обороны.

С учётом этого, помощник командира по работе с верующими военнослужащими привлекается для эффек-

тивного решения духовно-психологических проблем, существующих в армейском коллективе. При этом функции офицера военно-политических структур не замещаются.

Вместе с тем сохраняется противоречие между сложившейся религиозной ситуацией в Вооруженных Силах и отсутствием в содержании военно-политической работы корректив, учитывающих эту ситуацию.

Исследование религиозной обстановки в Вооруженных Силах показывает, что современная религиозная ситуация принесла с собой в воинские коллективы целый комплекс новых отношений, вызвавших в свою очередь, появление ряда социально-политических проблем, к которым армия оказалась не готова. К этому числу, например, относятся проблемы взаимоотношений между неверующими и верующими военнослужащими; между командиром воинского подразделения и религиозными группами в этом подразделении; между различными религиозными группами внутри воинских коллективов и другие.

В разрешении данных проблем также важна роль военных священников. Ведь опытный священник может работать не только с православными христианами, но и с мусульманами, и буддистами. Он может найти подход, как к верующему, так и к мало верующему воину.

Кроме того, священник должен знать служителей культа иных вероисповеданий, которых при необходимости можно приглашать для встречи с военнослужащими.

Во-вторых, о психолого-педагогической подготовке военных священников. Священнослужители решают важную задачу укрепления воинского духа в части. Каждый священник, готовящийся к выполнению своих пастырских обязанностей в районе боевых действий и непосредственно в условиях боя, должен иметь представление о содержании и особенностях своей деятельности в воинской части. Он должен знать, с какими отрицательными психическими состояниями военнослужащих, возникающими под воздействием стресс-факторов боевой обстановки, он может столкнуться и какими средствами их нейтрализовать, быть способным осуществить экстренную эмоционально-волевою регуляцию, оказать элементарную медицинскую помощь и т.д.

Несомненно также, что военный священник должен обладать знаниями основ воинского законодательства и соответствующей психолого-педагогической подготовкой. К сожалению, такой уровень подготовки священнослужителями, в основной своей массе, пока не достигнут.

Безусловно, личный опыт воинской службы играет в работе военного священника существенную роль. Пока нет единого подхода к их кадровой подготовке. Выработанный подход возможен только на переходный период. На наш взгляд, эффективная профессиональная деятельность военного священника возможна при наличии у него психолого-педагогического образования и военной подготовки на уровне кадрового офицера. Требуется дальнейшее совершенствование нормативной правовой базы деятельности военно-религиозной службы и установление правового статуса военных священнослужителей на законодательном уровне.

Исходя из обобщения исторического опыта и анализа современной практики военно-религиозной работы можно заключить, что в Вооруженных Силах Российской Федерации сложились методологические предпосылки для создания системы **военно-религиозной службы**.

Складывающиеся закономерности, отражающие ее связи с социально-политической жизнью страны, государственной властью, военной политикой государства возможно выразить в следующих основных положениях:

- обусловленность качества и результатов военно-религиозной работы характером общественно-государственных отношений, состоянием духовно-нравственной и материально-экономической жизни страны, героической историей российского общества;
- обусловленность целей, задач, содержания, форм и методов военно-религиозной работы в войсках (силах) целями и содержанием военной политики Российской Федерации, задачами решаемыми Вооруженными Силами на современном этапе военного строительства;
- зависимость содержания и организации военно-религиозной работы от динамики военно-политической обстановки, уровня и реальности военной опасности и военных угроз для нашего государства и другие.

Сегодня военно-религиозная работа следует таким основным принципам, как:

- научная обоснованность количественных и качественных характеристик организационно-штатного, методического и материально-технического обеспечения военно-религиозной службы;
- профессиональная компетентность, правовая и нравственная правомочность деятельности специалистов;
- доступность и постоянство военно-религиозной помощи военнослужащим, членам их семей и лицам гражданского персонала Вооруженных Сил;
- комплексный подход и координация усилий должностных лиц структурных подразделений военно-религиозной службы.

Результаты теоретико-методологического анализа показывают, что основными концептуальными задачами военно-религиозной службы должны быть:

- совершение богослужений, богослужебной практики и религиозных обрядов в войсках (силах) и военных образовательных организациях Министерства обороны;
- духовное сопровождение выполнения боевых задач, боевой подготовки, боевого дежурства и боевой службы, караульной и внутренней служб, походов кораблей, постоянное консультирование командования воинских частей по религиозным вопросам;
- удовлетворение религиозных потребностей, проведение духовно-просветительской работы и оказание пастырского сопровождения традиционными религиозными объединениями военнослужащих и членов их семей;
- участие в мероприятиях, проводимых командованием по духовно-нравственному и патриотическому воспитанию военнослужащих, содействие формированию здорового нравственного климата в семьях военнослужащих и лиц гражданского

персонала Вооруженных Сил;

- оказание содействия командованию воинских частей в проведении профилактической работы по укреплению правопорядка и воинской дисциплины, предупреждению правонарушений, неуставных взаимоотношений и суицидальных происшествий;
- участие в формировании в воинских коллективах отношений, основанных на традиционных религиозных ценностях и нормах морали, создание новых военно-религиозных традиций и ритуалов;
- организация профессиональной и методической подготовки специалистов военно-религиозной работы и ее материально-технического обеспечения.

Таким образом, военно-религиозную работу в Вооруженных Силах России можно представить как целенаправленную деятельность командования, военно-политических органов по поддержанию, сопровождению и восстановлению на основе традиционных для России религий боевого духа военнослужащих, способствующего выполнению задач по предназначению в любых условиях обстановки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Книга Устав воинский о должности генералов, фельдмаршалов, и всего генералитета, и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и о иных воинских делах, и поведении, что каждому чинить должно: напечатана повелением царского величества в Санктпитебурхе 1716. - Москва: Интеррос, 2016. - 287 с.
2. Макаров А.И. Воинские храмы России [Электронный ресурс], URL://<https://cyberleninka.ru/article/n/voinskie-hramy-rossii/> (дата обращения 11.01.2025).
3. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Сборник документов / сост. О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. - М.: Издательство Крутицкого подворья, 2009. - С.163.
4. Положение о военном духовенстве Русской Православной Церкви в Российской Федерации / принят на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви. [Электронный ресурс], URL: <http://www.pravmir.ru/polozhenie-o-voennom-duhovenstve-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-v-rossijskoj-federacii/> (дата обращения: 26.12.2024).
5. Приказ Министра обороны Российской Федерации № 30 от 30 января 2020 г. «Об организации взаимодействия органов военного управления, соединений, воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации с традиционными религиозными объединениями Российской Федерации и работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации».

© Масыгин Владимир Павлович (masyagin@mail.ru), Чуфаров Алексей Сегреевич (alekseychufarov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЕЙС-ТЕХНОЛОГИИ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

USING CASE STUDY TECHNOLOGY IN PATRIOTIC EDUCATION OF CHILDREN AND YOUTH

V. Skopa

Summary: In modern conditions, issues of spiritual and moral education are of paramount importance. The author substantiates the possibility of using the case study method to improve the process of spiritual and moral education of students. The relevance of introducing case methodology into higher education is due to modern trends in the educational process. Firstly, attention is paid to the development of individual abilities of students, including analytical thinking and the ability to make independent rational decisions. Secondly, a modern specialist must be able to respond adequately in various situations, especially in the context of moral choice. The use of case technology in the educational process creates conditions for the effective formation of universal, general professional and specialized competencies in students. This contributes to their ability to independently solve problems in various areas, relying on social experience, which includes their personal experience. Case technology shifts the focus of learning from the acquisition of ready-made knowledge to its creation, where the result of using the method is not only knowledge, but also professional skills.

Keywords: case technology, student, pedagogy, education, teacher, competence.

Аннотация: В современных условиях вопросам духовно-нравственного воспитания придается первостепенное значение. Автор обосновывает возможность применения метода кейс-стади для улучшения процесса духовно-нравственного воспитания учащихся. Актуальность внедрения кейс-методологии в сферу образования обусловлена современными тенденциями в образовательном процессе. Во-первых, внимание уделяется развитию индивидуальных способностей обучающихся, включая аналитическое мышление и умения принимать самостоятельные рациональные решения. Во-вторых, современный специалист должен уметь адекватно реагировать в различных ситуациях, особенно в контексте нравственного выбора. Применение кейс-технологии в образовательном процессе создает условия для эффективного формирования универсальных, общепрофессиональных и специализированных компетенций у студентов. Это способствует их способности самостоятельно решать проблемы в различных сферах, опираясь на социальный опыт, который включает и их личный опыт. Кейс-технология переносит акцент обучения с усвоения готовых знаний на их создание, где результатом применения метода становятся не только знания, но и навыки профессиональной деятельности.

Ключевые слова: кейс-технология, обучающийся, педагогика, воспитание, преподаватель, компетентность.

Современные образовательные стандарты и задачи, стоящие перед высшим образованием, требуют от педагогов не только эффективной передачи знаний, но и формирования у студентов необходимых компетенций для успешной профессиональной деятельности. Интерактивные методы обучения становятся важным инструментом в этой сфере, помогая вовлечь студентов в процесс обучения и развивать критическое мышление. Одним из наиболее значимых инструментов в этой области является метод кейсов. Он предоставляет студентам возможность работать с реальными проблемами, что позволяет не только применять теоретические знания на практике, но и развивать навыки анализа, общения и решения проблем [7]. При использовании кейс-технологий студенты учатся вырабатывать решения совместно с сокурсниками, что способствует командной работе и повышению уровня коммуникации.

Важным аспектом применения кейс-методов является их способность интегрировать различные дисциплины и подходы, что помогает студентам видеть связь меж-

ду знаниями и их практическими применениями. Это качество делает кейс-технологии особенно ценными в контексте компетентного подхода в образовании, который акцентирует внимание на развитии у студентов навыков, необходимых для решения реальных задач.

Актуальность применения кейс-технологии в образовательном процессе обуславливается рядом ключевых факторов, способствующих современному подходу к обучению. Сюда можно отнести: развитие критического мышления; проблемно-ориентированное обучение; формирование навыков командной работы; интеграция теории и практики; гибкость и адаптивность; акцент на личностный подход; развитие практических навыков; стимулирование активного обучения [11]. Таким образом, применение кейс-технологий является актуальным и востребованным инструментом в современных образовательных учреждениях, способствующим подготовке высококвалифицированных специалистов, готовых работать в условиях неопределенности и решать комплексные задачи. В тоже время кейс-технологии

не только обогащают образовательный процесс, но и способствуют формированию у студентов целостного восприятия знаний, что в свою очередь оказывает позитивное влияние на их личностное развитие и духовно-нравственное воспитание [6].

В современном научном дискурсе наблюдается потребность в разработке единой методологии применения кейс-технологий для патриотического воспитания молодежи и детей. Анализ разнообразных исследований, проведенных как отечественными, так и зарубежными учеными, показывает, что кейс-технологии могут эффективно интегрироваться в программы патриотического воспитания. Через работающие над конкретными сценариями и ситуациями, студенты получают возможность более глубоко понять ценности, историю и культуру своей страны, а также взаимодействовать с их историческими аспектами на практическом уровне [1].

Метод кейсов действительно является мощным инструментом в образовательном процессе, позволяющим не только углубить знания обучающихся, но и развить их аналитические способности, критическое мышление и навыки принятия решений. Особенность данного метода заключается в том, что он основывается на реальных ситуациях, что делает его максимально приближенным к жизненным условиям и одновременно безопасным для обучения.

Преимущества метода кейсов:

1. Активное вовлечение. Обучающиеся действуют не как пассивные слушатели, а как активные участники дискуссий, что повышает их заинтересованность и мотивацию.
2. Развитие навыков анализа. Работа с кейсами требует от студентов рассматривать ситуацию с различных точек зрения, анализировать информацию и обосновывать свои решения, что формирует критическое мышление.
3. Безопасное пространство для экспериментов. Обсуждая этические, моральные и практические вопросы, студенты могут экспериментировать с решениями, не опасаясь незамедлительных последствий, которые могут возникнуть в реальных условиях.
4. Формирование ценностей. В контексте духовно-нравственного воспитания, кейсы помогают обучающимся осознавать и формировать свои собственные моральные ценности и убеждения [4, 8, 10, 12].

Кейс имеет свою структуру, которая состоит из следующих элементов:

- сюжетная часть. Здесь описываются обстоятельства ситуации и ключевые действия участников, что создает основу для обсуждения;

- информационная часть. Включает данные и факты, необходимые для анализа проблемы, что позволяет обучающимся формировать четкое представление о ситуации;
- методическая часть. Определяет цель работы с кейсом, дает рекомендации по ведению обсуждения и описывает типы заданий, что помогает структурировать учебный процесс [2, 11].

Метод кейс-стади действительно может сыграть важную роль в обучении дисциплине «Основы духовно-нравственного воспитания», предоставляя студентам возможность активного участия и глубокого анализа сложных, многогранных ситуаций. В данном контексте стоит выделить преимущества кейс-метода в формировании и развитии духовно-нравственных основ:

1. Развитие личной системы ценностей. Кейс-технология помогает студентам исследовать и осмысливать свои собственные ценности и убеждения, что способствует личностному росту и самоопределению [3].
2. Связь теории с практикой. Использование кейсов позволяет студентам увидеть, как теоретические концепции и идеи, изучаемые в рамках других дисциплин (например, психология, педагогика, история), применимы в реальных педагогических ситуациях.
3. Работа с моральными дилеммами. Кейс-стадии могут включать случаи, в которых выставлены на обсуждение сложные этические и моральные вопросы, что способствует формированию нравственной ответственности и способности принимать обоснованные решения в сложных ситуациях.
4. Стимулирование дискуссий. Кейсы, рассматривающие актуальные проблемы, способствуют активным дискуссиям и обмену мнениями среди студентов, что укрепляет их навыки аргументации и сотрудничества [5, 9].

Рассматривая кейс-технологии необходимо отметить классификацию кейсов:

- учебные кейсы, которые нацелены на анализ, оценку или решение учебных задач;
- иллюстративные кейсы, которые применяются для демонстрации конкретных проблем или их решений, делая акцент на примерах из реальной жизни;
- мини-кейсы, средние и крупные кейсы, которые позволяют адаптировать уровень сложности и объем работы в соответствии с целями обучения и уровнем студентов.

К основным формам представления кейсов можно отнести:

- Эссе и рассказы. Они позволяют более детально описать контекст ситуации, включают личные истории или размышления.
- Аналитические записки и отчеты. Подходят для более структурированного рассмотрения случаев, позволяя студентам анализировать данные и делать выводы.
- Факты, статистика и документы. Служат источником информации для анализа и поддержки аргументов, позволяя студентам работать с реальными данными.

В итоге, метод кейс-стади в обучении основам духовно-нравственного воспитания предоставляет уникальные возможности для развития критического мышления, формирование личных ценностей и глубокого понимания сути педагогических процессов [5]. Это делает его незаменимым инструментом в современном образовательном процессе, способствуя подготовке будущих педагогов к реальным вызовам и задачам в их профессиональной деятельности.

Подход к применению кейс-технологии в учебном процессе дисциплины «Основы духовно-нравственного воспитания» выглядит очень обоснованным и перспективным. С учетом поставленных задач, кейс-метод может значительно обогатить образовательный процесс, предлагая студентам не только теоретические знания, но и практические навыки. В этой связи хочется отметить ключевые моменты внедрения кейс-технологии.

1. Разнообразие тем. С учетом широкого спектра тем, которые необходимо охватить, кейс-технология предоставляет возможность разработать кейсы, которые будут затрагивать практически все аспекты духовно-нравственного и патриотического воспитания.
2. Интерактивное обучение. На семинарских и практических занятиях создание интерактивной обстановки, где студенты обсуждают и анализируют различные кейсы, будет способствовать оживленным дискуссиям, критическому мышлению и формированию самостоятельной позиции [8]. Это также позволит студентам видеть, как теоретические концепции применяются в реальной жизни.
3. Формирование ценностных ориентиров. Интересно, что кейс-метод может быть центральным инструментом для осознания студентами своих собственных ценностных ориентиров. Например, обсуждая этические дилеммы, связанными с духовно-нравственным воспитанием, студенты смогут глубже понять собственные убеждения и принципы.
4. Развитие исследовательских навыков. Участие в анализе реальных кейсов способствует развитию исследовательских и конструктивных навыков. Студенты могут быть поощрены к поиску реше-

ний, обращаясь к научным источникам, что укрепит их навыки работы с информацией и научного анализа.

5. Заполнение практических пробелов. Кейс-технология может восполнить пробелы, существующие в учебных планах, предлагая студентам возможность применять теоретические знания на практике. Это особенно важно в контексте педагогической деятельности, где умение применять теорию на практике – ключевое навыку.

Применение кейс-технологии в обучении «Основам духовно-нравственного воспитания» дает возможность создать более интерактивную и продуктивную учебную обстановку, которая будет способствовать не только углублению знаний, но и формированию важных профессиональных и личностных качеств у будущих педагогов [6, 12].

Применение кейс-технологии в образовательном процессе предоставляет множество возможностей для углубленного изучения материала и формирования разнообразных навыков у студентов. Подход к интеграции различных источников и материалов в учебные кейсы значительно разнообразит образовательный процесс. В данной связи стоит обратить внимание на методическую сторону проблемы и отметить ключевые моменты применения кейс-технологии.

1. Интеграция различных ресурсов. Использование фильмов и литературы как кейс-материалов позволяет делать занятия более увлекательными и эмоционально насыщенными. Это может помочь студентам идентифицировать себя с героями, рассмотреть различные моральные дилеммы и оценить последствия своих действий. Это помогает создать основание для глубокого анализа и критического мышления. Использование разнообразных источников повышает информационную грамотность студентов и их способность находить и обрабатывать нужные данные.
2. Разнообразие вопросов и заданий. Обучающие задания, которые помогают закрепить новые знания, сделать их понятными и доступными. Проблемные задания, где задачи способствуют развитию аналитических и творческих навыков, а также позволяют студентам применять свои знания в нестандартных ситуациях.
3. Рефлексивные практики. Постоянный анализ собственного поведения и реакций на представленные ситуации помогает студентам целенаправленно развивать эмоциональную и моральную осознанность. Это создает почву для более глубокого самопознания и личностного роста.
4. Диалогическое взаимодействие. Создание условий для активного диалога в классе не только поддерживает вовлеченность студентов, но и способ-

ствуует обмену мнениями и оспариванию позиций, что важно для развития критического мышления. Микро группы помогают каждому студенту выразить свои мысли и идеи, обеспечивая более глубокую проработку материала.

5. Гибкость в организации работы. Путем формирования заданий и ресурсов под нужды каждой группы, можно задействовать различные интересы и способности студентов, что делает процесс обучения более индивидуализированным. Это также способствует развитию навыков сотрудничества и командной работы.

Таким образом, применение кейс-технологии в образовательном процессе создает условия для эффективного формирования универсальных, общепрофессиональ-

ных и специализированных компетенций у студентов педагогического университета. Это также способствует их способности самостоятельно решать проблемы в различных сферах, опираясь на социальный опыт, который включает и их личный опыт. Кейс-технология переносит акцент обучения с усвоения готовых знаний на их создание, где результатом применения метода становятся не только знания, но и навыки профессиональной деятельности. Каждая разработанная модель конкретной ситуации из реальной жизни соответствует определенным правилам и отражает комплекс знаний и практических навыков, необходимых учащимся. Кейс-технология не только способствует получению и закреплению знаний, но и помогает развивать систему ценностей, профессиональные взгляды и жизненные установки студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автимонова Н.В. Применение кейс-технологий в формировании духовно-нравственного воспитания школьника // Мир образования - образование в мире. 2019. №4. – С. 200-205.
2. Азимов Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий. Москва: ИКАР, 2009. – 448 с.
3. Бермус А.Г. Проблемы и перспективы реализации компетентного подхода в образовании // Интернетжурнал «Эйдос». 2005. – С. 125-134.
4. Ваганова О.И. Метод кейсов в профессиональном обучении: Учебно-методическое пособие. Н. Новгород: ВГИПУ, 2011. – 57 с.
5. Данилюк А.Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Москва: Просвещение, 2009. – 26 с.
6. Дмитриева Е.А. Формирование готовности будущих учителей к нравственному воспитанию школьников на основе морального выбора: автореферат дис....канд. пед. наук: 13.00.08.- Калуга, 1998. – 16 с.
7. Долгоруков А.М. Метод case-study как современная технология профессионально ориентированного обучения – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL:http://evolkov.net/case/case_study.html (дата обращения: 16.01.2025).
8. Козырева Л.Д. Метод кейс-стади и его применение в процессе обучения учащихся. М.: Просвещение, 2005. – 106 с.
9. Лебедев О.Е. Компетентный подход в образовании // Школьные технологии. 2004. №5. – С. 3-12.
10. Мезенцева О.И. Современные педагогические технологии: учебное пособие для студентов-бакалавров, обучающихся по педагогическим направлениям и специальностям. Новосибирск: ООО "Немо Пресс", 2018. – 140 с.
11. Попова С.Ю., Пронина Е. В. КЕЙС-СТАДИ: принципы создания и использования. Тверь: Изд-во «СКФ-офис», 2015. – 114 с.
12. Репинецкая Ю.С. Применение кейс-технологий в полной средней школе в контексте ФГОС // Самарский научный вестник. 2013. №4. – С. 127-129.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О ЦЕЛЕСОБРАЗНОСТИ ПЕРЕСМОТРА РАБОЧИХ ПРОГРАММ ПО ВЫСШЕЙ МАТЕМАТИКЕ ДЛЯ АРХИТЕКТУРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВУЗА

Соловьева Ольга Валентиновна

Старший преподаватель, Санкт-Петербургский
государственный архитектурно-строительный
университет
sol_ov@mail.ru

ABOUT EXPEDIENCY OF REVISING THE WORKING PROGRAMS ON HIGHER MATHEMATICS FOR ARCHITECTURAL SPECIALTIES OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION

O. Solovyeva

Summary: The article discusses the aspects of increasing the importance of mathematical education for students of architectural specialties in the conditions of modern society. With the rapid development of technology, introduction of new methods in architectural design, the issue of expanding and deepening mathematical knowledge of future architects becomes relevant. A short course of higher mathematics, taught to students of architectural specialties in the vast majority of universities, does not cover all the tasks that need to be solved by qualified specialists in the field of architecture. The working programs on higher mathematics no longer meet the set tasks and need to be revised.

Keywords: mathematics, student, architect, teacher, working program, duration, architectural engineering.

Аннотация: В статье обсуждаются аспекты повышения значимости математического образования для студентов архитектурных специальностей в условиях современного общества. При стремительном развитии технологий, внедрении новых методов в архитектурном проектировании становится актуальным вопрос расширения и углубления математических знаний у будущих архитекторов. Краткий курс высшей математики, преподаваемый студентам архитектурных специальностей в подавляющем большинстве вузов, не охватывает всех задач, которые необходимо решать квалифицированным специалистам в области архитектуры. Рабочие программы по высшей математике уже не отвечают поставленным задачам и нуждаются в пересмотре.

Ключевые слова: математика, студент, архитектор, преподаватель, рабочая программа, длительность, архитектурное проектирование.

Введение

В современном обществе существует мнение, что высшая математика не является основополагающей для архитектурного образования, и развитие других навыков, таких как творчество, эстетическое восприятие и знание истории искусства, более важно. Архитектурные специальности, являясь творческими, часто привлекают особую категорию обучающихся, имеющих своим имиджем статус «свободного художника», заметно игнорирующих математику, особенно тех, кто имел сложности её освоения в школе [1,135]. Особенно часто это наблюдается у студентов контрактной формы обучения. Кроме того, акцентируется внимание на наличии специализированных программ и инструментов, которые могут помочь архитектору в решении математических задач без глубокого понимания математического аппарата. Большая часть вузов, осуществляющих подготовку будущих архитекторов, в лучшем случае ограничивается очень кратким, часто формальным курсом математики, который дает только минимальные базовые знания по предмету. В некоторых вузах курс высшей математики для студентов-архитекторов просто отсутствует.

На архитектурных специальностях СПбГАСУ курс высшей математики составляет 108 академических часов, из них 16 часов лекций и 32 часа практических занятий. Дисциплина читается в первом семестре первого курса. Автор ранее уже поднимал вопрос о том, как повысить эффективность усвоения столь краткого, но достаточно емкого курса [2]. В современных реалиях преподавателю приходится прикладывать максимум усилий, чтобы за короткий срок не только дать студентам базовые знания по высшей математике, но и научить использовать математический аппарат в профессиональных задачах. К сожалению, некоторые важные темы остаются за пределами рассмотрения, другие же рассматриваются, но недостаточно подробно. Кроме того, студентам сложно за один семестр овладеть большим количеством тем по высшей математике, не остается времени на осмысление изучаемого материала, приходится постоянно быстро двигаться вперед, что вызывает сложности с обучением у слабых в математике студентов, особенно у обучающихся на контрактной основе. В данной работе приводятся аргументы для пересмотра рабочих программ по высшей математике у архитектурных специальностей вуза (в частности СПбГАСУ) в сторону увеличения дли-

тельности и количества часов.

Основные результаты

В условиях современного общества при стремительном развитии технологий и внедрении новых методов в архитектурное проектирование особую актуальность приобретает вопрос расширения и углубления математических знаний у будущих архитекторов. Высшая математика является мощным инструментом для решения сложных инженерных и дизайнерских задач. Изучение математики способствует формированию аналитического мышления, необходимого для разработки архитектурных проектов, требующих точности и инновационного подхода.

Архитектор в своей деятельности неразрывно связан с различными специалистами – инженерами, дизайнерами, строителями, что способствует успешной реализации качественного архитектурного проекта в установленные сроки. Понимание математических структур позволяет архитектору говорить на одном языке с инженерами и другими реализаторами проекта, что значительно облегчает взаимодействие в процессе производства. Благодаря математическим знаниям архитектор может точнее формулировать технические требования к проекту и привлекать подходящих специалистов для его осуществления. Кроме того, архитектору часто необходимо работать с заказчиками, чтобы понять их ожидания и предпочтения. Умение использовать высшую математику может помочь архитектору ясно объяснить заказчику технические нюансы проекта и предложить оптимальные решения, основанные на математических расчетах и анализе.

Важность предмета «Высшая математика» для будущих архитекторов с каждым годом повышается. Базовый краткий курс, содержащий абсолютный минимум понятий высшей математики, необходимых специалистам в области архитектуры и строительства не охватывает всех математических задач, с которыми могут столкнуться архитекторы и уже не может рассматриваться как оптимальный.

Как отмечается в работе [3, 56], очевидно, что времени едва хватает очертить узловые вопросы теории и разобрать простейшие задачи. Но, чтобы донести актуальность таких важных понятий как матрицы, векторы, геометрические образы на плоскости и в пространстве, пределы и производные, необходимо использовать разнообразный прикладной инструментарий как на лекциях, так и на практических занятиях. Тогда не сложится ощущение оторванности математической теории от реальной жизни. Ведь архитекторы в своей деятельности могут использовать не только непосредственно вычислительный аппарат математики, но и ее логику, доказа-

тельную последовательность и четкость, реальное воплощение в действительности.

Одной из самых важных тем для студентов-архитекторов является изучение кривых и поверхностей второго порядка. Но, если на кривые второго порядка в кратком курсе есть немного времени, позволяющего дать основные определения и решить несложные задачи профессиональной направленности, то на изучение более сложной для понимания студентами темы «Поверхности второго порядка» в программе совсем не остается времени. Как отмечает в своей работе О.А. Мороз [3, 57], ведь далеко не все можно на чертеже представить с помощью прямых линий. Чаще всего формы предметов содержат в себе сложные элементы кривых линий и поверхностей: и архитектурные здания и сооружения, и механизмы, и мебель, и многое другое. Знакомство с замечательными кривыми: циклоида, лемниската Бернулли, кардиоида, кривая Коха, розы Гвидо Гранди и т.п. позволяет понять, что математика – прикладная наука, позволяющая не только разработать вычислительный аппарат, но и описывающая красоту окружающего нас мира. Поскольку архитектор имеет дело с пространственными формами, ограниченными различными поверхностями и является творцом этих форм, то ему важны и интересны методы изучения этих поверхностей [4,373]. При наличии достаточного времени на изучение поверхностей второго порядка, было бы полезным познакомить обучающихся с широким иллюстративным материалом известных архитектурных зданий, решить задачи прикладного характера, которые продемонстрируют связь между математикой и архитектурой. Такой подход поможет студентам осознать и глубже понять важность математики в контексте их будущей профессии.

Важный раздел высшей математики остается за пределами рассмотрения у архитектурных специальностей СПбГАСУ из-за нехватки времени – теория вероятностей и математическая статистика. Как отмечается в работе [5,256], в архитектурном образовании и проектной практике применение теории вероятностей только зарождается. Представляется, что в недалеком будущем оно станет необходимым компонентом современного подхода к проектированию. Поэтому вероятностные методы в архитектурных расчетах необходимо применять уже сейчас. Ведь на стадии проектирования архитектором рассматривается идеализированная расчетная модель, которая отличается от реального сооружения. Случайный характер внешних воздействий влияет на фактические деформации, перемещения, напряжения, которые становятся случайными величинами. Поэтому, в итоге, надежность конструкции может быть определена лишь с помощью вероятностных методов строительной механики с привлечением методов теории вероятностей.

В современной архитектуре благодаря развитию

компьютерных технологий формируется новое направление, отличное от классического подхода к проектированию и строительству. Это направление известно как виртуальная цифровая архитектура. Как отмечают авторы работы [6,130], цифровая архитектура включает в себя сложные вычисления, которые позволяют создать необыкновенный дизайн для нетрадиционных архитектурных форм, которые могут быть классифицированы на основе их геометрических свойств (топологическая изоморфная, фрактальная, прямоугольная формы). Появление сложных архитектурных форм, которые стали возможны благодаря новым технологиям, основанным на сложных вычислительных системах, стало следствием обращения архитекторов к неевклидовой геометрии, топологической геометрии, отказа от привычной метрики пространства, т.е. тем разделам математики, которые никогда не преподавались студентам-архитекторам. Последнее обстоятельство требует пересмотра содержания наполнения вузовских математических курсов, существенного повышения уровня формируемого математического мышления.

В декабре 2024 г. автором статьи был инициирован анонимный опрос в электронной образовательной среде Moodle всех (21) групп студентов первого курса архитектурных специальностей СПбГАСУ, посвященный обсуждению модернизации курса высшей математики. Группы разбиты на 3 лекционных потока. Лекции и практики в потоках велись тремя разными преподавателями. В опросе приняли участие 250 человек из 600 первокурсников архитектурных специальностей. Студентам предлагалось выбрать ответ «да» или «нет» по каждому из следующих вопросов:

1. Хотели бы Вы увеличить длительность курса высшей математики при сохранении текущего количества часов?
2. Хотели бы Вы увеличить длительность курса высшей математики при увеличении количества часов на лекции и практические занятия?
3. Хотели бы Вы при увеличении длительности и количества часов дополнить курс высшей математики темами, соответствующими прогрессу науки в современных условиях?
4. Важна ли для Вас возможность решать на практических занятиях по высшей математике прикладные задачи, демонстрирующие связь архитектуры и математики?
5. Считаете ли Вы, что курс высшей математики для студентов архитектурных специальностей должен быть такой же по длительности, как для студентов-строителей (3 семестра, 396 академических часов)?
6. Считаете ли Вы возможным увеличение количества заданий по высшей математике на самостоятельное изучение при текущей длительности и количеству часов на лекции и практики?

Результаты опроса в процентах отражены в таблице:

Номер вопроса	«Да»	«Нет»
1	50%	50%
2	50%	50%
3	47%	53%
4	87%	13%
5	46%	54%
6	23%	77%

Данный опрос нельзя рассматривать как строгое статистическое исследование, но тем не менее, он показывает, что достаточно большая часть студентов, обучающихся на архитектурных специальностях СПбГАСУ, осознает важность глубокого изучения высшей математики для будущей профессии. Высокий процент желающих решать профессиональные задачи при более низком проценте согласившихся с необходимостью увеличения количества часов на изучение математики, свидетельствует о том, что студенты первокурсники еще не совсем понимают связи получения крепких базовых знаний по высшей математике с применением ее в профессиональных задачах. Низкий процент утвердительных ответов на 6-й вопрос обусловлен тем, что студенты архитектурных специальностей обычно очень загружены заданиями творческой направленности на профессиональных кафедрах, у всех разный уровень владения математикой, на самостоятельную работу часто просто не хватает времени, кроме того, некоторым обучающимся очень сложно изучать непростые темы по высшей математике в большей степени самостоятельно, необходима постоянная помощь квалифицированного педагога. Студенты, которые высказали несогласие с изменением длительности курса высшей математики, зачастую чувствуют себя неуверенно перед непростым для них предметом и опасаются, что при продлении курса возрастет количество сложных экзаменов и зачетов.

Решения по модернизации курса должны принимать профессионалы, но очевидно, что наиболее мотивированные и заинтересованные в получении качественного образования обучающиеся были бы рады обновлению существующей программы по высшей математике.

Заинтересованность некоторых студентов архитекторов в более глубоком и основательном изучении математики демонстрируется и их стремлением участвовать в проводимых вузом конференциях. В октябре 2024 года в СПбГАСУ студентами первого курса архитектурных специальностей были подготовлены четыре доклада по высшей математике на LXXVII Национальной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Актуальные проблемы современного строительства».

Автор ознакомился с рабочими программами по высшей математике для архитектурных специальностей, выложенными на официальных сайтах ряда вузов России. Для примера приведем сведения по специальности «Архитектура» 07.03.01, уровень бакалавриата, в соответствии с актуальными рабочими программами. В КубГУ [7] на факультете архитектуры и дизайна дисциплина «Высшая математика» («Математика») для студентов-архитекторов отсутствует. Согласно рабочей программе [8], в НГУАДИ курс по математике для специальности «Архитектура» длится один семестр и составляет 72 академических часа, из них 16 часов отводится на лекции, 16 – на практические занятия. В качестве самостоятельной работы (24 ч.) студентам предлагается написать реферат на заданную тему, демонстрирующую связь математики и архитектуры. Вид контроля – зачет с оценкой. В МАРХИ [9] 72-часовой курс математики разбит на два семестра, по 16 часов лекций и 16 часов практических занятий в каждом. На самостоятельную работу на весь курс отводится только 4 часа. Разделы математики, включенные в курс, полностью совпадают с СПбГАСУ. В конце обоих семестров проводится зачет с оценкой. Преимущество такого курса перед односеместровым – обучающиеся могут дольше вдумчиво прорабатывать изучаемый материал под руководством преподавателя. Минус – программа остаётся сокращённой, нет возможности изучить все важные для будущих архитекторов темы. В ТГТУ [10] курс длится один семестр и составляет 180 часов. При этом на лекции и практики отводится по 16 часов. На самостоятельную работу обучающихся выделены 144 часа. Форма промежуточной аттестации – экзамен. В курсе предусматривается в большей мере самостоятельное изучение почти всех важных для будущих архитекторов тем. Не включен в программу раздел «Теория вероятностей и математическая статистика». Студенты снабжаются методическими материалами, содержащими большое количество задач профессиональной направленности. Много часов на самостоятельную работу при минимуме лекций и практик – попытка создать возможность изучения большого количества материала, повышая мотивацию обучающихся к обучению в сложных условиях современных реалий. Минусы очевидны – основной упор делается на сознательность студентов и их умение самостоятельно прорабатывать изучаемый материал. При большой загруженности студентов-архитекторов на профессиональных кафедрах, им сложно уделять математике столько неаудиторного времени. В Сибстрин [11] курс математики длится 2 семестра, 216 академических часов. В первом семестре – 16 ч. лекций, 18 ч. практических занятий, 74 ч. самостоятельной работы, в конце семестра проводится экзамен, во втором семестре – 18 ч. лекций, 18 ч. практик и 72 ч. самостоятельной работы, форма аттестации – зачет. В программу не включены темы «Дифференциальные уравнения» и «Теория вероятностей и математическая статистика». В НИУ МГСУ [12] дисциплина «Математика» для специальности «Архитек-

тура» изучается в первом и втором семестрах и составляет 288 академических часов – по 32 ч. лекций, 32 ч. практических занятий и 44 ч. самостоятельной работы в каждом семестре. В конце обоих семестров проводится экзамен. Программа предполагает подробное изучение всех важных для будущих архитекторов тем, кроме теории вероятностей и математической статистики.

Обзор показывает, что в различных вузах архитектурной направленности, осуществляющих подготовку студентов по программе бакалавриата, нет единой точки зрения о необходимости глубоких знаний по высшей математике для будущих архитекторов, многие вузы (в том числе СПбГАСУ) зачастую не могут идти в ногу со временем по причине недостаточного количества часов на изучение дисциплины.

Увеличение длительности курса высшей математики позволило бы студентам дольше и глубже прорабатывать изучаемый материал. Большее количество часов на аудиторные занятия дало бы возможность детально рассмотреть все необходимые темы, включить в курс больше доказательств и примеров, помимо базовых понятий серьезно изучить задачи профессиональной направленности, показывающие связь математики с архитектурой. Но в условиях уже действующих рабочих программ бакалавриата невозможно просто внести изменения в программу обучения по одному отдельно взятому предмету, ведь для того, чтобы увеличить количество часов на один предмет, надо забрать их у другой, возможно не менее важной дисциплины. Чтобы создать оптимальные условия для повышения уровня знаний студентов, необходим комплексный подход, меняющий всю систему образования в целом, новый подход, учитывающий реалии и задачи современного общества, разработка новых рабочих программ по всем предметам.

В России стартовала реформа высшего образования. Одним из вузов, в рамках пилотного проекта перешедших на новую систему высшего образования, является Санкт-Петербургский горный университет. По рабочей программе уровня базового высшего образования дисциплины «Высшая математика» для специальности «Архитектура» [13], на изучение дисциплины отводится 432 часа, 3 семестра по 144 часа (34 часа лекций, 34 часа практических занятий и 40 часов самостоятельной работы), в конце каждого семестра проводится экзамен. Курс включает все разделы высшей математики, необходимые квалифицированному специалисту-архитектору в реалиях цифровизации общества и стремительно растущих технологий. Программа является оптимальным вариантом для обучения высшей математике студентов-архитекторов в современных условиях. Хочется надеяться, что на аналогичные программы постепенно перейдут все вузы, осуществляющие подготовку студентов архитектурных специальностей. Также важно отметить

необходимость соблюдения баланса временных затрат обучающихся при совместном изучении различных курсов, включенных в программу обучения архитекторов.

Выводы

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о назревшей необходимости продления общей длительности курса высшей математики для студентов архитектурных специальностей вуза (в частности СПбГАСУ) при увеличении часов на лекции и практические занятия. Большее количество аудиторных занятий позволит детально прорабатывать темы на занятиях, повышая усвояемость преподаваемого материала, даст возможность включить в курс высшей математики темы,

актуальные для современных архитекторов. Требуется разработка обновленных рабочих программ, направленных на укрепление и развитие межпредметных связей в условиях стремительной цифровизации общества и внедрении инновационных методов в архитектурное проектирование. Всё это возможно только в рамках осуществления реформы высшего образования. По словам главы Минобрнауки РФ Валерия Фалькова [14], среди принципов работы, которые будут заложены в новую модель образования - усиление фундаментальных начал и качественная практикоориентированность.

Высшая математика должна восприниматься обучающимися как культура исследования, предлагающая решение проблем, поддающихся формализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пучков Н.П., Забавникова Т.Ю. Математика и архитектура: к вопросу развития межпредметных связей при подготовке архитекторов // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. Тамбов, 2019, №2(72), С. 133–143.
2. Соловьева О.В. О некоторых аспектах повышения эффективности обучения высшей математике студентов архитектурных специальностей вуза в современных условиях // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки – 2024. – № 10–3. – С. 134–136.
3. Мороз, О.А. Специфика подбора прикладных задач для студентов архитектурного факультета / О.А. Мороз // Наука – образованию, производству, экономике : материалы 18-й Международной научно-технической конференции (73-й научно-технической конференции профессорско-преподавательского состава, научных работников, докторантов и аспирантов БНТУ) [Электронный ресурс] / Белорусский национальный технический университет, Факультет транспортных коммуникаций; редкол.: С.Н. Соболевская (гл. ред.), С.Е. Кравченко. – Минск: БНТУ, 2020. – С. 56–59.
4. Глушанкова, Л.Я. Кривые и поверхности 2-го порядка в архитектуре / Л.Я. Глушанкова, И.А. Голубева, О.А. Мороз // Наука – образованию, производству, экономике: материалы 14-й Международной научно-технической конференции. – Минск: БНТУ, 2016. – Т. 3. – С. 373.
5. Мороз, О.А. Вероятностные модели в архитектурных расчетах / О.А. Мороз // Дорожное строительство и его инженерное обеспечение [Электронный ресурс]: материалы Международной научно-технической конференции / редкол.: С.Е. Кравченко (гл. ред.) [и др.]; сост. В.А. Ходяков. – Минск: БНТУ, 2021. – С. 255–257.
6. Пучков, Н.П., & Забавникова, Т.Ю. (2020). Развитие межпредметных связей в процессе преподавания математики будущим архитекторам. Электронные библиотеки, 23(1-2), 128-136. <https://doi.org/10.26907/1562-5419-2020-23-1-2-128-136>
7. URL:<https://infoneeds.kubsu.ru/infoneeds/guests/courses.jsp?type=spb&cid=5784025> (дата обращения: 04.01.2025).
8. URL:https://nsuada.ru/umu/rpd/2024-2025/07_03_01_2024_Arh_1.plx/Matematika_arhitekturnoe-proektirovanie.pdf (дата обращения: 04.01.2025).
9. URL:[https://marhi.ru/sveden/files/RPD_Matematika_\(07.03.01\).pdf](https://marhi.ru/sveden/files/RPD_Matematika_(07.03.01).pdf) (дата обращения: 04.01.2025).
10. URL:https://tstu.ru/svedenPDF/pdf20/bak/pd/pd_07.03.01.01_2023.pdf?ysclid=m5acyy3ano342539058 (дата обращения: 04.01.2025)
11. URL:<https://www.sibstrin.ru/sveden/education/programs/2024/disciplines/000000625/>(дата обращения: 04.01.2025)
12. URL:https://mgsu.ru/sveden/education/opop-2023/rpd/bakalavriat/RPD_070301_2023.pdf (дата обращения: 04.01.2025)
13. URL:https://spmi.ru/sites/default/files/imci_images/univer/svedenia_jb_organizacii/2023_2024/RPD_BVO/54_arhitectura/rpd_vyshaya-matematika.pdf (дата обращения: 04.01.2025).
14. Валерий Фальков провел совещание «О предварительных итогах 2024 года и планах на 2025 год» с ректорами российских университетов. 17.12.2024// Минобрнауки России: официальный сайт. URL:<https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/92854/> (дата обращения: 05.01.2025)

© Соловьева Ольга Валентиновна (sol_ov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВСЕСТОРОННИЙ ПОДХОД В ВОСПИТАНИИ БУДУЩИХ ВОКАЛИСТОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПЕВЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сунь Кай

Аспирант, Московский государственный
институт музыки им. Шнитке
a1244527353@gmail.com

A COMPREHENSIVE APPROACH TO THE EDUCATION OF FUTURE VOCALISTS IN THE FORMATION OF SINGING CULTURE IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

Sun Kai

Summary: The article examines key aspects of educational activities on the basic competencies that a future singer should have - vocal and technical training and stagecraft. An important role in the development of vocal culture is played by a personality-oriented approach used in the educational activities of university vocal students, based on the basic competencies that a future singer should have - vocal and technical training and stagecraft.

The purpose of the study is to highlight the main features of the educational activities of future vocalists in higher professional education organizations in the formation of their vocal culture in the context of a comprehensive approach to their professional training. Despite the rich theoretical base devoted to various issues of musical and pedagogical education and, in particular, the development of professional competencies of future vocalists, the scientific literature to date has not sufficiently covered the issues of comprehensive pedagogical conditions for the formation of vocal culture in educational organizations. Most of them raise the problems of teaching individual disciplines for the training of future vocalists, while the close relationship between different educational modules is practically not considered. This aspect remains poorly studied, which determines the novelty of the study. As a result, key areas of educational activity (both theoretical and practical) are identified, which are aimed at achieving positive results in the creative performance activity of future vocalists.

Keywords: formation of vocal culture, education of future vocalists, personality-oriented approach, comprehensive training of musicians, educational opera performance.

Аннотация: В статье рассматриваются ключевые аспекты образовательной деятельности по основным компетенциям, которыми должен обладать будущий певец, – вокально-техническая подготовка и сценическое мастерство. Важную роль в становлении вокальной культуры играет лично-ориентированный подход, применяемый в образовательной деятельности студентов-вокалистов вузов, основанный на основных компетенциях, которыми должен обладать будущий певец – вокально-техническая подготовка и сценическое мастерство.

Цель исследования – выделить основные особенности образовательной деятельности будущих вокалистов в организациях высшего профессионального образования при формировании их вокальной культуры в контексте всестороннего подхода к их профессиональной подготовке. Несмотря на богатую теоретическую базу, посвященную различным вопросам музыкально-педагогического образования и, в частности, развитию профессиональных компетенций будущих вокалистов, в научной литературе на сегодняшний день недостаточно освещены вопросы всесторонних педагогических условий формирования вокальной культуры в образовательных организациях. Большинство из них поднимают проблемы преподавания отдельных дисциплин подготовки будущих вокалистов, при этом практически не рассматривается тесная взаимосвязь разных образовательных модулей между собой. Данный аспект остается малоизученным, что определяет **новизну** исследования. **В результате** выделены ключевые направления образовательной деятельности (как теоретической, так и практической), которые нацелены на достижение положительных результатов в творческой исполнительской активности будущих вокалистов.

Ключевые слова: формирование вокальной культуры, воспитание будущих вокалистов, лично-ориентированный подход, всестороннее обучение музыкантов, учебный оперный спектакль.

Введение

Актуальность темы данного исследования обусловлена тенденциями, которые в настоящее время сложились в профессиональном исполнительском искусстве, связанными с повышением требований, предъявляемых к исполнителям со стороны профессиональной общественности. Чтобы быть конкурентно-

способным артистом, современный вокалист должен обладать развитым арсеналом как технико-выразительных исполнительных средств, так и артистическим умением не только безупречно петь, но и профессионально создавать сценический образ, передавая с помощью голоса и развитых актерских данных выразительные особенности исполняемого произведения, проявляя интерпретаторские способности. Именно поэтому столь важен

принцип всестороннего обучения будущих вокалистов не только с точки зрения становления правильного звукообразования, но и с позиции формирования навыков смежных направлений подготовки, формирующих комплекс профессиональных компетенций будущих вокалистов. Современные исследования, посвященные вокальной методике на сегодняшний день, рассматривают лишь отдельные направления подготовки будущих певцов, в то время как исследования, комплексно охватывающие разные проблемы в данной отрасли, практически отсутствуют, хотя именно этот аспект является остроактуальной проблемой вокального образования на данный момент.

Задачи исследования:

- выделить основные навыки, которые должны быть приобретены студентами в процессе образовательной деятельности;
- рассмотреть важность исполнительской активности студентов как ключевого направления практической работы обучающихся в процессе формирования вокальной культуры будущих исполнителей-вокалистов;
- установить значимость учебного оперного спектакля в качестве ключевой формы исполнительской активности, способствующей реализации комплексного подхода к образовательной деятельности певцов.

Материалом для исследования послужили достижения ведущих представителей русской вокальной школы, а также собственный преподавательский и вокальный опыт автора данной статьи.

Теоретическую базу работы составили научные исследования авторитетных представителей музыковедческой науки, работающих в данной отрасли. Это труды, посвященные изучению теории голосообразования, методики постановки речевого и вокального голоса (В. Морозов [4], Н. Гонтаренко [1]). Физиологические особенности постановки голосового аппарата, а также особенности формирования вокальной культуры освещены в работах Н. Нургаяновой [5], О. Плехановой [6], Н. Чжэн [9], Р. Юссон [10]. Актерское мастерство вокалистов рассматривается в исследованиях М. Зайковой [2], Н. Кузнецова [3], К. Станиславского [7].

Методы исследования. Для решения указанных задач в статье применяются следующие методы исследования: анализ научно-методической литературы по вопросам развития голосового аппарата, акустики и звукообразования – для систематизации теоретических и эмпирических данных по теме исследования; описательный метод – для изложения основных особенностей исполнительской активности студентов как важнейшей составляющей их образовательной деятельности; прак-

тический метод, позволяющий выделить учебный оперный спектакль как основную форму работы, способствующую реализации принципа всестороннего подхода к обучению будущих вокалистов.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования его ключевых тезисов в качестве методического пособия по подготовке будущих вокалистов, а также вспомогательного материала для совершенствования и развития профессиональных навыков и компетенций практикующих певцов-исполнителей.

В музыкальном образовании сегодня наблюдается положительная динамика в сторону всестороннего обучения будущих вокалистов. Их образовательная деятельность постоянно обогащается и совершенствуется, дополняется новыми методическими открытиями. Китайский ученый Ни Чжэн, рассматривая в своем исследовании вопросы формирования вокальной культуры будущих певцов, отмечал важность повышения общекультурного тезауруса молодых музыкантов как ключевого показателя их будущей профессиональной деятельности, выделяя значимость комплексного подхода к образованию [9, с.130].

В рамках подготовки будущих вокалистов важным является освоение определенных дисциплин: «Сольное исполнительство», включающее основные методики по становлению и развитию голосового аппарата, «Музыкальная психология», «Актерское мастерство», музыкально-теоретические предметы, «Сценическая речь», «Пластика и Хореография». Данные дисциплины являются основными модулями, оставляющими основу профессии будущих вокалистов. Рассмотрим более подробно некоторые из них.

Учебная дисциплина «Сольное исполнительство» включает в себя целый комплекс методик, среди которых важное место занимают те, что связаны с рассмотрением физиологических особенностей строения голосового аппарата. Ключевым фактором здесь является получение профессиональных навыков не только в правильном звукоизвлечении и работе с голосовым аппаратом, но и умениях реализовывать полученные знания на практике в условиях различных акустических реалий.

Голосовой аппарат вокалиста – музыкальный инструмент, который, в отличие от известных нам инструментальных групп обладает не только механическими свойствами, но и акустико-физиологическими. Понимание строения и функций голосового аппарата лежит в основе творческой деятельности любого вокалиста. Уделение внимания акустико-физиологическим аспектам звукообразования, понимание природы своего голоса, а также развитие осознанного отношения к голосово-

му аппарату, умение «прислушиваться» к собственным ощущениям – основополагающие факторы воспитания вокальной культуры будущих певцов.

Вокалист должен одинаково хорошо понимать теорию пения – разбираться в базовых научных знаниях, основанных на ключевых вопросах сольного академического вокала, и уметь реализовывать данные знания в ходе практической деятельности. Подобное соотношение является фундаментальным в профессиональной жизни вокалиста, подтверждающим уровень его творческого мастерства.

Важно помнить, что студент, поступающий в творческий вуз на специальность «Академический вокал», может обладать существенно разными знаниями и навыками в данной сфере деятельности. Это соотношение определяется уровнем полученного им образования: на сегодняшний день все чаще встречаются обучающиеся, которые поступили в консерваторию или институт искусств сразу после школы, минуя тем самым важную ступень среднеспециального образования в виде колледжа, что накладывает определенный «отпечаток» на их профессиональный уровень. Именно поэтому возрастает важность лично-ориентированного подхода в образовании будущих вокалистов, который определяется созданием таких условий для образовательного процесса, где каждый студент развивался бы исходя из имеющегося у него технического базиса и творческих способностей, то есть раскрытие и совершенствование, в первую очередь, его индивидуальных качеств. Н. Нургаянова выделяет индивидуальность в качестве ключевого аспекта формирования вокальной культуры обучающихся [5, с. 136].

В образовательном процессе следует также помнить о необходимости донести до студентов такой, казалось бы, очевидный, но в то же время зачастую оказывающийся за пределами внимания фактор, как особенности академического вокала в ракурсе звуковых условий концертного зала. Вокалист использует тот резонанс, который создается акустикой помещения, где происходит выступление. Так, в зале с хорошей акустикой, голос звучит объемно и «полетно», приобретая яркие колористические черты, в то время как в пространстве, где очень сильное звукопоглощение, акустические факторы очень слабо развиты, голос может «потеряться», то есть восприниматься тускло и слабо. К тому же, возникает слуховой дискомфорт и у самого вокалиста, который не может адекватно оценивать возможности собственного голоса. На данную проблему обращал внимание ученый Р. Юссон, который отмечал, что «физиологические ощущения вокалиста в условиях плохой акустики зала создают на психологическом уровне ощущение постоянной потери дыхания, сжатости гортани, а также трансформированности тембровой окраски голоса» [10, с. 170]. Все это

негативно может сказаться на выступлении вокалиста в данный момент и на последующих проявлениях его исполнительской деятельности. Данный фактор провоцирует выработку устойчивого «страха сцены».

Боязнь публичных выступлений – серьезная проблема, с которой может столкнуться любой вокалист, в особенности в процессе обучения, когда юный музыкант еще не до конца способен здраво оценивать собственные силы, уметь работать со зрительской аудиторией, приспосабливаться к разного рода звуковым условиям и пространственным ощущениям. Все это может создать негативный опыт, который впоследствии способен сформировать устойчивый комплекс, что является недопустимым. Задача преподавателя, в данном случае, – научить обучающегося ориентироваться в разных ситуациях, так как именно самоконтроль является ключевым фактором разрешения и предотвращения данных ситуаций.

Будущий вокалист в процессе обучения должен понимать и контролировать критические моменты, оценивать ситуацию и ориентироваться в ней. В условиях «плохой акустики» важно, чтобы студент не пытался форсировать звук, так как это может привести к переутомлению и заболеваниям голосового аппарата. Важно научить обучающихся не стремиться достигать полноты звучания в тех помещениях, где этого добиться невозможно, а также разъяснить важность осознанного выбора площадок для выступлений, если это представляется возможным. Большие концертные залы, специально оборудованные для академических выступлений, практически не имеют акустических проблем, так как обладают специальными архитектурными особенностями, усиливающими звук при помощи резонанса и реверберации. Таким образом, процесс окончательного формирования слухового представления о голосе академического исполнителя обязательно включает как внутренний, так и внешний резонанс, то есть соотношение ощущения собственного голосового аппарата и пространственных составляющих. При формировании вокальной культуры будущих вокалистов предельно важно обращать их внимание на то, что на качество звука влияет не только врожденная голосовая природа, но и окружающее пространство.

Еще один важный подход к формированию вокальной техники будущих певцов – это принцип резонансной теории. Ее основоположником стал В. Морозов, который выделял «искусство резонансного пения» как один из принципов, осуществляемых в творческой деятельности практикующих оперных певцов [4, с. 217]. Основа данного подхода базируется на понимании общих принципов анатомического строения голосового аппарата, который включает в себя несколько составляющих: дыхание, гортань и резонаторы, являющиеся частью единого целого. От правильной работы всех перечисленных компонентов зависит качество вокального исполнения,

в том числе, артикуляция, хорошая вокальная дикция. Важно, чтобы певец одинаково четко и качественно воспроизводил как гласные, так и согласные звуки, в единой манере голосообразования, что стимулирует резонансное пение. При этом стоит отметить, что выразительная четкая дикция и артикуляция являются результатом слаженной работы всего голосового аппарата. Артикуляционные движения в данном случае должны быть обособленными от положения гортани и пении. Отдельное внимание в теории резонансного пения уделяется качеству звучания гласных звуков, которые формируются в единой округлой прикрытой манере.

Еще одна составляющая, которая входит в звукообразующий комплекс в контексте упомянутой теории, – «вibrато» (колебания), так как тембр голоса напрямую зависит от него, а также от обертонов. «Вibrато» в вокале представляет собой своеобразное украшение, которое придает звуку теплоту и формирует уникальный тембр. При использовании vibrато голос становится более плавным. Основное отличие заключается в частоте колебаний и амплитуде звуковой волны. Колебания 6-7 Гц являются самыми приемлемыми для слухового понимания, не вызывающего дискомфорт. Именно такой частотой обладает vibrато.

«Вibrато» певческого голоса – немаловажный элемент, влияющий на выразительную составляющую исполняемого материала, выступающего в качестве тембрально-колористических средств, образующих индивидуальное украшение голоса. «Вibrато» в большинстве своем является составной частью тембра голоса и на его существование оказывают влияние как эстетическое восприятие звука слушателями, так и качественная оценка. Звук с «вibrато» воспринимается как более живой, естественный, что действительно повышает профессиональное мастерство исполнителя со стороны слушателей.

В. Морозов, разрабатывая концепцию резонансного пения, отмечал, что «вibrато у творчески одаренных вокалистов, может быть врожденным явлением, однако, если у вокалиста от природы эта способность отсутствует, то ее можно сформировать и, впоследствии, весьма удачно развивать. К тому же, vibrато даже одного и того же исполнителя может видоизменяться в зависимости от высоты основного тона динамики голоса, типа голосового звука, его продолжительности и другого звука» [4, с.126]. Поэтому «вibrато» – весьма важная составляющая, но, при этом, довольно нестабильная, которая может меняться под воздействием разнообразных факторов, в том числе и психоэмоциональных, что делает его весьма субъективной категорией, которую сложно, но необходимо формировать в процессе образовательной деятельности при воспитании вокальной культуры будущих певцов.

Важнейшим этапом в образовательной подготовке вокалистов является исполнительская активность. Этот вид деятельности принципиально необходим, так как только в процессе практической работы становится возможным применить те навыки, которые были получены в процессе обучения. Именно публичное выступление позволяет проявить не только исполнительские способности, но и отработать сценическое мастерство, которое имеет важнейшее значение в будущей профессиональной жизни вокалистов. Исполнительская активность позволяет студенту еще в процессе обучения попробовать себя в разных музыкальных жанрах, выявить сложности при работе с каждым из них с целью дальнейшего совершенствования и устранения недостатков. При этом преподаватель должен быть наставником, который акцентирует внимание, как справедливо отмечает О. Плеханова, на «мере творческой активности учителя в собственном созидании ценностей певческого искусства» [6, с. 7].

Основная задача исполнителя, как известно, заключается в том, чтобы через собственную интерпретацию воплотить в жизнь задумки композитора, которые вложены в то или иное музыкальное произведение. В каждом сочинении заложен свой определенный тематизм, художественный образ, который должен услышать, увидеть и почувствовать каждый слушатель. В этом заключается сверхзадача каждого профессионального музыканта. Работу над музыкальным материалом необходимо начинать с анализа его драматургической канвы, композиторского замысла и способа организации сценического действия в зависимости от того или иного жанра. Как справедливо отмечает М. Зайкова, «любому произведению предшествует подготовительный период, в котором происходит осмысление всего материала. Прежде чем приступить к черновому изучению нотного текста, исполнитель должен ознакомиться со всей оперой, то есть прослушать ее» [2, с. 161]. Именно с погружения в нотный материал, исходя из всех его особенностей, в том числе, историко-стилевых, должна начинаться работа над избранным к исполнению произведением.

В профессиональной работе вокалиста ключевым является умение актерски точно предстать на сцене в той или иной ипостаси. Речь идет не только о способности глубоко погрузиться в образ, но и об умении показать этот образ с помощью элементов актерской игры. Особенно это касается оперных спектаклей, в которых артист должен не только соблюдать все технические вокальные требования и ярко предстать в различных амплуа, но и уметь взаимодействовать с партнерами по сцене, правильно и органично двигаться, существовать на сцене. По справедливому замечанию Н. Кузнецова, «вокалист должен выступать в качестве сотворца спектакля, создающего собственную роль согласно концепции композитора и постановщиков» [3, с. 17].

Следующий этап – воспроизведение данного сочинения на сценической площадке, так как погружение в художественный образ – непростой творческий процесс, который формирует у исполнителя артистизм и образное видение партии. Здесь также необходимо добиваться психологической свободы, которая предотвращает развитие чрезмерного волнения перед публичным выступлением. Как отмечает Н. Гонтаренко, «психологическая свобода – есть эмоциональная свобода. Голос всегда отражает наше внутреннее состояние» [1, с. 137].

Существенную роль в данном процессе играют такие дисциплины образовательного модуля, как «Актерское мастерство», «Сценическая речь», «Пластика и хореография». Это три основных направления подготовки будущих артистов к сценическим выступлениям, без освоения которых профессиональные способности певца будут раскрыты не в полной мере, так как он не сможет их реализовать на сценической площадке.

Умение работать над ролью – важный навык, которым должен обладать певец. Каждое слово и высказывание необходимо осмыслить с точки зрения образа. При этом погружение должно происходить не только в собственный образ, нужно внимательно изучить и другие партии, с которыми впоследствии предполагается взаимодействие на сцене. Уделять внимание надо также и качеству речи, речевой выразительности исполнения. Как справедливо отмечал К. Станиславский, «слово, не насыщенное изнутри и взятое отдельно, само по себе, является просто звуком, кличкой... Текст роли, состоящий из таких кличек, – ряд пустых звуков» [7, с. 121]. Именно поэтому работа над качеством сценической речи, в том числе – дикции, является неотъемлемой составляющей подготовки будущих вокалистов. Особенно это важно при выступлениях на больших театральных площадках, где особенности акустического пространства (о чем шла речь выше) очень влияют на восприятие слушателями исполняемого материала. Предельно необходимо, чтобы каждая воспроизведенная певцом фраза была понятна и насыщена эмоционально-образным содержанием.

Зачастую, приступая к работе над оперными отрывками, в образовательных организациях практически не разбирается либретто. Это большая ошибка, которая в дальнейшем может негативно сказаться на всей профессиональной деятельности вокалиста. Разрыв связи слова и музыки, может привести к потере образного содержания исполняемого фрагмента. Артист начинает просто исполнять заданный материал, технически правильно и филигранно, но при этом абсолютно механистически, не обращая никакого внимания на образно-художественную составляющую произведения. Поэтому работа над оперными партиями очень важна, чтобы студент умел понять и воспроизвести психоэмоциональные состояния, которые испытывает герой сочинения.

Учебный оперный спектакль – важная форма исполнительской активности, которая позволяет на практике реализовать полученные знания и навыки как по специальности, так и по актерскому мастерству, сценической речи и пластике. Она должна присутствовать в образовательной деятельности при формировании вокальной культуры будущих вокалистов, однако, отсутствующая на сегодняшний день во многих консерваториях и институтах искусств. Это является довольно насущной проблемой, ведь не обладая навыками работы в полноценном спектакле, выпускник творческого ВУЗа не умеет взаимодействовать с дирижером и партнерами по сцене, не понимает основополагающие принципы работы театра, теряется на площадке, потому что не привык работать в окружении декораций и сценического света. Все это негативно отражается на его профессиональной деятельности, так как владея необходимыми техническими вокальными навыками и хорошей актерской подготовкой, вокалист не имеет представления, как пользоваться ими на практике. Именно поэтому сценическая исполнительская активность играет одну из главных ролей, так как коллективные формы обучения в синтезе с педагогическим контролем, условия, приближенные к будущей профессиональной работе, формируют у будущих вокалистов необходимые навыки и компетенции, которые помогут им в последующей творческой деятельности.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**. Подготовка будущих вокалистов в контексте формирования их вокальной культуры – сложный и многоаспектный процесс. Необходимо не только развивать и совершенствовать технические вокально-исполнительские навыки певцов, но и работать над актерским мастерством, пластикой и сценической речью, чтобы выпускник был всесторонне готов к будущей творческой деятельности. При этом важно, чтобы полученные знания были не только теоретическими, но и находили свое отражение в практической исполнительской активности студентов. Лишь комплексный подход к образовательной подготовке будущих вокалистов позволит выпустить из творческих вузов высококвалифицированные кадры, способные активно развиваться в русле избранной профессии. Каждая дисциплина образовательного модуля должна быть взаимосвязана друг с другом, а не существовать обособленно. В этой связи учебный оперный спектакль можно считать универсальной формой, позволяющей объединить разные направления подготовки молодых певцов.

В качестве **перспектив дальнейшего исследования** мы наметили в данной статье прикладной аспект реализации принципа всестороннего подхода к обучению будущих вокалистов, развитие базы упражнений по формированию естественного звучания голоса, на-

правленных на совершенствование различных сторон образовательного процесса. Также в данной работе не были выделены и отдельно рассмотрены дисциплины музыкально-теоретического блока, которые тоже являются неотъемлемой составляющей всестороннего обучения будущих певцов и имеют свои особенности.

Целесообразным видится более детальный разбор таких предметов этого блока, как «Сольфеджио», «Анализ музыкальных форм» и «Гармония», в их взаимосвязи с профессиональной исполнительской деятельностью будущих вокалистов, что является принципиально важным в процессе формирования их певческой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гонтаренко Н. Сольное пение. Секреты вокального мастерства. – Ростов-на Дону: Феликс, 2007. – 155 с.
2. Зайкова М. Формирование творческих навыков у студентов при создании сценического образа в вокальном произведении. – Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 2011. – №6. – С. 159-163.
3. Кузнецов Н. Мысль и слово в творчестве оперного актера. – М.: Музыка, 2004. – 192 с.
4. Морозов В. Искусство резонансного пения. Основы резонансной теории и техники. – Изд-во ИП РАН, МГК им. П. Чайковского, Центр «Искусство и наука». – М., 2002. – 496 с.
5. Нургаянова Н. Историко-педагогические предпосылки формирования вокально-исполнительской культуры будущего учителя музыки. – Педагогика художественного образования: история, методология практика: Материалы Всерос.науч.-практ.конф. Ч.1. – Казань: ТГПУ, 2011. – С. 135-158.
6. Плеханова О. Технология формирования вокально-педагогической культуры учителя музыки в процессе вузовской подготовки. Автореф.канд.пед.наук. – Екатеринбург, 2006. – 41 с.
7. Станиславский К. Работа актера над собой в творческом процессе переживаний. Дневник ученика. Часть II. – Москва: Искусство, 1935. – 142 с.
8. Учебно-методический комплекс по курсу «Психология и педагогика» для студентов непсихологических специальностей, сост. Е. Письменная, Т. Бабаева, Н. Каргина. – М.: РУДН, 2011. – 151 с.
9. Чжэн Н. Сущность и структурно-содержательные характеристики понятия «Вокальная культура младшего школьника». – Инновационная наука, 2021. – №7. – С. 129-135.
10. Юссон Р. Певческий голос. – М.: Музыка, 1974. – 264 с.

© Сунь Кай (a1244527353@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНТЕГРАЦИЯ 3D-ПЕЧАТИ В ПРАКТИКУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ МОРСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

INTEGRATION OF 3D PRINTING INTO THE PRACTICE OF PROFESSIONAL TRAINING OF MARINE SPECIALISTS

V. Filonenko

V. Petkov

V. Tenisheva

Yu. Genkin

B. Filonenko

Summary: High technologies have emphasized the need for increased education and society's demand for flexibility and timely adjustments, not only in tools, methods, and forms, but also in content. Universities, particularly those preparing specialists to work with innovative equipment like maritime universities, are particularly relevant in monitoring societal needs for specific competencies. Industry leaders pay due attention to the search and analysis of risks associated with exploring new promising areas of training and disciplines. This article discusses the process of designing additional training courses based on research into the effective application of 3D printing technology on ships.

Keywords: professional training of a marine specialist, competencies of maritime specialists, 3D printing on ships, training courses for maritime specialists.

Филоненко Виктория Александровна

кандидат педагогических наук, доцент, Государственный морской университет им. адм. Фёдора Фёдоровича Ушакова (г. Новороссийск)
vicalexfilnov@mail.ru

Петьков Валерий Анатольевич

доктор педагогических наук, профессор, Кубанский государственный университет (г. Краснодар)
Valerype@mail.ru

Тенищева Вера Фёдоровна

доктор педагогических наук, профессор, Государственный морской университет им. адм. Фёдора Фёдоровича Ушакова (г. Новороссийск)
Vic-Ver@mail.ru

Генкин Юлиана Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент, Государственный морской университет им. адм. Фёдора Фёдоровича Ушакова (г. Новороссийск) yuliana1970@yahoo.com

Филоненко Борис Владимирович

второй помощник капитана, SCF Management Services, Новороссийск (Россия)
vladfilohenko78@gmail.com

Аннотация: высокие технологии актуализировали интенсификацию профессионального образования и запрос общества на гибкую и своевременную корректировку не только средств, методов и форм, но и содержания. Мониторинг потребностей работодателей на формирование определенных компетенций особенно актуален для вузов, которые готовят специалистов по работе с инновационным оборудованием, как, например, морские вузы. В данной статье авторы обосновывают необходимость разработки курсов дополнительной подготовки специалистов морского флота на примере исследования потребностей в эффективном применении на судах технологии 3D печати.

Ключевые слова: профессиональная подготовка морского специалиста, компетенции морского специалиста, 3D печать на судне, курсы подготовки морского специалиста.

«Международная конвенция о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты 78/95» признает необходимость «эффективно учитывать изменения в технологии, операциях, практике и процедурах, используемых на судах», что указывает на необходимость для современной системы подготовки компетентного специалиста гибко и быстро реагировать на запросы рынка и морской индустрии» [1]. Современные суда являются воплощением высоких технологий, они оснащены передовым оборудованием для управления и эксплуатации. Одним из видов высоких технологий является технология 3D-печати, реализация которой открывает перед морской отраслью множе-

ство возможностей.

Доказано, что интеграция технологии 3D-печати на грузовых судах дает множество преимуществ, повышающих эффективность эксплуатации, снижающих затраты и способствующих устойчивому развитию. 3D-печать снижает затраты на производство и логистику, позволяя печатать запчасти непосредственно на борту судна, ускоряя ремонт и минимизируя простои, особенно в удалённых районах [2].

Технология 3D-печати включает различные методы создания объектов слой за слоем, каждый из которых

имеет свои уникальные процессы, материалы и области применения. Анализ основных типов 3D-принтеров показал, что у каждой технологии есть свои преимущества и ограничения, что делает их подходящими для различных задач в морской отрасли. Не все методы подходят для каждого материала.

Программирование 3D-принтеров требует использования специализированного программного обеспечения для проектирования, нарезки и мониторинга заданий. Эффективное применение этих инструментов позволяет оптимизировать рабочие процессы и обеспечивать высокое качество результатов. В этой связи обучение информационным технологиям и искусственному интеллекту становится важной частью профессиональной подготовки морских специалистов [3].

Одним из лидеров в России в области подготовки специалистов для морской отрасли является Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова. В учебном процессе этого вуза значительное внимание уделяется разработке и реализации в современных образовательных и информационных технологий, научным исследованиям, которые позволяют не только заглянуть в перспективы развития, но и активно отвечать на запросы работодателей и специалистов. Так, с учетом активизации применения на судах 3D-печати, исследования в этой области затронули интересы, касающиеся подготовки морских специалистов.

В ходе перспективной разработки курса дополнительной подготовки специалистов «Использования технологии 3D-печати на грузовых судах» нами изучалась не только востребованность моряков и работодателей, но и возможности применения 3D-технологий на грузовых судах. Был рассмотрен ряд вопросов, таких как: основные типы 3D-принтеров; категории эффективного программного обеспечения, включая поддержку искусственного интеллекта; потенциальные риски и рекомендации; области применения и сроки. В ходе практического анализа был изучен опыт моряков и рассмотрены перспективы применения 3D-печати на борту судна, разработаны специальные анкеты, проведен сравнительный анализ полученных данных и заложена база содержания курса подготовки специалистов. Применяя различные методы (теоретический анализ научной литературы, интервью, аналитические методы анкетирования и сравнения, констатирующий эксперимент и другие), мы стремились выявить преобразующий потенциал 3D-печати, который повышает устойчивость и эффективность работы морского специалиста.

Широкие возможности и продвижение современных технологий, которые практикует Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, представляет вновь открывшийся технопарк с лаборатория-

ми для повышения качества подготовки компетентного специалиста, позволяющие эффективно развивать и реализовывать творческие идеи, отвечающие запросам морской индустрии.

Кафедра иностранных языков является важным элементом системы вуза, где учащиеся не только развивают свои языковые компетенции, но и применяют обширные знания из разнообразных областей. А потому, многие исследования выполняются, а курсы преподаются на английском, рабочем языке отрасли. Развитие языковой компетенции для работы в международной индустрии и в условиях смешанных экипажей – жизненно-важная потребность для любого моряка. Развитие и активное продвижение курсов, читаемых на английском языке, стало не только ответом на потребности самих курсантов, но и на запрос работодателя [4,5].

Для разработки содержания авторского курса и необходимых форм и методов обучения мы обратились к опыту современных специалистов. Были разработаны анкеты и вопросы для интервью. Цель первой анкеты – собрать информацию у курсантов, которые недавно вернулись с морской практики, об их опыте работы с технологией 3D-печати на борту судна. Их ответы важны для того, чтобы понять, как 3D-принтеры используются в реальных морских операциях, определить содержание обучения и сопоставить с имеющимся теоретическим контентом профессиональной подготовки (см. табл.1).

Таблица 1.

Результаты опроса курсантов о технологии 3D-печати на борту судов.

Параметр	Данные
Общее количество участников	106 курсантов
Время на международных рейсах	6 месяцев на борту грузовых судов
Не знали о технологии 3D-печати	56,8% участников
Знали о технологии 3D-печати	42,4% (в основном из компании SCF)
Источники информации о 3D-печати	- Неофициальные беседы: 52,2% - Официальные руководства и тренинги: 41,3%
Наблюдали за практическим применением 3D-печати	38,8% участников
Частота применения	- Время от времени: 67,8% - Регулярно (еженедельно): 22,4% - Ежедневно: 9,6%
Прошли обучение по работе с 3D-принтером	27,8% участников
Оценка пройденного тренинга	- Хороший: 37,3% - Удовлетворительный: 26,2% - Отличный: 15,7% - Недовольны: 21%

Параметр	Данные
Столкнулись с трудностями при использовании	18% участников
Проблемы при использовании	Слабые навыки работы с ПО, плохие инструкции, неудачные попытки печати
Соблюдение правил техники безопасности	Все курсанты (100%) отметили строгий контроль офицеров и соблюдение правил безопасности
Эффективность использования 3D-печати	- Очень эффективным: 27,2% - В некоторой степени эффективным: 29,8% - Нейтральным: 29,8% - Некоторая неэффективность: 9% - Критика за неэффективное использование: 6%
Дополнительные предложения для повышения эффективности 3D-печати	обучающие программы, 3D-сканер, наборы разнообразных материалов, консультации и обмен разработками через общий специальный чат, ПО для моделирования
Уверены в эффективности технологии	94,4% участников

Среди дополнительных комментариев или предложений, касающихся использования 3D-печати на судах, участники опроса отмечали, что хотели бы иметь больше времени для обучения и работы с принтерами, но им мешал плотный график. Некоторые курсанты поделились фотографиями своего положительного опыта и с большим интересом откликнулись на просьбу прокомментировать вопрос о напечатанных деталях: крышка термостата, крылья электродвигателей, деталь для звукового аварийного сигнала, клеммная коробка, розетки и множество электрических деталей. А также, жетоны, нашивки, устойчивые подставки для телефонов, потерянные шахматные фигуры и шашки. Те, кто имел дело с принтером, отмечали его преимущество: крепежные или вспомогательные детали могут быть выполнены заподлицо с объектом с допуском до 0,2 миллиметра, что делает их менее заметными и позволяет, например, скрывать головки болтов.

В другой анкете были представлены десять различных вариантов использования технологии 3D-печати на грузовых судах. Респондентам предлагалось выбрать три варианта, которые они считают наиболее перспективным. Вопросы были разработаны для выявления предпочтений, основанных на практических соображениях, таких как эксплуатационная эффективность, рентабельность и безопасность. Основная анкета была размещена на стене «Морского английского клуба» в социальной сети «ВКонтакте». В опросе приняли участие 100 респондентов. Большинство из них – курсанты морского

университета. С целью дальнейшего продвижения в курсе наиболее востребованных на практике технологий для исследуемого оборудования, мы проанализировали и ранжировали полученные ответы (см. табл.2).

Таблица 2.

Применение технологии 3D-печати на борту судов, по мнению курсантов.

Применение технологии 3D-печати	Процент участников
Эффективное применение при печати запасных частей	55,3%
Печать предметов интерьера для комфорта экипажа	40,7%
Учебные пособия и симуляторы для обучения экипажа	36,2%
Нестандартные решения и специализированные инструменты	34,3%
Создание пресс-форм для композитных компонентов	22,5%
Производство медицинского оборудования	20%
Создание прототипов для проверки конструкции	19,3%
Изготовление сложных деталей	17,7%
Разработка легких деталей без ущерба для прочности	16%
Изготовление специальных датчиков погоды (анемометр и др.)	11%

Некоторые участники оставили свои комментарии, среди которых были такие: «Перед использованием 3D-принтера на судне важно, чтобы экипаж прошел надлежащую подготовку», «это перспективное оборудование на борту и если люди хорошо обучены, они смогут эффективно его использовать». При обсуждении результатов и во время организованного собеседования практически все отмечали потенциальную перспективность этого оборудования и заинтересованы в обучении работы на нём.

Результаты теоретического и практического исследования подтвердили высокую потребность в развитии технических и технологических компетенций у курсантов. Это позволило не только сформировать содержание курса, но и определить направления его дальнейшего совершенствования с учетом опыта моряков и запросов работодателей. Основные направления курса дополнительной подготовки включают следующие разделы: Введение (обзор технологии 3D-печати и её применение в морском судостроении). Преимущества (экономия средств и времени, индивидуализация, экологичность). Типы 3D-принтеров (FDM, SLS, SLA, струйная обработка). Правила использования (охрана морской среды, руководство по эксплуатации, оценка рисков). Программное

обеспечение (инструменты для программирования и мониторинга). Области применения (производство запасных частей, ремонтные операции, учебные симуляторы и др. Обзор преимуществ и перспектив внедрения 3D-печати в морской отрасли.

Таким образом, технология 3D-печати имеет большое будущее в морском деле благодаря своей способности быстро изготавливать сложные детали. Увеличение инвестиций будет способствовать инновациям, однако успех зависит от подготовки персонала и интеграции технологий. Предложенный вариант подготовки будущих морских специалистов ориентирован на практиче-

скую деятельность курсантов, включая исследование и разработку на английском языке. Содержание курса учитывает не только освоение курсантами технологии 3D-печати, но и охрану человеческой жизни и морской среды. Структурированное содержание курса включает ключевые компоненты для формирования компетенций с акцентом на полезность 3D-принтеров на борту грузовых судов. Исследование выявило преимущества и проблемы в работе с технологиями 3D-печати, указанные морскими специалистами, что должно быть учтено при разработке аналогичных курсов профессиональной подготовки курсантов морских вузов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Международная конвенция о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты// IMO, 1978 (as amended in 2010). [Text]/ IMO, London.
2. Conner Brett 3D Printing and Additive Manufacturing. Implications of Additive Manufacturing for Spare Parts Inventory, 2016, vol.3. DOI 10.1089/3dp.2015.0035
3. Филоненко В.А. Компьютерные технологии в практике подготовки морского специалиста// Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации. – Ульяновск: "Зебра", 2019. – С. 451-455. – EDN HQLCXA.
4. Петьков В.А., Филоненко В.А. Мониторинг развития компетенций будущих специалистов в процессе иноязычной подготовки // Вестник Армавирского института социального образования (филиала) РГСУ: Научный ежегодник. – Вып. 11. - Армавир: 2014. – С.101-104.
5. Practice and prospects of seafarer simulation training in foreign communication competence / V.A. Filonenko, V.F. Tenishcheva, I.O. Smirnov [et al.] // E3S Web of Conferences, St. Petersburg, 19–21 сентября 2023 года. Vol. 460. – St. Petersburg: EDP Sciences, 2023. – P. 05037. – DOI 10.1051/e3sconf/202346005037. – EDN XBGYLY.

© Филоненко Виктория Александровна (vicalexfilnov@mail.ru), Петьков Валерий Анатольевич (Valerype@mail.ru), Тенищева Вера Фёдоровна (Vic-Ver@mail.ru), Генкин Юлиана Юрьевна (yuliana1970@yahoo.com), Филоненко Борис Владимирович (vladfilohenko78@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПТ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» В ПОНИМАНИИ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО НАРОДОВ

Вань Гуанфу

Аспирант, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
157723746@qq.com

THE CONCEPT OF "JUSTICE" IN THE UNDERSTANDING OF THE RUSSIAN AND CHINESE PEOPLES

Wan Guangfu

Summary: This study is dedicated to the conceptual analysis of the notion of "justice" in Russian and Chinese linguocultures based on the material of phraseological units. The relevance of the work is due to the growing interest in comparative studies of the conceptual spheres of different ethnic groups in the context of globalization. The aim of the article is to identify universal and ethnospecific features of the verbalization of the concept of "justice" in the phraseologies of Russian and Chinese languages. The tasks include a critical analysis of theoretical approaches, a comparative-typological analysis of empirical material, and modeling of conceptual structures. The methodological framework is based on methods of conceptual, componential, contextual analysis, as well as principles of linguoculturology and cognitive linguistics. The empirical base consists of 500 Russian and 500 Chinese phraseologisms, selected through continuous sampling from authoritative lexicographic sources. Three major conceptual models of justice were identified: ethical (42% of Russian and 46% of Chinese units), socio-legal (33% and 38%), and evaluative (25% and 16%). The analysis of the figurative component revealed the dominance of metaphors of balance, measure, and court in both linguocultures. Differences in axiological emphases were established: for Russian consciousness, the moral and ethical aspect of justice is more significant, while for Chinese consciousness, the social aspect is. The obtained results contribute to the theory and practice of comparative conceptology and serve as a basis for further cross-cultural studies of value-based concepts.

Keywords: concept "justice", phraseological units, linguoculturology, conceptual analysis, Russian language, Chinese language.

Аннотация: Данное исследование посвящено концептуальному анализу понятия «справедливость» в русской и китайской лингвокультурах на материале фразеологических единиц. Актуальность работы обусловлена возрастающим интересом к сопоставительным исследованиям концептосферы разных этносов в условиях глобализации. Цель статьи - выявить универсальные и этноспецифические особенности вербализации концепта «справедливость» во фразеологизмах русского и китайского языков. Задачи включают критический анализ теоретических подходов, сравнительно-типологический анализ эмпирического материала, моделирование концептуальных структур. Методологический аппарат основан на приемах концептуального, компонентного, контекстуального анализа, принципах лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Эмпирическую базу составили 500 русских и 500 китайских фразеологизмов, отобранных методом сплошной выборки из авторитетных лексикографических источников. Выявлены три магистральные концептуальные модели справедливости: этическая (42% русских и 46% китайских единиц), социально-правовая (33% и 38%) и оценочная (25% и 16%). Анализ образной составляющей показал доминирование метафор баланса, меры, суда в обеих лингвокультурах. Установлены различия в аксиологических акцентах: для русского сознания более значима нравственно-этическая сторона справедливости, для китайского - социальная. Полученные результаты вносят вклад в теорию и практику сопоставительной концептологии, служат базой для дальнейших кросс-культурных исследований ценностных концептов.

Ключевые слова: концепт «справедливость», фразеологизмы, лингвокультурология, концептуальный анализ, русский язык, китайский язык.

Введение

Концепт «справедливость» относится к ключевым ценностным универсалиям, определяющим мировоззрение и поведенческие модели человека. Будучи общечеловеческой категорией, справедливость получает специфическое преломление в разных культурах [1, с. 21]. Особый интерес представляет рассмотрение данного концепта в неблизкородственных лингвокультурах - русской и китайской. Несмотря на активное развитие сопоставительной концептологии [2, с.742; 3, с. 155; 4, с. 349], соответствующий фразеологический материал еще не получил всестороннего освещения.

Теоретический анализ литературы показывает многоаспектность подходов к интерпретации концепта «спра-

ведливость». В философском плане разграничиваются категории социальной и моральной справедливости [5, с. 208]. В социологическом ключе акцентируется равенство прав, возможностей, вознаграждения [6, с. 208]. Психологический ракурс высвечивает субъективное восприятие справедливости [7, с. 219]. На стыке данных направлений формируется интегративное понимание справедливости как основы упорядочения межличностных и общественных отношений в соответствии с представлениями о должном [8, с. 185]. При этом ряд аспектов концепта остается дискуссионным. Во-первых, недостаточно исследована его лингвокультурная специфика в неблизкородственных языках [9, с. 256]. Во-вторых, требует детального анализа образный компонент на материале фразеологизмов [10, с. 256]. В-третьих, нуждаются в дополнительном изучении аксиологические и прагма-

тические смыслы [11, с. 130].

Актуальность настоящей работы определяется необходимостью заполнения обозначенных лакун. Впервые осуществляется комплексный сопоставительный анализ вербализации справедливости во фразеологической картине мира русского и китайского языков. Полученные данные позволят приблизиться к пониманию глубинных механизмов формирования национального менталитета.

Методы

Цель и задачи исследования обусловили комплексный методологический подход, синтезирующий лингвокультурологические [12, с. 109], когнитивные [13, с. 90], сопоставительные [14, с. 269] методы. На первом этапе осуществлялся отбор эмпирического материала путем сплошной выборки из авторитетных фразеологических словарей русского и китайского языков (по 4 источника на каждом языке). Всего отобрано по 500 фразеологических единиц (ФЕ) с семантикой справедливости.

На втором этапе проводился концептуальный анализ внутренней формы ФЕ. Выявлялись базовые метафорические модели, определялось соотношение образных и необразных единиц. Параллельно отслеживалось процентное распределение единиц по концептуальным областям (этической, социально-правовой, оценочной). Применялись приемы компонентного анализа, метафорического моделирования.

Третий этап включал контекстуально-интерпретационный анализ дискурсивного функционирования ФЕ. Исследовались прагматические функции (оценочная, регулятивная, воздействующая) и имплицитные смыслы. В качестве материала привлекались фрагменты из Национального корпуса русского языка и Корпуса китайского языка Пекинского университета (по 200 контекстов).

Для обеспечения валидности и репрезентативности результатов использовались статистические критерии t-Стьюдента и χ^2 -Пирсона. Конечные данные признавались достоверными при $p < 0,05$. Оценка согласованности кодирования проводилась с помощью каппа-коэффициента Коэна ($k = 0,85$).

Результаты исследования

Проведенный многоуровневый анализ эмпирических данных позволил выявить ряд значимых закономерностей в концептуализации справедливости средствами русской и китайской фразеологии. Сопоставительное исследование 500 русских и 500 китайских фразеологических единиц (ФЕ) продемонстрировало как универсальные, так и этноспецифические особенности вербализации данного концепта.

Статистический анализ показал, что в обоих языках доминируют ФЕ, относящиеся к этической концептуальной области (42% в русском и 46% в китайском корпусе). Примерами могут служить русск. «по совести говоря», «на чистую воду вывести», кит. «秉公办事» (действовать беспристрастно), «大公无私» (быть справедливым и нелицеприятным). Это подтверждает тезис о преимущественно нравственной интерпретации справедливости в сознании двух народов [5, с. 208].

Вторая по численности группа ФЕ репрезентирует социально-правовое измерение концепта (33% и 38% соответственно). Ср. русск. «закон что дышло», «сильная рука владыку судит», кит. «王法无亲» (закон не щадит родню), «法正百业兴» (когда закон строг, сотни ремесел процветают). Очевидна корреляция с социологическими трактовками справедливости как регулятора общественных отношений [6, с. 208].

Оценочная концептуальная модель занимает периферийное положение (25% русских и 16% китайских ФЕ). Однако здесь выявлены статистически значимые межязыковые различия ($\chi^2 = 9,14$; $p = 0,002$). Ср. русск. «мерить на свой аршин», «правда глаза колет» vs кит. «公说公有理» (у каждого своя правда). Аксиологические смыслы более акцентированы в русской лингвокультуре, тогда как в китайской оценочность менее выражена.

Таблица 1.
Распределение ФЕ по концептуальным областям.

Концептуальная область	Русские ФЕ, %	Китайские ФЕ, %
Этическая	42	46
Социально-правовая	33	38
Оценочная	25	16

Анализ внутренней формы ФЕ позволил эксплицировать базовые метафорические модели концептуализации справедливости. Наиболее продуктивной в обоих языках является модель баланса и меры, составляющая около 30% образных ФЕ. Примерами служат русск. «мерить на один аршин», «клин клином вышибают», кит. «恶有恶报» (зло порождает зло), «善有善报» (добро вознаграждается добром). Это согласуется с универсальным архетипом справедливости как равновесия [13].

Вторая по частотности модель представляет справедливость как суд, божий или человеческий (23% русских и 27% китайских ФЕ). Ср. русск. «не боится суда правда», «бог правду видит», кит. «苍天有眼» (небо все видит), «人间自有公道» (на земле есть справедливость). Данная модель резонирует с теологическими и юридическими аспектами концепта [5, с. 208].

К более периферийным относится метафора света и чистоты (15% и 17% соответственно). Примерами являются русск. «правда чище ясного солнца», «разделаться

подчистую», кит. «臭不可闻» (вонять, т.е. быть предосудительным), «光明正大» (справедливый, прямой).

Таблица 2.
Метафорические модели концепта «справедливость».

Метафорическая модель	Русские ФЕ, %	Китайские ФЕ, %
Баланс и мера	29	31
Суд	23	27
Свет и чистота	15	17

Контекстуальный анализ на материале корпусов выявил специфику дискурсивного функционирования ФЕ. Установлено, что в обоих языках превалирует оценочная функция (38% русских и 34% китайских контекстов). При этом русские ФЕ тяготеют к негативным оценкам («нет правды на земле»), а китайские - к позитивным («大道至简, 大德至诚», великий путь прост, великая мораль искренна). Это подтверждает большую морализаторскую направленность китайской лингвокультуры [11, с. 130].

Регулятивная функция ФЕ более характерна для китайского дискурса (32% vs 24% в русском). Ср. кит. «勿以善小而不为» (не пренебрегай добром, каким бы малым оно ни было), русск. «не в силе бог, а в правде». Русские ФЕ чаще используются для фактического воздействия через обращение к общим ценностям («ей-богу», «честное слово»).

Таблица 3.
Прагматические функции ФЕ.

Прагматическая функция	Русские контексты, %	Китайские контексты, %
Оценочная	38	34
Регулятивная	24	32
Фактическая	29	18

На основе концептуального синтеза данных сформулированы следующие ключевые выводы:

1. Концепт «справедливость» получает во фразеологии русского и китайского языков многоаспектное образное и оценочное осмысление. Выявлено 3 магистральные концептуальные модели: этическая (42% и 46% ФЕ), социально-правовая (33% и 38%), оценочная (25% и 16%).
2. Базовые метафорические модели репрезентируют универсальные архетипы справедливости: баланс и мера (около 30% ФЕ), суд (23% и 27%), свет и чистота (15% и 17%).
3. Русская лингвокультура отличается большей морально-этической акцентированностью концепта, тенденцией к негативным оценкам несправедливости. Для китайского языкового сознания характерно приоритетное осмысление социального аспекта справедливости и практически-регулятивный вектор.

Ср. русск. «в правде бог помогает, в неправде запинает», «нет в мире ничего справедливого, доброго и святого» vs кит. «不患寡而患不均» (бояться нужно не бедности, а неравенства), «天道好还, 好还在人» (за добро воздается, воздается человеку).

Таблица 4.
Кросс-культурные различия в интерпретации справедливости.

Приоритеты	Русская лингвокультура	Китайская лингвокультура
	Морально-этическая сфера	Социальная сфера
Оценки	Акцент на негативном	Акцент на позитивном
Установки	Дескриптивно-фактические	Прескриптивно-регулятивные

Обобщая вышеизложенное, подчеркнем, что сопоставительный лингвокогнитивный анализ фразеологии позволил высветить как универсальные, так и специфические грани осмысления справедливости в русской и китайской лингвокультурах. Полученные результаты вносят вклад в теорию концептуальной метафоры [13, с. 90], сопоставительную концептологию [14, с. 265], лингвокультурологию [12, с. 107]. В практическом плане они могут найти применение в кросс-культурной коммуникации, переводческой и лексикографической практике.

Вместе с тем, проведенное исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, оно базируется только на фразеологическом материале, в то время как концепт справедливости вербализуется также лексическими и паремийологическими средствами. Во-вторых, глубинные механизмы метафоризации данного концепта еще ждут своего экспериментального изучения психолингвистическими методами. В-третьих, полученные результаты отражают современное состояние языкового сознания и нуждаются в верификации на диахроническом материале. Эти лакуны определяют перспективы дальнейшей разработки темы.

В дополнение к вышесказанному, сопоставительный анализ русских и китайских ФЕ показал значимые расхождения в степени фразеологической активности концепта. Индекс фразеологической репрезентации, рассчитанный как отношение количества ФЕ с семантикой справедливости к общему объему фразеологических словарей, составил для русского языка 2,3%, для китайского - 3,7%. Эти данные свидетельствуют о более высокой номинативной плотности и коммуникативной релевантности концепта «справедливость» в китайской лингвокультуре.

Помимо количественных различий, выявлена специфика внутренней структуры концепта. Статистический анализ семантических групп ФЕ продемонстрировал неодинаковое соотношение ядерных и периферийных признаков. Так, в русской фразеологии доминируют единицы с обобщенной семантикой нравственной нормы (35%), тогда как в китайской преобладают ФЕ, апел-

лирующие к конкретным проявлениям социальной справедливости – равенству (27%), честности (23%), беспристрастности (19%). Эти результаты подтверждают большую дифференцированность и прагматическую заостренность китайского концепта справедливости. Наконец, зафиксирована асимметрия в структурно-грамматической организации анализируемых ФЕ. Если в русском корпусе преобладают субстантивные (32%) и глагольные (28%) обороты, то в китайском – адъективные (37%) и адвербиальные (24%). Данный факт можно интерпретировать в свете известного тезиса о предикатной ориентированности китайского языка в целом. Признаком акцентуации справедливости во фразеологии отражает более общую тенденцию китайской лингвокультуры к квалификативному, оценочному способу концептуализации действительности.

Заключение

Результаты исследования продемонстрировали сложную семантическую структуру и многоаспектную интерпретацию концепта «справедливость» во фразеологии русского и китайского языков. Доминирующими концептуальными областями в обоих языках являются этическая (42% и 46% ФЕ), социально-правовая (33% и 38%) и оценочная (25% и 16%). Метафорическая репрезентация концепта базируется на универсальных образных моделях баланса и меры (около 30% ФЕ), суда (23% и 27%), света и чистоты (15% и 17%).

Вместе с тем сопоставительный анализ выявил существенные кросс-культурные различия. Русская лингвокультура отличается большей морально-этической акцентированностью концепта, тенденцией к негативным оценкам несправедливости, предпочтением дескриптивно-фактических установок. Для китайского языкового сознания характерно приоритетное осмысление социального аспекта справедливости, позитивная оценочность, превалирование прескриптивно-регулятивного вектора. Кроме того, зафиксирована количественная и структурная асимметрия фразеологического воплощения концепта: в китайском языке он обладает более высоким индексом номинативной плотности (3,7% vs 2,3%), детализированной внутренней организацией, тяготением к признаковой манифестации.

Полученные данные существенно обогащают теоретические представления о национально-культурной специфике базовых ценностных концептов. Они демонстрируют, что универсальные мыслительные категории получают в каждой лингвокультуре уникальное преломление, обусловленное особенностями истории, мировоззрения, коммуникативного поведения этноса. Предложенный алгоритм комплексного семантического, концептуального и дискурсивного анализа ФЕ может найти применение при исследовании других ключевых культурных концептов в разнотипных языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воркачев С.Г. Концепт справедливости в русском языковом сознании: вопросы лингвокультурологического описания // *Язык и менталитет*. СПб: Изд-во СПбГУ, 2018. С. 11-24.
2. Григорьева Т.В. Образное основание идиом как ключ к интерпретации культуры (на материале русских и китайских фразеологизмов) // *Вестник РУДН*. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 4. С. 729-748.
3. Карасик В.И. Ценностная картина мира в языковом воплощении // *Вестник ТГПУ*. 2019. Вып. 4 (201). С. 154-159.
4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как отражение национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2018. 349 с.
5. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2017. 208 с.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2018. 208 с.
7. Чжан И. Сопоставительный анализ концепта «справедливость» в русской и китайской языковой картине мира // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 12 (2). С. 218-221.
8. Чэнь С., Чжао Х. Фразеологизмы как средство объективации концептов (на материале русского и китайского языков) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. № 8-1 (86). С. 182-186.
9. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 256 p.
10. Wierzbicka A. *Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1997. 328 p.
11. Wu J. *Metaphorical Cognition and Cultural Models: A Perspective from Chinese Proverbs*. *Intercultural Communication Studies*. 2017. No. 26 (2). P. 129-143.
12. Zhang W., Ding G., Zou C., Qing Z., Zang Z. *An Ontology-Based Approach to Metaphor Cognitive Computation*. *Minds & Machines*. 2019. No. 29. P. 105-121.
13. Zhang X. *English and Chinese Proverbs: A Comparative Conceptual Metaphor Study*. *International Journal of Applied Linguistics & English Literature*. 2019. Vol. 8. No. 3. P. 88-94.
14. Zuo X. *Cognitive Approaches to Chinese Metaphor Studies*. *Metaphor and Symbol*. 2018. No. 33 (4). P. 260-271.
15. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. *Основы фразеологии*. М.: Флинта, 2016. 312 с.

© Вань Гуанфу (157723746@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПТ «ДОБРО» В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ - НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Вань Гуанфу

Аспирант, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
157723746@qq.com

CONCEPT OF "GOOD" IN CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGES – USING THE EXAMPLE OF PHRASEOLOGISMS

Wan Guangfu

Summary: The article is dedicated to a comparative analysis of the concept of "good" in Chinese and Russian languages through the lens of phraseological units. The study is conducted within the framework of the linguistic and cultural paradigm and aims to identify the features of the representation of this value concept in the linguistic worldviews of two different cultures. The work is structured in the IMRAD format.

Introduction. The introduction addresses the problem of intercultural communication and the significance of studying key concepts that shape the worldview of a people. It is noted that "good" is a universal value, but its linguistic representation can vary significantly depending on cultural characteristics. Among the tools for studying concepts, special attention is given to phraseological units as carriers of cultural codes. The purpose of the study is to compare the ways of expressing the concept of "good" in Chinese and Russian languages, as well as to identify similarities and differences.

Methods. The research methods include comparative, semantic, and contextual analysis. The material for the study consists of phraseological units from Russian and Chinese languages, selected from dictionaries and texts. The analysis also includes elements of componential analysis to clarify the meanings of fixed expressions.

Results. The study reveals both common features in the interpretation of «good» and significant differences conditioned by differing worldview orientations. For example, in Russian, «good» is often associated with spiritual nobility and selflessness, whereas Chinese phraseological units emphasize harmony and adherence to social norms. Special attention is given to symbolism, metaphors, and cultural realities.

Discussion and conclusion. The discussion highlights the role of cultural context in the formation of concepts. The conclusions point to the necessity of further research aimed at deepening the understanding of intercultural differences. The work has practical significance for the humanities and intercultural communication.

Keywords: concept, good, Chinese language, Russian language, idioms.

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному анализу концепта «добро» в китайском и русском языках через призму фразеологизмов. Исследование выполнено в рамках лингвокультурологической парадигмы и направлено на выявление особенностей отражения данного ценностного концепта в языковых картинах мира двух различных культур. Работа организована в структуре IMRAD.

Введение. Введение поднимает проблему межкультурной коммуникации и значимости изучения ключевых концептов, формирующих мировоззрение народа. Указывается, что «добро» является универсальной ценностью, однако его языковая репрезентация может существенно варьироваться в зависимости от культурных особенностей. Среди средств изучения концептов особое внимание уделено фразеологизмам как носителям культурного кода. Цель работы состоит в сравнении способов выражения концепта «добро» в китайском и русском языках, а также в выявлении сходств и различий.

Методы. В качестве методов исследования используются сопоставительный, семантический и контекстуальный анализ. Материалом для работы послужили фразеологические единицы русского и китайского языков, отобранные из словарей и текстов. Анализ также включает элементы компонентного анализа для уточнения значений устойчивых выражений.

Результаты. В ходе исследования выявлены как общие черты в интерпретации «добра», так и значительные различия, обусловленные различиями мировоззренческих установок. Например, в русском языке «добро» часто ассоциируется с душевным благородством и бескорытием, тогда как китайские фразеологизмы подчеркивают гармонию и соблюдение социальных норм. Особое внимание уделено символике, метафорам и культурным реалиям.

Обсуждение и заключение. В обсуждении подчеркивается роль культурного контекста в формировании концептов. Выводы указывают на необходимость дальнейших исследований, направленных на углубление знаний о межкультурных различиях. Работа имеет практическое значение для гуманитарных наук и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: концепт, добро, китайский язык, русский язык, фразеологизмы.

Развитие лингвистики в XXI веке было сосредоточено на изучении отношений между человеком, языком и культурой, и ученые в области когнитивной лингвистики, психолингвистики, лингвистических и культурных исследований использовали различные методы для изучения отношений между человеком и языком. Термин «картина мира» впервые был предложен Л. Витгенштейном в аспекте философии и логики, и все больше уче-

ных широко используют его в своих работах. Например: известные лингвисты (Ю.Н. Караулов, Г.В. Колшанский, В.И. Постовалова, Г.В. Рамишвили, Б.А. Серебренников, В.Н. Телия и др.) «Картина мира – целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, она возникает у человека в ходе всех его контактов с миром и представлений о нем» [1, с. 296]. Картина мира основана на понимании чело-

веком окружающей среды, сформированной на основе личного опыта и восприятия.

Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев (Вайсгербер и другие) о «внутренней форме языка», с одной стороны, и к идеям американской этнолингвистики, в частности, так называемой «гипотезе лингвистической относительности» Сепира-Уорфа, – с другой [2, с; 200]. Язык является уникальным свойством человека, выделяющим его из остального мира [3, с. 25].

Языковая картина мира глубоко раскрывает взаимосвязь между человеком, объективным миром и языком. В этом процессе язык является не только средством выражения, но и, что более важно, средством познания. Когнитивные функции каждого языка различны, поэтому в конечном итоге приводят к различным взглядам на языковой мир у людей и народов, это обуславливает многообразие национальных мировоззрений.

Языковое мировоззрение синхронизировано со становлением и развитием истории и представляет собой совокупность представлений языкового сообщества об объективном мире, отраженном в языке. Разные народы имеют уникальную языковую картину мира, которая отражает мировоззрение и духовные качества народа.

Язык динамичен, а не постоянен, язык меняется с течением времени, языковая картина мира конкретного народа в разное время отличается, поэтому изучение языковой картины мира может помочь нам лучше понять образ мышления, мировоззрение и ценности того или иного народа.

В этой статье мы рассмотрим сходства и различия между китайским и русским языками слова «добро», где одно и то же слово понимается по-разному у народов. Изучение понятия может помочь нам лучше различать мировоззрение и ценности разных народов.

Добро - очень важное понятие для любого народа, а также доброта можно считать одним из важнейших человеческих качеств, тесно связанным с этикой и моралью. Поэтому добро также стало объектом изучения многих ученых. В нашей работе мы будем рассматривать эти компоненты в границах языковой картины мира. В данной работе мы используем один из самых известных методов исследования в психолингвистике - ассоциативный эксперимент.

Ассоциативный эксперимент выступает одним из наиболее надежных и эффективных методов, обеспечивающих доступ к изучению структур знания и сознания [4, с. 24]. Ассоциативный эксперимент - это психологический метод, который используется для изучения ассоци-

аций, возникающих у человека в ответ на предъявляемые стимулы. Он может применяться для исследования различных психических процессов, таких как восприятие, память, мышление, эмоции. В настоящее время ассоциативные эксперименты широко используются в различных областях лингвистики. Использование ассоциативных экспериментов позволяет лучше понять языковую картину мира определенной этнической группы, анализировать результаты ассоциаций, понять специфические знания определенной этнической группы о конкретном понятии, и в то же время, благодаря языковым ассоциативным экспериментам мы можем познакомиться с более ярким и живым языком.

Ассоциация эксперимента делится на три вида: свободный, направленный цепной. Важно отметить, что свободный и направленный ассоциативные эксперименты широко используются сегодня также в ряде других лингвистических и гуманитарных наук, например, в когнитивной лингвистике и лингвоконцептологии, лингвокультурологии, психологии и социальной психологии.

Ассоциативный эксперимент

Для того, чтобы получить максимально достоверный реакции, мы не ставим никаких ограничений для респондентов, чтобы обеспечить подлинность и точность эксперимента. Поэтому мы использовали свободный ассоциативный эксперимент.

Мы провели ассоциативный эксперимент, состоящий из двух вопросов, каждый перевели на китайский и русский языки.

1. Первые три пришедших в голову слова на слово "ДОБРО" (время на ответ одна минута);
2. Первые три пришедших в голову слова на слово "СЕМЬЯ" (время на ответ одна минута);
3. 提到“善良”一词，你首先想到哪三个词？（一分钟作答）；
4. 提到“家庭”一词，你首先想到哪三个词？（一分钟作答）。

Чтобы не ограничивать респондентов лексическими ассоциациями, мы добавили дополнительный дублирующий вопрос - ассоциативные слова о семье. Нашими респондентами стали 150 российских студентов из Российского Университета Дружбы Народов и 150 китайских студентов из университета Хубэй Минзу, средний возраст которых составил 18-25 лет. Мы получили 450 ответов на каждый вопрос и отобрали 50 наиболее часто встречающихся слов:

好人 'добрый человек' 29; 善良 'добро' 33; 乐于助人 'услужливый' 19; 温柔 'ласковый с мягким характером' 17; 友好 'дружба' 16; 仁慈 'милосердие' 15; 美好 'прекрасный' 13; 真诚 'искренность' 13; 热心 'энтузиазм' 12; 帮助 'помощь' 11; 爱心 'сердце' 11; 好 'хороший' 11; 诚

实'честность' 10; 大方'щедрость' 9; 友善'дружеский' 9; 和蔼'добродетельный' 9; 可爱'милый' 9; 美丽'красота' 7; 善心'доброе сердце' 5; 女孩'девочка' 5; 温和'с мягким характером' 5; 同情'сочувствие' 5; 热情'сердечность' 5; 良心'совесть' 5; 同理心'отзывчивость' 4; 温暖'теплота' 4; 单纯'наивный' 4; 乐观'оптимизм' 4; 老人'пожилой человек' 4; 心善'доброе сердце' 4; 友爱'дружелюбный' 4; 心地善良'добродушный' 4; 正直'правдивый' 4; 着想'заботиться' 4; 圣母'богородица' 3; 邪恶'зло' 3; 女生'девушка' 3; 父母'родители' 3; 善意'добросовестно' 3; 人美'человек с добрым сердцем' 3; 朋友'друг' 3; 和善'дружелюбный' 3; 动物'животное' 3; 助人为乐'услужливый' 3; 天真'наивный' 3; 女性'женщина' 3; 小孩子'ребёнок' 3; 自己'сам' 2; 心'сердце' 2; 性格'характер' 2; 妈妈'мама' 2;

Проанализировав данные ассоциативного эксперимента к слову «добро», можно сделать следующие выводы:

В доциньский период Китае велись споры о доброте и зле человеческой природы, и конфуцианство отстаивало теорию доброты человеческой природы, которая оказала глубокое влияние на традиционную китайскую культуру. Классика «Трёх иероглифов» начинается со следующего утверждения: «В начале человек был добр по своей природе, природа похожа на природу, а привычки далеки друг от друга». Китайцы верят, что в мире много добрых людей, а добрые люди вознаграждаются за свои добрые дела, и что «те, кто не делает добра, погибнут сами». Они верят, что «те, кто прав, получают больше помощи, а те, кто не прав, получают меньше». (надо добавить ссылки) Эта этическая культура, основанная на теории добра, на самом деле является культурой добра, культурным убеждением китайского народа. Это мощная моральная сила, духовная опора для поддержания социальной справедливости и настоящий источник жизненной силы китайской этической культуры.

Таким образом, для китайцев доброта - это корень человеческого бытия. Все остальные хорошие качества основаны на доброте. Таким образом, мы видим, что в результатах ассоциативного эксперимента наиболее частым словом является доброта, а среди 50 наиболее частых слов 30 слов связаны с положительным характером человека, например: услужливый, ласковый, искренность, честность, щедрость и т. д.

У тех же китайцев слово «добро» ассоциируется со словом «好人» (добрый человек), ведь в китайском сознании человек может быть несовершенным и даже иметь массу недостатков, но пока у него доброе сердце, он будет считаться хорошим человеком. Китайцы считают, что доброта человека проявляется в следующих аспектах:

Первый момент – Это желание помогать другим, ведь в Китае очень популярна поговорка: «帮助别人就是帮助

自己» (помогая другим, вы помогаете и себе).

Второй момент - Быть внимательным к другим, что не только показывает, что вы чуткий человек, но и говорит о том, что у вас доброе сердце.

Третий момент - Не заставляйте других делать то, что им не нравится. Как говорил Конфуций, 己所不欲勿施于人 «не делай другому того, чего не желаешь себе».

В традиционном китайском представлении есть определенные группы людей, которые связывают доброту с пожилыми людьми, детьми, женщинами и животными. С одной стороны, эти люди считаются уязвимыми, но в то же время они олицетворяют доброту и нуждаются в заботе и уважении. Из приведенных выше результатов видно, что понятие доброты занимает важное место в сердцах китайцев, поскольку оно тесно связано со всеми остальными положительными качествами человека, и можно сказать, что человек, не обладающий добротой, не будет уважаемым человеком, даже если он обладает многими хорошими качествами.

В Древнем Китае существовала четкая классовая система, особенно между родителями и детьми, и есть старая поговорка, которая также является одним из руководящих принципов для китайцев: 百善孝为先 «Самое доброе - это сыновье послушание». 世上只有妈妈好 «Мама - лучшая на свете». Таким образом, 妈妈 «мама» и 父母 «родители» также неоднократно упоминались в этом ассоциативном эксперименте.

В целом в Китае верят в доброту, присущую человеческому сердцу, и часто говорят «害人之心不可有, 防人之心不可无» (Ни у кого нет намерения вредить другим, но каждый должен следить, чтобы не навредили ему»). Эта культурная концепция сохранялась на протяжении тысячелетий китайской истории и привела к формированию уникальной китайской культуры и уникального темперамента китайского народа: отзывчивого и миролюбивого.

Добро' 32; Солнце 27; Мама 26; Мир 23; Помощь 22; Счастье 18; Любовь 17; Свет 16; Тепло 14; Мило 13; Зло 13; Дружба 13; Улыбка 12; Радость 10; Семья 8; Благо 8; Сердце 8; Друзья 6; Теплота 6; Человек 6; Бабушка 5; Хорошо 4; Желтый 4; Сок 4; Ангел 4; Люди 4; Дети 4; Забота 4; Собаки 4; Благодарность 3; Кот 3; Волонтер 3; Хорошие поступки 3; Бескорыстность 3; доброта 3; Праздник 2; Человечность 2; Сказка 2; Слова 2; Сочувствие 2; Искренность 2; Честность 2; Взгляд 2; Волонтерство 2; Руки 2; Поддержка 2; Лето 2; Дом 2; Голубь 2; Белый 2

Проанализировав данные ассоциативного эксперимента к слову «добро», можно сделать следующие выводы:

Наиболее сильные ассоциации вызывают такие понятия, как «Солнце», «Мама», «Мир», «Помощь», «Счастье»,

«Любовь», «Свет», «Тепло».

Причины данного явления, когда наиболее сильные ассоциации вызывают понятия, связанные со светом, теплом, семьей и окружающим миром, можно объяснить особенностями русской культуры и мировоззрения:

1. Влияние православия и языческих верований. В русской культуре издревле солнце, свет и тепло ассоциировались с божественным началом, добром и жизненной силой. Языческие славянские боги, такие как Ярило и Дажьбог, были связаны с солнечной символикой. Православие, в свою очередь, также акцентирует внимание на свете, тепле и божественной любви как проявлениях добра.
2. Роль семьи и общины. Русская культура традиционно ориентирована на коллективизм, взаимопомощь и важность семейных ценностей. Понятия «мама», «семья», «помощь» отражают эту глубокую укорененность в общинном укладе жизни.
3. Связь с природой. Для русского менталитета характерно ощущение единства человека с окружающим миром, природой. Отсюда и восприятие добра как чего-то «светлого», «теплого», связанного с гармонией мироздания.
4. Идея «всеединства». В русской философской и религиозной мысли распространена концепция «всеединства» - представление о целостности, взаимосвязанности всего сущего. Это способствует восприятию добра как чего-то, что объединяет, гармонизирует мир и людей.
5. Влияние фольклора и литературы. Образы «света», «тепла», «счастья», «любви» широко представлены в русском фольклоре, народных сказках, а также в классической литературе, что закрепляет их как ключевые ассоциации с добром в массовом сознании.

Также часто ассоциируется с такими понятиями, как «Мило», «Радость», «Улыбка», «Дружба», «Семья», «Благо», «Сердце». Это указывает на связь добра с положительными эмоциями, взаимоотношениями и внутренним миром человека.

Интересно, что слово «Зло» также входит в список ассоциаций, что может говорить о восприятии добра и зла как противоположностей.

Некоторые ассоциации указывают на конкретные проявления добра, такие как «хорошие поступки», «бескорыстность», «доброта», «волонтерство», «забота», «поддержка». Волонтер - человек, который безвозмездно помогает другим и совершает добрые дела. Волонтерство является проявлением доброты, альтруизма и желания сделать мир лучше. Образ волонтера ассоциируется с бескорыстной помощью, заботой о других и стремлением к позитивным изменениям.

К тому же, стоит отметить слово «кот» в качестве ассоциативного слова. Кот - домашнее животное, которое часто ассоциируется с добротой и лаской. Коты известны своей мягкостью, ласковостью и умением приносить радость и тепло в дом. Образ кота может символизировать доброту, заботу и уют.

В русской культуре ассоциации слова «добро» с природными объектами и явлениями отражают глубокую связь между моральными ценностями и окружающим миром. Эти ассоциации имеют многовековые корни в традиционном мировоззрении русского народа.

Традиционно русский народ был преимущественно земледельческим, что обуславливало глубокое понимание и почитание природных циклов, ее жизнетворной силы. Добро воспринималось как нечто естественное, укорененное в самой природе. Для традиционного русского мировоззрения характерно целостное восприятие мира, где человек неразрывно связан с природой. Добро понималось не как абстрактная категория, а как гармоничное состояние этой всеобъемлющей системы.

К тому же, русская культура отличается развитой символикой, где природные образы служат носителями глубинных смыслов и ценностей. Солнце, вода, растения и животные становятся символами добра, наделяясь соответствующими коннотациями.

Среди данных ассоциаций можно выделить следующие:

1. Солнце - как источник тепла, света и жизненной силы, солнце издревле воспринималось на Руси как священный, божественный символ. Солнце олицетворяло добро, благодать и благополучие, освещая и согревая все живое.
2. Желтый цвет - ассоциирующийся с золотом, спелыми злаками и солнечным светом, этот цвет воплощал в русской традиции идеи изобилия, плодородия и процветания, неразрывно связанные с представлениями о добре.
3. Голубь - как традиционный символ мира, чистоты и духовности, голубь ассоциировался с добрыми, возвышенными качествами, олицетворяя гармонию и благодать.
4. Лето - как пора года, ассоциирующаяся с теплом, цветением и изобилием, лето воплощало в русском сознании идеальное, гармоничное состояние природы и человеческого бытия, что переключалось с представлениями о добре.

Таким образом, в русской культуре ассоциации слова «добро» с природными объектами и явлениями отражают глубокую укорененность нравственных ценностей в естественном, жизненном порядке мира. Это создает целостный, органичный образ добра, тесно связанного с циклами природы и традиционным укладом жизни.

В целом, данные ассоциации отражают многогранное восприятие добра как чего-то светлого, теплого, связанного с близкими людьми, положительными эмоциями и проявлениями заботы и помощи.

Анализируя результаты ассоциативного эксперимента, можно сделать вывод, что концепт добра имеет много общих моментов в восприятии китайцев и русских, но в то же время существуют и некоторые различия, обусловленные культурными, историческими и религиозными факторами.

Сходство заключается в том, что:

1. китайские и русские студенты ассоциируют доброту с некоторыми хорошими качествами человека.
2. Само слово «добро» было наиболее частым у двух разных испытуемых, из чего можно сделать вывод, что добро имеет важное значение как в русском, так и в китайском сознаниях, как на культурном, так и на этическом и моральном уровне.
3. И в китайском, и в русском восприятии всегда есть группы, связывающие доброту: 老人»старики», 妈妈»матери» и «动物» животные.

Разумеется, существуют и следующие различия:

1. В силу исторических, культурных и религиозных влияний китайцы больше ассоциируют со словом «добро» человеческое качество, а русские – с многими другими (создают ассоциативную связь с предметами и событиями из окружающего мира, создающие благоприятную атмосферу и чувства благополучия). Например: праздники, цвета, времена года и т. д.
2. Религия - неотъемлемая часть истории и культуры России, и под ее влиянием добро ассоциируется у россиян с такими словами, как “Бог” и “ангелы”, потому что в национальном сознании они являются воплощением добра. Однако в Китае под влиянием конфуцианства и даосизма китайцы больше ассоциировали доброту с человеческой природой, то есть со всеми положительными качествами, которыми обладают люди.
3. В результатах ассоциативного эксперимента и китайские, и русские студенты упоминали слово «животное», но в отличие от них китайцы называли животных широким понятием, то есть самыми разными животными в природе. Поскольку китайцы считали, что животные, как и люди, добры по своей природе. В то время как для русских это понятие было более конкретным, например, кошки и собаки. Таким образом, можно сказать, что кошки и собаки относятся к членам русской семьи.

Китайские и русские фразеологизмы с компонентом «добро»

Фразеологическая единица – это особый лексиче-

ский элемент русского языка, который имеет устойчивое значение и форму, не подлежит изменению и может иметь свое происхождение в народной мудрости, литературе, исторических событиях или фольклоре.

Фразеологизмы являются важной частью китайской культуры. За тысячи лет исторического развития люди сформировали некие условные выражения, основанные на их прошлом жизненном опыте, литературных произведениях, мифах, фольклоре и т.д. Такие выражения несут в себе сильное чувство национального самосознания и передаются из поколения в поколение и становятся олицетворением ценностей и культуры китайской нации.

Конфуцианство и даосизм - два важнейших учения, на которых воспитаны в Китае. В ходе тысячелетнего развития Китая конфуцианство и даосизм всегда использовались как инструменты идеологического господства правителей, а для народа они являются одной из норм социальной жизни. Поэтому многие конфуцианские и даосские представления о «добре» всегда пользовались уважением китайского народа, что породило множество китайских фразеологизмов, связанных с ними.

В конфуцианстве считается, что человеческая природа изначально добра, что доброта является основой человеческого бытия и одним из самых важных человеческих качеств, конфуцианство учит, что добро и красота неразделимы и что каждый должен быть настолько хорош, насколько он может быть хорош в жизни, поэтому в китайском языке есть следующее выражение:

人之初, 性本善 Люди рождаются хорошими
 尽善尽美 Быть превосходным, совершенным, идеальным
 为善最乐 Наивысшая радость, это совершить добро
 乐善不倦 С радостью делать добро, не чувствуя усталости
 乐善好施 Любить делать добрые дела

В даосизме считалось, что личность и Божественное тесно связаны, и было введено новое понятие 乾坤(qian kun: Небо и земля; Вселенная). Даосы верят, что хорошее и плохое относительно, так же как добро и зло относительно и взаимодополняемы, и что человеку, регулярно совершающему хорошие поступки, небеса принесут больше удачи и везения, и наоборот.

恶有恶报, 善有善报; 如果不报, 时辰不到。 На лихо лихо, на добро добро; Возмездие всё-таки будет.
 善人自有天保佑, 恶人自有恶人降。 Добрых людей защищает Небо, а злых людей подавляют злые люди.
 善恶若无报, 乾坤必有私。 Если за добро не платят добром, а за зло не платят злом, то между Небом и землёй нет справедливости.

Упоминание добра неизбежно связано со словом зло, потому что есть добро и есть зло, китайцы твердо верят, что добро может победить зло, но не все в жизни будут добры к другим, часто хорошие люди в жизни будут обмануты другими, в их целях, поэтому есть также некоторые идиомы о негативной стороне доброты.

恩将仇报 за добро отплатить злом, отплатить чёрной неблагодарностью

过河拆桥 перейдя реку, разобрать мост (оказаться неблагодарным,

бросить человека в беде, использовав его до конца)

忘恩负义 позабыть о добре (сделанном тебе) и презреть долг; отплатить чёрной неблагодарностью

以怨报德 воздавать (платить) злом за добро

养虎遗患 натравить тигра и навлечь на себя несчастье (оставить

недобрым смертельного врага)

Добро также является очень важным понятием в восприятии россиян, и как важная часть этики, доброта много раз появлялась в русской литературе и фольклоре, поэтому в долгом историческом развитии России родилось множество идиом, связанных с добротой.

Картина мира русского человека также изобилует фразеологизмами с компонентом «добро», Т. Ван в своем исследовании определил границы концепта «добро» на материале фразеологизмов русского языка, сделав вывод, о том, что «добро» может являться «одушевленной сущностью; веществом (субстанцией); специфицированным предметом с конкретными функциями; и даже реальным правильным направлением и пр.» (Ван Т. Модели концептуальной метафоризации и метонимизации в русских фразеологизмах с компонентом «добро» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. Выпуск номер 5, С.209-213). Исследователь Долгополова М.В. также связывает фразеологический компонент «добро» с определенной ситуацией, но рассматривает данный вопрос с точки зрения возникновения угрозы или ссоры («не доведет до **добра**», «по **добру**-здорову»). (Долгополова, М. В. Концепт «добро» во фразеологической картине мира / М. В. Долгополова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2015. — № 8 (88). — С. 1118-1120. — URL: <https://moluch.ru/archive/88/17193/> (дата обращения: 19.06.2024).) Также Ван Тяньцзяо строит свою работу на противоположности этических концептов «добро» и «зло» в русской фразеологии, делает вывод о том, что полярность данных понятий иллюстрирует особенность менталитета русского народа, и что не менее важно, такие концепты могут выступать как репрезентанты в категориях еды, растений, выгоды, материального/психологического вреда и т.д. (<https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-modeli-eticheskikh-kontseptov-dobro-i-zlo-v-russkoy-frazeologii>).

Обратимся к электронному корпусу фразеологизмов русского языка с компонентом «добро» (<https://su.diva-portal.org/smash/get/diva2:1756698/FULLTEXT01.pdf>):

ДОБРЫЙ ДЕНЬ *нейтр.* Как начальное, так и ответное ритуализованное приветствие в дневное время суток в форме самореализующейся констатации хорошего времяпровождения в дневное время суток, схожей с пожеланием и заклинанием одновременно;

ДО ДОБРА НЕ ДОВЕДЁТ (кто-л./что-л. кого-л.) Выражение опасения, что влияние кого-либо на кого-либо еще или участие этого лица в чем-либо будет иметь для него плохие последствия в форме отрицания возможности достижения хорошего.

ПОЛУЧИТЬ ДОБРО (от кого-л./чье-л. на что-л.) Получить официальное разрешение от кого-либо делать что-либо, как бы услышав его согласие «Добро!».

ЧЕГО ДОБРОГО (произойдёт что-л.) Выражение опасения в связи с вдруг осознанной возможностью реализации какой-либо нежелательной ситуации в настоящем, прошлом или будущем, *иронически осмысляемой как положительное событие.*

БУДЬТЕ ДОБРЫ *нейтр.* Вежливая просьба собеседнику сделать что-либо, обращенная к такому свойству человеческой природы, которое определяет желание человека делать хорошее по отношению к другим людям – отвечать на их просьбы, выполнять их желания и т. п.

ДОБРА НАЖИВАТЬ - пожелание жить хорошо и в достатке;

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА - в любом негативном событии, исходе есть некий позитивный элемент;

ОТ ДОБРА ДОБРА НЕ ИЩУТ - т.е., довольствуются тем хорошим, что есть, и не ищут лучшего; говорится тогда, когда не хотят менять существующего положения, порядка, образа жизни и т. п.; предостережение от возможного ухудшения положения или состояния;

ДОБРОМУ И СУХАРЬ НА ЗДОРОВЬЕ, А ЗЛОМУ И МЯСНОЕ НЕ ВПРОК – добрый человек умеет быть благодарным.

С помощью собранного нами лингвистического материала можно сделать вывод, что компонент «добро» в русской картине мира и «добро» в китайской культуре выражают доминантное значение «этического наставления», регуляции поведения человека в обществе. Усиливает семантическое значение компонентов формула построения фразеологизмов через перманентное противопоставление: полюс «добро» и полюс «зло».

Отмечается, что в китайский фразеологизмах концепт «добро» выражается широким спектром единиц: *恩ēn милость; добрый поступок, благоденствие, 善shàn хороший, прекрасный, благой, добрый; 好hǎo хороший; приятный; красивый; добрый; 德dé добродетель; душевная чистота, высокая нравственность;*

В то же время следует отметить, что, поскольку в китайском сознании доброта занимает центральное место

в этике и морали и является важнейшим качеством человека, китайские идиомы о доброте - это скорее указания на то, как быть хорошим человеком, как учить людей быть хорошими людьми и к каким последствиям может привести недоброжелательность. В то же время следует отметить, что, поскольку в китайском сознании доброта занимает центральное место в этике и морали и являет-

ся важнейшим качеством человека, китайские идиомы о доброте - это скорее указания на то, как быть хорошим человеком, как учить людей быть хорошими людьми и к каким последствиям может привести недоброжелательность. Русские фразеологизмы о доброте больше связаны с жизнью и тем, как ладить с людьми, поэтому в идиомах доброта имеет значение «соглашение» и «хорошо».

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А. Маслова. – М., 2007. – 296 с.
2. Ерофеева Л.А. Метафорические репрезентации доминантных концептов в поэтической картине мира Р.М. Рильке: дис. . . . канд. филол. наук / Ерофеева Лариса Анатольевна. – Саратов, 2007. – 200 с.
3. Курганова Нина Ивановна Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова // Вопросы психолингвистики. 2019. Выпуск номер 3 (41), С.24-37
4. Курганова Нина Ивановна Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова // Вопросы психолингвистики. 2019. Выпуск номер 3 (41), С.24-37.

© Вань Гуанфу (157723746@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОТРАЖЕНИЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ЧЕРТ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В МИФОЛОГИИ ЯПОНИИ

Гашимова София Эйвазовна

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
Sonya-eyvaz@rambler.ru

REFLECTION OF TYPOLOGICAL FEATURES OF EAST ASIAN CULTURE IN THE MYTHOLOGY OF JAPAN

S. Gashimova

Summary: The paper is devoted to the analysis of the reflection of typological features of East Asian culture in the mythology of Japan. The influence of Chinese culture, Buddhism and Taoism on the formation of Japanese mythological representations is considered, and the specific features of Japanese mythology, such as the veneration of kami, the cult of the emperor, a special attitude to purity and impurity, and ideas about the afterlife and the spirits of the dead, are highlighted. The role of mythological images in the formation of the national character and worldview of the Japanese is analyzed, and the transformation of mythological complexes in the context of modernization of Japan is considered. Special attention is paid to the use of myths for the legitimation of power and social order.

Keywords: mythology, Japan, East Asian culture, Shintoism, Buddhism, Confucianism, kami.

Аннотация: Статья посвящена анализу отражения типологических черт дальневосточной культуры в мифологии Японии. Рассматривается влияние китайской культуры, буддизма и даосизма на формирование японских мифологических представлений, а также выделяются специфические черты японской мифологии, такие как почитание kami, культ императора, особое отношение к чистоте и нечистоте, представления о загробном мире и духах умерших. Анализируется роль мифологических образов в формировании национального характера и мировоззрения японцев, а также рассматривается трансформация мифологических комплексов в контексте модернизации Японии. Особое внимание уделяется использованию мифов для легитимации власти и социального порядка.

Ключевые слова: мифология, Япония, дальневосточная культура, синтоизм, буддизм, конфуцианство, kami.

Актуальность настоящей статьи обусловлена возрастающим интересом к мифологическим системам как к важным компонентам культурной идентичности, а также необходимостью более глубокого понимания взаимосвязи между мифологией, религией и искусством в контексте дальневосточной культуры. В частности, изучение японской мифологии позволяет проследить, как типологические черты дальневосточной культуры, такие как представления о космосе, этические нормы и социальные отношения, нашли свое отражение в мифологических образах и сюжетах.

Целью данной работы является выявление и анализ типологических черт дальневосточной культуры, нашедших свое отражение в мифологии Японии, и их влияния на формирование художественного образа мира. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

- Определить основные источники изучения японской мифологии и выявить ключевые понятия и образы японской мифологии, связанные с дальневосточной культурной традицией, такие как kami, концепции неба и земли, и представления о загробном мире.
- Проанализировать влияние синтоизма, буддизма и конфуцианства на формирование японской ми-

фологии, а также их отражение в художественных образах.

- Рассмотреть отражение космогонических представлений, этических норм и социальных отношений в японских мифах, а также их влияние на формирование национального характера.

В рамках данной статьи миф рассматривается не только как нарратив о богах и героях, но и как фундаментальное культурное явление, выражающее мировоззрение, ценности и социальные нормы определенной общности. Миф представляет собой сложную символическую систему, в которой реальность преломляется через призму коллективного сознания и передается из поколения в поколение, структурируя картину мира, задавая модели поведения и мышления, а также являясь важным элементом формирования национальной идентичности [Сысоенко М.В., 2022].

Под типологическими чертами дальневосточной культуры в данном исследовании понимается комплекс характеристик, свойственных культурам, сформировавшимся в регионе Восточной Азии, включая Китай, Корею и Японию. К ним относятся: космоцентризм, где человек занимает подчиненное положение по отношению к природе и космосу; коллективизм, с приоритетом интересов

группы над интересами индивида и стремлением к социальной гармонии; иерархичность, проявленная в структурировании общества по принципу подчинения и уважения к старшим; культ предков, как почитание умерших предков и их влияния на жизнь потомков; стремление к гармонии и равновесию между различными силами и явлениями; а также важность ритуалов и традиций как способа поддержания порядка и стабильности [Сысоенко М.В., 2022]. Взаимосвязь мифологии, религии и культуры в данной статье рассматривается как неразрывное единство, где мифология является источником религиозных представлений и моральных норм, а также служит инструментом для формирования культурной идентичности и легитимации власти, в том числе и посредством влияния на формирование национального характера [Денисова А.И., 2023; Сысоенко М.В., 2022].

Японская мифология, будучи уникальным культурным явлением, несет в себе отпечаток многовекового взаимодействия с различными традициями, в том числе и с дальневосточной культурой. В отличие от мифологических систем других регионов, японские мифы представляют собой сложную связь местных верований и заимствованных элементов, которые формируют своеобразную картину мира, отражающую как специфику японского мировоззрения, так и общие черты дальневосточной цивилизации. Китайская культура оказала огромное влияние на формирование японской мифологии, что проявилось в различных аспектах. В частности, японская мифология, хотя и имеет свои уникальные черты, не избежала влияния китайских космогонических концепций, таких как представление о Небе и Земле как двух взаимодополняющих началах, а также концепция Инь и Ян, символизирующих женское и мужское начала, пассивное и активное. Также прослеживается влияние идеи о пяти элементах, которые формируют материальный мир [Накорчевский А.А., 2003, с.333-334].

Конфуцианство, проникнувшее в Японию, оставило свой след в мифологических представлениях о социальных отношениях. В частности, в мифах прослеживаются идеи о почитании старших, уважении к власти и соблюдении иерархии в обществе. Конфуцианские нормы поведения, такие как сыновняя почтительность и лояльность, также нашли свое отражение в мифологических образах и сюжетах. Буддизм, пришедший в Японию из Индии через Китай, также оказал значительное влияние на формирование японской мифологии. В мифах прослеживаются представления о перерождении, карме и нирване. Образы буддийских божеств и святых, таких как Будда Амитабха и бодхисаттвы, нашли свое место в японском пантеоне и взаимодействуют с местными kami. Даосизм, как и буддизм, пришел в Японию из Китая и также оказал влияние на формирование японской мифологии. Даосские идеи гармонии с природой, бессмертия и магии нашли свое отражение в мифологических

сюжетах. Образы даосских божеств и бессмертных, таких как Сюань-у и бессмертные, также нашли свое место в японской мифологии [Накорчевский А.А., 2003].

Несмотря на значительное влияние китайской культуры, японская мифология сохранила свои уникальные черты, которые отражают специфику японского мировоззрения и религиозных верований. Одной из самых характерных черт японской мифологии является почитание kami – духов, населяющих природу и мир людей. Kami могут быть духами гор, рек, деревьев, животных, а также духами предков и героев. Kami не являются всемогущими богами, а скорее духами, которые могут влиять на жизнь людей и природу [Марова П.А., 2015]. В японской мифологии император представлен как потомок богини Аматэрасу, что придает его власти божественный характер. Культ императора играл важную роль в формировании японской государственности и национальной идентичности [Беленко Д.А., 2022].

В японской мифологии чистота и нечистота играют важную роль. Чистота считается благоприятным состоянием, а нечистота – неблагоприятным. Ритуалы очищения, такие как омовение водой, также важны в синтоистских обрядах [Марова П.А., 2015]. В японской мифологии существует представление о загробном мире, где обитают души умерших. Души предков почитаются и считаются способными влиять на жизнь живых. Также существуют представления о злых духах, которые могут приносить несчастья. Японские мифы часто используются для обоснования власти императора и социального порядка. Мифы о происхождении японского народа и его правителей формируют национальную идентичность японцев и легитимацию существующей власти.

Японские мифы отражают и этические нормы, которые регулируют поведение людей в обществе. Почитание предков, уважение к старшим и лояльность к власти считаются важными добродетелями. Чувство долга, дисциплина, скромность и стыд также играют важную роль в формировании японского характера. Стремление к гармонии и равновесию является основным принципом, который регулирует отношения между людьми и природой [Сысоенко М. В., 2022].

Согласно исследованиям Я. Мураками и Т. Моррис-Судзуки, для японского образа мышления характерна склонность к дуализму, отсутствие логической ясности и абстрактных принципов, что отражается и в мифологических образах [Мураками Я., 2004]. В то же время, как отмечает А.И. Денисова, японская культура с древности впитывала культуру и философию своих ближних и дальних соседей, что также нашло отражение в мифологических образах, которые не являются оригинальными, а имеют аналоги в восточной и Юго-Восточной Азии. [Денисова А.И., 2012]. Эти черты, наряду с заимствованиями

ями, сформировали своеобразную картину мира, отражающую как специфику японского мировоззрения, так и общие черты дальневосточной цивилизации, которые представлены в таблице ниже. (Таб. 1.)

Модернизация Японии, начавшаяся в период Мэйдзи и продолжавшаяся в XX веке, оказала глубокое влияние на все сферы жизни японского общества, включая мифологию и религию. В этот период мифологические комплексы претерпели значительные трансформации, приспособившись к новым социальным и политическим реалиям, а также использовались для формирования национальной идентичности и легитимации нового государственного строя [Сысоенко М.В., 2022]. В процессе модернизации мифология из религиозного инструмента постепенно превращается в идеологический. Мифы начинают использоваться для обоснования национальной идентичности, для формирования чувства единства и общности среди японцев [Денисова А.И., 2012]. В этот период происходит переосмысление мифологических образов и сюжетов, которые начинают использоваться для пропаганды и формирования нового типа человека, лояльного к государству и императору [Марова П.А., 2015].

Концепция кокутай, сформировавшаяся в период Мэйдзи, стала одним из ключевых элементов политической мифологии Японии. Эта концепция, основанная на идее божественного происхождения императора, использовалась для обоснования его власти и для создания образа единой нации, объединенной общими предками и ценностями. В системе образования мифы стали

использоваться для воспитания патриотизма и лояльности к государству и императору [Мартынов Д.Е., 2021].

В современном японском обществе наблюдается возрождение интереса к мифам в массовой культуре, что проявляется в аниме, манге, видеоиграх и других формах популярного искусства. Мифологические образы и сюжеты находят свое отражение в современной литературе и искусстве, а также в повседневной жизни японцев [Мураками Я., 2004]. Однако, как отмечают исследователи, современное восприятие мифов отличается от традиционного: мифы уже не воспринимаются как священные истины, а скорее как культурное наследие, которое может быть переосмыслено и адаптировано к современным условиям [Денисова А.И., 2012]. В частности, современные авторы часто используют мифологические сюжеты для создания новых интерпретаций и для выражения собственных идей и взглядов. Несмотря на это, мифологические мотивы и образы продолжают играть важную роль в формировании национальной идентичности и мировоззрения японцев. В современном обществе мифология служит не только для развлечения и эстетического наслаждения, но и для выражения коллективной памяти, сохранения культурного наследия и формирования чувства национальной общности.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам: японская мифология представляет собой отражение сложного переплетения местных верований и заимствований из дальневосточной культуры. Синтоизм, буддизм и конфуцианство оказали значительное влияние на формирование японской мифоло-

Таблица 1.

Типологические черты дальневосточной культуры в мифологии Японии.

Влияние дальневосточной культуры	Специфические черты японской мифологии	Проявления в мифах
Концепции Неба и Земли как взаимодополняющих начал, Инь и Ян, символизирующих женское и мужское, пассивное и активное, а также идеи о пяти элементах, формирующих материальный мир, характерные для дальневосточной философии.	В центре японского мировоззрения находятся ками – духи, населяющие природу и мир людей, включая горы, реки, деревья, животных, а также предков и героев.	Сюжеты о сотворении мира, где боги и силы природы играют ключевую роль.
Конфуцианские нормы поведения, такие как почитание старших, уважение к власти и соблюдение иерархии в обществе, сыновняя почтительность и лояльность, отраженные в мифологических образах и сюжетах, характерные для дальневосточных обществ.	Представление об императоре как потомке богини Аматэрасу, что придает его власти божественный характер. Культ императора играл важную роль в формировании японской государственности и национальной идентичности.	Мифы о происхождении императорской династии и подвигах императоров.
Представления о перерождении, карме и нирване, а также образы буддийских божеств и святых, таких как Будда Амитабха и бодхисаттвы, взаимодействующих с местными ками, характерные для буддийских стран Дальнего Востока.	Чистота как благоприятное состояние, а нечистота как неблагоприятное. Ритуалы очищения, такие как омовение водой, играют важную роль в синтоистских обрядах.	Мифы о ритуалах очищения, которые совершают боги и герои.
Идеи гармонии с природой, бессмертия и магии, а также образы даосских божеств и бессмертных, таких как Сюань-у и бессмертные, характерные для даосских традиций Дальнего Востока.	Вера в существование загробного мира, где обитают духи умерших, а также почитание духов предков и страх перед злыми духами.	Мифы о путешествиях в загробный мир и о взаимодействии с духами.

гии, а сами мифологические образы играют важную роль в формировании национального характера и мировоззрения японцев. В процессе модернизации мифология из религиозного инструмента превращается в идеологический, а мифологические образы и сюжеты использу-

ются для формирования национальной идентичности и легитимации власти. В перспективе дальнейших исследований представляется необходимым изучение влияния мифологии на современную японскую культуру, особенно в сфере популярного искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беленко Д.А., Гейзер М.Л. Симбиоз мифологии и религии в японской культуре // StudNet. 2021. №4.
2. Денисова А.И. Оценка заимствования и преобразования религии и культуры в Японии // Аналитика культурологии. 2012. №22. С. 43-46.
3. Марова П.А. Ками: возникновение верований, ритуалы и обряды, взаимодействие с буддизмом // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. №6-1. С.136-140.
4. Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А., Филиппенко Д.А. Формирование японского национального самосознания в эпоху Мэйдзи // Modern oriental studies. 2021. №3. С.456-469.
5. Мураками Я., Моррис-Судзуки Т. Японская культура и ее место в типологии цивилизаций // Афро-азиатский мир: проблемы цивилизационного анализа. 2004. №2. С.95-105.
6. Накорческий А.А. Синто / А. А. Накорчевский. – 2-ое изд., испр. и доп. – СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2003. 448 с.
7. Сысоенко М.В., Беленкова А.И. Роль мифо-религиозных комплексов в формировании национального характера современных японцев // Скиф. 2022. №4 (68). С. 386-390.
8. Сысоенко М.В., Беленкова А.И. Формирование мифо-религиозных комплексов в Японии // StudNet. 2022. №5. С. 3903-3913.
9. Трынкина Д.А. Собираемые термины для персонажей актуальной мифологии в трудах ведущих японских фольклористов и антропологов // Сибирские исторические исследования. 2023. №1. С.192-217.

© Гашимова София Эйвазовна (Sonya-eyvaz@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НОМИНАЦИОННАЯ ЦЕПОЧКА КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ КОГЕРЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

THE NOMINATIVE CHAIN AS A TOOL FOR CREATING COHERENCE RELATIONS

A. Glazkov
E. Glazkova

Summary: The nominative chain (the NPs system, which calls one object or a group of objects of reality) besides the nominative can perform a textual function - act as a means for creating coherence. In this study coherence is presented as a category that ensures the consistency of the text, or textual group, considered from the perspective of textuality. The nominative chains form a multidimensional representation of an object in all textual space. The object has several notations, not mixed with the designations of other objects and unambiguously identified among themselves. Accordingly, sentences are considered coherent if they do not detect contradictions or if it is possible to resolve contradictions within the textual group. The study is solved in a system of situational semantics.

Keywords: text, semantics, coherence, cohesion, nomination.

Глазков Алексей Владимирович

Кандидат филологических наук, Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ (г. Москва)
alexu.glazkow@gmail.com

Глазкова Елена Анатольевна

Кандидат филологических наук, доцент, Российская
академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ (г. Москва)
elena-glazkova1@yandex.ru

Аннотация: Номинационная цепочка, то есть **система** именных групп, называющая один объект или группу объектов реальности, кроме собственно номинативной способна выполнять текстообразующую функцию – выступать в качестве **средства** создания когерентности.

В настоящем исследовании **когерентность** представлена как **категория**, обеспечивающая непротиворечивость (консистентность) текста, или текстуальной группы, рассмотренной с позиций текстуальности. Номинационные цепочки формируют многоаспектное представление объекта во всём текстовом пространстве, то есть объект имеет несколько номинаций, не смешанных с номинациями других объектов и однозначно идентифицируемых между собой. Соответственно предложения считаются когерентными, если они не обнаруживают противоречий или существует возможность разрешения противоречий в пределах данной текстуальной группы. Исследование решено в системе ситуационной семантики.

Ключевые слова: текст, семантика, когерентность, когезия, номинация.

В науке когерентность традиционно представляется как категория, обеспечивающая цельность текста (дискуссию см. в работах М.В. Коноваловой [9, с. 22–23], А.В. Глазкова [4, с. 185–187]), наш подход, основанный на ситуационной семантике и носящий логический характер, позволяет изучить когерентность на любом множестве предложений, называемом нами текстуальной группой. Текстуальная группа обозначает одну или множество ситуаций и является когерентной, если для всех ситуаций существует возможность объединения в одну большую. Такая система оказывается консистентной, то есть лишенной внутренних противоречий. Консистентность ситуаций очевидным образом подразумевает наличие свойственных ей объектов, называемых именными группами, релевантными к референции. Множества объектов и именных групп не биективны, поскольку один объект может быть назван разными именными группами, а одна именная группа способна называть разные объекты, из чего следуют требования строгого противопоставления номинаций одного объекта номинациям всех других объектов. Текстуальная группа будет когерентной, если такие требования соблюдены.

Система номинаций одного объекта ситуации носит название номинационной цепочки. Различные номинации объектов, с одной стороны, служат их многоаспектному представлению, а с другой – входят в систему языковых средств, придающих тексту свойства связности и цельности. Так, Н.В. Устина и Л.Г. Березовская рассматривают номинации объектов, в том числе героев произведения, среди различных видов субстантивных повторов, «которые придают произведению определенную стилистическую окраску и смысловой колорит» и являются «одним из средств выражения когерентности текста, т.е. его цельности» [14, с.178]. В нашей работе обращается внимание на следующие параметры номинационной цепочки: выбор номинаций объектов, идентификация названий объекта, противопоставление номинационных цепочек.

Исследование когерентности требует «отстроить» эту категорию от категории когезии. Информацию о состоянии научной дискуссии по этому вопросу в начале XXI века находим у М.В. Коноваловой [9], М.И. Степановой [13], М.А. Величко [2], в нашей статье [3] и др. Использование лексических средств для создания эффекта связ-

ности текста традиционно относят к инструментам когезии. Суть ее заключается в том, что лексические единицы либо обладая определенными системными свойствами, соответствующими категориям синонимии, антонимии, гипо- и гиперонимии и т.д., либо будучи тождественными в контекстных условиях обуславливают присоединение одного предложения к другому. Существенным моментом является то, что сами системные отношения между лексическими единицами не являются инструментами когезии, которая возникает только в текстуальных условиях. Если между двумя словами имеется один из видов лексико-семантических отношений, это еще не значит, что когезия обеспечена, так как она возникает не между словами, а между предложениями, содержащими данные слова. Покажем это на примере (1) текстуальной группы с повтором слова.

(1) /1/ Кошке три года. /2/ Кошке четыре года.

Одной и той же кошке не может быть сразу и *три*, и *четыре года*, а поэтому возможны следующие решения, чтобы снять противоречие в группе: а) речь идет о разных кошках, то есть именные группы, представленные именами существительными, не кореферентны; б) предложения отличаются темпоральными значениями: относятся к **разным временным** периодам, а именные группы, выраженные именами существительными, кореферентны; в) речь идет о разных кошках и разных **временных** периодах.

Предложения в текстуальной группе когерентны, если существуют достаточные основания считать непротиворечивой выраженную в них информацию (см. нашу статью [4]). Для случаев а) и б) основания, позволяющие обеспечить непротиворечивость, нами выделены. В случае в) неясно, на каких основаниях предложения объединены в группу, а поэтому невозможно установить, есть или нет между ними противоречия, следовательно следует признать их некогерентными, несмотря на очевидные когезивные связи.

Соответственно, **когезивные отношения** сами по себе не формируют **связности** предложений в текстуальной группе, так как **связность** требует взаимодействия когезии и когерентности как категорий текстуальности. Это делает употребление лексических единиц, обремененных известными **семантическими отношениями**, более свободным.

Как уже отмечено нами выше, в рамках ситуационной семантики, которыми ограничивается настоящее исследование, когерентность предложений определяется возможностью непротиворечивого представления ситуации. Представим схему, характеризующую **структуру** ситуации. Для этого введём систему условных обозначений. Под ситуацией (С) понимается система отношений (R) между объектами (O) в определенный промежуток

времени (τ) и в определенном месте (l) при заданной модальности (M):

$$C = \langle \langle R; O; \tau; l; M = \{0, 1\} \rangle \rangle.$$

Определяя ситуацию таким образом, мы следуем теории ситуационной семантики Дж. Барвайса, Дж. Перри [15], К. Девлина [16]. Поскольку все характеристики ситуации параметричны (значения модальности, равные 1 и 0, соответственно означают истинность или ложность внутри данного возможного мира), размер ситуации может быть сколь угодно большим, а меньшие ситуации входят в большие (подробнее см. [5]). Тогда уточним, что когерентны те предложения, которые представляют ситуации, непротиворечиво входящие в большие.

Таким образом, предложения из примера (1) когерентны, так как соблюдены следующие **условия** когерентности:

- а) речь идет о разных объектах за счет расширения места ситуации и сужения временного интервала до удовлетворяющих условиям когерентности значений;
- б) речь идет об одном объекте, но временной интервал расширен до значений, удовлетворяющих условиям когерентности значений;
- в) в данном случае когерентность возможна, если данная текстуальная группа включена в большую, однозначно определяющую характер отношений между предложениями /1/ и /2/.

Структура номинационных цепочек

Говоря о номинационных цепочках, необходимо обратить внимание на объекты номинации, устанавливаемые при анализе ситуации. Поскольку под объектом понимаем элемент ситуации, который может быть назван именной группой, релевантной категории референции, только такие именные группы образуют номинационные цепочки. Именная группа называет новый объект, входит в самостоятельную номинационную цепочку, если её использование в предложении способно увеличить количество называемых объектов ситуации.

Активное изучение цепочек номинаций объектов ведётся уже несколько десятилетий. Так, Н.С. Болотнова в своем исследовании обратила внимание на парадигматический характер номинационных единиц в тексте, которые объединены «концептуально на основе какого-либо общего элемента: внешнего (экстралингвистического) и/или внутреннего (лингвистического)» [1, с. 40]. Парадигма, по мнению исследователя, строится на основе ассоциаций – языковых, референтных и когнитивных [Там же, с. 102]. Появившийся в научном дискурсе термин «номинационная цепочка» обозначил вид выявленной парадигмы. Традиционное понимание парадигматических отношений, о котором пишут С.М. Колесникова и

М. Тянь, предполагает «отношения противопоставленности, осуществляющиеся по схеме «или – или»: тождества (семантические различия лексико-семантических вариантов отсутствуют); подобия (синонимы); включения (родовидовые отношения); соотношения (видо-видовые отношения); пересечения, оппозиции (антонимы)» [8, с. 315]. Анализ номинационных цепочек позволяет обнаружить в них практически все возможные **виды отношений**, за исключением пересечения и оппозиции.

Рассматривая **номинационную цепочку** как **средство** создания когерентности, проводим поэтапный анализ номинационных цепочек в текстуальной группе, включающий в себя следующие ступени: 1) анализ классификационных данных: *распределения* именных групп по номинационным цепочкам; 2) анализ *структуры* номинационных цепочек; 3) анализ *продуктивности* **сустемы** номинации объектов в текстуальной группе.

На первом этапе выделяем номинационные цепочки, то есть распределяем обнаруженные номинации по номинационным цепочкам. Распределение именных групп подчиняется следующим правилам:

- в номинационную цепочку входят именные группы, релевантные номинации, при этом устанавливается максимально возможное количество цепочек;
- номинационная цепочка называет только данный объект в установленном количестве, поэтому если называется единичный объект – он является единичным во всей цепочке; если называются счетные объекты – их количество должно сохраняться неизменным во всей цепочке; если называются несчетные объекты – они должны оставаться несчетными во всей цепочке;
- любое новое название объекта не меняет количество названных объектов в рамках анализируемой ситуации.

На втором этапе анализируем **структуру** каждой выделенной номинационной цепочки. По количеству входящих элементов выделим простые (состоящие из одного элемента) и сложные (состоящие из двух и более элементов) номинационные цепочки. Наш подход подразумевает, что состоящую из одного элемента цепочку потенциально можно продолжить, изменив размер текстуальной группы. В цепочке, содержащей один эксплицитный элемент, другие не выражены, являются нулевыми.

Для демонстрации практического применения анализа номинационных цепочек рассмотрим текстуальную группу (2), являющуюся фрагментом текста инструкции по сборке мебели. Именные группы, которые называют объектами **ситуации**, выделим полужирным шрифтом. Для обозначения кореферентных номинаций последовательно используем индексы кореферентности *i, j* и так далее.

(2) /1/ Устанавливаем **боковые уплотнители ста-**

рой модели_{*i*} на вертикальные рамы. /2/ Устанавливаем **боковые уплотнители новой модели**_{*j*} на вертикальные рамы. /3/ Установка **уплотнителя нового образца**_{*i, j*} производится в круглое технологическое отверстие с внутренней стороны вертикальной рамы. /4/ **Уплотнители боковых панелей**_{*i, j*} должны быть внутри шкафа.

В тексте выделены три номинационные цепочки:

- а) ***i***: боковые уплотнители старой модели;
- б) ***j***: боковые уплотнители новой модели – уплотнители нового образца;
- в) ***i, j***: уплотнители боковых панелей.

Цепочка б) с индексом ***j***, единственная сложная цепочка, имеет доминантой ИГ боковые уплотнители старой модели, так как объект назван наиболее полно, четко противопоставлен другому объекту. Повторная номинация – ИГ уплотнители нового образца – называет объект менее точно, так как отсутствует характеристика боковые. Простая цепочка в), эксплицитный элемент которой мы обозначили ***i, j***, имеет более широкий экстенционал, объединяя в себе значения обоих названных объектов, является своего рода гиперонимом, поэтому она обозначена двумя индексами.

Связность текстуальной группы обеспечена повтором как одним из инструментов когезии. Однако **когезивные отношения** не являются достаточными для формирования непротиворечивой когерентной структуры. Семантическое тождество отдельных элементов цепочки а) и в) неочевидно, несмотря на наличие когезивных инструментов. Оно поддержано когерентностью текста: действия, названные в предложениях /1/ и /2/, идут последовательно, что предполагает последовательное их выполнение, либо выбор одного из них согласно ситуации (что очевиднее, на наш взгляд). Для создания более прочных когерентных связей между этими именованными группами употреблен глагол *устанавливаем* в форме 1 л. мн.ч. В предложении /3/ глагол заменен отглагольным именем существительным *установка*, что может свидетельствовать об указании на особенность выполнения действия в отношении одного из объектов – уплотнителя нового образца, или бокового уплотнителя новой модели. Иначе говоря, предложения /2/ и /3/ называют одну и ту же ситуацию с одними и теми же объектами. Имплицитно следует, что боковой уплотнитель старого образца устанавливается иначе, а не в круглые технологические отверстия.

Поскольку номинационная цепочка представляет собой последовательность номинаций, среди них можно выделить первичную – она открывает эту последовательность – и вторичные номинации. **Структура номинационной цепочки** подразумевает наличие именной группы, максимально контрастно представляющей ее объект в тексте. Такая именная группа выполняет роль

доминанты номинационной цепочки. Далеко не всегда доминанта номинационной цепочки является первичной номинацией в тексте. В простой цепочке единственный элемент является ее доминантой. Если есть возможность назвать объект именем собственным, оно выступает в роли доминанты номинационной цепочки. Объекты, которые можно именовать собственными именами, не теряют возможность быть названными нарицательными или местоименными словами, что обеспечивает им наибольшее разнообразие вариантов номинации. Возможно, поэтому именно они привлекают особое внимание исследователей (отметим среди прочих работы [7], [12], [6], [11]). Однако номинации другого рода объектов тоже могут составлять номинационные цепочки.

Если доминанта обозначает объект максимально контрастно, то минимальная контрастность свойственна представлению объекта местоимениями. Включение таких единиц в номинационную цепочку обеспечивается средствами когезии, однако когезивные средства достаточны только тогда, когда цепочка предложений предоставляет выбор единственного antecedента. Если же antecedентов несколько, оказываются необходимы средства когерентности. Сравним примеры.

(3) /1/ Мама с дочкой заказали кофе. /2/ Она предпочитает эспрессо.

(4) /1/ Мама с дочкой заказали кофе. /2/ Как мы знаем, она предпочитает эспрессо.

Отсутствие **дискурсивного маркера** в примере (3) делает текстуальную группу некогерентной: налицо два решения вопроса о связях местоимения она с antecedентом. Добавление дискурсивного маркера как мы знаем в примере (4) призвано актуализировать некоторое знание, не выраженное в текстуальной группе, но, скорее всего, выраженное в некотором предтексте. Отсутствие когерентности в группе (4) объясняется недостаточностью знания, однако расширение группы до уровня восполнения пробела сделает ее когерентной, а связь местоимения с antecedентом станет единственно возможной. Хотя дискурсивный маркер как мы знаем имеет когезивный характер, средств когезии оказывается недостаточно, так как нет указания на точный участок текста, где необходимый для уточнения смысла контекст располагается.

Таким образом, номинационная цепочка оптимально встраивается в **систему** текста и выполняет роль **инструмента** когерентности при соблюдении следующих структурно-семантических условий:

- дана точная (прямая) номинация, которая понятна адресату (читателю);
- номинация «встраивается» в ряд так, чтобы раз-

ные именные группы воспринимались как когерентные;

- номинация не должна иметь нежелательные пересечения с номинациями объектов других номинационных цепочек

Кейс

1. Задача кейса: проиллюстрировать алгоритм индексирования номинационных цепочек в тексте с возможным пересечением именных групп на основании ситуационной разметки.

2. Шаги кейса: 1) ситуационная разметка; 2) выделение анализируемых номинационных цепочек; 3) индексация; 4) описание и выводы.

3. Материал: статья К. Кобышевой «Ученые узнали, как далеко от дома гуляют коты»¹.

4. Текст с ситуационной разметкой и индексацией
 /1/ {CA Ученые Норвежского университета наук о жизни решили узнать, {Cz как далеко от дома уходят [коты и кошки]_r, когда гуляют ≈Cz}. /2/ {CA1 Для {CB проведения эксперимента ≈CB} исследователи выбрали небольшой город на севере Норвегии ~CA1}. /3/ {CB1 Они обеспечили [всех домашних котов и кошек]_r специальными GPS-трекерами ~CB1}, {CB2 которые позволяли отслеживать {CC место нахождения [животных]_r ≈CC} ~CB2} /3/ {CB3 В результате ученые смогли составить карту {≈CC кошачьих перемещений на заданной территории ≈CC} ~CB3} ~CB}, и вот что выяснилось. /4/ {≈CC [Животные]_r предпочитали не уходить слишком далеко от дома. /5/ Большую часть времени они находились в радиусе 50 метров от места постоянного обитания. /6/ В основном они гуляли во дворе или ближайшем к дому саду. /7/ [Самые смелые и любопытные животные]_k отдалялись от дома максимум на 350 метров. ~CC} /8/ {CD Ученые поделились предположением, что {≈Cz на дальность перемещений влияет {Cu стерилизация ≈Cu}. /9/ [[Кошки и коты]_r {≈Cu прошедшие эту операцию ~Cu}_r предпочитают находиться ближе к дому. /10/ А вот у [нестерилизованных [котов и кошек]_r наоборот, тяга к приключениям может быть выражена сильнее ~Cz} ~CD}.

5. Ситуационная разметка

Условные обозначения: границы ситуации – { }; ситуация – C; реальная ситуация – строчная буква латинского алфавита (начиная с A) после знака ситуации C; ситуационный тип – строчная буква латинского алфавита (начиная с z) после знака ситуации C; знак прерывания ситуации – ≈; знак продолжения ситуации – ≈C; знак завершения ситуации – ~.

Темпоральная разметка: CA CB CC CD. Ситуационный тип Cz не имеет временных ограничений. Ситуационный тип Cu тоже, но любой временной отрезок τ_y всегда раньше отрезка τ_z для любого объекта O (кот или кошка).

¹ К. Кобышева «Ученые узнали, как далеко от дома гуляют коты». 01.05.22 // Рамблер. URL <https://weekend.rambler.ru/read/48583424-uchenye-uznali-kak-daleko-ot-doma-gulyayut-koty/?ysclid=m24kjq3piv220944733>. Дата обращения 11.11.24.

6. Номинационные цепочки

Интуитивно ясно, что центральный объект текста – это *коты* и *кошки*. Особенностью имен существительных, обозначающих их, является то, что они могут выступать и как несовместимые когипонимы, обозначающие животных разных полов, и как пара гипоним-гипероним, причем гиперонимом может выступать любое слово. Именно поэтому в тексте гиперонимом выступает сочиненный ряд *коты* и *кошки* или *кошки* и *коты*. Это подтверждается тем, что ни одно из данных слов не употребляется вне указанного сочиненного ряда. Альтернативную номинацию данного объекта выполняет гипероним *животные*.

Данный объект встречается как в представлении ситуационных типов, так и в представлении отдельных ситуаций. Очевидно, что они не могут быть кореферентными, то есть входят в различные номинационные цепочки.

В *Сz* встречается одна номинационная цепочка:

i: *коты* и *кошки* – *кошки* и *коты*.

Значение *i* – ‘**живущие дома** коты и кошки’. Ситуационно определено, что множество объектов не включает в себя все множество *котов* и *кошек*, из которого исключены не домашние и вымышленные животные.

В *Су* нет выраженных номинационных цепочек, однако ситуация подразумевает наличие стерилизуемых животных. Отглагольное существительное *стерилизация* сохраняет свою актантную структуру, где пациенсом будет объект *i*. В предложениях /9/ и /10/ множество объектов *i* делится на два, за счет чего возникают две простые номинационные цепочки:

l: *коты* и *кошки*, *прошедшие эту операцию*;

m: *нестерилизованные коты* и *кошки*.

В ситуациях *СВ* и *СС* наибольшим объектом является множество **всех** домашних *котов* и **кошек**, **живущих в городе** проведения эксперимента:

j: *все домашние коты* и *кошки* – *животные*.

Поскольку место ситуации *СВ* ограничено, ограничивается и наполнение местоимения *все*: все коты и кошки, проживающие в данном городе и участвующие в эксперименте, если учесть возможность, что какие-то из котов и кошек могли по разным причинам не быть в нем задействованы.

В предложении /3/ выделена ситуация *СВ2*, которую мы не включили в число ситуационных типов, на что указывает форма прошедшего времени глагола *позволять*: если бы глагол был употреблен в форме настоящего времени, это свидетельствовало бы о работе трекеров в любой ситуации, а предложение обозначало бы ситуационный тип. В таком случае следовало бы иначе индексировать слово *животные*, не включая его в номинационную цепочку *j*.

k: *самые смелые* и *любопытные животные*.

Данная цепочка представляет часть котов и кошек из числа участвующих в эксперименте. Номинация объекта основана на его интерпретационной характеристике:

дальность перемещения кошек связана с антропоморфными качествами, приписываемыми животным человеком.

Не включенные в номинационные цепочки местоимения *они* заслуживают отдельных замечаний. Употребленные дважды в предложениях /5/ и /6/, когезивно-местоимения требуют включения в цепочку *j*, однако ситуационный анализ позволяет исключить (особенно в предложении /6/) из называемых объектов самых смелых и любопытных кошек, которые отдалялись от дома и сада. Тем самым допустимо предложить для них отдельный индекс (*n*), хотя номинационная цепочка, в которую бы они входили, отсутствует.

7. Квалификация когерентности текста

Текст признается когерентным, если все представленные в нем ситуации допускают объединение в единую ситуацию. В этом случае либо повторяются объекты ситуаций, либо вводятся новые. Повторяющиеся объекты должны быть обозначены так, чтобы ясна была кореферентность именных групп. Новые объекты должны логично соответствовать развитию представления ситуации. Выше было показано, что данные **максимы** соблюдаются. Формально удостовериться в когерентности текста можно, учитывая следующее правило: для любой ситуации существует такое расширение (текстуальная группа, не большая данного текста), при котором любая пара предложений, содержащаяся в нем, будет когерентна. Проверим, руководствуясь данным правилом, пару предложений /7/ и /10/, в которых представлены объекты, называемые цепочками соответственно *k* и *m*. Именная группа *тяга к приключениям* должна быть истолкована так, что животные, о которых идет речь, уходят от дома дальше, то есть между объектами *k* и *m* возникает корреляция такая, что $k \subset m$. Иными словами, уходящие дальше от дома кошки в ходе эксперимента – это часть нестерилизованных животных, обладающих меньшим стремлением гулять возле дома. Данное прагматическое дополнение, позволяющие считать текстуальную группу /7/-/10/ когерентной, не находит подтверждения в тексте, что не дает возможности говорить о когерентности текста в целом, а следовательно, и об удачности его построения.

Заключение

Настоящее исследование показало, что подход к рассмотрению номинации объектов с точки зрения ситуационной семантики даёт более полное, комплексное и многоаспектное описание номинационных цепочек и доказывает ряд теоретических положений в теории когерентности.

1. Номинационная цепочка как система именных групп, выявленных в рамках одной текстуальной группы, имеющих референцию к одному объекту реальности; при номинации должны быть понятны читателю, не иметь нежелательных пересечений с но-

минациями других объектов, создавать ряд когерентных именных групп.

2. Номинационные цепочки в рамках одного текста выступают инструментом формирования когерентно-

сти как внутренней непротиворечивости текстуальной группы (текста); предложения являются когерентными, если не обнаруживают противоречий или если можно эти противоречия снять в пределах данной текстуальной группы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск: ТГПИ, 1994. 212 с.
2. Величко М.А. Когезия и когерентность: особенности разграничения и определения понятий // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2016. №2 (177). С. 39–43.
3. Глазков А.В. К вопросу о разграничении понятий линейности, связности и цельности текста // Граница: сборник научных трудов проекта NOT ONLY. NOT ONLY 2020: Теория и практика гуманитарных исследований. М.: Филинь, 2021. С. 17–30.
4. Глазков А.В. К вопросу о когерентности пары предложений // Вестник ННГУ. 2022. №6. С. 185–194.
5. Глазков А.В. Ситуационность как основа когерентности текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. №1. С. 13–24.
6. Глазкова Е.А. Формирование цепочки номинаций лиц в тексте (на примере сказки В.И. Даля «Авось») // В.И. Даль в мировой культуре: сборник научных работ. Ч.1. Луганск – Москва, 2013 г. С. 243–257.
7. Киосе М.И. Непрямая – конвенциональная – прямая номинация, или путь закрепления номинации за референтом в тексте // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. No 3 (332). Филология. Искусствоведение. Вып. 87. С. 36–39.
8. Колесникова С.М., Тянь М. Лексико-семантическое макрополе «Родина» в современном русском языке (на материале национального корпуса русского языка) // Преподаватель XXI век. 2023. №2–2. С. 314–322.
9. Коновалова М.В. Когерентность и интертекстуальность как текстовые категории // Вестник ЧелГУ. 2007. №8. С. 21–25.
10. Коновалова М.В. Типы когерентности в юридическом дискурсе // Вестник ЧелГУ. 2008. №21. С. 83–86.
11. Красовская Я.И. Функции вторичных номинаций с зооморфизмами в русскоязычном медиадискурсе // Язык как ценность бытия. Сборник научных трудов в честь юбилея профессора Марии Иосифовны Конюшкевич. Гродно, 2003. С. 374–380.
12. Пушкарева И.А. О регулятивной роли имен собственных в воплощении ключевого образа регионального медиатекста: образ города-сада в газете «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк) // Сибирский филологический журнал. 2015. №4. С. 188–197.
13. Степанова М.И. Когезия и когерентность как основополагающие характеристики публицистического дискурса // Вестник СамГУ. 2009. №73. С. 230–234.
14. Устина Н.В., Березовская Л.Г. Фоновые повторы как воплощение главной художественной идеи литературного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №12–2 (66). С. 178–181.
15. Barwise J., Perry J. Situations and Attitudes. - Stanford: CSLI Publications, 1999. - 376 pp.
16. Devlin K. Situation Theory and Situation Semantics // Handbook of the History of Logic. - Volume 7. - Amsterdam: Elsevier, 2006. - Pp. 601-664.

© Глазков Алексей Владимирович (alexu.glazkow@gmail.com), Глазкова Елена Анатольевна (elena-glazkova1@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИРОНИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ ПРИ СОЗДАНИИ ОБРАЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ

Гордеева Наталья Алексеевна

Преподаватель, Российский университет дружбы
народов им. Патриса Лумумбы.
gordeeva_na@pfur.ru

FUNCTIONING OF IRONY IN MEDIA DISCOURSE WHEN CREATING THE IMAGE OF A POLITICAL FIGURE

N. Gordeeva

Summary: The article examines various types of irony and their features. The author summarizes information from several dictionaries and identifies verbal, dramatic and situational irony. Verbal irony is a discrepancy between expression and intention, when the speaker says one thing and means another. Dramatic irony occurs when words and actions have a meaning that the listener understands, but the speaker does not. Situational irony is a discrepancy between intention and result. Particular attention is paid to verbal irony and its use for reasons of politeness. The author argues that irony allows the speaker to be impolite and at the same time seem polite. Situational irony, which has little to do with language play or figurative speech, is also discussed. The author gives an example of the use of situational irony by a Wimbledon commentator.

Keywords: vocabulary, irony, media discourse, politics.

Аннотация: В статье рассматриваются различные виды иронии и их особенности. Автор обобщает информацию из нескольких словарей и выделяет вербальную, драматическую и ситуативную иронию. Вербальная ирония — это несоответствие выражения и намерения, когда говорящий говорит одно, а подразумевает другое. Драматическая ирония возникает, когда слова и действия имеют значение, которое понимает слушатель, но не понимает говорящий. Ситуативная ирония — это несоответствие намерения и результата. Особое внимание уделяется вербальной иронии и её использованию из соображений вежливости. Автор утверждает, что ирония позволяет говорящему быть невежливым и при этом казаться вежливым. Также обсуждается ситуативная ирония, которая имеет мало общего с игрой языка или образной речью. Автор приводит пример использования ситуативной иронии комментатором Уимблдона.

Ключевые слова: лексика, ирония, медиадискурс, политика.

Как отмечается в словарях, ироническая форма поддobia, ирония сарказма или литоты может подразумевать подчеркивание смысла высказывания путем намеренного использования языка, который утверждает прямо противоположное истине или резко и явно уменьшает фактическую связь. Ирония в самом широком понимании, как ощущение способности жизни мешать языку и пониманию, появляется в начале девятнадцатого века вместе с романтизмом [1,2,3]. Драматическая, космическая и трагическая формы иронии, где ирония - это просто признание тщетности или бесчеловечности судьбы, являются разновидностями романтической тенденции определять иронию в терминах жизненных противоречий. До девятнадцатого века, как мы уже отмечали, ирония имела две доминирующие формы: риторическая ирония как фигура речи и расширенная ирония. Сегодня объяснение обеих форм обычно начинается с обращения к диалогам Платона и фигуре Сократа, который первым описывает использование эйронеи, этической и сложной. Чаще всего утверждается, что Сократ использовал иронию, чтобы добиться истины и признания, даже если эта истина была таинственной или загадочной. Повседневная ирония, которую сегодня мы относим к простым случаям словесной «иронии», берет свое начало в этой сократовской технике эйронеи. Мы используем слово, но ожидаем, что другие поймут, что в том, что мы говорим, есть нечто

большее, чем обыденное использование языка[4].

Обобщая информацию из «Словаря литературных терминов» Абрамса и Хартмана, «Словаря современного английского языка» Фаулера и «Оксфордского словаря английского языка», можно выделить вербальную, драматическую и ситуативную иронию[5,6].

Вербальная ирония - это несоответствие выражения и намерения: когда говорящий говорит одно, а подразумевает другое, или когда буквальное значение противоречит задуманному эффекту. Ярким примером этого является сарказм.

- Драматическая ирония - это несоответствие выражения и осознания: когда слова и действия имеют значение, которое понимает слушатель или зритель, но не понимает говорящий или персонаж.
- Ситуативная ирония - это несоответствие намерения и результата: когда результат действия противоречит желаемому или ожидаемому эффекту. Аналогично, космическая ирония - это несоответствие между желаниями человека и суровой реальностью внешнего мира (или капризами богов). По некоторым определениям, ситуативная ирония и космическая ирония вообще не являются иронией.

Вербальная ирония отличается от ситуативной и драматической иронии тем, что она намеренно создается говорящими. Ирония в каждом случае распознается только с помощью стереотипных знаний об исходных понятиях. В отдельных случаях говорящие могут использовать вербальную иронию из соображений вежливости. Такое использование соответствует принципу вежливости, сформулированному Личем. «Если вы должны нанести обиду, по крайней мере, сделайте это таким образом, чтобы не вступать в открытое противоречие с принципом вежливости, но позволить слушателю прийти к оскорбительному смыслу вашего замечания косвенно, посредством имплицатуры». Ирония - один из вариантов передачи скрытой критики, поскольку для выражения предполагаемого негативного смысла используются буквально положительные слова. Гиббс и Колстон предполагают, что аудитория иронического высказывания не может полностью игнорировать буквальный положительный смысл. Следовательно, происходит «уменьшение общей степени выраженного негатива». Аналогичным образом, принцип иронии, установленный Личем, призван объяснить феномен скрытой критики, утверждая, что ироническое высказывание «позволяет говорящему быть невежливым и при этом казаться вежливым». Таким образом, она является результатом особого рода расхождения в перспективе, а значит, «привязана к моменту». С одной стороны, есть то, как вещи выглядят с точки зрения, которая возникает в рамках действия в данный момент, и которая ограничена рамками истории индивида до этого момента. (В художественной литературе это будет картина, которой придерживается какой-либо персонаж - скажем, главный герой драмы). С другой стороны, существует синоптическая точка зрения, которая охватывает всю межличностную историю, часть которой неизвестна этому человеку в данный конкретный момент. Чтобы возникла драматическая ирония, какое-то сознание (в художественной литературе это будет сознание зрителя) должно одновременно осознавать обе точки зрения.

Ситуативная ирония

Ирония – это просто способность рассматривать произведение как текст: как произведение, не сводимое к сознательному замыслу или явленному произведению. Но если мы хотим придать иронии какую-то конкретность, нам нужно спросить, как так получается, что одни тексты мы воспринимаем как означающие, а другие - как не означающие или дистанцированные от того, о чем они говорят. В повседневной жизни ирония имеет два широких применения. Первое относится к космической иронии и имеет мало общего с игрой языка или обрывчатой речью. Комментатор Уимблдона может сказать: «По иронии судьбы хорват выиграл титул именно в тот год, когда ему дали wild-card, а не как сеянному игроку». Ирония здесь, как и в лингвистике, означает удвоение

смысла или значения. Как будто существует ход человеческих событий и намерений, связанных с присвоением рейтингов и ожиданий? Он существует наряду с другим порядком судьбы, не зависящим от наших предсказаний. Это ирония ситуации, или ирония существования; как будто человеческая жизнь и ее понимание мира подрываются каким-то другим смыслом или замыслом, не зависящим от нас. Это форма иронии, которая охватывает все: от высказываний типа «Иронично, что австралийцы тратят больше, чем когда-либо, на формулы для похудения и при этом все больше страдают от ожирения» до наблюдений типа «Фильм заканчивается иронично, музыкой молодых и обнадеженная виолончелистка играла так, как мы видим ее искалеченное и истощенное тело». В таких случаях слово «ирония» означает ограниченность человеческого смысла; мы не видим последствий наших поступков, результатов наших действий или сил, которые превышают наш выбор. Такая ирония – это космическая (ситуативная) ирония или ирония судьбы.

Прагматическая теория Грайса внесла свой вклад в современный подход к понятию иронии. Кроме того, она оказывает значительное влияние на разработку новых стратегий СМИ, направленных на формирование мнения людей. Каждое высказывание может быть воспринято по-разному в зависимости от коммуникативной ситуации, поэтому имплицатура оказывается мощным средством убеждения.

Прагматический подход к иронии первоначально был подхвачен Г.П. Грайсом. В своей основополагающей статье «Логика и разговор» Грайс (1975) упоминает иронию в связи с ее классическим определением «говорить что-то, но подразумевать противоположное».

Согласно классической риторике, вербальная ирония - это троп, а тропы - это высказывания с переносными значениями, которые соотносятся с их буквальными значениями одним из нескольких стандартных способов. Однако интерпретация тропов в целом настолько сильно зависит от контекста, что вряд ли может быть полностью рассмотрена в грамматике. Краткое обсуждение тропов у Грайса было первой серьезной попыткой проанализировать их, используя прагматический механизм, независимый от того, который необходим для анализа обычных буквальных высказываний. Как известно, он рассматривает иронию, метафору, гиперболу и мейозис как вопиющие нарушения первой максимы Качества («Не говори того, что считаешь ложным»), призванные вызвать соответствующую истинную имплицатуру: в случае метафоры это будет уподобление или сравнение, основанное на буквальном значении, в случае иронии - противоречие или противоположность буквальному. В случае недосказанности это будет нечто более сильное, чем буквальное значение.

Для Грайса разговорная импликатура – это ряд предположений, выходящих за пределы высказывания говорящего, которые известны самому говорящему и предполагаются им для того, чтобы аудитория, осознав, что некая максима была нарушена, могла интерпретировать высказывание. Предложение заменить закодированные переносные значения прагматически выведенными импликатурами – это шаг в направлении подлинно объяснительного рассказа о тропах. Однако это лишь первый шаг: в других отношениях описание тропов, предложенное Грайсом, является просто современным вариантом классического описания и имеет много тех же недостатков. В частности, он не объясняет, почему рациональный говорящий должен решить произнести вопиющую ложь, чтобы передать связанную с ней истинную импликатуру, которая с тем же успехом могла быть выражена буквально. В более поздних работах Грайс признает, что его рассказ об иронии недостаточно объяснителен (хотя, похоже, он не испытывал подобных опасений по поводу своих параллельных рассказов о других тропах), и упоминает некоторые дополнительные черты иронии, которые можно рассматривать как призванные дополнить его рассказ или указать на альтернативный рассказ. («The pragmatics of verbal irony», Wilson, опубликовано в *Lingua*).

В словаре Webster's New World Dictionary ирония определяется как «способ юмористического или тонко саркастического выражения, при котором предполагаемое значение используемых слов прямо противоположно их обычному смыслу». А Квинтилиан также определяет иронию в терминах того, что «мы понимаем нечто, противоположное тому, что на самом деле сказано». Таким образом, традиционно считается, что ироническое высказывание означает противоположное. Ироничное замечание «Какая прекрасная погода» будет иметь переносное значение «Какая ужасная погода», а ироничное высказывание «Он мой прекрасный друг» будет фигурально означать «Он не мой прекрасный друг». Очевидно, что это традиционное объяснение иронии чисто семантическое: оно основано на идее семантической инверсии или пропозиционального отрицания, простой антифразе, которая может быть понята путем прямой смысловой замены настоящего, «иронического» значения на «ложное» буквальное значение. Конечно, некоторые иронии могут быть вписаны в эту семантическую теорию иронии. Но, будучи радикально упрощенной, она далеко не универсальна, и очень многие иронические случаи должны находиться за ее пределами. Такое высказывание, как «Кажется, идет дождь», произнесенное человеком, попавшим под ливень, является для нас таким же ироничным, как и «Прекрасная погода», сказанное в той же ситуации (оно должно быть ироничным, если, конечно, говорящий не любит дождливую погоду). В традиционной риторике это называется «недосказанностью», которая не является неправдой с точки зрения логической истинности.

За последние несколько лет все большая группа ученых (Л. Хатчеон, Бут) начала пересматривать концепцию иронии с точки зрения коммуникационных и культурных исследований. Причин для такого изменения несколько, но три приходят на ум быстрее всего. Во-первых, существует ощущение растущего общественного недовольства политической системой США как таковой, причем не только политикой, но и гневом по поводу самих условий дебатов и дискурса. Во-вторых, наблюдается заметный рост продукции популярной культуры во всех средствах массовой информации, которые, как представляется, отказались от искренности, чтобы вновь обрести ее через смещение. Ироническая эстетика (например, жанровая пародия), иронические нарративы (например, сатира) и иронические позиции (например, воплощение и перформанс) позволяют популярной культуре избегать дискурсивных бинеров или статического позиционирования субъектов «аудитории» или «авторов», а значит, обладают потенциалом для стратегической перестройки или переориентации культурного напряжения и дебатов.

Хатчеон определяет иронию как реляционную стратегию в том смысле, что она действует не только между значениями (сказанное, невысказанное), но и между людьми (иронистами, интерпретаторами, мишенями). Иронический смысл возникает как следствие динамики, перформативные отношения между, во-первых, разными смыслообразователями, во-вторых, разными смыслами. Социальное измерение этого реляционного аспекта иронии состоит главным образом в том, что вопрос о том, возникнет или нет иронический смысл, решает не только иронист, тот, кто намеревается иронизировать, но и интерпретатор, который может быть или не быть адресатом высказывания ирониста, но именно он атрибутирует иронию и затем интерпретирует ее. Иронист лишь делает возможным возникновение иронии, и только интерпретатор, обладающий адекватной контекстуальной информацией, распознает, понимает и в этом смысле реализует иронию.

Еще один социально-реляционный аспект иронического смысла связан с выводом о том, что ирония связана с властью. Во-первых, по иронии аудитория может быть разделена на тех, кто улавливает иронический смысл, понимающего интерпретатора, с которым иронист может сформировать ин-группу, где может быть установлена солидарность и вспомнить удовольствия от сотрудничества или даже сговора, и тех, кто из-за отсутствия важной фоновой информации упускает иронический смысл и таким образом исключается как не понимающая аудитория; во-вторых, обладая характерным острием или критичностью, более или менее ощутимой, ирония по своей сути призвана контролировать, усыплять бдительность или подшучивать над намеченной целью.

«Ирония всегда была основным инструментом, которым пользуются маломощные для того, чтобы разорвать сверхмощных в нашей культуре. Но теперь ирония стала приманкой, которую медиакорпорации используют, чтобы привлечь образованных потребителей. Это почти высшая ирония, что те, кто говорит, что не любит телевизор, будут сидеть и смотреть его, пока ведущие их любимых шоу ведут себя так, будто им тоже не нравится телевизор». Где-то в этом вихре смешных поз и псевдопрозрений ирония сама становится своего рода массовой терапией для политически растерянной культуры. Она предлагает комфортное пространство, где соучастие не ощущается как соучастие. Она позволяет почувствовать себя контркультурным человеком, при этом никогда не требуя от вас покинуть мейнстрим, над которым она так весело подтрунивает.

Мы настолько довольны этой терапией, что не чувствуем необходимости в социальных изменениях» (Дэн Френч, рецензия на фильм „Ежедневное шоу“, 2001).

Настоящий материал посвящен масс-медийному дискурсу и тому, как он функционирует. Важно отметить, что существуют лингвистические и экстралингвистические факторы, которые учитываются при формировании публичных и, в частности, политических заявлений. Основные принципы продолжают развиваться посредством жесткого анализа современной риторики. После краткого исторического обзора представлена методология дискурс-анализа СМИ. Она содержит полезную информацию, которой следует руководствоваться в исследовательской части.

Среди ученых, внесших значительный вклад в развитие дискурсивно-аналитического исследования СМИ и разработку его методологии, следует назвать, прежде всего, Теуна Ван Дейка, который изучал медиадискурс расизма и «элитарный дискурс» на базе британских СМИ. Также необходимо упомянуть Джорджа Оруэлла, который занимался критикой языка правящей политической элиты в материалах СМИ. Умберто Эко проанализировал нарративную структуру фильмов на примере сериала о Бонде.

Это было связано с интересом ученых к систематическому изучению структур, функций и процессов разговора и текста. Тем не менее, большинство работ этого направления имеют только лингвистическую направленность. Стилистические исследования Лича (1966), Кристалла, Дэйви, более поздний, критический лингвистический подход Фуллера (1991), Кресса (1985) и Чилтона (1985) – одни из первых работ по анализу дискурса. Многие работы этих авторов испытали влияние систематической грамматики Холидея (1978). В Германии дискурсивные исследования находились под влиянием дискурсивных подходов в текстуальной лингвистике

(Luger, 1983, Strassner, 1975). Большая часть работ в направлении дискурсивного анализа и лингвистики была выполнена в Великобритании и Австралии. В США и во Франции лингвистических или медийных дискурсивно-аналитических исследований было немного, да и те не носили серьезного научного характера.. Тот факт, что применение данной методологии пока не получило широкого распространения, очевидно, является следствием недостаточной проработки соответствующих процедур, а также слабого знакомства отечественного научного сообщества с опытом дискурсивного анализа.

Мейнард изучал восприятие людьми языка медиасообщений. Среди отечественных исследователей в области дискурсивного анализа медиаматериалов следует отметить А.Г. Алтуяна, который изучал стилистические приемы создания политических медиатекстов, способы убеждения аудитории автором текста; затем И.Г. Ясавеева, исследовавшего особенности дискурса социальных проблем в СМИ. Также необходимо назвать Е.Р. Смирнову-Ярскую, изучавшую дискурс инвалидности в СМИ; И. Тартаковскую, исследовавшую образ мужчины и женщины, конструируемый в современных газетах; Н. Смирнову, анализировавшую дискурс проблемы наркомании в отечественных СМИ и многих других. Таким образом, в сфере масс-медиа дискурсивный анализ применяется в основном в связи с исследованием социальной реальности, конструируемой коммуникативными процессами.

Политическая ирония – это мощный прием, с помощью которого можно создать негативный образ любого политика. Она широко используется во время предвыборной борьбы, чтобы заручиться поддержкой целевой аудитории. В работе рассматриваются две основные стратегии: «культурный джем» (Культурный джем часто рассматривается как форма подрывной деятельности. Многие культурные джемы призваны разоблачить сомнительные политические предположения, лежащие в основе коммерческой культуры. Культурный джем иногда подразумевает трансформацию средств массовой информации для создания ироничных или сатирических комментариев о самих себе, используя при этом оригинальный способ коммуникации) и «набрасывание идентичности» стратегия, которая побуждает аудиторию участвовать в процессе создания смысла).

Политическая ирония имеет множество разновидностей. Есть политическая карикатура на редакционных страницах, которая формирует у публики карикатурное представление о реальном человеке. Есть поздние ночные комики, которые помогают нам начать видеть кандидатов по-своему, «глупцом» или «бабником». Все эти и другие юмористические шутки начинают формировать представление общества о кандидатах больше, чем газетные статьи или телевизионные новости. Помимо интернет-блогов, которые обычно не отличаются юмором,

Джон Стюарт на Comedy Channel, возможно, является самым влиятельным юмористом на политической сцене сегодня. В «Ежедневном шоу» он показывает идиотизм и фарс в политике своей аудитории лучше, чем «комики» поздней ночи, Лено, Леттерман или поздние ведущие. Кто сегодня читает газеты? Чтобы прочитать газету, нужно слишком долго продираться сквозь рекламу. Люди предпочитают новости в Интернете, где реклама назойливо мелькает на полях экрана, чтобы привлечь наше внимание, а в Интернете не так много редакционных карикатур, как в газетах, поэтому редакционные карикатуры теряют свое влияние на политику.

Политическую иронию лучше всего сравнивать с сатирой, а не с пародией, которая занимается только высмеиванием оригинального произведения. Политическая ирония, похоже, развилась из сатиры Горация: она забавна, но при этом способна затронуть актуальную тему. Политическую иронию следует воспринимать не как личный выпад против политика, а скорее как непрощенный совет наблюдателя. Сатира, в конце концов, создавалась с целью добиться улучшений, и политический юмор, похоже, развился из этого литературного жанра. Политиком, которым еще предстоит стать объектом политического юмора, не стоит бояться оказаться в центре внимания.

По словам Морин Дауд, обозревателя New York Times, кандидат в президенты от республиканцев Барак Обама не стал объектом политических шуток американских комиков главным образом потому, что «его очень трудно высмеять». Он сохраняет честный имидж и остается сосредоточенным и серьезным в своей работе. С таким отношением любой политик может избежать сатирического политического юмора. Если качество телевизионной комедии оставляет желать лучшего, то количество написанного юмора ничтожно мало; большинство писателей с комическим талантом соблазнились широкой известностью и высокой оплатой на телевидении.

Ироничный фрейм не только обеспечивает развлекательную ценность, но и несет в себе собственную функцию создания сообщества, поскольку требует участия аудитории в активном ироничном прочтении. Политики исторически не славятся своим любящим флиртом с чувством юмора и игривостью. Они также не славятся тем, что общаются загадками, намеренно говоря противоположное тому, что имеют в виду. Однако с развитием реалий масс-медийной коммуникации изменились и тактики, используемые активистами для захвата внимания СМИ.

Все больше и больше политиков строят свои действия на игриво-ироничном чувстве, создавая привлекающие внимание трюки, графику и лозунги, а также заранее подготовленные звуковые фразы для СМИ. В рамках этой более широкой тенденции одна из конкрет-

ных тактик включает в себя форму маскарада, когда политические оппоненты намеренно принимают на себя их обличья. Вместо прямолинейных политических дебатов они общаются с помощью косвенности, мимикрии и зрелищности. Хотя их трюки могут показаться полной противоположностью убедительному политическому дискурсу, они направлены именно на то, чтобы повлиять на направление общественной дискуссии. Ирония может быть использована как средство создания сообщества, активно обращаясь к общим предположениям и пристрастиям аудитории в попытке создать ощущение сообщества в оппозиции, заставляя членов существующих дискурсивных сообществ предстать друг перед другом, а в идеале превращая эти сообщества в активно политизированные.

Глушение культуры

При обсуждении использования иронии в современной политической культуре первым понятием, с которым приходится иметь дело, является идея «культурного джема», ставшая в последние годы своего рода контркультурным словечком. Культурный джемминг - это перепрофилирование, деконструирование или захват массовой культуры, использование медиа как средства критики медиа. Термин был придуман группой «Negativland», которая стала известна в конце 1980-х годов и по сей день тем, что разрезала песни и искажала их первоначальный смысл. Однако именно культурный критик Марк Дери популяризировал это понятие, теоретически описав его работу в брошюре под названием «Культурный джемминг» в 1993 году. Культурная глушилка - это интригующая форма политической коммуникации, возникшая в ответ на коммерческую изоляцию общественной жизни. Практикующие «глушение культуры» утверждают, что культура, политика и социальные ценности были искажены насыщенной коммерческой средой, от корпоративных логотипов на спортивных сооружениях до телевизионного контента, созданного исключительно для того, чтобы обеспечить целевую аудиторию продюсерам и спонсорам. Многие общественные проблемы и социальные голоса оттеснены на задворки общества рыночными ценностями и коммерческой коммуникацией, что затрудняет привлечение внимания тех, кто живет в «огородах» консьюмеризма.

Многие культурные джемы просто направлены на разоблачение сомнительных политических предпосылок, стоящих за коммерческой культурой, чтобы люди могли на мгновение задуматься о брендирующей среде, в которой они живут. Культурные джемы переосмысливают логотипы, модные заявления и изображения продуктов, чтобы бросить вызов идее «что круто», а также предположениям о личной свободе потребления. Некоторые из этих коммунике создают ощущение прозрачности продукта или компании, рассказывая о вреде окружаю-

щей среде или социальном опыте работников, которые остаются за рамками рекламных фантазий. Логика культурного глушения заключается в том, чтобы превратить легко идентифицируемые образы в более серьезные вопросы о таких вещах, как корпоративная ответственность, «истинные» экологические и человеческие издержки потребления или частное использование корпорациями «общественного» эфира.

Основной единицей коммуникации в «культурном джеме» является мем: основная единица культурной передачи. Мемы – это сжатые образы, вызывающие визуальные, вербальные, музыкальные или поведенческие ассоциации, которые люди могут легко имитировать и передавать другим. Например, культуртрегеры играют на знакомых коммерческих мемах, таких как свуш Nike, счастливый обед McDonald's или белые медведи Coca Cola, чтобы привлечь людей разных политических убеждений к размышлениям о последствиях их модных заявлений или привычек в еде. В одном из примеров джеммер по имени Джона Перетти нарушил чистоту образа Nike, создав электронную переписку с сайтом Nike, который отказал ему в просьбе нанести слово «sweatshop» на его заказные кроссовки. Это письмо распространилось вирусным способом среди огромного количества людей по всему миру. В результате игры мемов с популярной иконой и путей, по которым часто путешествуют такие сообщения, культурный джем Перетти быстро попал в новостной и культурный контент СМИ. В результате масс-медийный контент стал носителем вопросов о пределах потребительской свободы и модных заявлений, связанных с дорогой обувью, сделанной на детских потогонных фабриках.

Техника ироничного набрасывания идентичности устанавливает уникальные отношения между политиками и аудиторией: чтобы люди сочли шутку забавной и достойной повторения или репортажа, они должны участвовать в процессе создания смысла, разделяя многие предположения группы. Другими словами, они должны принять участие в совместном конструировании события, о котором идет речь. Политическая точка зрения четко обозначена, а юмор обеспечивает удовлетворительное подмигивание аудитории. Цель состоит в том, чтобы общаться с существующими дискурсивными сообществами, которые понимают шутку и ценят критику, одновременно усиливая эту критику через средства массовой информации. Однако эта идея усложняется, когда ирония используется настолько тонко, или идентичность настолько убедительна, что аудитория оказывается полностью захваченной.

Частью этой стратегии является «остранение оппозиции», обозначение своих врагов эссенциалистскими обвинениями. Цель – изменить термины политических дебатов. Однако эта идея усложняется, когда ирония ис-

пользуется настолько тонко, а идентификация настолько убедительна, что зрители полностью оказываются вовлеченными в процесс.

Группа, известная как «Yes Men», представляет собой особенно интересный пример того, как они намеренно запутывают ситуацию, пытаясь по-настоящему «пройти» в своих предполагаемых идентичностях. Проект «Yes Men» начался с нескольких пародийных веб-сайтов: GWBush.com, который отражал официальный сайт Джорджа Буша-младшего (GeorgeWBush.com), когда он разворачивал свою первую президентскую кампанию, и GATT.org, который имитировал домашнюю страницу Всемирной торговой организации. Оба сайта были сложными пародиями, почти полностью копирующими оригиналы.

Вместо того чтобы представлять себя как очевидную или чрезмерную подделку, эти сайты использовали язык, который, по большей части, можно было найти на законных веб-страницах. Однако содержание было суховато-сатирическим. К удивлению создателей сайта, с ними связались официальные представители других организаций, которые не заметили, что сайт ВТО – подделка, и пригласили их (как сотрудников ВТО) выступить на нескольких международных конференциях. Чтобы донести свою точку зрения, «Yes Men» используют утверждение. Это необычная риторическая стратегия, почти подход обратного психолога. Вместо того чтобы спорить с оппонентами, они принимают их облик и с энтузиазмом подтверждают их убеждения. Однако использование иронии таит в себе потенциальную опасность, поскольку может легко привести к обратному результату.

Те, против кого вы выступаете, могут не заметить иронии и просто поверить вам на слово; или же они могут создать иронию и тем самым обвинить вас в самоотрицании, если не в самопротиворечии. Те, с кем вы согласны (и кто знает вашей позиции) также могут не усмотреть иронии и принять вас за сторонника того, что вы на самом деле критикуете.

Современное общество создало определенный формат, которому должны следовать средства массовой информации, поэтому языковые средства очень важны для формирования общественного мнения. Язык – очень гибкая сфера, которая стремится отразить все изменения в жизни общества. На самом деле этот процесс бесконечен, и в него будут встраиваться новые стратегии, но лингвисты всегда ориентируются на текущую ситуацию. Важно знать основные селективные силы, которые определяют процесс создания новостей.

Средства массовой информации играют важную роль в современном демократическом обществе как основной канал коммуникации. Население полагается на СМИ как на главный источник информации и основу, на кото-

рой оно формирует свое мнение и принимает решения о голосовании. Согласно теории культурного отбора, любой отбор сообщений в СМИ будет оказывать глубокое влияние на все общество.

Конкуренция в сфере масс-медиа становится все более острой, поскольку они продолжают бороться за внимание читателей, слушателей и телезрителей. На карту поставлена жизнь и смерть каждой газеты и телеканала, когда доходы от рекламы и спонсорства пропорциональны количеству читателей или зрителей. Печатным СМИ трудно конкурировать с электронными в качестве источников новостей. Чтобы выжить, они все чаще прибегают к другим стратегиям, таким как развлечение, разжигание скандалов, нагнетание страха, и тратят все меньше ресурсов на серьезное исследование новостей. Речь идет не только о выживании сильнейших в новостных СМИ, но и о культурном и политическом отборе. Новостные СМИ являются важнейшими каналами распространения культуры, идей и мнений. Большинство мнений формируется, когда люди сидят и смотрят новости и дебаты по телевизору.

Электронные СМИ в первую очередь успокаивают. Это машина для релаксации, а зритель хочет, чтобы его развлекали. Лица на экране выбираются не за их мнение, а за их развлекательную ценность. Телеканалы соревнуются не в идеологии, а в чувственном впечатлении. Крайний пример – музыкальные клипы, пресыщенные быстро меняющимися впечатлениями как в звуке, так и в изображении.

Специалисты по медиа часто обсуждали, насколько сильно СМИ влияют на мнение людей. Люди склонны

выборочно читать то, с чем они уже согласны, и рационализировать свои сформировавшиеся мнения перед лицом противоположных аргументов. Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что СМИ не способны изменить мнение людей по вопросам, по которым у них уже сложилось твердое мнение, но они оказывают огромное влияние, когда речь идет о формировании повестки дня и подготовке людей к восприятию новых вопросов. От того, как оформлен вопрос, зависит то, как он будет обсуждаться, какие причины будут возложены на социальную проблему и какие из возможных способов ее решения станут предметом обсуждения.

Производство новостей часто проходит через несколько этапов: информаторы и источники, агенты прессы, репортеры, новостные агентства, журналисты и редакторы. Многие СМИ ссылаются на другие СМИ или лидеров общественного мнения, так что полная цепочка информационного потока становится довольно длинной. Отбор и искажение могут происходить в каждом звене этой цепи передачи информации. Общество стало настолько безличным, сложным и трудным для понимания, что оно кажется бессмысленным, если не интерпретировать его как личное. Таким образом, людей больше интересует личность политика, чем его политика. Политик пользуется этой ситуацией и отвлекает внимание от спорных вопросов, выставляя напоказ свою личную жизнь и заставляя людей интересоваться его женой или собакой. Разоблачение частной жизни политиков стало скрытой повесткой дня в политической жизни. Политики начали сравнивать свои публичные выступления с игрой актеров еще в середине девятнадцатого века. Политик становится авторитетным лидером, имитируя спонтанность и человеческие чувства, а также самоконтроль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Colebrook C. Irony, the new critical idiom. London: Routledge, 2004
2. Gibbs R.W. Irony in language and thought, New York: Laurence Erlbaum Associates, 2002
3. Teun Van Dijk. Discursive analysis of news. A handbook of qualitative methodologies for mass media research/Edited by K.Bruhn Jensen. London: Longman, 1999
4. Iyenger S. Media Politics: a Citizen's Guide, London: W.W. Norton and Company, 2006
5. Ideology and methods of Discourse Analysis//Studies in the theory of Ideology, edited by J.Thompson, London: SAGE Publications, 1987
6. Muecke D.C. Irony and the ironic. – London: Methuen, Inc., 1970.

© Гордеева Наталья Алексеевна (gordeeva_na@pfur.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИДИОМ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ РОМАНЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МОСЯН ТУНСЮ «СИСТЕМА „СПАСИ-СЕБЯ-САМ“ ДЛЯ ГЛАВНОГО ЗЛОДЕЯ»)

ANALYSIS OF THE USE OF IDIOMS IN MODERN CHINESE NOVEL (BASED ON MO XIANG TONG XIU'S WORK "THE SCUM VILLAIN'S SELF-SAVING SYSTEM")

**A. Zhandarova
S. Semenova
D. Tertychko**

Summary: The purpose of this study is to analyze idioms in a modern work and identify their connotations in the context of Chinese literature. The authors of the article solved such tasks as: 1) the analysis of idioms used in the novel by Mo Xiang Tong Xiu "The Scum Villain's Self-Saving System" is carried out; 2) the role of idioms in the studied material is described. To achieve the goal set in the article, the following methods were used: 1) analysis of idioms; 2) interpretative. The relevance of the work is that the study of idioms in modern Chinese literature is an important area of scientific research that has not been sufficiently studied in linguistic science. Thus, the use of idioms allows the authors of works to convey the thoughts and emotions of the characters more expressively, as well as reflect national traditions and philosophical ideas.

Keywords: Chinese, modern Chinese literature, Chinese culture, phraseological unit, idiom, Mo Xiang Tong Xiu, analysis, interpretation.

Жандарова Анна Витальевна

кандидат филологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет», (г. Краснодар)
vi_ri@mail.ru

Семенова София Новиковна

кандидат филологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет», (г. Краснодар)
sofiya.semenova75@yandex.ru

Тертычко Дарья Дмитриевна

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет», (г. Краснодар)
dashatertychko24@gmail.com

Аннотация: Цель данного исследования заключается в анализе идиом в современном произведении и выявлении их коннотации в контексте китайской литературы. Авторами статьи решены такие задачи как: 1) проведен анализ идиом, используемых в романе Мосян Тунсю «Система „Спаси-Себя-Сам“ для главного злодея»; 2) описана роль идиом в рассмотренном материале. Чтобы достичь поставленной в статье цели использованы методы: 1) анализ идиом; 2) интерпретационный. Актуальность проделанной работы в том, что исследование идиом в современной китайской литературе – важное направление в научных изысканиях, которое недостаточно изучено в лингвистической науке. Таким образом, использование идиом позволяет авторам произведений более выразительно передать мысли и эмоции персонажей, а также отразить национальные традиции и философские идеи.

Ключевые слова: китайский язык, современная литература Китая, культура Китая, фразеологизм, идиома, Мосян Тунсю, анализ, интерпретация.

Введение

В настоящее время современная китайская литература набирает все большую популярность не только в Китае, но и за его пределами. Китайская литература представляет собой богатое и многообразное поле для исследования, в котором особое место занимают идиомы. Идиомы, будучи неотъемлемой частью китайского языка и культуры, отражают менталитет и мироощущение народа. Они являются не только средством выражения мысли, но и выступают связующим звеном между прошлым и настоящим. Таким образом, используя идиомы в произведениях, автор позволяет читателю

погрузиться в контекст культурной идентичности своей страны.

В данной работе мы продолжаем исследование идиом [1], [2] на материале произведения современного автора (на китайском языке и его перевода на русском) и сосредоточимся на анализе использования идиом в выбранном произведении, выделяя их роль в создании уникального стиля, а также в формировании образов и тематики произведений. Особенность идиом заключается в их способности передавать более сложные идеи и эмоции в сжатой форме. Кроме того, идиомы влияют на восприятие текста, обогащают его смысл и помога-

ют формировать культурные связи между читателями и произведениями. Полагаем, что исследование идиом позволит нам более глубоко понять взаимодействие языка и культуры, а также способы передачи авторских идей и чувств.

Цель данного исследования заключается в анализе идиом в современном произведении для того, чтобы выявить их роль и коннотацию в контексте китайской литературы.

Решены такие задачи как: 1) проведен анализ идиом, используемых в выбранном материале; 2) описана роль идиом в произведении.

Выбранная для статьи тема актуальна в связи с тем, что анализ идиом в современной китайской литературе – важное направление в научных изысканиях, недостаточно изученное в лингвистической науке.

Опубликован ряд научных статей по данной проблематике, среди которых необходимо отметить работу В.Ю. Васьквичуса, в которой описывается передача художественной выразительности, образности и социокультурных особенностей фразеологизмов китайского языка в процессе перевода на русский язык. Автор подчеркнул в своем труде, что основным приемом при переводе идиом служит дословный перевод, который является удачным способом увековечения национальных и культурных особенностей оригинального художественного текста [3]. Далее выделим труд С.А. Колгушкиной и Т.Я. Колгушкина, в котором рассматриваются идиоматические выражения и их способы перевода. Большое значение в публикации ученых имеет то, что были выделены характерные особенности при переводе фразеологических единиц и отмечена важность умения анализировать многочисленные стилистические и культурно-исторические аспекты языков [4].

Анализ и перевод идиом в романе Мосян Тунсю

В Китае идиомы являются важной частью языка и культуры. Стоит упомянуть, что идиомы (чэньюй) – это устойчивые выражения в китайском языке, которые состоят из четырех иероглифов. Китайский язык отличается от большинства языков тем, что в нем отсутствует алфавит, поэтому у одного иероглифа может быть несколько значений. Таким образом, сочетание четырех иероглифов имеет определенный глубокий смысл, однако понять его смогут только китайцы либо люди, изучающие китайский язык.

Китайцы считают, что человек, использующий в своей речи чэньюй, образованный и начитанный. Поэтому в китайской школьной программе прописано изучение китайских идиом. Чэньюй широко используются не

только в художественной литературе, но и в повседневной жизни, в СМИ, в слоганах, кино и т.д. [5].

Сейчас все большую популярность как в Китае, так и за рубежом, набирают именно современные романы. Идиомы – это огромный культурный пласт, без которого не обходится ни одно китайское произведение. Однако при переводе так или иначе теряется часть смысла, которую могут понять лишь китайцы. Зачастую переводя книги на другой язык, чтобы донести смысл идиомы, переводчики подбирают аналогичные выражения или похожие по значению идиомы в языке, на который переводится книга. Но неважно насколько в итоге хорош перевод, ничто не сможет полностью заменить китайские идиомы, так как идиомы – это не просто какие-то выражения, они часто имеют исторический подтекст, отсылки к классическим китайским произведениям, трактатам или мифам. Далеко не все переводчики обладают такими обширными знаниями, чтобы заметить это и передать большую часть смысла в переводе для читателя.

Ярким представителем среди авторов современных романов является Мосян Тунсю. Она написала три замечательных романа, которые активно переводятся и издаются за рубежом. Благодаря ее книгам у многих иностранных читателей возрос интерес к Китаю и культуре этой страны. Итак, рассмотрим ее произведение под названием «Система „Спаси-Себя-Сам“ для главного злодея» (人渣反派自救系统). Это роман в жанре сянься, опубликованный в 2014 году на китайской платформе интернет-литературы. Сюжет разворачивается вокруг персонажа по имени Шэнь Юань, который только что закончил читать веб-роман «Путь гордого бессмертного демона» и в момент, когда он говорил нелицеприятные вещи о сюжете и персонажах, он умер. Но как мы знаем, главные герои не всегда умирают или исчезают. Он переродился, в только что прочитанном романе, в теле главного злодея Шэнь Цинцю. Шэнь Цинцю – глава пика Цицзин. Однако, несмотря на свое положение и навыки, был далеко не самым достойным человеком. Он жестоко издевался над своим учеником Ло Бинхэ, а также обвинялся в убийствах и домогательствах. В оригинальном сюжете он был жестоко наказан за свои злодеяния от рук Ло Бинхэ. Таким образом, переродившись в теле главного злодея, теперь перед Шэнь Юанем стояла задача изменить сюжет, по ходу которого ему необходимо было завоевать расположение своего ученика Ло Бинхэ, чтобы в будущем не умереть. Но в мире романа правит система, которой необходимо подчиняться, поэтому сделать это будет не так просто.

Сначала может показаться, что «Система „Спаси-Себя-Сам“ для главного злодея» – роман с банальным сюжетом и там нет ничего особенного. Но это только на первый взгляд. В романе присутствует очень много юмора. Мосян Тунсю высмеивает различные клише, за что

это произведение и полюбилось читателям. Возможно, из-за того, что это ее первый роман, местами читателю не все понятно, о чем повествует писательница. Но даже если учесть этот факт, роман интересен читателям. Вопреки тому, что роман более простой по сравнению с другими произведениями Мосян Тунсю, он все еще остается уникальным произведением с запоминающимися персонажами и сюжетом.

Необходимо также уделить внимание богатому слогу Мосян Тунсю, который она использует при написании своих произведений. Как и многие китайские авторы, Мосян Тунсю использует широкий ряд идиом и различные культурные отсылки, что, в свою очередь, создает уникальную атмосферу в произведении. Роман «Система „Спаси-Себя-Сам“ для главного злодея» не стал исключением.

Итак, разберем несколько идиоматических выражений, которые встречаются в этом произведении.

1. 腥风血雨 xīng fēng xuè yǔ – букв. ветер, пахнущий мясом (кровью), и кровавый дождь; обр. кровавый, кровопролитие, кровопролитный. Идиома произошла от стихотворения танского поэта Хань Юя «叉鱼招张功曹». В стихотворении есть такая фраза: «血浪凝犹沸, 腥风远更飘», которую можно перевести следующим образом: «Волны крови по-прежнему бушуют, и ветер, пропитанный запахом крови, становится все сильнее вдали». То есть, выражение описывает атмосферу яростного кровопролития.

Далее рассмотрим отрывок из произведения, в котором была использована идиома: «Ло Бинхэ все искуснее пользовался своими сильными сторонами..., чтобы затем отнять их власть и, взлетев к небесам, **утопить мир в крови**» [6, С. 9]. В данном фрагменте идиома была переведена фразой «утопить мир в крови», что в принципе передает заложенный автором смысл.

2. 如火如荼 rú huǒ rú tú – сверкать яркими огнями и белыми цветами; обр. в знач.: пышный; бурный, кипучий. Данная идиома происходит из книги «国语», что переводится на русский язык как «Речи царств». Данная книга – выдающийся памятник ораторского искусства Древнего Китая, в которой описаны около 300 изречений правителей царств и княжеств X–V вв. до н. э., составленные благодаря конфуцианской идеологии.

万人以为方阵, 皆白裳, 白旗, 素甲, 白羽之矰, 望之**如荼**。.....左军亦如之, 皆赤裳, 赤旗, 丹甲, 朱羽之矰, 望之**如火**。

«Десять тысяч воинов, [находившихся под командованием военачальника], построившись, образовывали квадрат. [В средней армии] все воины были в белой одежде, имели белые флаги с изображением драконов, белые

латы и стрелы с оперением из белых перьев, поэтому при взгляде издали они напоминали **метелки тростника**. ...Левая армия была построена таким же образом, но все воины были в красной одежде, имели красные флаги с изображением соколов, красные латы и стрелы с оперением из красных перьев, поэтому при взгляде издали они **напоминали огонь**» [7, С. 280].

На основе этого, последующие поколения сформировали идиоматическое выражение. 如火如荼 – это очень часто употребляемая идиома, которая выражает накал событий и скорость развития, и может использоваться для описания самых разных видов деятельности и состояний, таких как работа, учеба или повседневная жизнь. Идиому можно использовать, чтобы выразить свои стремления и придать больше красок жизни.

В романе Мосян Тунсю идиома представлена следующим образом: «Тем временем Шэнь Цинцю расхаживал по комнате, а в его мозгу **вовсю кипел** процесс ускоренной политинформации» [6, С. 25].

3. 心灰意冷 xīn huī yì lěng – дословно можно перевести как «печаль в сердце, холодные мысли», что буквально означает «прийти в отчаяние, пасть духом». Данная идиома берет свое начало из романа У Чэнхэя «Путешествие на запад» – один из четырех великих классических романов китайской литературы.

因此上怪他每每不听我说, 故我**意懒心灰**, 说各人散了。

«А учитель никогда не хотел слушаться моих советов. Вот за это я и зол на него. Теперь у меня **пропал всякий интерес к этому делу**. Поэтому я и предложил каждому пойти своей дорогой» [8].

В романе «Путешествие на запад» было использовано словосочетание 意懒心灰, которое является синонимичным к 心灰意冷. На этом примере можно отметить, что рассматриваемая идиома означает быть подавленным и разочарованным. Она описывает человека, который крайне расстроен и потерял желание добиваться каких-либо результатов.

В «Системе „Спаси-Себя-Сам“ для главного злодея» идиома используется так: «Молодые люди **пришли в полное отчаяние** и Ваньюэ решила на признание...» [6, С. 159].

Позволим себе сделать вывод о том, что идиомы, которые использовались в классических произведениях, продолжают активно использоваться в современных романах, однако при переводе на другой язык невозможно передать все тонкости китайского языка, поэтому зарубежные читатели зачастую не знают об этом.

4. 一日千里 yī rì qiān lǐ – тысяча ли в день; обр. гигант-

скими, семимильными шагами; чрезвычайно быстро. Фраза происходит из книги «Чжуан-цзы» главы 17 под названием «Осенний разлив».

騏驎骅骝一日而驰千里，捕鼠不如狸狌，言殊技也。

«Скакун Хуалю пробежал за день тысячу ли, но в ловле мышей он, конечно, не сравнится бы с дикой кошкой, – стало быть, у этого животного были свои особые способности» [9].

Изначально выражение «тысяча ли в день» использовалось для описания быстро бегущей лошади, но позже оно стало использоваться как метафора для быстрого развития. Отрывок из романа «Система „Спаси-Себя-Сам“ для главного злодея», где была использована данная идиома: «Если ты избереешь этот путь, то, что сокрыто в твоём теле, позволит тебе ... **продвигаться с головокружительной быстротой** и вознестись надо

всеми людьми – это отнюдь не пустые слова!» [6, С. 193].

В этом случае идиома как раз была использована для того, чтобы подчеркнуть то, как стремительно будут развиваться способности главного героя, если он выберет путь демонического совершенствования.

Заключение

В китайских романах идиомы играют важную роль, поскольку они не только обогащают язык произведений, но и позволяют глубже понять особенности культурного контекста. На примере исследования романа Мосян Тунсю «Система „Спаси-Себя-Сам“ для главного злодея» можно сделать вывод, что использование идиом позволяет авторам более выразительно передать мысли и эмоции персонажей, а также отразить национальные традиции и философские идеи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жандарова А.В., Семенова С.Н., Тертычко Д.Д. Значение идиом в современных китайских романах // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 1-1. – С. 113-117. – DOI 10.37882/2223-2982.2024.01.08.
2. Жандарова А.В., Семенова С.Н., Тертычко Д.Д. Элементы традиционной китайской культуры в современной литературе Китая жанра фэнтэзи (на примере произведения Мосян Тунсю «Благословение небожителей») // Русский лингвистический бюллетень. – 2023. – № 1(37). – DOI 10.18454/RULB.2023.37.34.
3. Вашкявичус В.Ю., Павлова О.В. Проблемы перевода китайских фразеологических единиц в дискурсе художественной литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – №. 12. – С. 304–307.
4. Колгушкина С.А., Колгушкин Т.Я. Основные способы перевода образной фразеологии на примере сравнения идиом английского, китайского и русского языков // Известия института педагогики и психологии образования. – 2021. – № 4. – С. 16–20.
5. Метелкина А.А. Чэньюй: их значимость при изучении китайского языка // Редколлегия. – 2023. – С. 322.
6. Мосян Тунсю. Система «Спаси-Себя-Сам» для Главного Злодея. [перевод с китайского Е. Сойкиной (Псой) и О. Сойкиной (Сысой)]. – М.: Эксмо, 2024. – Т. 1. – 416 с.
7. Го юй. Речи царств / Пер., вступление (стр. 3–22) и прим. В.С. Таскина. Отв. ред. М.В. Крюков. – М.: Наука (ГРВЛ). – 1987. – 472 с.
8. У Чэн-энь. Путешествие на запад. Перевод с китайского А.П. Рогачева. М.: Азубка-Аттикус, 2024. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litres.ru/book/u-chen-en/puteshestvie-na-zapad-tom-1-71022382/> (дата обращения: 6.11.2024).
9. Чжуан-цзы. Перевод В.В. Малявина. М.: Мысль, 1995. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litres.ru/book/chzhuan-czy/chzhuan-czy-68692107/> (дата обращения: 6.11.2024).

© Жандарова Анна Витальевна (vi_ri@mail.ru), Семенова София Новиковна (sofiya.semenova75@yandex.ru), Тертычко Дарья Дмитриевна (dashatertychko24@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ КИНО КАК СРЕДСТВА МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

FEATURES OF CINEMA AS A MEANS OF MEDIA COMMUNICATION

E. Kalakutskaya

Summary: The article examines the features of cinema as a means of media communication. It is noted that cinema has become not only a tool of assimilation and adaptation, but also a geopolitical struggle aimed at the formation of ideology. The functions of cinema as a means of media communication are highlighted. Examples of cinema communication with the audience are given. It is concluded that the features of cinema as a means of media communication should be considered the performance of media functions (informational, impact on society, cultural, entertainment), focus on both society as a whole and on individual reference groups, a social component, which essentially includes interaction with audiences, the ability to influence mass consciousness, on the one hand, to show different aspects of the problem, on the other, to initiate participants to action (check information).

Keywords: cinema, media communication, society, information, globalization, influence, mass consciousness.

Калакутская Екатерина Андреевна

Самарский национальный исследовательский университет имени С.П. Королева
katekalakutskaya@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются особенности кино как средства медиакоммуникации. Отмечено, что кино стало не только инструментом ассимиляции и адаптации, но и геополитической борьбы, направленной на формирование идеологии. Выделены функции кино как средства медиакоммуникации. Приведены примеры коммуникации кино с аудиторией. Сделан вывод о том, что особенностями кино как средства медиакоммуникации следует считать выполнение функций медиа (информационной, воздействия на общество, культурологической, развлекательной), направленность как на социум в целом, так и на отдельные референтные группы, социальная составляющая, в сущности, которой заложено взаимодействие с аудиториями, способность влиять на массовое сознание, с одной стороны, показывать разные аспекты проблемы, с другой, инициировать участников к действиям (проверять информацию).

Ключевые слова: кино, медиакоммуникация, социум, информация, глобализация, влияние, массовое сознание.

Современное общество характеризуется глобальностью, технологическим развитием и информационной открытостью, что оказывает существенное влияние на формирование окружающей среды [3].

В глобальном обществе кино по-прежнему остается популярным видом искусства и мощным средством влияния в системе медиакоммуникации. С одной стороны, осваиваются новые технологии, гаджеты, с другой, - кино постоянно привлекает новых зрителей за счет традиционной продукции. Если раньше создателям кино удавалось реализовывать проекты текстового формата в синтезе с динамическими действиями персонажей, далее было добавлено звуковое сопровождение и цвет, переориентация на ценности и смыслы, то современные киноавторы имеют в своем арсенале огромный выбор технологий, начиная с воспроизведения и заканчивая успешной генерацией идей с помощью искусственного интеллекта. По сути, кино развивалось как пространственное медиа и первоначально было ориентировано на экстенсивное развитие и массовое влияние посредством трансляции выгодной информации, навязывания ценностей, картины мира, удобной для государства [4]. Тем самым кино стало не только инструментом ассимиляции и адаптации, но и геополитической борьбы, направленной на формирование идеологии.

Основными функциями кино как средства медиаком-

муникации Г. Лассуэл и К. Райт считают:

- информационную (возможность узнать что-то новое, проверить информацию, мотивация на чтение книги после просмотра кино или наоборот);
- функцию воздействия на общество (формирование общественного сознания, мнения, социальных стереотипов, оценка нравственно-эстетической реальности);
- передачу культурного наследия (ретрансляция культурно значимой информации, сохранение культурного кода);
- развлекательную (отдых, общие интересы, создание иллюзии реальной жизни, эффекта присутствия, проживание жизни и эмоций героя) [7].

Такая позиция свойственна современным исследованиям. В работе М. Маклюэн отмечается, что специфика кино состоит в воздействии на глубинное сознание. Е.Н. Басовская, Т.А. Воронцова отмечают, что для медиакоммуникации конечным результатом можно считать силу общественного влияния, направленную на социальные институты и массовую аудиторию. Тем не менее нельзя отрицать коммуникационной активности любого медиасредства – кино стремится сформировать интерес аудитории, сделать свой продукт значимым. Лысенко

По мнению М.И. Жабского, кино как институт имеет социальную основу, что само собой предполагает общение людей посредством художественного языка и удов-

летворения ряда потребностей – познавательных, эмоционально-эстетических, личностных и др. [2]. С точки зрения социологического подхода, кино выполняет прежде всего социальные функции, участники кинопроизводства и зрители не могут существовать отдельно – это всегда двусторонний процесс взаимодействия (потребности, оценки, предпочтения, тенденции, отзывы) [5].

Если обратиться к социальной сути коммуникации (включая массовую), то наиболее значимые функции по отношению к социальному целому являются: наблюдение окружающей среды, выявление взаимоотношений общества и окружающей среды, передача социальных знаний последующим поколениям. Учитывая социальную сущность, кино как средство медиакommunikации имеет особый характер восприятия коммуникативного пространства и времени.

Процесс глобализации охватывает все аспекты современной общественной жизни, в том числе и сферу культуры. Увеличение доступа разных аудиторий и референтных групп к различным каналам коммуникации способствовало формированию системы идей, взглядов, образов. Медиа делают аудитории участниками различных процессов (социальных, политических, культурных, рыночных). При этом меняется не только сам товар или услуга, но и принципы их потребления – особую роль здесь приобретают информационный продукт, его преподнесение обществу [8].

Ярким примером можно считать Голливуд, который технологически, коммуникативно и рыночно значительно превосходит все остальные мировые среды развития кино как искусства (А.В. Болдырев, С.Н. Магнитов, О.Н. Четверикова) [1]. Глобализация выявила новую проблематику содержания вопросов изменения социальных функций кино, сохранение национальных традиций и его существование как феномена национальной культуры.

С другой стороны, усиление влияния кино, его трансформация как средства медиакommunikации и дальнейшая эволюция зависит от смысловой составляющей развития общества. Во-первых, кино – это отражение коллективной памяти (исторические, документальные фильмы, художественные фильмы исторического характера) и деятельности общества в целом (фильмы о борьбе с преступностью, социальных проблемах, отдельных аспектах политической, экономической жизни населения и государства), например, «Однажды в Америке», «Унесенные ветром». Во-вторых, ценностное и смысловое наполнение кино может быть направлено как на отдельные референтные группы (социальные, возрастные, по увлечениям). Например, фильм «Комбинат «Надежда»», повествующий о жизни в самом северном городе России – Норильске. Молодежь проводит свободное от

работы время на тусовках в сауне и пикниках на окраине города, среди ржавых труб и остатков природы. Многие пытаются вырваться оттуда во что бы то ни стало и куда угодно. Основные причины – депрессивные настроения, нежелание молодых людей повторять судьбу своих родителей, несбывшиеся мечты и отсутствие развлечений, которые могли бы у них, живя они в другом городе. Данный фильм не получил широкого проката, однако сценаристу удалось привлечь внимание зрителей на социальную проблему молодежи в таких городах.

В зарубежном кинопрокате можно отметить сериал «Прослушка», который рассказывает о реальных событиях борьбы полиции с бандами, описание их жизни, мотивов преступлений, борьбы за власть. Несмотря на дату выхода 2002-2008 гг., тема не утратила свою актуальность, а становится все более значимой. Каждый сезон, как глава большого романа, фокусируется на новом аспекте жизни Балтимора - от наркотрафика до образовательной системы, порта и влияния СМИ, показывая, как все эти элементы переплетены в единой социально-экономической системе. Запоминающими деталями становится крик «5:0», извещающий банды о приближении полиции, или постоянно возникающий вопрос – почему у банд такие огромные внедорожники, хотя их водители могут быть не такими крупными физически. Прочитав дополнительную информацию, можно узнать, что наиболее любимы у членов банд эскалейды, поскольку имеют вместительный салон, позволяющий решать вопросы «на месте» (в поле), проезжая по точкам, а также вместительный багажник, необходимый для транспортировки товаров и похищения людей прямо с улицы. Создатели сериала детально проработали каждую историю, давая зрителям весь спектр мнений и охватывая широкий круг социальных проблем. Среди них нет стереотипного или обратного деления на «хороших» и «плохих». В сериале настоящее зло – это наркотики, с которыми, порой самым неожиданным образом, оказывается связан весь город: от школ до мэрии с помощью паутины денег через развязки сфер влияния. Именно с наркотиками связаны самые страшные эпизоды: девочка не может решить абстрактную задачу с яблоками, но на раз пересчитывает сдачу при продаже дозы, желание употребить, которое оставляет у человека только одну цель в жизни и т.д. Эти истории потрясают и оставляют горький осадок. Но для борьбы с наркотиками нужен системный подход и общие усилия разных сторон. Это исследование общества, его институтов и индивидуумов, стремящееся понять и изобразить универсальные человеческие истины.

По этой причине не стоит игнорировать целенаправленность кино на коммуникацию со зрителем. Помимо самого кино существуют рекламные трейлеры, отзывы, рецензии, сарафанное радио, где потенциальный зритель может сделать свой выбор на основании субъективных данных.

Актуализация медиакоммуникации кино заключается не только в том, что в нем интегрируется и трансформируется эмпирический материал, накопленный сценаристом, но и синтезируется через уровень компетентности рабочей команды, в задачи которой входит создание определенной социальной реальности, влияющей на сознание реципиентов, их установки и тактики поведения [6]. В российском кинопрокате сильное влияние в молодежной среде оказал фильм «Слово пацана», повествующий о молодежи в Казани начала 1989 года. Пока родители борются за выживание, подростки объединяются в уличные банды что бы контролировать буквально все, что стоит на «их» земле или передвигается по ней. Среди всеобщей нищеты — четкие правила жизни, поддержка и слово пацана, которое сильнее клятвы. Многие еще помнят обои, кухонную утварь, щелястые окна. Шапки, свитера с узорами, куртки и спортивные костюмы, желтые автобусы, холодные в мороз. Достаточно достоверно воссоздана атмосфера: социальное расслоение, неопределенность, обыденная жестокость. Закон не уравнивает людей, а работает на сильнейших. Влияние на современную молодежь: молодому поколению близки метания героев. Сегодня дети растут в куда более рафинированных условиях и не до конца понимают, во что играют. Сериал не романтизирует пацанство, однако появляются десятилетние «Искандеры» и «Маратики», которые еще не понимают, но уже подражают.

Понимание и истолкование восприятия видеоизменяется от поколения в поколение, что влечет за собой модернизацию технологий и реальности с целью захвата и удержания внимания. Часть аудитории благодаря глобальной цифровизации сразу отправляется проверять информацию, представленную в кинопродукте. В качестве примера можно назвать «Отель Руанда», повествующий об ухудшающейся политической обстановке в Руанде в 1994 г. В бывшей бельгийской колонии нарастает напряжение между двумя населяющими страну народами - тутси и хуту. Представители второй народности начинают без разбору убивать всех, кто, как они считают, принадлежит к первой. Пол - управляющий престижным отелем в столице Руанды пытается укрыть в его стенах как можно больше людей. При поиске отзывов и рецензий аудитории доступна информация из Википедии, оригинальных источников, архивов. Целенаправленный поиск дополнительной информации дает следующие результаты:

- официальным днем начала столкновений стал 6 апреля 1994 года – геноцид в Руанде;
- классовое различие между хуту и тутси: первые занимаются земледелием, вторые – скотоводством, обоим кланам нужна земля;
- в 1884 году на Берлинской конференции было принято решение передать территорию будущей Руанды-Урунди Германской империи, немцы считали, что тутси пришли в Руанду из Эфиопии, по-

этому они ближе к европеоидам и, следовательно, имеют расовое превосходство над хуту и лучше подходят для службы властям. Последующие нападения, вооруженные столкновения связаны с борьбой за власть и землю;

- сценарист Кейр Пирсон писал первую версию сценария больше года. Во время работы над текстом он позвонил в Посольство Руанды в США. Женщина, которая сняла трубку в посольстве, оказалась тутси, которая выжила, спрятавшись в отеле Миль Колин.

Как видно, данная аудитория в большей степени ориентирована на коммуникацию, средствами которой уже является не только кино, но и другие информационные источники.

Вторая часть зрителей не стремится ничего проверять и воспринимает кинопродукт как есть, добавляя и искажая собственными суждениями, установками, мотивами и передавая последующим поколениям.

В результате можно наблюдать увеличивающийся приоритет медиа над традиционными ценностями, цифровизацию общества, которая приводит к пониманию истинной реальности окружающей действительности и трагичности ситуации в условиях социальной дифференциации. В качестве примера можно привести мини-сериал «Ломка» (2021), сериал «LandMan» (2023-2024).

В первом сериале идет противопоставление богатых, врачей и всего населения США на основе реальной истории.

В Америке о семье Саклеров, вреде ОхуContin и последствиях злоупотреблении обезболивающими сейчас говорят все. Ежедневно в США погибают от передозировки опиоидами 142 человека. Например, в 2016 году число жертв ДТП и огнестрельных ранений в совокупности уступило количеству погибших от побочных эффектов опиоидов. В 2019 году компания Purdue Pharma обанкротилась после многочисленных судебных разбирательств и многомиллиардных исков. В фильме аристократы Саклеры ради собственной выгоды подкупали врачей подарками, убеждали их удваивать дозы опиоидных обезболивающих, даже если у пациента всего лишь болит голова. Один из владельцев считал, что боль стала главной проблемой человечества в 1990-х годов, потому что депрессию и тревогу вылечили в 1980-х с помощью транквилизаторов. Он считал и верил, что может спасти Америку от боли. Искренними же мотивами было превзойти своего дядю – основателя фармацевтической компании. Стоит отметить, что именно Ричард Саклер разработал концепцию свободного рецепта, когда врачи могли выписывать препарат в любой дозировке даже при слабой хронической боли. Трагичность данной исто-

рии такова, что заставляет задуматься о том, насколько оправдан прием сильных обезболивающих препаратов и насколько население зависимо от фармацевтических компаний. Стоит отметить и неспособность отдельных групп самостоятельно справиться с обычной головной болью, стрессом – получение рецепта от врача на таблетки кажется намного легче, чем самостоятельно справиться. Однако для подавляющего большинства американцев проблема состоит в наличии медицинской страховки. К примеру, если у человека мышечный спазм и достаточным будет физиотерапия, предусмотренная страховкой, то на эту процедуру требуется одобрение страховой компании, что приводит к временным затратам. Однако таблетки могут выписать без труда все врачи.

Другой причиной является то, что США и Новая Зеландия – единственные страны, где разрешена телереклама рецептурных препаратов, соответственно, люди верят рекламе и считают это правдивой историей исцеления. Однако самое сильное влияние оказывает продвижение продукции фармацевтические компании врачами – это считается нормальной практикой, когда врачам оплачиваются конференции, бесплатные ужины, поездки.

Во втором представлены две социальные группы – богатые и рабочие – нефтяники – в общей массе неквалифицированные наемные работники из Мексики, живущие в Техасе и занятые на обслуживании и бурении нефтяных скважин. Более образованные работают бригадами. От лица главного героя рассказывается история освоения нефти в Техасе, кто здесь работает, почему

именно этот контингент. Кроме того, раскрываются такие детали, как денежные компенсации семьям погибших работников. Становится понятным, что семьям не выиграть у корпораций, поскольку работник нарушил технику безопасности. Также акцентируется внимание на том, что подписание документов должно быть быстрым, чтобы семьи не успели пообщаться с другими юристами.

В обоих случаях зритель имеет место, с одной стороны, с достаточной «проверенной» информацией (информацию дает квалифицированный специалист – врач, юрист), с другой, – недостаток информации и нежелание ее проверить, уточнить вследствие недостатка образования, незнания языка, нежелания разобраться в официальных предложениях и возможных последствиях, что приводит к отсутствию сопротивления внешнего влияния.

Таким образом, особенностями кино как средства медиакоммуникации следует считать:

- выполнение функций медиа (информационной, воздействия на общество, культурологической, развлекательной);
- направленность как на социум в целом, так и на отдельные референтные группы;
- социальная составляющая, в сущности, которой заложено взаимодействие с аудиториями;
- способность влиять на массовое сознание, с одной стороны, показывать разные аспекты проблемы, с другой, инициировать участников к действиям (проверять информацию).

ЛИТЕРАТУРА

1. Басовская Е.Н. Фатическая составляющая современного медиатекста (на материале кинорецензий) / Е.Н. Басовская, Т.А. Воронцова // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 2. С. 68–77.
2. Жабский М.И. Глобализм и функции кино в обществе // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2005. № 4 (42). С. 47.
3. Лысенко М.В. Особенности коммуникации современных медиаресурсов с аудиторией / М.В. Лысенко // Colloquium-journal. 2019. № 14–4 (38). С. 115–117.
4. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2023. 464 с.
5. Мартыненко Т.С. Кино как предмет социологического анализа: особенности современного кинематографа // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. №2. С. 120-139.
6. Ниязмухаммедов К., Мухамметбердиев М., Чарыев Дж. Коммуникации в кино и телевидении: развитие и перспективы роста // Вестник науки. 2023. №2 (59). Т. 1. С. 207-208
7. Новикова А.А. Сериал как инструмент социокультурного воздействия // Большой формат: экранная культура в эпоху трансмедийности. Т. 3. М., 2018. С. 129.
8. Хвалько Д.Т. Медиа как средства коммуникации // Актуальные исследования. 2022. №29 (108). С. 32-35.

© Калакутская Екатерина Андреевна (katekalakutskaya@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КАТЕГОРИЯ ОШИБКИ В ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО И РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО

Качанова Анна Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент, Московский
городской педагогический университет
AnjaLioutaja@yandex.ru

Сабурова Светлана Викентьевна

кандидат педагогических наук, доцент, Московский
городской педагогический университет
Svetlana.saburova@rambler.ru

THE CATEGORY OF ERROR IN THE STUDY OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AND RUSSIAN AS A NON-NATIVE LANGUAGE

**A. Kachanova
S. Saburova**

Summary: Russian mistakes in learning Russian as a foreign language are caused both by the difficulties of the system and structure of the Russian language, and by the interfering influence of the native language of the learner. This article examines a set of significant issues related to the category of errors in learning Russian as a foreign language and as a non-native one. The authors propose to consider the terminological apparatus of this issue and pay special attention to the concept of interference. In this study, the task is to analyze the classifications, types, and types of errors in the scientific literature. When considering this issue, Kachanova A.A. and Saburova S.V. deal with problems of a psycholinguistic nature of the category of errors and consider errors of a multi-level nature, which is included in the objectives of the work. A comprehensive description of ways to correct errors and the development of methodological recommendations for the formation of literate oral and written speech can become a perspective of the study. Successful mastery of Russian as a foreign language is determined by the prognosis, taking into account typical phonetic, grammatical and lexical errors and determining the optimal ways to overcome them. Russian Russian as a foreign language is practiced with a number of typical mistakes, the identification and classification of which is a very important task for the adequate teaching of the Russian language to foreigners. Russian Russian as a foreign language is also considered to be an urgent problem of accounting, analysis and systematization of typical mistakes of students studying Russian as a foreign language due to an increase in the number of foreigners studying Russian as a foreign language.

Keywords: genre error, interpretative error, interference, category of error, Russian as a foreign language, Russian as a non-native language, syntactic errors, image of the world, pragmatics, psycholinguistics, Russian as a foreign language, Russian as a non-native language, syntactic errors.

Аннотация: Ошибки в изучении русского языка как иностранного обусловлены как трудностями системы и структуры русского языка, так и interfering влиянием родного языка изучающего. В данной статье рассматривается комплекс значимых вопросов, посвященных категории ошибки в изучении русского языка как иностранного и как неродного. Авторы предлагают рассмотреть терминологический аппарат данного вопроса и особое внимание уделить понятию интерференция. В настоящем исследовании ставится задача проанализировать классификации, типы, виды ошибок в научной литературе. При рассмотрении данного вопроса Качанова А.А. и Сабурова С.В. касаются проблем психолингвистического характера категории ошибки и рассматривают ошибки разноуровневого характера, что входит в цели работы. Перспективой исследования может стать комплексное описание путей исправления ошибок и разработка методических рекомендаций становления грамотной устной и письменной речи. Успешное овладение русским языком как иностранным определяется прогнозированием, учетом типичных фонетических, грамматических и лексических ошибок и определением оптимальных путей их преодоления. В практике обучения русскому языку как иностранному встречается целый ряд типичных ошибок, выявление и классификация которых представляются весьма важной задачей для адекватного обучения русскому языку иностранцев. Кроме того, актуальность проблемы учета, анализа и систематизации типичных ошибок студентов, изучающих русский язык как иностранный обусловлена увеличением контингента иностранцев в качестве изучающих русский язык как иностранный.

Ключевые слова: жанровая ошибка, интерпретационная ошибка, интерференция, категория ошибки, образ мира, прагматика, психолингвистика, русский язык как иностранный, русский язык как неродной, синтаксические ошибки.

Введение

В настоящее время многие исследователи интересуются проблемами специфики изучения русского языка как иностранного и русского языка как неродного. Так, например, Мустайоки А. в своих работах рассуждает о функциональном подходе к описанию языка, его истории и многочисленных возможностях применения этого подхода в преподавании русского языка как

иностранного и русского языка как неродного. Кустова Г.И. в трудах пишет о проекте «Русская корпусная грамматика». Опираясь на материалы Русского национально-го корпуса, с одной стороны, и достижения типологии и теоретической русистики последних лет, с другой, участники проекта создают активную русскую грамматику – систему правил, позволяющих порождать грамматические высказывания, осуществлять выбор той или иной из конкурирующих форм и адекватно понимать тексты,

созданные на русском языке. Воейкова М.Д. делится наблюдениями над особенностями употребления русского глагольного вида в сослагательном наклонении и этой теме посвящены многочисленные научные статьи ученого. Алпатов В.М. пишет о различных вариантах описания русской грамматики, основывающихся на англоязычном и русскоязычном подходах к языку. В работах Томмола Х. представлены результаты сопоставительных и типологических наблюдений над русской грамматикой. Это не исчерпывающий список проблемных вопросов, связанных со спецификой изучения русского языка как иностранного и русского языка как неродного.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования стали научные статьи многих российских и зарубежных исследователей. Методами эмпирического уровня данной статьи явились: описание материала научных статей, рассматриваемых в настоящей работе, а также сравнение научных концепций российских и зарубежных ученых мирового уровня.

Белым пятном в академических кругах и среде педагогов-практиков остается вопрос о сущности русского языка как иностранного и русского языка как неродного потому как возникает явная терминологическая проблема. Связано это с весомым количеством определений подтипов многоязычия. Одной из причин необходимости переосмысления терминов (государственный язык, родной язык, неродной язык, иностранный язык, мировой язык) явилось изменение геокультурного статуса русского языка и внимание к социокультурным проблемам функционирования его в различных лингвокультурных пространствах [1]. Исследователь Громова Л. в своих научных статьях рассуждает над вопросами искусственности термина русский язык как неродной, об изменении лингвокультурного пространства, о неоднозначности терминологии в рассматриваемой области вне РФ, а также о трактовках двуязычия эпохи зарождения исследований в СССР. Изучив авторские работы, приходим к выводу о том, что термин *русский язык как неродной* мы будем использовать, когда речь идет о статусе русского языка для мигрантов из бывших республик СССР / стран с иным, нежели русский, государственным языком, проживающих в русскоязычной среде. Термин *русский как иностранный* введем в текст данной статьи, когда речь идет о языке представителей стран, в которых русский язык никогда не являлся одним из государственных.

Необходимо отметить, что в науке ведется плодотворная работа в области использования текстовых технологий, электронных средств в преподавании русского языка как иностранного и русского языка как неродного, этноориентированное обучение русскому языку, повышения культуры устной и письменной речи иностранных учащихся. Уделяется пристальное внимание вопросам лингвокультурной адаптации в процессе обучения рус-

скому языку, проводятся исследования социокультурного компонента содержания обучения русскому языку как иностранному, рассматриваются вопросы дистанционного обучения в преподавании русского языка как иностранного и русского языка как неродного. В настоящем исследовании нами будет рассмотрен вопрос роли и специфике категории ошибки в изучении русского языка как иностранного и русского языка как неродного.

Анализ ошибок, их изучение и классификация проводятся не только в повседневной практике преподавателя русского языка как иностранного, но и осмыслены учеными-лингвистами. Так, например, исследователь Беженарь О.А. в своих размышлениях обращает внимание на то, что ошибки, вызванные интерференцией, приводят к самым разнообразным языковым ошибкам учащихся разных уровней знания русского языка как иностранного, и систематизирует эти ошибки:

- неразличение на слух и в произношении твердых и мягких согласных;
- неразличение глухих и звонких согласных;
- использование интонации родного языка в речи на русском языке;
- орфографические ошибки;
- кальки и полукальки многих устойчивых словосочетаний;
- искаженный порядок слов в предложении;
- буквальный перевод там, где структуры языков не совпадают [2].

За последние пятьдесят лет наука об ошибках при изучении иностранных языков значительно продвинулась: с 70-х годов XX века появилось множество подробных классификаций ошибок иностранных учащихся. Вышли в свет новые, ориентированные на русскую речь работы Протасовой Е.Ю. Эти классификации позволяют распределить ошибки в зависимости от уровня языка (фонетические, лексические, грамматические и т. д.), степени осознанности (*mistakes* и *errors*), стратегий усвоения языка (симплификация, сверхгенерализация, гиперкоррекция, техника избегания, «тупиковый ход»), причин возникновения (трансфер, или влияние родного языка, вводящий в заблуждение стимульный материал, незнание правила или его неполное усвоение, фоссилизация и т.д.). В настоящее время в научной литературе существует разнообразная типология ошибок. Так, например, исследователь Кремницкая Л.С. в своих научных разработках подробно рассматривает вопрос типологии ошибок у иностранных учащихся и предлагает следующую классификацию ошибок:

- по причинам их возникновения (возникла ли ошибка случайно, спонтанно или говорящий считает правильным сказанное);
- лексическая ошибка (неправильное использование словарного запаса);

- фонетическая (неправильное произношение слова) и фонологическая ошибка (подмена звука русского языка на звук родного языка учащегося);
- синтаксическая ошибка (неправильное построение словосочетаний, простых и сложных предложений);
- интерпретационная ошибка (неправильное понимание значения слов);
- морфологическая (связанная с ненормативным образованием форм слов и употреблением частей речи);
- прагматическая ошибка (неумение использовать правила разговора).

Речевые ошибки также можно систематизировать как продуктивные (в устной и письменной речи говорящего) или рецептивные (когда происходит недопонимание смысла речи говорящего).

Некоторые методисты говорят о необходимости различать ошибки двух видов:

- случайные (они появились из-за невнимательности или усталости);
- закономерные (допущенные по причине недостаточности знаний).

Во второй ситуации появление ошибок можно зафиксировать в результате двух причин. Первая – это влияние родного языка, когда иностранный учащийся проецирует грамматические и лексические структуры, а также произношение родного языка на изучаемый им русский язык. Вторая причина является следствием того, что учащимися еще не в полной мере усвоены новые грамматические правила. В подобных случаях в результате изучения русского языка такие ошибки будут исчезать [3].

Однако до сих пор общепринятой считается традиционная классификация – аспектная (уровневая) и «тематическая»: ошибки, связанные с неверным употреблением и образованием падежных, видовых, временных форм и т.п. Подобная мысль принадлежит исследователю Шарфутдиновой О.И. Позволим с ней полностью согласиться. По мнению автора нарушения грамматических норм в речи иностранных учащихся связаны как с языковой системой, так и с современными речевыми образцами. Трудности возникают в случае несоответствия языковой системы, описание которой представлено в учебниках, и речевых образцов, которые учащиеся воспринимают в живой разговорной речи.

Рассуждая о категории ошибки в изучении русского языка как иностранного и русского языка как неродного, необходимо обратить внимание на то, что ошибки в речи иностранцев – и лексические, и грамматические – представляют интерес и с точки зрения столкновения образов мира, воплощенных в разных языках. Речь идет о языковой картине мира носителя языка и культуры. В

связи с этим встает вопрос о таких принципах классификации грамматических ошибок в речи иностранцев, которые позволили бы отразить систему представлений о мире, не укладывающихся в грамматическую структуру, модель изучаемого языка. Отчасти этот вопрос решается в многочисленных работах психолингвистического характера. Психолингвистика стала первым шагом на пути обращения методики преподавания русского языка как иностранного к вопросам особенностей работы речевого механизма, его место в схеме речепроизводства, вопросам внутренней структуры и внешней реализации речи. Методисты изучили трудности процесса порождения речи на неродном языке и на этой основе разработали методику обучения иностранцев говорению – как монологическому высказыванию на уровне предложения, сферхразового единства, текста, так и участию в диалогическом общении в русскоязычной среде. Глубоко вникнуть в этот вопрос помогут работы Леонтьева А.А., в которых рассматривается психолингвистическая сущность процесса овладения вторым иностранным языком, отмечаются особенности русского языка как иностранного и многое другое. О психолингвистических концепциях обучения и овладения иностранным языком рассуждал в статьях исследователь Тылец В.Г., о методике преподавания русского языка иностранцам и психолингвистике докладывала Хавронина С.А. и другие [4].

Только тогда, по нашему мнению, когда рассмотрены вопросы терминологии, классификации языковых ошибок, проблематика языковой картины мира у изучающих русский язык как иностранный и русский язык как неродной, специфики психолингвистики в теории и методики обучения русскому языку как иностранному и русскому языку как неродному, можно приступить к изучению ошибок на всех уровнях русского языка. В рамках одной научной статьи не представляется возможным раскрыть типы ошибок на всех уровнях. Остановимся на описании ошибок на синтаксическом уровне русского языка [5].

Вопросы, связанные с синтаксическим уровнем русского языка, предполагают изучение следующих аспектов. Синтаксис сложного предложения включает рассмотрение двух типов придаточных предложений с союзом что и связанным с ними ограничениям на одушевленность; особенности аккомодации по множественности и ее связи с квантификаторами в русском языке; описание союзных функций русской частицы только; результаты корпусного исследования дистрибуции времени. Исследователь Цховребов А.С. много пишет о специфике изучения русского языка как иностранного и русского языка как неродного и обращает внимание на сложноподчиненные предложения с присубстантивно-определяющей придаточной частью в аспекте русского языка как иностранного, современные тенденции развития лингводидактической теории синтаксических ошибок в речи обучающихся, синтаксических ошибках в практике преподавания русского

языка как иностранного, проблему отбора и организации грамматического материала для обучения иностранцев русскому сложному предложению [6].

В рамках рассмотрения вопроса о синтаксических ошибках и путях их преодоления необходимо рассмотреть вопрос о таком психолингвистическом явлении как графическая интерференция. Этот вопрос можно рассматривать на материале ошибок, совершаемых иностранцами при составлении письменных текстов на русском языке [7]. При перекодировании зрительно воспринятой информации в звуковую происходит интерференция в пространстве акустико-артикуляторных признаков, в результате чего при зрительном распознавании последовательностей букв, обозначающих фонетически сходными звуками, возникает большее число ошибок, чем в том случае, когда последовательности состоят из резко различных звуков [8].

Синтаксические ошибки в устной речи или письменной речи иностранцев затрудняют коммуникативный акт. Углубленное и осмысленное изучение грамматики

русского языка поможет повысить грамотность [9,10].

Выводы. Одним из важных вопросов, требующих рассмотрения в рамках описания проблематики статьи, стал вопрос о категории “жанровой ошибки”. Степень соответствия перевода жанровым ожиданиям и жанровым ограничениям принимающего языка может быть разной и зависит от степени влияния на жанровые характеристики переводного текста конкретных языковых средств его языковой реализации. Для описания результата переводческих ошибок, связанных с жанровой принадлежностью текста необходимо порассуждать над понятиями “жанровая деформация”, “жанровый сдвиг”, “жанровое смещение”. При анализе речевых ошибок в тексте перевода следует рассматривать нарушения лексической сочетаемости, которые обусловлены ошибками в словоупотреблении, неправильным выбором слова и другие. Специфика жанровых ошибок сводится не только к ошибкам психолингвистического характера, но и к ошибкам грамматического типа, что представляется возможным описать в отдельной научной статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громова Л., Кудрявцева Е. Размышления о терминологии и практике преподавания русского языка в мире: русский как иностранный, как неродной и другой родной // Альманах “Этнодиалоги” №2 (43) 2013. С. 27-40.
2. Качанова А.А., Сабурова С.В. Специфика этикетных норм речи в цифровой среде начала XXI века // Казанская наука. - 2021. - №6. - С. 33-35.
3. Качанова А.А., Сабурова С.В. Специфика этикетной нормы письменной речи студентов вузов в онлайн общении // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки – 2021. - № 9. – С.150-153.
4. Kachanova A.A., Saburova S.V. Fabrizio V. Written communication of undergraduate students, lecturers and non-teaching employees with Russian as a native language // Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya. - 2022. №5 (96). С. 287-290.
5. Качанова А.А., Сабурова С.В. Применение фразеологизмов при формировании речевой культуры русского языка у школьников // Современное педагогическое образование. 2023. №9. С.281-284.
6. Качанова А.А., Сабурова С.В. Недостатки человеческого характера и их воплощение в русских и итальянских фразеологизмах // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. №4. С.144-147.
7. Муравьева С.Н. Некоторые данные о распознавании букв (на материале тахистоскопических опытов с триграммами). – В кн.: Вероятностное прогнозирование в речи. М., 356 с.
8. Тумакаева Ф.А., Струкова Т.А. Типизация речевых ошибок англоговорящих студентов на занятиях по РКИ // Преподавание русского и иностранных языков в неязыковых учебных заведениях: материалы межвузовской научно-практической конференции. – Воронеж: Научная книга, 2008. – 214 с.
9. Кодухов В.И. Введение в языкознание. М.: Просвещение, 1987. 288 с.
10. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика Пресс, 1994. 247 с.

© Качанова Анна Алексеевна (AnjaLioutaja@yandex.ru), Сабурова Светлана Викентьевна (Svetlana.saburova@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАГМОНИМЫ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

PRAGMONYMS IN ADVERTISING DISCOURSE

S. Kletskaia

Summary: The article is devoted to the study of pragmonyms in advertising discourse, identifying their functional and pragmatic properties at various language levels. Phonetic-graphic, lexical-semantic and syntactic techniques used to enhance manipulative impact are considered. Attention is paid to the role of euphemization, incentive and interrogative constructions in forming the audience's interest. Based on the comparative analysis, conclusions are made about the meaning of the pragmonym as a sign core of the advertising message. The results can be useful for specialists in the field of advertising, linguistics and communication.

Keywords: advertising discourse, pragmonyms, functional pragmatics, euphemization, manipulation, lexical-semantic strategies, syntactic techniques.

Клецкая Светлана Ильинична

кандидат филологических наук, Южный федеральный университет
sikleckaja@sfedu.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию прагмонимов в рекламном дискурсе, выявлению их функционально-прагматических свойств на различных языковых уровнях. Рассматриваются фонетико-графические, лексико-семантические и синтаксические приёмы, применяемые для усиления манипулятивного воздействия. Уделяется внимание роли эвфемизации, побудительных и вопросительных конструкций в формировании интереса аудитории. На основе сравнительно-сопоставительного анализа сделаны выводы о значении прагмонима как знакового ядра рекламного сообщения. Результаты могут быть полезны для специалистов в области рекламы, лингвистики и коммуникации.

Ключевые слова: рекламный дискурс, прагмонимы, функциональная прагматика, эвфемизация, манипуляция, лексико-семантические стратегии, синтаксические приёмы.

В современных условиях обилия товаров и услуг реклама становится одним из наиболее существенных инструментов маркетинговых коммуникаций. Языковая составляющая рекламного сообщения оказывается важной для привлечения и удержания внимания потенциальных клиентов. В частности, роль имен собственных — так называемых «прагмонимов» — сильно возросла, поскольку именно они маркируют торговые марки и бренды, формируют социально-культурные смыслы, влияя на восприятие аудитории. Между тем специфика функционирования прагмонимов в структуре рекламного дискурса и их влияние на сознание реципиентов требуют дополнительного исследования.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы выявить функционально-прагматические свойства прагмонимов в рекламном дискурсе на материалах различных исследований и описать, каким образом эти свойства усиливают манипулятивное воздействие на потенциального потребителя. Для этого были поставлены следующие задачи:

1. Раскрыть роль прагмонимов в рекламном тексте, охарактеризовав их место и функциональную нагрузку в разных формах рекламного сообщения.
2. Описать приёмы использования прагмонимов на фонетико-графическом, лексико-семантическом и синтаксическом уровнях рекламы.
3. Выявить основные стратегии манипулятивного и суггестивного воздействия прагмонимов в сочетании с остальными языковыми средствами рекламного дискурса.

Научная новизна данной работы заключается в интегральном рассмотрении прагмонимов как центральных элементов рекламного сообщения, детально проанализированных в совокупности с разноуровневыми лингвистическими приёмами (графическими, фонетическими, лексическими, синтаксическими), в обосновании суггестивной силы таких приёмов при их применении.

В качестве теоретической и эмпирической базы исследования послужили труды авторов, посвящённые анализу рекламного дискурса и, в частности, роли прагмонимов (имен собственных) в нём. При этом каждая из работ, использованных нами, вносит определённый вклад в понимание функционально-прагматических свойств данного вида коммуникации. Так, А.Ю. Багиян и А.Г. Моногарова [1] в своей статье освещают тему манипулятивного потенциала современной университетской рекламы, рассматривая продуктивное речевое воздействие на адресата через ценностно-оценочные установки. А.Д. Экономова [12] уделяет внимание прагматическому и лингвокультурологическому потенциалу так называемого «прагматонимикона» — совокупности названий (прагматонимов), применяемых для продвижения товаров и услуг. А.А. Макаренко [9] рассматривает прагматонимы как инструмент привлечения внимания именно в англоязычных рекламных текстах, акцентируя при этом роль графических и фонетических приёмов. Е.В. Куликова [7] акцентирует языковую специфику рекламного дискурса: она исследует, какие именно графические и синтаксические средства активизируются ради

эффективного суггестивного воздействия. Вопросами роли участников коммуникации в рекламе занимаются Я. Галло и Ф. Милляев [3], которые излагают прагматический подход к анализу различных типов речевых актов внутри рекламных сообщений. А.Ж. Кайрамбаева и Ж.Е. Атыгаева [6] в свою очередь сосредотачиваются на прагматической направленности рекламного дискурса, отражающей его социальную и лингвокультурную детерминированность. В ряде исследований (Н.И. Болотина [2], Л.А. Казанова [5]) раскрывается специфика французского и русского рекламных слоганов, это способствует сопоставительному видению коммуникативно-прагматических особенностей рекламы разных культур. А.А. Исакова [4] выделяет «рекламнопрагматический дискурс» как феномен, внутри которого варьирование прагматических признаков прямо влияет на восприятие товара. Ю.Р. Махмудова [10] рассматривает феномен эвфемизации в рекламном дискурсе, анализируя, как завуалирование негативных или «неудобных» понятий создаёт мягкое речевое воздействие. С.Н. Леденева [8] исследует функционально-прагматические свойства языковых средств рекламы, уделяя основное внимание лексическому и синтаксическому уровням. Наконец, Р. В. Чвалун и Н. И. Кизилова [11] показывают, что речеактовое варьирование — от комиссивов до реквестивов — является инструментом реализации манипулятивной стратегии в рекламе.

В ходе написания статьи применялся сравнительно-сопоставительный метод, описательно-аналитический метод, дискурсивный анализа, контекстуальный анализ.

Анализ современного рекламного дискурса, проведенный на базе ряда исследований, показал, что прагматические (от греч. «прагма» — вещь, предмет; «онима» — имя), являясь именами собственными в сфере товаров и услуг, придают рекламному сообщению существенный манипулятивный потенциал. Данный потенциал проявляется как в языковых (вербальных) структурах, так и в экстралингвистических факторах (графических, изобразительных, аудиальных). Ниже приведены основные выводы и наблюдения, полученные в ходе анализа функционирования прагматических признаков в рекламном дискурсе.

1. Прагматическая значимость прагматических признаков в рекламе

а. Концентрация внимания на марке (бренде)

В большинстве рекламных текстов прагматический признак (название продукта, торговой марки, компании) выполняет центральную роль, вокруг которой строятся лексико-семантические и стилистические приёмы [9]. Так, в известных рекламных кампаниях (например, «Greenfield», «L'Oreal», «Tide», «Chanel», «KFC») сам прагматический признак не просто номинирует товар, но и создаёт ассоциации, отвеча-

ющие актуальным социально-культурным установкам [7]. К примеру, в рекламе чая «Greenfield» эксплуатируется метафорика «зелёных полей» и натуральности, тогда как название «Chanel» традиционно связывается с роскошью, элегантностью, изысканным стилем.

б. Создание уникального «имиджа» товара

Прагматические признаки могут содействовать формированию у реципиента особых ценностных установок: когда маркируется не только продукт, но и идеалы, с ним связанные [5]. В пример можно привести «Nike», где прагматический признак ассоциируется с динамикой, достижением цели, постоянным движением вперёд. Такое культурное кодирование свойственно именно прагматическому, который через звучание, орфографию, графический образ может транслировать положительные эмоции и обещания [12].

с. Побуждение к действию через узнаваемость

Повторяемость прагматического признака (в аудио- или видеороликах, билбордах) создаёт эффект узнавания, позволяя производителю манипулировать вниманием потребителя. Использование «звучных» прагматических признаков с яркой графической подачей (например, «Tide», «Fairy») включает механизмы суггестии, так как адресат легче запоминает ритмические, фонетически благозвучные названия [8].

2. Фонетико-графические приёмы в продвижении прагматических признаков

В ряде рекламных сообщений прагматические признаки подвергаются дополнительному фонетическому «обрамлению». Согласно исследованиям [10], звуковая фактура названий (например, «Kinder», «Colins», «Coca-Cola») способна усиливать общее впечатление за счёт созвучия согласных или повторяющихся гласных. Такая техника актуализирует эмоционально-экспрессивную составляющую и повышает шансы на запоминание.

С другой стороны, изучение печатных рекламных объявлений указывает, что графические приёмы (изменение шрифтов, прописные буквы в середине слова, стилизованные подписи, «ломаное» расположение текста) зачастую служат для дополнительного акцентирования прагматического признака. Так, для товара «Red Bull» может намеренно использоваться ярко-красный шрифт, который подчеркивает визуальный и смысловой контраст.

Популярны случаи, когда в прагматическом признаке совмещаются элементы букв и чисел (например, «4fresh», «3D White»). Подобное решение обращается к установкам «инновационности», «цифровизации», создавая впечатление технологичности продукта. Это также может поддерживаться слоганами вида «3D White – почувствуй разницу!».

3. Лексико-семантические стратегии при использовании прагмонимов

Нередко название бренда начинает выполнять функцию не только имени собственно товара, но и наименования всей категории. Примером служит «Pampers», где прагмоним (торговая марка) употребляется в речи как общий термин «подгузники». Это расширение границ лексического значения ведёт к тому, что сам прагмоним используется во вторичных (окаzionaliальных) контекстах, поддерживая престижность товара.

Для привлечения клиентов вводятся в текст выражения, формирующие «идеализированное» представление о продукте (новый, инновационный, элитный, совершенный, здоровый и т.д.). Вокруг прагмонима выстраивается поле позитивных эпитетов, зачастую гиперболизированных [11]. Например: «Совершенно новый KFC – для тех, кто ценит непревзойдённый вкус!».

В некоторых случаях негативные или противоречивые коннотации, связанные с товаром или сферой его применения, «завуалированы» через эвфемистические обороты (например, «эстетические несовершенства» вместо «жировые отложения» в рекламе средств для похудения) [6]. Употребление эвфемизмов содействует мягкому манипулятивному воздействию, когда прямое наименование нежелательно по культурным или психологическим мотивам.

4. Синтаксические модели и коммуникативное воздействие

Поскольку реклама ориентирована на побуждение к действию (купить, заказать, позвонить), в большинстве сообщений употребляются предложения с повелительным наклонением [1]. Например: «Откройте для себя идеальный вкус!», «Выбирайте счастье – вместе с Coca-Cola!». Такие конструкции напрямую апеллируют к адресату, повышая вероятность отклика.

Далее, короткие риторические вопросы («Устали от однообразия?») и контактные вопросы («Хотите узнать секрет нашей скидки?») подталкивают реципиента к мысленной самостоятельной формулировке ответа, а значит, вовлекают его в коммуникацию. Эффект интеракции усиливается, если следом идёт скрытый ответ: «Наш новый Green Light – то, что Вам нужно!».

Исследования подтверждают частое применение недостающих компонентов, парцелляции, прерывистых конструкций, восклицательных предложений [3]. Всё это помогает создавать яркую, «импульсивную» динамику речи. К примеру: «Всего три минуты. И Ваша стирка – безупречна! Tide Ultra – работает, пока вы отдыхаете!».

Рекламный дискурс стремится избегать длинных и сложных предложений, чтобы не потерять внимание покупателя. Таким образом, превалируют краткие и лаконичные конструкции («Просто. Быстро. Выгодно!»). Подобная синтаксическая сжатость повышает итоговый суггестивный эффект, так как сообщение легко запоминается.

Итак, наибольшую эффективность в рекламном дискурсе демонстрирует использование приёмов разных языковых уровней. Так, сочетание благозвучия (фонетики) с игрой шрифтов (графика), с использованием экспрессивных эпитетов (лексика) и привлечением побудительных вопросов (синтаксис) обеспечивает целостное манипулятивное воздействие на аудиторию.

С точки зрения семантической и прагматической «нагрузки» прагмоним в современной рекламе не только номинирует товар, но и несёт дополнительные смысловые приращения (атмосфера эксклюзивности, инновационности, элитности). Создатели рекламы применяют метафоры, эвфемизмы, положительную оценочную лексику, выстраивают краткие вопросы и призывы, чтобы увеличить привлекательность предложений.

Исследования [2, 11] выделяют также роль межкультурных различий в восприятии отдельных звуков, символов и лексем. Рекламные агентства всё чаще вводят англицизмы для создания впечатления «модности» или «передовых технологий» (smart, ultra, premium), но одновременно корректируют их употребление в соответствии с культурными ожиданиями целевой аудитории.

Так, результаты проведённого анализа позволяют заключить, что прагмонимы как основной элемент рекламного дискурса обладают существенными функционально-прагматическими возможностями на всех языковых уровнях. Их успешное использование строится на учёте:

1. фонетико-графических особенностей названий (благозвучие, визуальная графика, шрифты),
2. лексико-семантических стратегий (обилие положительно окрашенной лексики, метафор, эвфемизмов, слоганов с «ценностной» нагрузкой),
3. синтаксических моделей (краткие, динамичные, побудительные, вопросительные конструкции).

Все указанные средства, будучи включёнными в рекламный текст, усиливают эмоционально-психологический резонанс и тем самым помогают реализации главной цели рекламы — побудить реципиента к целевому действию. Такая интеграция методов и приёмов согласуется с высказыванием авторов [4; 7; 9; 12] о том, что чем более многопланово воздействие на покупателя, тем выше итоговый коммуникативный и коммерческий эффект.

Полученные результаты указывают, что именно прагматиком в ряде случаев определяет всю стратегию рекламного дискурса: названия продуктов (товаров, брендов) не только закрепляют в сознании потребителя нужную информацию, но и часто апеллируют к положительным эмоциям (благозвучие, вызывающее впечатление «комфорта» или «безопасности»), а также к культурно значимым ценностям (элитарность, инновационность). Тем самым, подтверждается утверждение о центральной позиции прагматика при создании рекламного сообщения. Успешное именование товара — важнейшая часть брендинга, напрямую влияющая на ассоциативный ряд у адресата.

Далее, прагматики, как показал анализ, часто дополняются графическими и фонетическими приёмами: варьируются шрифты, колористические решения, используется игра букв и цифр, а также ассонанс и аллитерация (например, слоганы с повторами звуков «С», «Л», «К» и т. п.). Выявленные примеры подтверждают эффективность подобных манипулятивных ходов при продвижении товаров и услуг: экспрессивная сторона формирует дополнительный запоминающийся эффект, сохраняя при этом ассоциативный ряд, «подтянутый» к ценностям аудиторий — «модности», «доступности», «технологичности». Интересно, что неприятные на слух сочетания согласных и «жёстких» звуков (по данным фоносемантики) заметно снижают привлекательность товара. Впечатление от слова в целом складывается из характеристик составляющих его звуко-букв, т.е. фонетических и графических комбинаций. Например, названия фирм Алиса, Блик, Алекс можно считать удачными, так как, согласно данным фоносемантики, звук [л] обладает такими признаками, как 'хороший'; 'большой'; 'мужественный'; 'светлый'; 'активный'; 'красивый'; 'безопасный'; 'радостный'; 'добрый'.

Обнаруженная частотность позитивно окрашенных единиц (новый, совершенный, неизменный, выгодный и др.) согласуется с задачей рекламного дискурса — транслировать ценность товара и демонстрировать привлекательные выгоды его приобретения. Наряду с этим, метафоризация и эвфемизация (несовершенства, признаки возраста, лишние сантиметры и т. п.) обеспечивают эмоциональный комфорт для адресата, предотвращая потенциальный коммуникативный «провал» из-за резких, негативных номинаций. Также следует отметить, что стремление к созданию искусственных лексем, каламбуров и необычных названий подтверждает роль креативного контента, создающего особую атмосферу вокруг продукта.

Исследование синтаксиса рекламных текстов выявило преобладание побудительных конструкций и просительных предложений, стимулирующих контакт с аудиторией. Подтвердилась важная прагматическая

функция вопроса в рекламе: он не только «вовлекает» адресата, но и подталкивает к самостоятельному формулированию «ответа» (в виде принятия решения о покупке). Восклицательные модели, парцелляция, короткие фразы придают динамику и эмоциональную насыщенность объявлению. Краткость и односложность синтаксических конструкций, как показывают результаты, действительно обеспечивают лёгкую запоминаемость и положительную перлокуцию.

Рассмотрение применения вышеупомянутых приёмов даёт основание утверждать, что рекламный текст становится эффективнее, если автору удаётся согласовать выразительность всех уровней языка (от графической и фонетической фактуры до подборки ключевых слов и синтаксических паттернов). Трансляция скрытых смыслов, эмоциональных сигналов, культурных кодов помогает установлению более тесной связи между рекламодателем и аудиторией.

Полученные наблюдения подтверждают очевидную необходимость тонкого языкового планирования в рекламе — вплоть до микроскопической корректировки отдельных звуков и букв в названии бренда или побудительной фразы. Однако универсальных рецептов нет: субъективные предпочтения различных социально-культурных групп, расхождения в языковых нормах, кросс-культурные нюансы могут приводить к варьированию эффективных стратегий. Некоторые элементы (например, чрезмерное использование иностранных слов) рискованны, если целевая аудитория обладает преобладающе консервативными взглядами.

Так, результаты исследования согласуются с идеей о целостном характере рекламного дискурса, чьи манипулятивные ресурсы зависят от продуманного совмещения языковых и экстралингвистических компонентов. Прагматики, выступая знаковым центром рекламного сообщения, аккумулируют вокруг себя лексические, фонетические и синтаксические приёмы, способные усиливать (либо ослаблять) целевой воздействующий эффект.

Обобщая результаты проведённого исследования, можно отметить следующее:

1. Прагматики в рекламном тексте задают общий «вектор» сообщения, формируют базовый имидж бренда и служат центром, вокруг которого группируются оценочная лексика, экспрессивные эпитеты и иные приёмы. Данная особенность позволила уточнить, что прагматики обладают не только номинативной, но и широкой ассоциативно-манипулятивной функцией.
2. Ключевые приёмы использования прагматиков прослеживаются на разных языковых уровнях. Фонетико-графические решения (аллитерация, ис-

пользование прописных букв, необычное шрифтовое оформление) обеспечивают дополнительное усиление суггестивного эффекта и создают узнаваемость бренда. Лексико-семантические приёмы (эвфемизация, метафоризация, позитивно окрашенные эпитеты) повышают привлекательность и эмоциональную насыщенность сообщения. На синтаксическом уровне доминируют краткие побудительные и вопросительные конструкции, поддерживающие динамику текста и контакт с аудиторией.

3. Стратегии манипулятивного воздействия, связанные с прагматикой, содержат апелляцию к культурно-значимым ценностям (элитарность, ин-

новационность, «модность»), использование межкультурных и кросс-языковых элементов (англицизмы, трансформации), усиливающих интерес и создающих ощущение «новизны». Именно составное применение разных приёмов (фонетико-графических, лексических, синтаксических) формирует наиболее сильный коммуникативный эффект.

Так, анализ подтвердил высокую значимость прагматиков для рекламного дискурса и позволил конкретизировать их функционально-прагматические свойства, отражённые в сочетании со всем комплексом лингвистических и экстралингвистических средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багиян А.Ю., Моногарова А.Г. Продуктивное манипулирование как элемент рекламного университетского дискурса: прагма-аксиологический анализ // Научный диалог. 2021. № 12. С. 30–49.
2. Болотина Н.И. Сопоставительный анализ русскоязычных и франкоязычных рекламных слоганов в контексте их коммуникативно-прагматических особенностей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 8. С. 2609–2614.
3. Галло Я., Милев Ф. Роли участников коммуникации в рекламном дискурсе: прагмалингвистический аспект // Филологический класс. 2024. Т. 29, № 4. С. 101–113.
4. Исакова А.А. Вариативность рекламнопрагматического дискурса // МНКО. 2014. № 2 (45). С. 251–254.
5. Казанова Л.А. Прагматические особенности рекламного слогана (на материале русско- и франкоязычной рекламы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10-2 (64). С. 102–105.
6. Кайрамбаева А.Ж., Атыгаева Ж.Е. Прагматическая направленность рекламного дискурса // CCS&ES. 2021. № 2. С. 58–66.
7. Куликова Е.В. Языковая специфика рекламного дискурса // Вестник ННГУ. 2008. № 4. С. 1–9.
8. Леденева С.Н. Функционально-прагматические свойства языковых средств рекламного дискурса // Вестник БГУ. 2017. № 1 (31). С. 306–312.
9. Макаренко А.А. Прагматонимы как инструмент привлечения внимания в англоязычной рекламной коммуникации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 2. С. 1–4.
10. Махмудова Ю.Р. Использование эвфемизмов в рекламном дискурсе // Молодой ученый. 2023. № 3 (450). С. 216–220.
11. Чвалун Р.В., Кизилова Н.И. Функционально-прагматический потенциал речеактового варьирования в рекламном дискурсе // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. № 2. С. 403–409.
12. Экономова А.Д. Прагмалингвистический и лингвокультурологический потенциал прагматонимикона // Современное педагогическое образование. 2024. № 1. С. 393–396.

© Клецкая Светлана Ильинична (sikleckaja@sfedu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ХУАН ЛЕОН МЕРА И ХУАН ВАЛЕРА: ДИАЛОГ О ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ МНОГООБРАЗИИ

Ковалев Константин Викторович

Кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики
kovalev_kv@mail.ru

JUAN LEÓN MERA AND JUAN VALERA: THE DISCUSSION ABOUT CIVILIZATIONAL DIVERSITY

K. Kovalev

Summary: The article examines the discussion between the Ecuadorian writer J.L. Mera and the Spanish writer J. Valera, reflected into his "New American Letters" (1890). These contain the J. Valera's analysis of the contemporary trends in the development of Spanish-American culture. The subject of the discussion is the desire of the Ecuadorian literature of the 19th century to overcome the "cultural colonialism" of Spain, as well as the interpretation of the dichotomy of "civilization VS barbarism" that is relevant to Spanish-American culture. Along with the analysis of J.L. Mera's views, his Spanish opponent presents his own point of view on the cultural and historical originality of various countries in the Western Hemisphere, while in evaluation of their singularity J. Valera he rejects both positivistic determinism and the acceptance of the romantic model defended by the Ecuadorian writer.

Keywords: Juan León Mera, Juan Valera, Spanish literature, Ecuadorian literature, romanticism.

Аннотация: В статье рассматривается полемика между эквадорским писателем Х.Л. Мерой и испанским писателем Х. Валерой, отразившаяся в «Новых американских письмах» (1890). Предметом дискуссии становится стремление формирующейся эквадорской литературы преодолеть «культурный колониализм» Испании, а также интерпретация актуальной для испаноамериканской культуры дихотомии «цивилизация – варварство». Наряду с анализом взглядов Х.Л. Меры его испанский оппонент излагает свою точку зрения на культурно-историческое своеобразие различных государств Западного полушария, при этом в оценке данного своеобразия отказывается как от позитивистского детерминизма, так и от принятия романтической модели, отстаиваемой эквадорским писателем.

Ключевые слова: Хуан Леон Мера, Хуан Валера, испанская литература, эквадорская литература, романтизм.

Начиная со второй трети XIX в., процесс осознания национальной идентичности в государствах, возникших в Латинской Америке, протекал одновременно с процессом формирования национальных литератур. Преобладание романтизма как литературного метода вплоть до конца столетия было вполне закономерным и отвечавшим как своеобразие национальных темпераментов, так и тенденциям европейского литературного процесса, который стал образцом для формирующихся литератур новых стран. Этическими и эстетическими ориентирами для них стали французский и английский романтизм – во-первых, они дали более яркие, чем испанская литература, образцы произведений во всех литературных жанрах, во-вторых, формирующиеся испаноамериканские литературы стремились к избавлению от культурного доминирования бывшей метрополии [6, с. 68–69].

Синхроническое, а не диахроническое восприятие эстетических и мировоззренческих поисков нескольких поколений европейских писателей-романтиков привело их испаноамериканских единомышленников к выбору наиболее ярких образцов для подражания, среди которых оказалась и повесть Ф.Р. де Шатобриана «Атала, или Любовь двух дикарей» (1801). Сразу по-

сле своего издания она была переведена на испанский язык, и, по наблюдению В.Н. Кутейщиковой, оказала особое влияние на формирование феномена индеанизма в прозе и поэзии как испаноязычных литератур Латинской Америки, так и бразильской литературы. Одним из определяющих положений, заимствованных из повести Шатобриана, стало столкновение двух этнокультурных миров [2, с. 20–22].

Одной из центральных фигур эквадорской романтической литературы стал Хуан Леон Мера (1832–1894), автор первого национального романа «Кумандá» (*Cumandá o un drama entre salvajes*, 1879). Х.Л. Мера на протяжении всего своего творческого пути был последователем индеанизма, что объясняется и его общественными взглядами, и своеобразием этносоциального развития стран Андского региона.

Как отмечает А.Ф. Кофман, «устойчивые примитивистские мотивы и идеологемы глубоко укоренились в испаноамериканском романтизме, воплотившись в образе «добраго дикаря», который имплицитно противостоял образу «варвара»... Латиноамериканские писатели нередко представляли индейский мир как исключительно гармоничный, своего рода Золотой Век Америки; а раз-

рушители этой идиллии, испанцы, приняли на себя роль «романтических злодеев» — «варваров». К середине XIX в. тема варварства в испаноамериканской культуре выходит на первый план, и ее мощное звучание было обусловлено прежде всего общественно-политической ситуацией» [3, с. 16].

Осознавая влияние художественного опыта Шатобриана на свое собственное творчество, Х.Л. Мера особенно подчеркивал уникальность изображенной им культуры в сравнении с природными условиями и нравами представителей других коренных этносов как Северной, так и Южной Америки [7, р.82]. Это был важный элемент его мировидения, поскольку, как он считал, следует не только признавать существование оппозиции «европейская цивилизация – иные цивилизации», но и отдавать себе отчет в том, что эти «иные цивилизации» не являются единым культурным массивом. Например, повествуя об индейских этносах хиваро и сапаро (их обычаям специально посвящена II глава «Куманды»), Х.Л. Мера старается разрушить существующие стереотипы; в частности, он сообщает, что «в этих племенах нет каннибалов, как некоторые безосновательно полагают; но путешествовать среди них опасно... если не приняты все необходимые меры предосторожности, чтобы не причинить им ни малейшего раздражения или подозрения. На войне они хитры и кровожадны, простодушны в домашних обычаях, верны в союзе и непреклонны в мести. Несмотря на пылкую любовь к свободе, они иногда смотрят с суеверным уважением на своих вождей, выделяющихся храбростью и многочисленными подвигами» [7, р. 96–97].

Вне зависимости от политических взглядов того или иного латиноамериканского писателя периода становления национальных литератур, общим оказалось убеждение в важности природного фактора, способствующего формированию самосознания. В данном случае представляется вероятным переосмысление руссоистского пантеистического мироощущения, которое способствовало одухотворению природы, а следовательно – и ее восприятию «как первоосновы бытия, источника чувственного наслаждения и тревог, открывающего новые возможности для познания мира» [2, с. 19–20].

В Эквадоре и в Перу одной из доминант, определяющих все аспекты общественной и культурной жизни, является противостояние побережья и внутренних горных районов, причем данная тенденция сохраняется и в настоящее время. Прибрежная зона, традиционно ориентирующаяся на внешнюю торговлю, характеризовалась большим космополитизмом и большей метисацией населения, в то время как во внутренних районах сохраняется значительное присутствие коренных жителей в экономике и в культуре; в социальной сфере длительное время там господствовали архаичные формы общественного устройства, что вызывало сочувствие

консерватора Х.Л. Меры. Интересно отметить, что сходный тезис формулирует такой убежденный сторонник европеизации Латинской Америки и – объективно – идейный оппонент Х.Л. Меры, как аргентинский мыслитель и государственный деятель Д.Ф. Сармьенто. Еще в 1845 г. он писал о влиянии природных условий на формирование национального менталитета и о вероятном воздействии климата и рельефа местности на предпочтение, оказываемое тем или иным формам общественного устройства; по его словам, «горы служат надежным оплотом свободы и укрытием от покушений на нее» [5, с.18]. Познание природы как ключ к познанию цивилизации закономерно стало одним из творческих принципов Х.Л. Меры. Обращает на себя внимание описание сельвы, данное им в I главе «Куманды». Лейтмотивом данного описания становится, во-первых, установление подобия между красотой природы и рукотворных произведений искусства, во-вторых, утверждение о равноправии известных цивилизаций, общепризнанных в качестве таковых, и цивилизаций неисследованных, но от этого не менее значимых.

«В этом лабиринте самой гигантской растительности на земле, в такого рода областях, близких к океану, куда едва проникают лучи Солнца и где только в устьях больших рек можно увидеть широкие полосы небесной лазури, там скрываются чудесные образцы, которые помогли бы обрести свое совершенство искусствам, составляющим гордость культурных народов: здесь обретает разноеобразие архитектурная мысль – от сурового готического величия до воздушного и фантастического арабского стиля, и даже есть ордера, еще не осмысленные и не воплощенные в мраморе и граните человеческой изобретательностью. Какие великолепные колоннады! Какие величественные портики! Какие ошеломляющие кессонные своды! И когда природа спокойна, когда ветры, сложив свои крылья, спят в далеких пещерах, эти величественные памятники запечатлеваются некоей тайной и божественной рукой на хрустале рек и лагун... Тут есть звуки и мелодии, которые радовали бы Доницетти и Моцартов, а иногда вызывали бы их отчаянную зависть. Здесь цветут цветы, которые никогда не могли представить себе язычники, думая о Елисейских Полях...» [7, р. 92–93].

Обращает на себя внимание то, что в приведенном описании тропической природы Х.Л. Мера проводит параллели между античной, западноевропейской и арабской цивилизациями и миром, который до него не было принято рассматривать в качестве цивилизованного, то есть отмеченного эволюцией художественного и технического прогресса, однако эквадорский писатель дает понять, что изображенная им нерукотворная среда с эстетической точки превосходит ту основу, на которой сформировались ранее названные культуры.

Следует отметить, что «Куманда» стала явлением не

только эквадорской прозы, но и вызвала интерес за пределами страны, в частности, в Испании. Этот роман не мог не привлечь внимание Хуана Валеры (Juan Valera, 1824–1905), творческая деятельность которого развивалась по двум направлениям. Помимо создания самостоятельных литературных произведений, относимых к регионалистской прозе реалистического направления, он стремился ознакомить испанских читателей с культурой стран, где протекала его дипломатическая служба; как отмечал З.И. Плавский, «разносторонность и широта литературных интересов сделали его первым в Испании критиком и литературоведом европейского масштаба» [4, с. 35].

К эпистолярному жанру Х. Валера обращался на протяжении всего своего писательского пути. Среди его творческого наследия следует выделить циклы «Письма из России» (1856–1857), «Американские письма» (1889) и «Новые американские письма» (1890). Первый из названных циклов одновременно явился и первым крупным литературным произведением Х. Валеры. По мнению В.Е. Багно, форма частного письма «в сочетании с непринужденной интонацией доверительной беседы» [1, с. 8–10], повлияла и на дальнейшее творчество Х. Валеры, который обращался к эпистолярной форме в своих художественных произведениях – в том числе и в одном из наиболее известных его романов «Пепита Хименес» (1874).

В отличие от «Писем из России», насыщенных информацией общественного и светского характера, «Американские письма» и «Новые американские письма» представляют собой циклы критических очерков, в которых внимание автора сосредоточено исключительно на новых именах и явлениях в литературе и в философии. Такая смена сферы интересов и изменение писательского видения на более личностное, исчезновение эффекта остранения, присутствовавшего в «Письмах из России», по-видимому, объясняется прежде всего единством языкового и культурного пространства. Утверждение этого единства в полемике с латиноамериканскими современниками особенно заметно во втором цикле писем.

В посвящении «Новых американских писем», адресованном президенту Эквадора Антонио Флоресу Хихону (1888–1892), Х. Валера формулирует ключевой тезис, которым он намерен руководствоваться в оценке текущей литературной и общекультурной ситуации в Латинской Америке. Испанский писатель убежден, что языковое и цивилизационное единство, в значительной степени подкрепляется общими этническими корнями, сохраняется связь между Испанией и латиноамериканскими республиками, невзирая на их освобождение от метрополии. По его словам, «все, что написано на испанском языке в обоих мирах – это испанская литература... и, говоря о ней, я склонен поддерживать и укреплять узы определенной высшей и широкой национальности, которая объединяет нас всех» [8, р. V].

Шестой очерк из данного цикла получил название «Поэзия и роман в Эквадоре» (*La poesía y la novela en El Ecuador*) и был адресован Х.Л. Мере. По-видимому, выбор адресата был связан как с его известностью в Испании, так и с главенствующей позицией в эквадорской литературе последней трети XIX столетия – наряду с публицистом и поэтом Хуаном Монтальво (Juan Montalvo, 1832–1889).

Обращаясь к своему собеседнику, Х. Валера пишет: «Вы верите и утверждаете, что Америка в то время, когда ее открыли испанцы, развивалась, пользуясь полной автономией и была близка к созданию и распространению собственной великолепной оригинальной цивилизации, главные центры которой находились в империях Мексики и Перу, а также среди индейцев чибча в Новой Гранаде (на территории современной Колумбии – К.К.); но приход свирепых испанцев остановил развитие этой цивилизации, потопил все ее зародыши в крови и уничтожил их огнем» [8, р. 135].

В данном случае Х. Валера полемизирует со стремлением многих (и не только эквадорских) писателей противопоставить собственно испанскую и испаноамериканскую культурные идентичности и развивает собственный тезис, сформулированный в Посвящении «Новых американских писем» и утверждающий не только лингвистическую, но и биологическую общность испаноязычного мира по обе стороны Атлантики. Он говорит о преувеличенном, по его мнению, изображении жестокостей, допущенных испанцами в период построения колониальной империи в Западном полушарии. Вновь опираясь на высказанную им идею о генетическом родстве испанцев и латиноамериканцев, Х. Валера замечает, что обвинения, выдвинутые его предполагаемыми оппонентами против конкистадоров XVI в., могут быть обращены против них самих, поскольку они унаследовали испанскую кровь в гораздо большей степени, чем индейскую [8, р. VII].

Важно отметить, что с точки зрения Х. Валеры доминирование той или иной культурной модели не является детерминированным. По его мнению, объективная реальность заключена во временном преобладании то одной, то другой цивилизации, причем общемировое культурное господство западноевропейской цивилизации, распространившееся и на американский континент, следует рассматривать в двух измерениях – как культурно-технологическом, так и ментально-нравственном [8, р. 142–143].

Европоцентризм Х. Валеры не отвергается, но корректируется Х.Л. Мерой, который считал, что религиозный компонент цивилизационного многообразия является фактором, стоящим наиболее высоко в иерархии ценностей. Поэтому лейтмотивом «Куманды» становится преобразующее влияние христианства, чье моральное

влияние не противоречит традиционной культуре племен сапаро, но также оказывает преобразующее воздействие на нравственный облик европейцев. В этом отношении показательна сцена примирения двух главных антагонистов романа – индейца Тубона и священника Доминго (в прошлом – плантатора Хосе Доминго де Ороско) [7, р. 281–282]. Именно это объединяющее религиозное начало, по мнению Х.Л. Меры, и отражает диалектику множественности и внутренней равноценности различных цивилизаций.

Интересно отметить, что его оппонент Х. Валера впервые выдвигает гипотезу не о примитивности, а об упадке коренного населения Америки, ставшую уже в первой четверти XX в. чрезвычайно распространенным представлением в трудах европейских философов культуры. По словам испанского писателя, «дикарство американцев до европейского завоевания, равно как и полу-варварское состояние различных народов Нового Света, Азии и Африки до их соприкосновения с Европой, не указывают на то, что там существовали или существуют новые расы, которые могли бы подняться сами по себе или что они находятся или находились в процессе восхождения к цивилизации, но скорее они дают ясное и

печальное указание на древние расы, пришедшие в упадок или выродившиеся...» [8, р.146].

Обмен мнениями между Х.Л. Мерой и Х. Валерой протекал на фоне распространения позитивистских идей, причем сторонники последних отстаивали биологическую предопределенность неравенства рас, которой объясняли и необходимость отказа от цивилизационного наследия коренных народов Западного полушария.

Можно говорить о том, что эта тенденция, отразившаяся в споре между эквадорским и испанским писателями, влияла на культурную самоидентификацию испаноамериканских народов на протяжении нескольких поколений; по наблюдению А.Ф. Кофмана, вплоть до последней трети XX в. сохранялись «две противоположенные тенденции в интерпретации латиноамериканской сущности, и обе так или иначе связаны с темой варварства: условно говоря, тенденции обвинительная и апологетическая. Первая легла в основу реалистического направления испаноамериканской литературы; вторая, получившая наименование «аризм», сыграла большую роль в развитии испаноамериканского модернизма» [3, с. 23–24].

ЛИТЕРАТУРА

1. Багно В.Е. «Письма из России» Хуана Валеры как литературный памятник // Валера Х. Письма из России. – СПб: Фонд «Сервантес», 2001. С. 5–26.
2. История литератур Латинской Америки. От Войны за независимость до завершения национальной государственной консолидации / Отв. ред. В.Н. Кутейщикова. – М.: Наука, 1988. – 653 с.
3. Кофман А.Ф. Тема варварства в испаноамериканской литературе // Литература двух Америк. 2016. № 1. С. 8–49.
4. Плавский З.И. Испанская литература XIX – XX веков. – М.: Высшая школа, 1982. – 248 с.
5. Сармьенто Д.Ф. Цивилизация и варварство: жизнеописание Хуана Факундо Кироги. – М.: Наука, 1988. – 272 с.
6. Торрес Риосеко А. Большая латиноамериканская литература. – М.: Прогресс, 1972. – 320 с.
7. Mera J.L. Cumandá o un drama entre salvajes. – Madrid: Catedra, 1998. – 293 p.
8. Valera J. Nuevas cartas americanas. – Madrid: Librería de Fernando Fé, 1890. – VIII + 296 p.

© Ковалев Константин Викторович (kovalev_kv@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СИСТЕМНОСТИ В ЛЕКСИКЕ

Копытко Виктория Николаевна

старший преподаватель, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации, (г. Москва)
vnkopytko@fa.ru

LEXICO-SEMANTIC FIELD AS A MANIFESTATION OF SYSTEMATICITY IN VOCABULARY

V. Kopytko

Summary: The article is devoted to the consideration of the issue of the lexical-semantic field systematicity as the main structural unit of the language lexical-semantic system.

The fundamental thesis in this work is the systematicity of the material world, reflected in the language structure - a complex hierarchical formation consisting of elements that are regularly interconnected.

The relevance of this article is beyond doubt, since the semantic connections between words in the lexical-semantic field (synonymy, antonymy, hyper-hyponymy) help to more accurately determine their meanings, better understand the structure of the language, and prevent linguistic misunderstandings.

The author reveals the essence of the 'lexical-semantic field' concept, its significance in the language lexical-semantic system.

Particular attention is paid to approaches to the lexical-semantic field study: onomasiological, semasiological, semiological, cognitive-pragmatic. The author presents in detail the essence of these approaches, their positive and negative properties, and their application in the works of various linguists.

It is noted that the structure of lexical-semantic fields contains a core, a center, a border zone, a near, far, and extreme periphery, characterized by the interconnectedness of elements, vastness, continuity, and unclear boundaries.

Keywords: lexical-semantic field, lexical-semantic system, onomasiological, semasiological, semiological, cognitive-pragmatic approaches.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению вопроса системности лексико-семантического поля как основной структурной единицы лексико-семантической системы языка.

Основопологающим в данной работе является тезис о системности материального мира, нашедшей своё отражение в языковом строе - сложноорганизованном иерархическом образовании, состоящем из закономерно связанных друг с другом элементов.

Актуальность данной статьи не вызывает сомнения, так как семантические связи между словами в лексико-семантическом поле (синонимия, антонимия, гиперо-гипонимия) помогают точнее определить их значения, лучше понимать структуру языка, предотвратить лингвистические недоразумения. Автор раскрывает суть понятия «лексико-семантическое поле», его значимость в лексико-семантической системе языка.

Особое внимание уделяется подходам к изучению лексико-семантических полей: ономазиологическому, семасиологическому, семиологическому, когнитивно-прагматическому. Автор подробно излагает суть этих подходов, их положительные и отрицательные свойства, применение в трудах различных лингвистов.

Отмечено, что в структуре лексико-семантических полей содержатся ядро, центр, пограничная зона, ближняя, дальняя и крайняя периферия, характеризующиеся взаимосвязанностью элементов, обширностью, непрерывностью, нечёткостью границ.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, лексико-семантическая система, ономазиологический, семасиологический, семиологический, когнитивно-прагматический подходы.

Язык – это система систем, упорядоченная и внутренне организованная совокупность закономерно связанных друг с другом и находящихся в определённых отношениях объектов [4]. Швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр (1857 – 1913) в своей монументальной работе «Труды по языкознанию» писал, что «язык есть система, элементы которой образуют целое, а значимость одного элемента проистекает только от одновременного наличия прочих». Он сравнивал язык с шахматами, где важны правила и значимость каждой фигуры, а никак не материал, из которого эти фигуры изготовлены.

Язык и развивается как система, благодаря стабильности семантических отношений между его отдельными

элементами (синонимия, антонимия, гиперо-гипонимия). Лексико-семантическая система языка претерпевает постоянные изменения значений лексических единиц в результате развития самой системы и взаимодействия единиц в речи. В лексике находят отражение перемены в окружающей действительности, что влечёт за собой отмирание некоторых слов, появление новых, трансформацию значений.

Согласно полевой модели лексической системы, лексико-семантическое поле является основной структурной единицей лексико-семантической системы языка [6]. Оно наиболее полно и адекватно отражает лексико-семантическую систему языка с её сложной иерархической структурой [1].

Концепция «поля», объединяющего слова с общим семантическим признаком, появилась в 1923 году в трудах немецкого филолога Йоста Трира (1894 – 1970), а в 1924 году австрийский филолог Гюнтер Ипсен (1899 – 1984) впервые употребил этот термин, после чего полевая модель системы языка получила широкое распространение и применение в научных работах лингвистов разных направлений языкознания [4].

Учёные выделяют четыре подхода к изучению лексико-семантических полей: ономаσιологический (Й. Трир, Л. Вайсбергер, К. Бальдингер, Ю.Н. Караулов), семасиологический (Г. Ипсен, В. Порциг, Ф. Дорнзайф), семиологический (И.А. Бодуэн де Куртене, А. Греймас, Ю.С. Степанов), когнитивно-прагматический (Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко) [1].

При выделении семантического поля учёные, применяющие ономаσιологический подход, берут за основу понятие и направляют своё исследование от понятия к его обозначению языковыми средствами.

Йост Трир считал, что при вычленении определённой совокупности слов из общего лексикона критерием может служить наличие у них общих значений. Он также обращал внимание на то, что поскольку слова характеризуются тесной взаимосвязью друг с другом и обладают смыслом только потому, что его имеют близкие с ними слова, каждое отдельно взятое слово несамостоятельно, неопределённо вне поля. Триру также принадлежит идея о полном изоморфизме словесных и понятийных полей – плана выражения и содержания языка.

Тем не менее несмотря на то, что ономаσιологическое учение Трира оказалось плодотворным в преодолении атомистической тенденции в лексикологии, учёные отметили в нём серьёзные недостатки:

1. ошибочное представление о полном соответствии семантических и понятийных полей;
2. отсутствие объективных критериев при выделении полей;
3. недооценка важности отдельного слова;
4. заблуждение, касающееся существования чётких границ между полями в языке;
5. исследование поля без учёта полисемии [4].

Ещё один исследователь поля, немецкий языковед Лео Вайсбергер (1899 – 1985), также не признавал самостоятельность отдельного слова и считал, что для определения значения слова целесообразно найти его место в структуре того или иного поля. Немаловажно, что Л. Вайсбергер разделял словесные поля и тематические группы – слова, объединённые одной темой, имеющие разнотипные отношения между собой и определяемые лишь внеязыковой действительностью, для которых ядерная сема не обязательна [2].

Среди отечественных лингвистов, занимавшихся ономаσιологическим исследованием лексико-семантических полей, следует отметить Ю.Н. Караулова (1935 – 2016).

Работая над составлением идеографического тезауруса – классифицируя лексику, исследуя семантические связи между словами – Ю.Н. Караулов применил синтез теории семантического поля.

Данный подход даёт возможность изучать лексико-семантическое поле и рассматривать парадигматические отношения лексем, входящих в его состав.

В трудах представителей семасиологического подхода за основу изучения берётся слово, а не понятие, и исследуются семантические взаимоотношения слов в лексической системе языка.

Основными критериями, на основании которых Гюнтер Ипсен производил определение лексико-семантических полей, были близость значения и одинаковые морфологические признаки слов [5].

Вальтер Порциг (1895 – 1961) предложил исследование смысловых связей слов в синтаксических сочетаниях в определённый временной отрезок и анализ их валентных свойств.

Поля Ипсена являются парадигматическими, то есть тождественными по семам или семантическим множителям, не зависящими от контекста, не различающимися ни в прагматическом, ни в синтаксическом плане, и включают в себя лексико-семантические группы, синонимы, антонимы, совокупности семантем, грамматические категории различных частей речи.

Поля Порцига называют синтагматическими, так как они представляют собой последовательно расположенные лексические единицы, сочетаемые друг с другом в тексте и находящиеся на разных синтаксических позициях.

Следует подчеркнуть, что парадигматические и синтагматические поля взаимодополняют друг друга и представляют собой два измерения одного поля, содержащего в себе необходимые языковые средства реализации его единиц [3].

Тем не менее, и данный подход не лишён недостатков:

1. неоднородность результатов исследования системных отношений из-за разных критериев выделения лексико-семантических полей;
2. отсутствие чётких принципов интеграции лексических единиц в поля;
3. отсутствие чисто лингвистической основы членения лексики на поля.

Семиологический подход в теории поля позволяет проанализировать языковые явления как культурно обусловленные системы знаков, выявить смыслы, заложенные в различных объектах исследования. Суть данного метода заключается в выделении ключевых понятий определённой тематики и связывании их с периферийными элементами, дополняющими ядро.

Согласно теории И.А. Бодуэна де Куртенэ (1845 – 1929) языковые единицы представляют собой иерархическую систему, охватывающую морфологическо-семантический, фонетико-фонологический и синтаксический уровни языка, где место каждой единицы чётко установлено. Все уровни представлены единицами двух рядов: сложными, разложимыми на одном уровне, и простыми, полученными в результате разложения сложных единиц, причём слова, неделимые, например, на синтаксическом уровне, могут разлагаться на морфологическом, что соответствует современному состоянию лингвистического анализа [1].

Семиологический подход предполагает тесную взаимосвязь языка и мышления, его сложные когнитивные отношения с субъективной и объективной действительностью, в результате осознания которых выделяются языковые единицы, интерпретируемые как знаковые сущности, находящиеся в определенных иерархических взаимоотношениях.

Тем не менее, при данном подходе не наблюдается единства теоретического, концептуального и методологического аспектов, также отсутствуют конкретные практические алгоритмы для анализа полей.

При когнитивно-прагматическом подходе всесторонне исследуется терминологическое пространство в динамике его развития, рассматриваются взаимосвязи между внутренней формой, значением, коннотацией языковых единиц и их когнитивными корреляциями, отражающими познавательный и речевой опыт субъекта (индивидуальные ценности, речевые навыки, эмоции и т.д.)

Этот подход позволяет изучать лексико-семантические поля с лингвистической, а не логико-семиотической точки зрения, описывать концептуальные черты языка и понимать механизмы его функционирования, но в то же время он характеризуется семантико-прагматическим диссонансом вследствие нерелевантного использования языковых средств, недостаточностью разработанности базовых критериев отнесения лексики к тому или иному полю [1].

Современная картина поля в виде бесконечного взаимопереходящего множества полей отличается от концепции поля, предложенной Й. Триром. Всем полям свойственны системный характер связей между их элементами и специфическая структура.

Любое лексико-семантическое поле включает в себя языковые единицы, объединённые интенционалом / интенционалами – постоянными свойствами, составляющими внутреннее содержание слова, и характеризуется следующими чертами:

1. системность отношений между его конституентами (парадигматические (синонимия, антонимия, гиро-гиперонимия) и синтагматические (морфемы, слоги, словосочетания, предложения));
2. семантическая общность элементов;
3. иерархичность построения;
4. расположение единиц по горизонтали (парадигматические подгруппы внутри лексико-семантических групп) и вертикали (отношения между лексико-семантическими группами);
5. наличие ядра (единицы с доминирующим признаком, интегрирующем поле) и периферии (единицы, имеющие этот признак в субординативной позиции);
6. расплывчатость границ между ядром и периферией;
7. принадлежность лексических единиц множеству других полей (образующие периферию семемы с большим количеством дифференциальных сем могут входить в состав других лексико-семантических полей) [4].

Для выявления семного состава значения используется компонентный анализ: исследование плана содержания значимых единиц языка с опорой на данные толковых и синонимических словарей (метод словарных дефиниций) и анализ значения лексемы в речи (метод синтаксической сочетаемости).

Семой называют предельную, нечленимую единицу плана содержания, отражающую свойство предмета или явления действительности, она входит в состав семемы — элементарного значения слова. Различают дифференциальные / видовые (отличающие данную лексему от остальных) и интегральные / общие (объединяющие слова в группы) семы.

Отрицательными сторонами компонентного анализа являются трудности в определении исчерпывающего набора сем из-за недостаточной разработанности той или иной предметной области, а также отождествление семантических единиц с формулируемыми ими значениями слов.

Как было уже упомянуто выше, основными семантическими связями между значениями лексических единиц в поле являются синонимия, антонимия, гипонимия.

Синонимия – это языковая универсалия, свойство лексических единиц полностью (для адекватного перефразирования) или частично (для уточнения других сторон содержания) совпадать по своему значению, причём дифференциация между синонимами – посто-

янно совершающееся явление в языке, а тождество – временное, определяемое конкретной ситуацией. Качественное своеобразие оттенков синонимов проявляется в характере образного переноса (сходство с другим явлением или предметом), в развитии прагматического значения (экспрессивно-эмоциональная оценка, коннотации культурно-исторического и индивидуально-психологического плана).

Под антонимами понимаются семантически однородные лексические единицы, различающиеся по меньшей мере по одному дифференциальному признаку (противоположность качеств, действий, направлений, обозначений времени, пространства и т.д.) Лингвисты различают контрарную (определяемую градуальной противопоставленностью, между понятиями которой имеется промежуточный член) и комплементарную (взаимоисключающую оппозицию, между элементами которой нет промежуточного члена) антонимию. Также в некоторых работах исследуется внутрисловная антонимия или энантиосемия – противопоставление значений внутри одного и того же слова.

Наконец, объединение лексем, находящихся в родо-видовых и видо-видовых отношениях, называется гиперо-гипонимией, причём гипероним – это слово с родовым значением, а гипоним – слово с видовым, менее обобщённым значением, включённым в значение гиперонима.

Таким образом, на основании вышесказанного можно прийти к заключению, что способы организации реального мира, многообразные объективные связи между предметами и явлениями действительности нашли своё отражение в иерархической структуре лексико-семантических полей, в семантических связях между словами, образующими лексические блоки. Лексико-семантические поля, в структуре которых содержатся ядро (родовая сема), центр (единицы с интегральным значением), пограничная зона, ближняя, дальняя и крайняя периферия (удалённые в своём значении от ядра единицы), представляют собой весьма сложные лексико-семантические микросистемы, характеризующиеся взаимосвязанностью элементов, обширностью, непрерывностью, нечёткостью границ [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочарова М.А. Семантическое поле как способ системного описания лексики // Полилингвильность и транскультурные практики. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskoe-pole-kak-sposob-sistemnogo-opisaniya-leksiki> (дата обращения: 04.01.2025).
2. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. №5. – С. 105-113.
3. Денисенко Владимир Никифорович Синтагматика и парадигматика семантического поля // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sintagmatika-i-paradigmatika-semanticheskogo-polya> (дата обращения: 09.01.2025).
4. Копытко В.Н. Лингвострановедческое описание лексико-семантического поля «Театр» (на материале театра «Глобус»): Дисс. на соиск. степени канд. филол. наук. – М.: МПУ, 1998. – 147 с.
5. Мясникова И.И. Семантическое поле: история и современность // Система ценностей современного общества. 2008. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskoe-pole-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 09.01.2025).
6. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 253 с.
7. Klubnichkina D.A. Lexical representation of the concepts opposition “beautiful – ugly” in English and Russian language cultures // Russian Linguistic Bulletin. 2020. №2 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lexical-representation-of-the-concepts-opposition-beautiful-ugly-in-english-and-russian-language-cultures> (дата обращения: 13.01.2025).

© Копытко Виктория Николаевна (vncopytko@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПАРАДОКС ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ В РОМАНЕ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»

Ли Цянь

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет
st120892@student.spbu.ru

THE PARADOX OF HISTORICAL EPOCH IN THE NOVEL "ZULEIKHA OPENS HER EYES"

Li Qian

Summary: This article is devoted to the study of the paradox of the historical epoch ("a new life in hell") in Guzel Yakhina's novel "Zuleikha Opens Her Eyes", as well as to the analysis of the artistic interpretation of the writer's view of history and the identical uniqueness of the writer herself. Through the historical and literary method the motif of physical and spiritual suffering and unexpected freedom of individuality of special settlers (Zuleikha, Ignatov, Leibe) in the period of collectivization, characterized by the totalitarian state and suppression of personality, is revealed. Such a paradox shows the novelist's objective attitude to the Soviet history of the 1930s and helps to come closer to understanding the true essence of the processes that took place. Yakhina's specific identity helped her to bring a distinctive and original creativity to contemporary Russian literature. Depicting the traditional Tatar way of life, destroyed by Stalinist modernization, the writer shows objectivity.

Keywords: paradox of the epoch; suffering and freedom; totalitarian state; collectivization; Soviet history of the 1930s; Tatar identity.

Аннотация: Данная статья посвящена изучению парадоксальности исторической эпохи («новой жизни в аду») в романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза», а также анализу художественной интерпретации взгляда писательницы на историю и идентичной уникальности самого писателя. Посредством историко-литературного метода выявляется мотив физических и духовных страданий и неожиданная свобода индивидуальности спецпереселенцев (Зулейхи, Игнатова, Лейбе) в период коллективизации, характеризующийся тоталитарным государством и подавлением личности. Такой парадокс показывает объективное отношение прозаика к советской истории 1930-х годов и помогает приблизиться к пониманию подлинной сущности происходивших процессов. Специфическая идентичность помогла Яхиной привнести в современную русскую литературу самобытное и оригинальное творческое начало. Изображая традиционный татарский уклад, разрушаемый сталинской модернизацией, писательница проявляет объективность.

Ключевые слова: парадоксальность эпохи; страдания и свобода; тоталитарное государство; коллективизация; советская история 1930-х годов; татарская идентичность.

Введение

В романе Яхиной «Зулейха открыла глаза» рассказывается о судьбе татарской деревенской женщины в 1930-1940-е годы прошлого века. Тогдашние страшные события постепенно уходят на второй план после Великой Отечественной войны [1, С. 20]. В литературе того времени, изображение таких процессов, как коллективизация и индустриализация, фокусируется на достижениях и успехах, что соответствует канонам социалистического реализма. Однако в позднесоветские и первые постсоветские годы наблюдается противоположная тенденция: произведения, посвященные сталинской модернизации, многократно критиковали и развенчивали коммунистическую идеологию и ее представителей. Таким образом, исследование парадоксальности исторической эпохи и ее влияния на формирование человеческой индивидуальности внутри тоталитарного контекста становится особенно актуальным и требует глубокого анализа, чтобы понять, как вне зависимости от политического давления и идеологического контро-

ля, герои романа способны преодолевать трудности, развиваться и самореализовываться. Дебютный роман современного писателя Яхиной характеризуется объективным подходом к освещению трагических аспектов отечественной истории, который основывается на непринятии привычных схем и стереотипов. Настоящее исследование будет способствовать обогащению анализа исторического повествования в современных литературах народов страны.

1. «Ад»

Название первой главы романа «Один день» представляет собой как бы обзор 15 лет жизни Зулейхи в глухой татарской деревне и, вводя в роман «тему заключения», демонстрирует её покорное существование в доме мужа Муртазы Валиева и свекрови Упырихи. Эпизод «стука в окно» символизирует стук другой судьбы, и в сюжет врываются масштабные исторические процессы. Словами Муртазы показывают ущемляемые интересы крестьян в краткосрочном периоде: «Вот вам – рекви-

Статья выполнена при поддержке проекта фонда Китайского Национального фонда обучения за рубежом.
The reported study was carried out with the support of the National Study Abroad Foundation Fund of China.

зиции в шестнадцатом! ... Продуктовые армии в восемнадцатом! Девятнадцатом! Двадцатом! Вот вам ссыпка... продуктовый налог... хлебные излишки!» [2, С. 62] Новый стук и дрожая героиня предвещают то, что большая история сплошной коллективизации влияет на личную жизнь, что приводит к коренному изменению судьбы героев. Муртаза застрелен уполномоченным ГПУ Игнатовым из-за сокрытия еды и попытки сопротивления, а Зулейха включена в список раскулаченных, насильно оторвана от татарского традиционно-патриархального уклада жизни и втянута неодолимым течением эпохи в совершенно незнакомую ей среду.

Крестьянку Зулейху с сотнями переселенцев перемещают из одного «ада» в другой по известному каторжному маршруту, в этом ключе детальные изображаемые в романе исторические процессы воспринимаются как масштабная коллективная травма. Для мигрантов вся тягость жизни заключается не только во внешних суровых условиях выживания, но и во внутренних духовных страданиях. На поверхности лежит цепочка событий, которые приводят к резкому и болезненному разрушению прежних групповых ценностных ориентиров и поведенческих норм. Это, в свою очередь, оборачивается утратой экзистенциальной безопасности и деформацией коллективной идентичности. «Отдельные эпизоды данного тяжелого пути представлены в романе с различной степенью исторической достоверности и художественной убедительности» [3, С. 43], в том числе четыре пространства: Казанская тюрьма, вагон-теплушка, баржа и поселок труда на Ангаре.

Пренебрежение основными правами человека сначала происходит в казанском пересыльном доме. «Что это, как не могильный склеп?» [2, С. 141] Среди заключенных в переполненной и сырой тюрьме разразилась масштабная эпидемия сыпного тифа. При таких обстоятельствах каждая жизнь находится под большой угрозой. В вагоне поезда в результате нехватки еды и дискомфорта люди умирают, при этом хоронить мертвых нет возможности: «Бывало, вырыть могилы или прикрыть трупы щебнем не успели – гремела команда “По вагона-а-ам!”. Оставили тела лежать открыто» [2, С. 173]. Возможно, поначалу равнодушие начальства или солдат объясняется суровой логикой классово-борьбы, но по мере развития сюжета поезд постепенно удаляется от центра страны, а снабжение материалами и медикаментами объективно становится проблемой само по себе. Сцена о барже относится к одной из самых трагических страниц романа. 20 век с самого начала был беспощаден и требовал кровавых жертв для достижения своих целей. Перегруженная баржа тонет во время бури, и подавляющее большинство спецпереселенцев, запертых в трюмном помещении, гибнут. Центральное место занимает изображение отчаянной борьбы переселенцев, оставленных зимой в необитаемых таежных краях и ли-

шённых средств к существованию, за выживание. Будет ли это место, не существующее на человеческой карте, адом или раем?

С другой стороны, коллективная травма не заслоняет от читателя целый ряд тяжелейших персональных травм и дисфункций, жертвами которых оказываются основные персонажи произведения. Душевные терзания обычно разрушительны для человека. Для главной героини сидение в мечети на главной – мужской – половине и непокрытая голова перед другими становится источником тяжелых нравственных страданий. А из-за любви к большевистскому командиру, убившему ее мужа, героиню мучает совесть. Зулейхе кажется, что за её грехи (кощунство над религиозными убеждениями в деревне Юлбаш, сомнения в существовании Бога на Ангаре и т.д.) её ожидает неизбежная кара. Автор с помощью приема потока сознания рисует внутренний испуг и эмоционально-психологические колебания героини, раскрывая конфликт между традиционными ценностями и социальной реальностью.

Другим важным для романа героем, оказывающимся, вследствие катастрофических исторических событий, в состоянии душевного расстройтва, является доктор Вольф Карлович Лейбе. Автор использует конструкцию параллельного монтажа, чтобы связать персональную историю Вольфа с большой историей эпохи. Гражданская война «вбрасывала героев романа в антимир смерти и беспрецедентного по масштабам насилия» [4, С. 12], братоубийство нарушает его кардинальное правило в качестве врача «не навреди», что заставляло Вольфа потерять веру в свою профессию, к тому же, спасенный им пациент оказывается застреленным на своих глазах, что заставляет его потерять не только веру в свою профессию, но и разум. Герой не в силах принять логику тотального насилия: «Помилуйте, как – мертва? А сложная пятичасовая операция? Шестая в его жизни холецистэктомия, и такая удачная, без осложнений. Эта женщина еще хотела иметь детей» [2, С. 251]. Вольф Карлович на десять лет запирает себя в прозрачном «яйце» для того, чтобы спрятаться от внезапной трансформации реальности. В таком психологическом состоянии он оказывается среди ссыльных переселенцев, став жертвой ускоренной коллективизации и раскулачивания в Татарской АССР.

Игнатов изначально предстает в романе как винтик «государственной машины». Выступление персонажа, который полон энтузиазма по отношению к революции, сопровождается пропагандистской песней: «Чтоб свергнуть гнет рукой умелой, отвоевать свое добро... Лишь мы, работники всемирной Великой армии труда, Владеть землей имеем право. А паразиты – никогда.» [2, С. 71] Игнатов искренне убежден, что любить можно только великие вещи: революцию, партию, свою страну. Эпизод безжалостного расстрела мужа Зулейхи, казалось бы,

свидетельствует о том, что перед нами не знающий сомнений палач. Однако человеческие начала в структуре личности Игнатова постепенно одерживают верх над идеологическими догматами. После страшного крушения баржи чувство вины за погибших причиняет ему психологические мучения.

ii. Новая жизнь

Боль, которую приносит спецпереселенцам непростое историческое время, не исчезает, но возникает «новая жизнь в аду». Как уже подчеркивалось, происходит парадоксальная трансформация: в экстремальных условиях индивидуальность некоторых людей не нивелируется, но, наоборот, высвобождается; в нечеловеческих условиях они становятся настоящими личностями. Подобная трактовка советской истории сталинского периода носит новаторский характер.

Тридцать маргиналов строят изолированную, «первобытную общину» – маленькое утопическое общество. Рождение Юзуфа (сына Зулейхи) символизирует для обитателей спецпоселения новую надежду и возможность нового начала. Образ униженной и забитой Зулейхи переживает значительную метаморфозу, выпрямляясь и обретая свободный дух. По мнению самой писательницы Яхиной, «Зулейха движется от формальной свободы в неформальную свободу. Она оказывается в системе ГУЛАГа и не имеет права покидать поселение, но, тем не менее, парадоксальным образом внутренне освобождается» [5]. Зулейха, потерявшая мужа и попавшая в изгнание, вырывается из оков феодальной семьи. В закрытом тюремном вагоне и изолированном концлагере она встречает самых разных людей и даже завоевывает расположение мужчины. Беря на себя более тяжелый труд, чем в доме мужа, Зулейха добивается уважения коллектива и внутреннего пробуждения.

Особенно резкий перелом происходит в судьбе Игнатова – в конце романа «палач» открывает глаза на бессердечие советской власти и изъяны системы, уничтожающей достойных граждан и возвышающей негодяев [6, С. 39]. Он превращается из бездумной машины в живого человека не в одночасье. Впервые Игнатов проявляет милосердие к Зулейхе и спасает ее от выстрела в главе «Побег». Когда баржа тонет, герой пытается спасти людей от гибели. Случай о том, что духи умерших часто появляются во снах Игнатова, где демонстрирует, «кем является заданный индивид в некотором ином мире» [7, С. 36], мучение героя свидетельствует о добре, живущей в его сердцах. Торжество человечности и гуманизма в личности Игнатова происходит на новом витке тяжелой жизни на Ангаре. Его идеологическая риторика уходит в прошлое, и остается только стремление помогать конкретным людям. Предложение Кузнецова об «обнаружении заговора в поселке Семрук для продвижения по

службе» помогает Игнатову осознать подлинную трагическую сущность процесса массового раскулачивания. В конце он находит истинный смысл жизни в простых любовно-семейных радостях – постаревший Игнатов по-настоящему любит Зулейху. Когда ее сын Юсуф задумывает побег из рабочего поселка, Игнатов сжигает имевшийся у него список заключенных и тайно выдает ему удостоверение личности с собственной фамилией «Игнатов», чтобы Юсуф начал новую жизнь с новым именем.

Происходит пробуждение личности Вольфа Лейбе, который ранее вступил в период глубокого внутреннего кризиса и совершил психотическое бегство от новой реальности, которая оказывается слишком чуждой и недопустимой для его восприятия. Экстремальные события буквально вытаскивают доктора из «яйца» в жизненные реалии, где он вновь становится признан и востребован. Рассудок возвращается к нему, «его легкие вновь дышат, глаза – видят, уши – слышат. Он оглядывается, ищет глазами ошметки разорвавшегося яйца – их нет» [2, С. 271]. В поселке профессор радостно посвящает жизнь работе и восстанавливает свою репутацию – «поток ходячих к известному лекарю рос с каждым годом. Зулейха привыкла к тому, что сопровождавшие больных родственники живут при лазарете» [2, С. 477].

В развязке романа сын Зулейхи уезжает один. Используя кораническую аллюзию на Юсуфа и Зулейху, автор превращает их из любовников в мать и сына, отношения которых более вероятно рассыпаются, что необходимо для полной независимости героини. Расставание с сыном помогает Зулейхе, всю жизнь прожившей в подчинении, по-настоящему жить для себя, подталкивая героиню к новой жизни через боль. Зулейха старается «не дышать, чтобы не множить боль. На Круглой поляне заметит идущего навстречу человека, седого, хромого, с палкой. Они с Игнатовым увидят друг друга и остановятся – он на одном краю поляны, она на другом. Он вдруг поймет, как постарел: потерявшие зоркость глаза не смогут различить ни морщин на лице Зулейхи, ни седины в ее волосах. А она почувствует, что заполнившая мир боль не ушла, но дала ей вдохнуть» [2, С. 504]. Такая концовка как неожиданна, так и законна, наполняет художественный мир романа новым смыслом. Финал далек от благой однозначности: два центральных персонажа по-прежнему не сходятся близко. Авторский замысел сводится к тому, что вызванные эпохой препятствия – социально-классовые, идеологические, религиозные, гендерные и т.д. – все еще трудно преодолеть, но в то же время герой и героиня открытыми глазами видят новый мир, новую жизнь.

iii. Уникальность писательницы, описывающей парадокс эпохи

Семейная память дали Яхиной возможность получить

информацию, которая не вошла в исторические учебники. Эти памяти «усиливают живую связь между прошлым и настоящим, между свидетелями катастрофы и пережившими ее – и следующим поколением.» [8, С. 59] Автор воспроизводит переживания старшего поколения в период коллективизации, восстанавливая истинное лицо татарского этноса в истории. Специфическая идентичность помогла ей привнести в современную русскую литературу самобытное и оригинальное творческое начало. Изображая традиционный татарский уклад, разрушаемый сталинской модернизацией, писательница сохраняет объективность, подчеркивая как позитивные, так и негативные стороны прежней жизни. Смешение языков и фольклорные элементы в романе позволяют осознать масштаб народной трагедии.

Как поколение постпамяти Яхина трактует «историю о выживании и стойкости слабых, попавших в ураганы исторических событий» [9, С. 23], раскрывая боль и унижения, перенесенные разными классами, сопротивляясь забвению не только на уровне индивидуального опыта, но и на социокультурном уровне. В этом плане писатель придает многомерность истории СССР, представляя ее для восприятия и осмысления новому поколению. Большое количество архивных документов и фактических данных может помочь будущим поколениям составить общее представление об истории, а память участников грандиозных и трагических событий способна дать более яркое и конкретное видение эпохи. Как говорил литературовед Л. А. Аннинский: «успех ее первого романа – это состоявшийся факт нашей литературы, и объясняется он не только одаренностью автора, но ценностью свидетельств, легших в основу повествования» [10, С. 15].

В качестве современной писателя Яхина рефлексивует об истории с новой «постсоветской» точки зрения и дает свое понимание и интерпретацию того периода истории, который она не смогла пережить. Военный коммунизм, НЭП, коллективизация сельского хозяйства – все эти процессы отразились на жизни почти каждого человека. Обращаясь к деяниям большевиков, Яхина демонстрирует более высокий, чем её предшественники, уровень объективности, обходясь без гнева и пристрастия. Отказ как от очернения, так и от идеализации советской государственности и цивилизации, позволяет развернуть глубокий анализ, раскрывая всякого рода парадоксы, помогающие приблизиться к пониманию подлинной сущности происходивших процессов. «Каждому

новому поколению читателей необходим свой писатель, который поможет уже известное увидеть новыми глазами» [11, С. 191]. Возможно, плодотворные тенденции, связанные с преодолением любых сложившихся шаблонных и стереотипных представлений о советской истории, которые обозначились в романе «Зулейха открывает глаза», станут доминирующими в будущей русской литературе.

Гендерный подход формирует уникальную точку зрения в травматических сюжетах. С женственной кропотливостью автор представляет мусульманскую главную героиню, одну из редких в истории русской литературы, помещая личность и психологическую жизнь героини в конкретное пространство и бесконечно широкий событийный контекст. Представляется, что роман открывает принципиально новый этап в изображении персонажей и художественно-философском осмыслении места женщины в истории 1930-х годов. Показав молчаливую покорность и неразвитость Зулейхи в деревне, автор далее сосредоточится на ее удивительной силе духа, которая проявляется во время ссылки. Зулейха «бежит из старого мира в современный» и «открывает глаза» на новый мир, что открывает новые горизонты для понимания бесконечной сложности личной травмы в разнообразных нарративных контекстах.

Заключение

Таким образом, парадокс эпохи, представленный в романе «Зулейха открывает глаза», демонстрирует новую творческую перспективу Гузель Яхиной как национального меньшинства, и ее позицию в контексте описания советской истории 1930-х годов, что отражает глубокое осмысление жизни и природы существования человечества со стороны писателя. Рассматривая большевиков и кулаков, Яхина проявляет уровень объективности, избегая эмоциональных оценок и предвзятости, с помощью чего предоставляет возможность переосмыслить эпоху «великого перелома» через призму художественного воспроизведения, превосходящего исторические документы с политическим оттенком, что позволяет более остро выявлять логические парадоксы в те периоды. И простые люди, угнетаемые режимом, такие как Зулейха и Вульф, и партийные инсайдеры, служащие власти и также подавляются им, такие как Игнатов, духовно обновляются на пути к ссылке «ада», что показывает принцип художественного творчества Яхиной, выдвигающий на первое место человеческие ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Максимова Д.В. То, что делает сильнее / Д.В. Максимова // Электронный сборник материалов международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Проспект свободный - 2016», посвященной году образования в содружестве независимых государств. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 15-25 апреля 2016 г. С. 20-21.
2. Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза: роман. М.: АСТ: Ред. Елены Шубиной, 2019. 508 с.

3. Беляков С. ГУЛАГ как путь к освобождению? Роман «Зулейха открывает глаза» Гузели Яхиной - победитель конкурса «Большая книга» / С. Беляков // Библиотечное дело. 2015. № 21(255). С. 43-44.
4. Лейдерман Наум Лазаревич, Липовецкий Марк Наумович. «В годину смуты. . .»: роман М. Шолохова «Тихий Дон» // Филологический класс. 2013. №1 (31). С.7-17.
5. Яхина Г. Интервью. <https://ria.ru/>
6. Путило О.О. Трагедия народная и трагедия личная в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» / О.О. Путило, Е.Ю. Старикова, Е.П. Мещерякова // Литература в школе. 2018. № 11. С. 35-39.
7. Золян С.Т. «Свет мой, зеркальце, скажи.»(К семиотике волшебного зеркала) // Учёные записки Тартуского государственного университета. Вып. 831. Труды по знаковым системам. Тарту, 1988. С. 32-45.
8. Хирш М. Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста. М.: Новое издательство, 2021. 428 с.
9. Савкина И., Розенхольм А. «Секрет её успеха»: размышления о романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. №3-4. С. 22-25.
10. Аннинский Л.А. Зулейхины миги: рецензия на роман Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2016 (2015) / Л.А. Аннинский // Отечественная литература как фактор сохранения русской идентичности в глобальном мире : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Самара, 18 мая 2017 года / Редакционная коллегия: Н.С. Филатова, Э.А. Радаева. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2017. С. 15-20.
11. Аюшиева В.М. Размышление о романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» / В.М. Аюшиева, Н.Д. Хосомоев // Сохранение, изучение и популяризация наследия: опыт участия и векторы развития: Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Улан-Удэ, 18 апреля 2019 года. Том II. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2019. – С. 189-192.

© Ли Цянь (st120892@student.spbu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КАЧЕСТВО ПЕРЕВОДА РУССКИХ ПУБЛИЧНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ В ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН: АНАЛИЗ ОШИБОК И ИССЛЕДОВАНИЕ СПОСОБОВ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ¹

TRANSLATION QUALITY OF RUSSIAN PUBLIC ANNOUNCEMENTS IN HEILONGJIANG PROVINCE: ERROR ANALYSIS AND RESEARCH ON WAYS TO OVERCOME THEM²

Ling Chen
Qi Guojiang

Summary: The article focuses on analyzing typical errors in translations of Russian public announcements in the border cities of Heilongjiang Province and developing recommendations for their elimination. The study analyzes graphical, lexical, grammatical, and stylistic errors caused by interlingual interference, insufficient language training of translators, and lack of consideration for cultural differences. The research methodology is based on linguistic, discourse, and contextual analysis within the framework of functional translation theory. The study also identifies the main problems in translations of public announcements from Chinese to Russian: insufficient language competence of translators, interlingual interference, and lack of consideration for cultural differences. The author's proposed recommendations are aimed at improving translation quality, eliminating communication barriers, and strengthening Russian-Chinese cooperation.

Keywords: translation errors, interlingual interference, functional translation, Russian-Chinese communication, cultural adaptation.

Лин Чэнь

Доцент, Хэйхэйский университет
24397757@qq.com

Ци Гоцзян

Доцент, Хэйхэйский университет
xiaoqi_2601016072a@163.com

Аннотация: Статья посвящена анализу типичных ошибок в переводах русских публичных объявлений в приграничных городах провинции Хэйлунцзян и разработке рекомендаций по их устранению. В исследовании проанализированы графические, лексические, грамматические и стилистические ошибки, вызванные межъязыковой интерференцией, недостаточной языковой подготовкой переводчиков и отсутствием учёта культурных различий. Методология исследования основана на лингвистическом, дискурсивном и контекстуальном анализе в рамках теории функционального перевода. В исследовании также выявлены основные проблемы в переводах публичных объявлений с китайского на русский язык: недостаточная языковая компетенция переводчиков, межъязыковая интерференция и отсутствие учёта культурных различий. Предложенные автором рекомендации направлены на улучшение качества переводов, устранение коммуникативных барьеров и укрепление российско-китайского сотрудничества.

Ключевые слова: переводческие ошибки, межъязыковая интерференция, функциональный перевод, русско-китайская коммуникация, культурная адаптация.

В современных условиях интенсификации российско-китайского сотрудничества особую значимость приобретает вопрос эффективной межкультурной коммуникации в приграничных регионах. Провинция Хэйлунцзян, исторически являющаяся значимым центром взаимодействия между Россией и Китаем, представляет собой уникальную площадку для исследования языковых и культурных аспектов двустороннего взаимодействия.

Публичные объявления, являясь неотъемлемой частью городского информационного пространства, выступают важнейшим инструментом повседневной

коммуникации. Они не только передают необходимую информацию, но и отражают степень языковой и культурной интеграции приграничных территорий. В этом контексте качество перевода публичных объявлений приобретает особое значение, поскольку именно через них формируется первичное восприятие лингвистической компетентности принимающей стороны.

Особую озабоченность вызывает наблюдаемая систематическая некорректность переводов публичных объявлений на русский язык в городах провинции Хэйлунцзян. Нарушения лексических, грамматических и стилистических норм русского языка создают существенные

¹ Данная статья публикуется в рамках Научно-исследовательского проекта Языковой комиссии провинции Хэйлунцзян (2024) «Исследование экологии русского публичного языка в приграничных портовых городах Хэйлунцзяна» (2024Y056).

² This article is published as part of the Research Project of the Language Commission of Heilongjiang Province (2024) "Study of Russian Public Language Ecology in Heilongjiang's Border Port Cities" (2024Y056).

барьеры в понимании информации русскоязычными гражданами. Более того, неправильные переводы могут приводить к коммуникативным сбоям, культурным недоразумениям и формированию негативного имиджа региона в глазах российских партнеров и туристов.

В этой связи проведение комплексного анализа ошибок в переводе публичных объявлений и разработка обоснованных рекомендаций по их предупреждению представляется не только теоретически значимым, но и практически необходимым шагом в развитии российско-китайского приграничного сотрудничества.

Целью исследования является проведение анализа ошибок в переводе публичных объявлений на русский язык в провинции Хэйлунцзян и разработка рекомендаций по улучшению качества переводов. Научная новизна исследования заключается в применении комплексного подхода к анализу переводческих ошибок в аспекте межъязыковой интерференции с акцентом на функционально-прагматическую адекватность перевода информационных текстов публичного характера.

Методологическая база работы опирается на лингвистический анализ текстов, контекстуальный анализ функционирования публичных объявлений в русско-китайском приграничном пространстве, дискурс-анализ прагматической адекватности переводных текстов. Теория функционального перевода (теория скопоса, греч. – цель) служит теоретическим фундаментом для оценки адекватности переводческих решений с точки зрения их коммуникативной эффективности. Эмпирическая база исследования включает анализ публичных объявлений, собранных в пяти приграничных городах провинции Хэйлунцзян. Отбор текстов проводился на основе следующих критериев: 1) объявления должны быть предназначены для широкой аудитории; 2) тексты содержат перевод на русский язык; 3) тексты относятся к социальным, коммерческим или туристическим сферам. Такой подход обеспечил разнообразие материалов, позволяющее выявить основные типы ошибок и их причины.

Публичные объявления представляют собой тексты, предназначенные для широкой аудитории, служащие для передачи социальной, коммерческой и иной информации. Как отмечает Е. А. Оглезнева, в приграничных регионах публичные объявления выполняют не только информативную функцию, но и становятся важным элементом культурной адаптации, выступая медиатором между двумя разными культурами [6, с. 126].

Центральной концепцией анализа публичных объявлений в нашем исследовании выступает теория функционального перевода, основоположниками которой считаются К. Райс и Г. Вермеер, выдвинувшие идею о том, что перевод подразумевает адаптацию в зависимости от

цели и функции перевода. Согласно этому подходу, перевод рассматривается как адаптационный процесс, где исходный текст выступает средством достижения определенной коммуникативной цели [7].

Особую значимость в контексте исследования приобретает проблема языковой интерференции, которая, по мнению У. Вайнрайха, является одной из главных причин ошибок. Ученый подчеркивает, что лексические заимствования и семантические кальки, создаваемые под влиянием другого языка, могут приводить к искажению смысла и снижению эффективности текста [1].

В рамках теории функционального перевода выделяются четыре главных принципа, обеспечивающих качественную передачу информации: 1) коммуникативная эквивалентность: перевод должен сохранять тот же эффект на целевую аудиторию, что и оригинал на свою аудиторию; 2) функциональная адекватность: перевод должен соответствовать функциональной роли оригинала в контексте его использования; 3) культурная адаптация: в переводе должны учитываться культурные различия между источником и целевой аудиторией; 4) структурная эквивалентность: перевод должен сохранять структуру оригинала в той мере, в какой это возможно без потери смысла [2].

Языковая интерференция в контексте русско-китайского перевода проявляется на трех основных уровнях: лексическом, грамматическом и стилистическом. Лексическая интерференция связана с явлением «лексического дефицита» и проявляется в некорректном калькировании слов и выражений. Грамматическая интерференция особенно заметна из-за принадлежности русского и китайского языков к разным типологическим группам. Стилистическая интерференция проявляется в неверной передаче стилистических особенностей текста, что особенно важно учитывать при переводе публичных объявлений [9].

Анализ ошибок в переводах публичных объявлений с китайского на русский язык, выполненных в приграничных городах провинции Хэйлунцзян, демонстрирует значительное влияние межъязыковой интерференции и недостаточной адаптации к русской языковой системе. Выявленные ошибки были систематизированы по следующим основным категориям.

1. Графические ошибки

Графические ошибки часто обусловлены отсутствием навыков работы с кириллицей у авторов переводов и интерференцией латинского алфавита. Например, в надписи «Компьютерная компания» вместо «компания» латинская «п» заменяет кириллическую «п». Это связано с визуальной схожестью символов в двух алфавитах, что часто приводит к автоматической подстановке латин-

ских букв. Подобные случаи наблюдаются и в написании «Сувернирный магаэмн» вместо «Сувенирный магазин», где замена кириллических букв происходит из-за сложности их визуального распознавания.

Пропуски или лишние буквы также часто встречаются в текстах объявлений. Например, в слове «Закусочая» вместо «Закусочная» отсутствует буква «н», что затрудняет понимание. Это же явление наблюдается в надписи «Ерамика и декор» вместо «Керамика и декор», где пропуск буквы «к» полностью искажает значение.

Неправильное разделение слов, как в «Мирделикатесов» вместо «Мир деликатесов», происходит из-за влияния китайской письменной традиции, где пробелы между словами отсутствуют.

2. Лексические ошибки

Лексические ошибки часто связаны с калькированием китайских выражений или неверным выбором слов. Например, в переводе «Шелкопряд магазин» вместо «Магазин тканей» наблюдается ошибка в передаче значения слова. В китайском языке «шелкопряд» может обозначать широкий спектр товаров, связанных с шелком, однако в русском языке это слово не используется для обозначения магазина тканей, что делает перевод некорректным.

Калькирование также приводит к избыточности и нарушению смысловой целостности текста. В надписи «Ремонт обувь обувь» вместо «Ремонт обуви» повторение слова обувь вызвано прямым переводом китайского текста, где повторение может быть стилистической особенностью, но в русском языке оно воспринимается как ошибка. «Тёплый хлеб магазин» вместо «Булочная» также приводит к созданию непривычной для русскоязычного читателя конструкции.

Смешение паронимов, таких как «Рыбацкий магазин» вместо «Магазин рыболовных принадлежностей», демонстрирует сложность различения слов, близких по звучанию, но разных по значению. В русском языке «рыбацкий» относится к рыбакам, а «рыболовный» – к процессу ловли рыбы.

Лексическая избыточность также нарушает восприятие текста. Например, в надписи «Мебель и диваны» использование двух слов, обозначающих практически одно и то же, не несёт дополнительной информации. Аналогично, «Шашлычная жареное мясо» вместо просто «Шашлычная» содержит тавтологию, так как слово «шашлычная» уже подразумевает место, где подают жареное мясо.

3. Грамматические ошибки

Грамматические ошибки демонстрируют глубокое влияние межъязыковой интерференции, вызванной су-

щественными различиями между китайским и русским языками. Например, в китайском языке отсутствуют категории рода, числа и падежей, что приводит к неправильному согласованию слов в русских переводах. Рассмотрим пример: фраза «Новый кровать» вместо «Новая кровать». Здесь выбор формы прилагательного «новый» обусловлен тем, что китайский язык не дифференцирует слова по роду, а переводчик, опираясь на фонетическое сходство, выбирает базовую форму.

Другой пример касается падежных окончаний. В фразе «Ремонт дом» вместо «Ремонт дома» ошибка вызвана отсутствием в китайском языке аналогичной категории падежей, что приводит к упрощённой передаче смысла. Это также наблюдается в конструкциях типа «Вас ждёт у Саша» вместо «у Саши», где нарушение родительного падежа препятствует грамматически корректной интерпретации текста.

Особое внимание стоит обратить на сложные конструкции, где китайский язык использует структурные элементы, которые в русском языке требуют предлогов или определённых форм управления. Например, калькирование конструкции «Мы ремонтируем ваш телефон» из китайского текста может передавать иной смысл, требующий адаптации для русскоязычной аудитории.

4. Стилистические ошибки

Стилистические ошибки проявляются в несоответствии перевода его функциональной роли и ожиданиям целевой аудитории. Например, чрезмерная формальность в переводах, как в «Клиентам предоставляются высококачественные консультации», делает текст непонятным для широкой аудитории. Для носителей русского языка подобная формулировка кажется излишне официальной, что снижает её эффективность.

Неправильно используемые эпитеты, такие как «Звёздная мебель» вместо «Элитная мебель», также нарушают стилистическую уместность текста. В китайском языке использование подобных эпитетов может быть нормой, но в русском языке они воспринимаются как неуместные. Похожая проблема наблюдается в фразе «Сказочные услуги» вместо «Премиальные услуги», где эпитет не соответствует контексту.

Анализ ошибок показывает, что проблемы в переводах публичных объявлений обусловлены системными различиями между китайским и русским языками, а также ограниченным владением русской языковой системой переводчиками. Большинство ошибок можно объяснить межъязыковой интерференцией и калькированием конструкций китайского языка [9]. Для улучшения качества переводов требуется разработка стандартизированных подходов, учитывающих культурные и

языковые различия, а также проведение обучения для повышения уровня владения русским языком.

Анализ переводов публичных объявлений с китайского на русский язык позволил выявить несколько причин, объясняющих их системный характер. Эти причины связаны с человеческим фактором, культурными и языковыми различиями, а также недостаточной адаптацией текстов к русской языковой системе.

Во-первых, недостаточная языковая компетенция переводчиков остаётся одной из основных причин ошибок. Переводчики, не являясь носителями русского языка, часто недостаточно владеют его грамматическими и лексическими особенностями. Это проявляется в неправильном согласовании слов по роду и числу, нарушениях падежной системы, а также в ошибках, связанных с выбором подходящих слов (смещение паронимов или употребление слов в несвойственном значении).

Во-вторых, значительную роль играет межъязыковая интерференция, связанная с особенностями китайской языковой системы. Отсутствие категорий рода, числа и падежа в китайском языке приводит к частым нарушениям русской грамматики. Кроме того, графические ошибки, такие как замена кириллических букв на латинские, обусловлены отсутствием опыта работы с кириллическим алфавитом. Влияние слогового типа письма китайского языка проявляется в ошибках разделения слов или слитном написании.

В-третьих, отсутствие учета культурных и социальных различий приводит к созданию текстов, не соответствующим

ожиданиям русскоязычной аудитории. Например, прямое калькирование китайских конструкций приводит к созданию стилистически неуместных или избыточных фраз [8]. Понятия, привычные для китайской культуры, такие как «Стоматологическая больница», в русском языке воспринимаются иначе, создавая неправильные ассоциации. Подобные ошибки демонстрируют нехватку адаптации текстов к культурным реалиям и коммуникативным нормам русского языка.

Ещё одной причиной является низкий уровень контроля качества переводов. Тексты часто создаются без участия носителей русского языка или профессиональных редакторов, что позволяет сохранять ошибки на всех уровнях текста – от графики до стилистики.

Прямое калькирование оригинальных структур является дополнительным фактором, усиливающим проблему. Вместо адаптации китайских фраз к нормам русского языка переводчики переносят исходные конструкции в буквальном виде. Это приводит к плеоназмам, нарушениям логики текста и снижению его коммуникативной эффективности.

Для устранения системных ошибок в переводах публичных объявлений с китайского на русский язык необходим комплексный подход, включающий методологические решения, технологические инновации и практические рекомендации (Рисунок 1). Применение этих мер позволит улучшить качество переводов, адаптировать тексты к культурным и языковым ожиданиям целевой аудитории и повысить эффективность коммуникации.

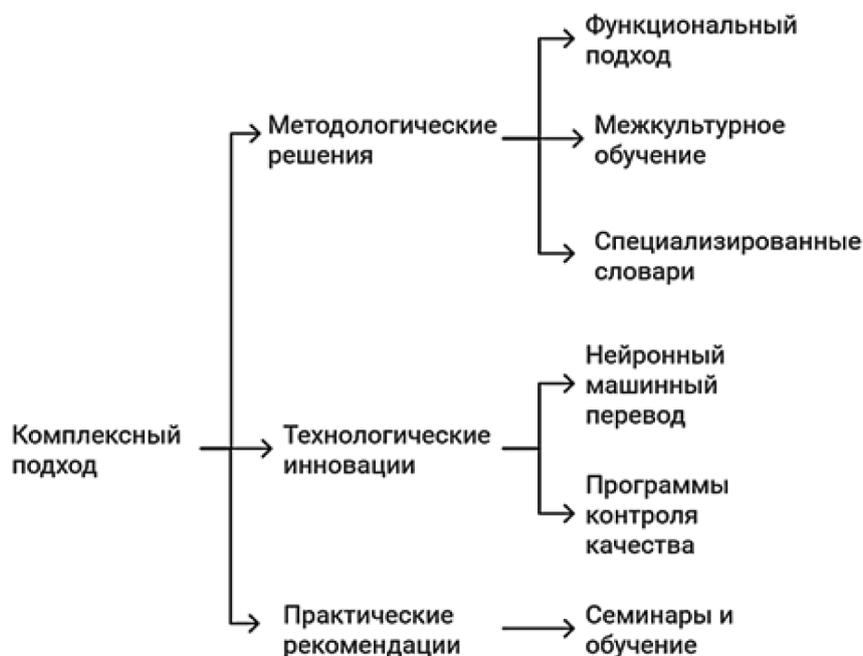

Рис. 1. Преодоление системных ошибок в переводах публичных объявлений с китайского на русский язык.

Методологические подходы к исправлению ошибок должны базироваться на функциональном и межкультурном подходах к переводу. Во-первых, использование функционального подхода предполагает ориентацию перевода на целевую аудиторию и коммуникативную функцию текста, а не буквальное воспроизведение оригинала. Этот подход позволяет адаптировать содержание и стилистику перевода к нормам русского языка, сохраняя при этом смысл и намерение исходного сообщения [3].

Во-вторых, важную роль играет обучение переводчиков с учётом межкультурной специфики, что включает развитие навыков идентификации и адаптации культурно-специфических элементов, таких как идиомы, метафоры и стилистические особенности. Обучение должно включать не только лингвистические аспекты, но и понимание культурного контекста целевой аудитории [3].

Третьим ключевым подходом является создание специализированных словарей и глоссариев для приграничных переводов. Такие ресурсы помогут переводчикам использовать унифицированные термины, избегать лексических ошибок и повышать точность переводов.

Современные технологии играют значимую роль в устранении ошибок и повышении качества перевода. Рекомендуются применение нейронных машинных переводчиков, обученных на локальном материале [5]. Использование таких систем позволяет учитывать особен-

ности китайского и русского языков, а также контекст использования переводов.

Также необходимо разрабатывать программы проверки качества перевода, которые будут анализировать тексты с учётом норм русского языка. Такие программы могут использовать технологии обработки естественного языка (NLP) для автоматического выявления ошибок в графике, лексике, грамматике и стилистике, что существенно снизит нагрузку на редакторов.

Важным инструментом для практиков, занимающихся переводами публичных объявлений, являются семинары и тренинги для специалистов в сфере перевода, направленные на повышение компетенций переводчиков, развитие навыков межкультурной коммуникации и освоение современных технологических решений в области перевода. Привлечение специалистов с высоким уровнем языковой подготовки и культурной компетенции на этапе разработки текстов также позволит минимизировать ошибки и адаптировать содержание к целевой аудитории.

Предложенные пути преодоления ошибок направлены на создание устойчивой системы работы с переводами в приграничных регионах. Методологические, технологические и практические решения должны работать в единой связке, обеспечивая высокое качество переводов и их соответствие коммуникативным, культурным и языковым ожиданиям целевой аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайнрайх У. Языковые контакты. – Москва: Прогресс, 1979. – С. 211-213.
2. Горбунова В.С. Основы теории перевода: курс лекций. Ч. 1 / В.С. Горбунова, С.В. Сботова, Е.Ю. Куляева. – Пенза: ПГУАС, 2014. – 128 с.
3. Лин Ч. Подготовка компетентных переводчиков русского языка в местных университетах зоны свободной торговли Хэйлунцзян / Ч. Лин // Начала Русского мира. – 2024. – № 4. – С. 21-26.
4. Лю В. Обучение переводу в Китае на современном этапе / В. Лю // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2022. – № 4(222). – С. 155-167.
5. Любова Т.В. Научно-исследовательский анализ в области цифровой многозадачности образовательного процесса в современных вузах и определение его новых концептуальных границ / Т.В. Любова, Г.Т. Гильфанова, Э.Н. Гиляева, И.В. Страхова // Глобальный научный потенциал. – 2019. – № 11(104). – С. 30-34.
6. Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания / Е.А. Оглезнева. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2007. – 264 с.
7. Райс К. Классификация текстов и методы перевода / К. Райс // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 202-225.
8. Чжан И. Развитие навыков межкультурной коммуникации / И. Чжан // Начала Русского мира. – 2024. – № 3. – С. 41-45.
9. Чжан Ш. Типы лексических ошибок при русско-китайской интерференции и их преодоление / Ш. Чжан // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2024. – № 2(123). – С. 149-160.

© Лин Чэнь (24397757@qq.com), Ци Гоцзян (xiaoci_2601016072a@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ФЛОРУ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ло Чжимэн

аспирант, Российский университет дружбы народов,
920094646@qq.com

PHRASEOLOGICAL UNITS REPRESENTING FLORA IN MODERN CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGES

Luo Zhimeng

Summary: The article investigates phraseological units with floronyms in Russian and Chinese languages. The analysis reveals the presence of partial equivalents, yet most expressions reflect unique concepts and symbolic meanings shaped by the specifics of national mentality, cultural traditions, and environmental conditions. The study of floronyms contributes to a deeper understanding of the national linguistic worldview and culturally specific associations, which is significant for linguocultural studies and intercultural communication.

Keywords: phraseological units, floronyms, linguoculturology, Russian language, Chinese language, semantics, intercultural communication.

Аннотация: В статье исследуются фразеологические единицы с компонентами-флоронимами в русском и китайском языках. Анализ демонстрирует наличие частичных эквивалентов, однако большинство выражений отражает уникальные концепты и символические значения, обусловленные спецификой национального менталитета, культурных традиций и природных условий. Изучение флоронимов способствует более глубокому пониманию национальной языковой картины мира и культурно-специфических ассоциаций, что имеет важное значение для лингвокультурологических исследований и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: фразеологизмы, флоронимы, лингвокультурология, русский язык, китайский язык, семантика, межкультурная коммуникация.

Фразеологические образы, отражающие растительный мир, берут своё начало в традициях дохристианских времён, когда человек воспринимал себя как неотъемлемую часть природы, персонафицировал её и вступал с ней в диалог. Современная лингвистика, опираясь на эту историческую основу, вводит понятие вегетативного или фитонимического кода культуры. Этот код представляет собой знаковую систему, основанную на знании о растительном мире, которое тесно переплетается с национальной культурой различных народов [3, с. 49]. Как отмечают В.А. Маслова и М.В. Пименова, вегетативный код культуры соотносится с архетипическими структурами и выполняет функции связи между знаком и значением, что способствует постижению глубинных смыслов традиций, ритуалов и символов [4, с. 16].

Фразеологизмы играют ключевую роль в трансляции таких символических значений, стереотипов и мифологем. М.Л. Ковшова подчёркивает, что выбор реальных объектов для создания образов фразеологизмов не случаен, поскольку слова-компоненты изначально выступают культурными знаками, а не просто именами реальных явлений [2, с. 175]. Этот процесс интерпретации культурных смыслов через язык иллюстрирует, как фразеологизмы становятся не только элементами лексики, но и носителями культурных архетипов.

Китайская культура предлагает обширный спектр флористических символов, таких как бамбук, лотос и

персик, которые глубоко укоренены в мировоззренческих и эстетических традициях [8, с. 46]. Их значения формируются под влиянием уникальной философии, где природа и культура находятся в неразрывной связи. Эти флоронимы, при включении в фразеологические обороты, приобретают новые коннотации, обусловленные национальными особенностями. Это явление подчёркивает важность изучения флоронимов как носителей культурных и символических значений.

Научная новизна исследования заключается не только в его тематике, но и в недостаточной изученности самих флоронимов. В китайском языке их аспекты частично рассматривались, например, в трудах Ян Жуй [8], Н.В. Гурьян [1], Ли Юэцзяо [3] и других. Значительный вклад в изучение символики растений внесли такие учёные, как А.С. Учамбрина, в исследовании которой представлены культурные значения цветов и их роли в повседневной жизни [7]. Тем не менее, несмотря на интерес к этой тематике, общий анализ символики флоронимов в китайском языке остаётся недостаточно систематизированным.

Особое внимание следует уделить концепции символа, которая играет центральную роль в осмыслении флоронимов. Согласно определению, символ представляет собой предметный или словесный знак, условно выражающий сущность какого-либо явления с определённой точки зрения [2, с. 118]. Этот процесс сопровождается выходом за рамки непосредственного образа, создавая

сложные связи с явлениями исторического, культурного или бытового характера. Как утверждает М.Л. Ковшова, символ, будучи знаком определённого смысла, подвергается вторичной семиотизации и включается в языковую систему через фразеологизмы [2, с. 212]. Это позволяет фразеологическим единицам одновременно выполнять функции знаков языка и символов культуры.

Термин «флороним» занимает важное место в современных лингвистических исследованиях, но его трактовка – в процессе лингвистического переосмысления. В научной литературе конца XX века активно использовалось понятие «фитоним», близкое по значению флорониму и образованное от греческих слов *phyton* («растение») и *онима* («имя») [8, с. 46]. Согласно узкому определению, флоронимы включают в себя обозначения деревьев, кустарников, а также садовых и комнатных растений [7]. Однако В.А. Маслова и М.В. Пименова предлагают более широкую классификацию, выделяя морфологические признаки растений, виды растительности и растительные массивы, что позволяет анализировать символику флористической лексики в контексте её культурной значимости [4, с. 98-99].

В данной статье анализируются фразеологические обороты с компонентами-флоронимами китайского и русского языков, символические значения которых, согласно данным «Фразеологического словаря русского языка» А.И. Молотка [5], представляют собой устойчивые языковые конструкции, обладающие сложной семантической структурой и культурно обусловленной символикой. Исследование китайских фразеологических единиц опирается на материалы «Китайско-русского фразеологического словаря» К.В. Толмаца [6], содержащего около 2000 словосочетаний с иллюстративными примерами, что позволяет выявить специфику их функционирования и семантические особенности. Фразеологизмы с флоронимами выполняют важную роль в отражении социокультурных представлений, а также демонстрируют сложные взаимосвязи между языковыми структурами и символикой природы, обусловленные национальными особенностями языковых картин мира.

Важное место среди них занимают фразеологизмы, описывающие **красоту и гармонию**. Например, фразеологизмы **红花** (досл. *красный цветок*) ассоциируется с красотой женщины, **桃红柳绿** (досл. *персики краснеют, ивы зеленеют*) выражает красоту весеннего обновления, что находит аналог в русском выражении *расцветать пышным цветом*. Образ природного совершенства подчеркивается и в **柳腰莲脸** (досл. *ивовая талия, лотосовое лицо*), что можно интерпретировать как *стройна, как берёзка или осинная талия*.

Другие фразеологизмы также демонстрируют связь человека с природой. Так, **人面桃花** (досл. *лицо человека и персиковый цветок*) символизирует румяную красоту, соперничающую с природным совершенством,

что в русском языке можно выразить, используя фразеологический оборот *румяный, как наливное яблочко*. Изящество, молодость и грация отражаются в **出水芙蓉** (досл. *цветок лотоса только что над водой*) и **步步生莲花** (досл. *каждый шаг рождает лотос*), русским эквивалентом которых является *нераспустившийся бутон или свежа, как роза*. Гармония супружеских отношений воплощается в **莲开并蒂** (досл. *лотос распускается, два цветка на стебле*), аналогичное выражение в русском языке – *любить до самой берёзки или у нас с тобой и лен не делен (все вместе)*. Чистоту детской дружбы передает **青梅竹马** (досл. *зелёные сливы и бамбуковые лошадки*), что находит соответствие в русскоязычных фразеологических оборотах: *как ягоды на одной ветке или одного поля ягоды*. Образ жизни, сосредоточенной на духовности, иллюстрирует **梅妻鹤子** (досл. *сливовые деревья вместо жены, журавли вместо детей*), эквивалент которого в русском языке – *лишь с соснами говорить или как отшельник в берёзовой роще*.

Фразеологизмы, символизирующие **успех и процветание**, тесно связаны с сельскохозяйственной культурой Китая. Так, **开花** (досл. *расцветать*) выражает идею успешного развития, а разнообразие и изобилие передаются через **花样** (досл. *цветочный стиль*), что находит своё отражение в русскоязычном выражении *устилать жизнь розами*. Образ роста и расширения иллюстрируется фразеологизмом **开枝散叶** (досл. *раскрывать ветви и листья*), в качестве эквивалента которой в русском языке можно рассмотреть *дерево дорого плодами, а человек делами*. Процветание символизируется фразой **枝繁叶茂** (досл. *ветви густые и листва буйная*), что находит эквивалент в русском языке – *яблоневый цвет*. Продуктивность, как важная ценность, выражается через **结实** (досл. *плодоносить*), русский эквивалент которого – *корень учения горек, а плоды сладки*. Выражение **水到渠成** (досл. *вода достигает канала*) иллюстрирует естественное достижение цели, в русском языке можно рассмотреть в качестве эквивалента следующий фразеологический оборот: *когда зреет яблоня, плоды сами падают*. Достижения и обширная известность передаются в **桃李满天下** (досл. *персики и сливы заполнили Поднебесную*), что можно выразить русским эквивалентом – *пожинать плоды, пожинать лавры или срывать цветы удовольствия*. Стремительный рост описывается через **雨后春笋** (досл. *молодой бамбук после дождя*), аналог которого – *как грибы после дождя*. Желание процветания и благополучия символизируется в **竹苞松茂** (досл. *пышные заросли бамбука и сосны*), что соответствует русскоязычному *расцвести пышным цветом*.

Фразеологизмы, описывающие **социальные отношения**, подчеркивают важность гармонии и взаимопомощи. Так, **投桃报李** (досл. *подарить персик и получить сливу*) иллюстрирует взаимную благодарность, эквивалентное выражение в русском языке – *яблоко за яблоньку*. Связь и

взаимосвязи передаются через 有瓜葛 (досл. *переплетающиеся стебли тыквы*), что можно интерпретировать через фразеологический оборот в русском языке: *где сосна выросла, там и красна*. Следование логике действия, несмотря на трудности, выражается в 顺藤摸瓜 (досл. *идти по плети к тыкве*), русскоязычным эквивалентом которого является *сквозь тернии к звёздам*. Прочные, но невидимые связи символизируются в 藕断丝连 (досл. *корень лотоса разорван, но волокна соединяют*), что находит отражение в русском языке – *ветви тянутся к корням*.

Идея **стойкости и преодоления трудностей** отражается в ряде выражений. Например, 枯木逢春 (досл. *сухое дерево встречает весну*) или 秋菊傲霜 (досл. *осенняя хризантема борется со снегом*), что можно выразить посредством фразеологического оборота *как росток (цветок) сквозь асфальт*. Неудержимая сила и непоколебимость символизируется в 势如破竹 (досл. *как раскалывание бамбука*) и 松柏之志 (досл. *принципиальность сосны и кипариса*), эквивалент в русском языке – *крепкий, как дуб*. Мудрость и сила в старости иллюстрируются фразой 鹤发松姿 (досл. *волосы как перья журавля, осанка сосны*), что находит своё отражение в русскоязычном выражении *как ель среди рощи, так старец в народе*.

Философские концепты и ценности отражаются в 桃花源 (досл. *персиковый источник*), символизирующем утопию и идеальный мир, что перекликается с русскоязычным *земля малины и липового цвета*. Выражение 世外桃源 (досл. *персиковый источник вне мира людей*) также обозначает мечты о гармонии, что соответствует русскоязычному выражению – *где яблони вечно в цвету*. Уверенность, ясность намерений и умение видеть суть передаются через 胸有成竹 (досл. *в душе готовый бамбук*), что выражается в русском языке посредством фразеологического оборота – *зреть в корень*.

Наконец, фразеологизмы, связанные с **утратой и изменениями**, иллюстрируют неизбежность жизненных циклов. 菊老荷枯 (досл. *хризантема увядает, лотос засыхает*) символизирует уходящую красоту, эквивалент в русском языке – *роза вянет, шипы остаются*. Утешение мечтами передается через 望梅止渴 (досл. *утолять жажду, глядя на сливы*), что находит отражение в русском языке – *испить росу с утренней травы*. Утрата актуальности выражается в 明日黄花 (досл. *хризантемы на следующий день*), русскоязычный эквивалент – *вчерашняя малина*. Неизбежность завершения иллюстрируется в 瓜熟蒂落 (досл. *тыква созревает, черенок отпадает*) и 生米煮成熟饭 (досл. *сырой рис сварен*), что выражается через эквивалентное выражение в русском языке – *сорванный цветок*.

Анализ фразеологических единиц с компонентами-флоронимами выявляет уникальные культурно-национальные особенности китайской и русской языковых картин мира, что представляет интерес с точки зрения теоретической, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики. Наличие частичных эквивалентов свидетельствует о пересечении языковых концептов, однако большинство фразеологических выражений отражает уникальные культурные коды и символические значения, сформировавшиеся под влиянием таких факторов, как национальный менталитет, историко-культурные традиции и природно-географическая среда. Изучение флоронимов в рамках фразеологии позволяет не только углубить понимание национальной языковой картины мира, но и выявить механизмы формирования культурно-специфических значений и ассоциаций. Результаты исследования вносят вклад в теоретическую лингвистику, а также находят применение в межкультурной коммуникации и преподавании языков, раскрывая способы репрезентации национальных мировоззрений через языковые единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурьян Н.В. О содержании разделов с ботанической лексикой древнекитайского словаря «Эръя» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2 (44). Ч. 2. – С. 58-63.
2. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. – 3-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.
3. Ли Юэцзяо. Идиоматический потенциал фитонимов в процессе формирования лингвокультурологической компетенции китайских студентов // Филология и культура. – 2017. – № 1 (47). – С. 48-52.
4. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры: учебное пособие. – М.: Флинта; Наука, 2016. – 180 с.
5. Молотка А.И. Фразеологический словарь русского языка. – М., 1967. – 544 с.
6. Толмац К.В. Китайско-русский фразеологический словарь: около 2000 словосочетаний с иллюстративными примерами. – М.: Восточная книга, 2009. – 506 с.
7. Учамбрина А.С. Флоронимы как фрагмент формирования лингвокультурологической компетенции [Электронный ресурс] // Научный диалог: вопросы гуманитарных исследований. – URL: https://interactive-plus.ru/ru/article/9766/discussion_platform (дата обращения: 22.01.2025).
8. Ян Жуй. Фитонимы с метафорической мотивированностью в русском и китайском языках [Электронный ресурс] // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. – 2008. – № 1. – С. 46-49. – URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/6179/1/13%20Ян%20Жуй..pdf> (дата обращения: 23.01.2025).

© Ло Чжимэн (920094646@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТ THE TIMES И THE GUARDIAN)

Мартемьянова Мария Алексеевна

Кандидат филологических наук, доцент, Ижевская
государственная медицинская академия
martemianova@inbox.ru

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF MEDICAL WORDS IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA TEXTS (BASED ON THE MATERIAL OF THE TIMES AND THE GUARDIAN NEWSPAPERS)

M. Martemyanova

Summary: The article deals with the features of the functioning of medical words and terms in contemporary English-language news articles published in the leading British newspapers The Times and The Guardian from 2022 to 2025. Based on the study of language use, common patterns are presented. Multi-component phrases, metaphors and the most popular abbreviations used in news articles on medical themes are analyzed.

Keywords: medical terminology, term, word combination, metaphor, abbreviations, mass media, media text.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности функционирования медицинской лексики и терминов в современных англоязычных новостных статьях ведущих британских печатных газет The Times и The Guardian за 2022-2025 годы. На основе проведенного исследования языковых средств представлены общие закономерности их употребления. Проанализированы многокомпонентные словосочетания, метафоры и наиболее часто встречающиеся в газетных новостных статьях на медицинскую тематику аббревиатуры.

Ключевые слова: медицинская терминология, термин, словосочетание, метафора, аббревиатуры, средства массовой информации, медиатекст.

Средства массовой информации имеют огромное влияние, они не только передают актуальную информацию, но и воздействуют на сознание людей, формируют общественное мнение, его положительное или отрицательное отношение к наиболее значимым проблемам. В основе настоящего исследования лежит медицинская лексика из новостных статей на медицинскую тематику ведущих британских газет The Times и The Guardian. Медицинские аспекты представляют особый интерес, поскольку затрагивают вопросы здоровья и жизни как отдельных людей, так и целых сообществ, выявляя наиболее острые социальные проблемы. Пандемии, и связанная с ними, а также со стремительным развитием технологий, интенсификация медицинских научных исследований привели к растущему интересу к данной области, как со стороны специалистов, так и людей, далеких от медицины. С доступностью и развитием интернета газеты на уровне формата в своем традиционном печатном виде становятся менее популярными, оставаясь при этом значимой частью британской медиакультуры и имея свои электронные «клоны» и издания-гибриды [2]. Современное информационное общество с возможностью выбора источников информации и знаний отличается своей избирательностью, тем самым влияет на развитие медийных ресурсов, формирование и развитие языка средств массовой информации, которые, так или иначе, подстраиваются под целевую

аудиторию. Выбор языковых средств в газетно-публицистических текстах обусловлен общедоступностью, что предполагает использование общеупотребительных слов в сочетании со специальной терминологической лексикой, необходимой для освещения объективной научной медицинской информации и передачи научных знаний широкому кругу читателей. Так, например, в одной статье в одном значении одновременно функционируют разговорное слово *jab* (*British English, informal*, «an injection / to use a needle and syringe to put a liquid such a drug into a person's body» [4]) и медицинский термин *injection* («introduction into the body of drugs and other fluids by means of a syringe» [3]); общеупотребительное словосочетание *mouth and throat cancer* (*throat* – «the space inside the neck down which food and air can go» [4]) и терминологическое словосочетание *hypopharyngeal cancer* (*hypopharyngeal* – «relating to the lower part of the throat that food and air pass through» [3]); разговорное слово *bug* (*informal*, «an illness that is not serious and is caused by bacteria or a virus» [4]) в значении *illness, disease* («a disorder with a specific cause; the state of being ill» [3]) и др. Под термином мы понимаем слово или словосочетание, которое выражает специальное понятие и передает научную информацию. Наиболее часто встречаются узкоспециальные медицинские термины, называющие заболевания и патологические состояния, а также симптомы (например, *encephalopathy, flu, diabetes mellitus, rabies,*

alopecia, dementia, pregnancy, meningitis, sepsis, haematoma, obesity, headache, vomit, bleeding и др.), при использовании в статьях, как правило, идут с пояснениями.

Анализ более 300 современных англоязычных статей на медицинскую тематику из газет The Times и The Guardian за 2022-2025 года показал сложную и многоплановую структуру газетных текстов, большинство из которых являются новостными и реализуют информативную функцию и именно поэтому имеют признаки, характерные для большинства новостных сообщений. Так, например, характеризуются широким использованием глагольных словосочетаний и устойчивых коллокаций, необходимых для передачи событий в динамике, а также распространенностью пассивных форм и безличных конструкций (*babies were delivered by caesarean section, patients have been moved to intensive care, the medication, which is given to diabetics, was made available, little has been announced on ...*). Среди наиболее часто употребляемых глаголов в медицинских новостных статьях можно выделить следующие: *to take* (*to take pills / a blood test / injections*), *to cause* (*to cause a disease / caused by factors*), *to treat* (*to treat a headache / blocked noses / sepsis / on life support*), *to prescribe* (*to prescribe medications / drugs*), *to prevent* (*to prevent cancers / pneumonia*), *to struggle* (*to struggle to breathe*), *to develop* (*to develop a therapy / new drugs / guidelines / a cure; to develop an illness / serious health problems / complications*). Следует отметить, что эти глаголы являются общеупотребительными, но их терминологическое значение проявляется в составе словосочетаний и конкретизируется существительным. Так, глагол *to develop* имеет несколько общеупотребительных значений, основные из которых: «to (cause something to) grow or change into a more advanced, larger or stronger form / to invent something or bring something into existence» [4], но в медицинских текстах часто используется в значении «to begin to have a disease or a problem / to start suffer from» [5] и употребляется в активном залоге как, например, в предложении «Young adults develop early onset bowel cancer across the globe».

Особый интерес представляют субстантивные словосочетания и тенденция к многоэлементности, как стремление к экономичности языковых средств для передачи информации в сжатом виде в текстах, ориентированных на сообщение, что характерно для английского языка в целом [1]. Большинство словосочетаний представлено двухкомпонентными структурами (*patient care, medication market, obesity rates, health issues, breech position, liver recipient, transplant center, healthcare services, hospital treatment*), часто встречаются словосочетания с тремя и более номинативными основами (*wound healing complication, ambulance response times, emergency care staff, patient safety device, stem cell jabs, bowel cancer screening, ambulance handover delays, artificial intelligence tools*) или многочисленные сложные неологизмы через

дефисное написание как результат словотворчества автора для выражения экспрессивности и эмоционального воздействия на читателя (*non-life-threatening injuries, life-or-death care, high-dependency units, prescription-only medicines, cause-and-effect link*). Стоит отметить, что некоторые из них являются окказиональными, а некоторые вошли в состав языка и активно функционируют в языке, как, например, слово *over-the-counter* в значении «drug that may be purchased directly from a pharmacist without a doctor's prescription» [3]. Тем не менее, преобладающими являются мало компонентные атрибутивные словосочетания, состоящие из одного или двух прилагательных или причастий и существительного (*advanced dementia, mental health, targeted treatment, surgical ward, life-saving intervention, treatable injury, severe pain, preventive care*).

При анализе функционирования медицинских лексических единиц в газетных статьях, можно выделить набор клишированных словосочетаний, которые наиболее часто употребляются: 1) для описания состояний пациентов (*mental health, a long-term cure, potential harm, adverse reactions to, side effects, feeling dizzy, common symptoms, to be diagnosed with, to be caused by, to take pills*); 2) для описания медицинских процедур и манипуляций (*routine operations, intravenous fluids, to cause serious complications, to administer medications, treatment available, to test positive for*); 3) для сообщения работы медицинских служб (*an emergency department, to carry out an assessment, be struggling to deal with, to be deeply concerned about, nursing staff, waiting lists, the health service*); 4) для описания научных достижений в медицине (*pioneering treatment, overall survival, growing concerns about, to be thought to affect, to reduce the risk of, according to research / guidelines, a study suggests*). Эти словосочетания встречаются в большинстве статей на медицинскую тематику как постоянная составляющая медицинских медиатекстов. Выделение устойчивых словосочетаний представляется крайне важным для дальнейшей работы с аутентичными медиатекстами в образовательных целях.

Иногда авторы статей прибегают к немногочисленным метафорам, которые представляют собой стилистический прием употребления слов в переносном значении на основе сходства, аналогии, сравнения, что делает язык более образным и экспрессивным, что, по мнению Т.Г. Добросклонской является характерным для информационно-аналитических материалов, а не новостных текстов [1]. Многие из этих метафорических слов и словосочетаний активно функционируют и в других медицинских текстах. Например, слово *window* используется в своем непрямом значении («a period when there is an opportunity to do something / a period between other activities» [4]) в словосочетаниях *a sobriety window / a recovery window*; слово *sweep* – в метафорическом значении в терминологическом словосочетании *a membrane sweep*

(«a mechanical induction method that stimulates the cervix» [3]) в гинекологии; слово *pen* используется в переносном значении на основе сходства в словосочетании *a weight-loss pen* («a self-injectable weight loss medicine that comes in a prefilled pen» [6]); слово *watchdog* используется в словосочетании *the health watchdog* в значении «a person or organization responsible for making certain that companies or other organizations maintain standards and do not act illegally» [4].

Стремление к экономии языковых средств приводит к активному использованию аббревиатур и других сокращений в жизни современного общества. Тем не менее, анализ показал, что в газетных новостных статьях медицинской направленности количество аббревиатур и сокращений остается невысоким, большинство из них идут с пояснениями в самих статьях (например, *brain-derived neurotrophic factor (BDNF)*), кроме общепринятых, доступных и понятных большей части англоговорящей аудитории. Наиболее активно функционируют следующие общепринятые аббревиатуры и сокращения: NHS (The National Health Service – Национальная служба здравоохранения в Великобритании), GP (general practitioner), PA

(используется в значениях: *physician associates / patient associations / physician assistants*), ICU (Intensive Care Unit), A&E (Accident and Emergency), MRI (Magnetic Resonance Imaging), ECG (electrocardiogram), BMI (Body Mass Index), C-section (caesarean section), e-cigarettes (electronic cigarettes), rehab (rehabilitation).

Таким образом, изучив особенности англоязычных новостных статей в современных газетных изданиях, мы пришли к следующим выводам. Основными функциями медиатекстов являются информирование людей о событиях, происходящих в стране и мире и формирование общественного мнения, а вместе с ним информационной картины мира. Выбор лексических и грамматических структур зависит от цели и формата средств массовой информации и непосредственно влияет на восприятие широкой аудиторией сообщаемой информации. Медицинская общеупотребительная лексика и сложные медицинские термины вместе активно используются в новостных статьях на медицинскую тематику. Анализ языковых средств позволяет выявлять важные закономерности их функционирования и то, какое влияние они оказывают на изменение языка в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь): учебное пособие / Т.Г. Добросклонская. – Москва: Флинта, 2008. – 263 с.
2. Поснова Е.Н. Медицинская лексика в текстах социальной рекламы: онтологический аспект: дис. ... канд. филол. наук. / Е.Н. Поснова. – Оренбург, 2013. – 220 с.
3. Concise Medical Dictionary. Ed. Martin E. Oxford University Press, 2020. – 896 p.
4. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org>
5. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oed.com>
6. Weight loss injections – What you should know before use. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ashcroftpharmacy.co.uk/blog/weight-loss-injections-a-guide-to-injectable-pens-uk-focus/>.

© Мартемьянова Мария Алексеевна (martemianova@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИЁМЫ РАБОТЫ С ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИЕЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ФИЛОЛОГОВ-РУСИСТОВ ТУРЦИИ

Темиз Умутджан

аспирант, Московский государственный
лингвистический университет
temizumutcan@yandex.ru

TECHNIQUES OF WORKING WITH LINGUOCULTURAL TERMINOLOGY IN TRAINING TURKISH PHILOLOGISTS-RUSSIANISTS

U. Temiz

Summary: The article presents the features of the methodology of teaching Russian as a foreign language in training philologists-Russianists of Turkey, which is based on linguacultural terminology and techniques for working with it. The author defines the role of cognitive activity of students and the importance of cognitive processes in mastering linguacultural terminology, formulating an algorithm for studying it in training philologists-Russianists of Turkey (by stages and formed skills), including the conditions for memorizing it and the results of using the algorithm. The category of "linguistic competence" is presented in the context of studying linguacultural terminology in training philologists-Russianists of Turkey and its key indicators are highlighted.

Keywords: linguacultural studies, Russian philologists, linguacultural terminology, linguistic competence.

Аннотация: В статье представлены особенности методики преподавания русского языка как иностранного при обучении филологов-русистов Турции, в основе которой лежит лингвокультурологическая терминология и приемы работы с ней. Автор определяет роль когнитивной деятельности обучающихся и значение когнитивных процессов в освоении лингвокультурологической терминологии, формулируя алгоритм ее изучения при обучении филологов-русистов Турции (по этапам и формируемым навыкам), включая условия ее запоминания и результаты использования алгоритма. Представлена категория «лингвистическая компетенция» в контексте изучения лингвокультурологической терминологии при обучении филологов-русистов Турции и выделены ее ключевые показатели.

Ключевые слова: лингвокультурология, филологи-русисты, лингвокультурологическая терминология, лингвистическая компетенция.

Специальная лингвокультурологическая терминология представляет собой набор терминов и понятий, которые используются в определенных областях знания и культуры, отражая уникальные аспекты языка и культуры конкретного общества, играет важную роль в изучении языка как средства коммуникации и выражения культурных особенностей. Специальная лингвокультурологическая терминология имеет важное значение в образовательных программах в обучении русскому языку как иностранному (РКИ) филологов-русистов Турции в высших учебных заведениях, так как знание специфической терминологии помогает учащимся понимать и уважать культурные различия, освоение специальной лексики способствует улучшению навыков чтения, письма и общения на иностранном языке, изучение лингвокультурологических терминов помогает овладеть языком как средством выражения культурных идей и концептов. Это и обусловило актуальность представляемого исследования. Целью настоящего исследования является определение приемов работы с лингвокультурологической терминологией в образовательных целях при обучении филологов-русистов Турции.

В турецких вузах на продвинутых этапах препода-

вания русского языка как иностранного большое внимание уделяют выбору учебных материалов, соответствующих нуждам будущих филологов-русистов. Это подразумевает, что для занятий отбираются тексты, относящиеся к предметам, которые студенты проходят в настоящее время. Так, на первых курсах предпочтение отдается общим научным текстам, а также материалам, связанным с историей, культурой России, лексикой и фразеологией. Позже, на старших курсах, акцент смещается на тексты, релевантные будущей профессии учащихся.

Особенность методики преподавания РКИ студентам-русистам в Турции состоит в том, что лексический материал строится преимущественно на основе специализированных текстов, содержащих актуальные сведения для студентов, соответствующие образовательным целям и задачам, имеющие отношение к их будущей карьере и вызывающие у них интерес. Тексты по лингвокультурологии научного стиля не только эффективно вводят новую профессиональную терминологию, тренируют правильное произношение и понимание грамматики, но и развивают активный и пассивный лексикон. Возможности использования научных текстов по

лингвокультурологии выходят далеко за рамки простого ознакомления с материалом, так как они выполняют сразу несколько образовательных и когнитивных функций, способствуя всестороннему развитию языковой и профессиональной компетенции. Научные тексты по лингвокультурологии насыщены специализированной терминологией, которая помогает учащимся освоить базовые понятия и ключевые категории этой дисциплины: термины «концепт», «лингвокультурный тип», «языковая картина мира» позволяют не только расширить профессиональный словарный запас, но и понять, как язык отражает культурные ценности и мировоззрение. Работа с текстами и специализированными словарями по лингвокультурологии помогает учащимся не просто запомнить термины, но и научиться использовать их в речи и письме, что важно для их профессионального развития. В научных текстах термины обычно представлены в контексте, что помогает понять их значение и правильное применение.

Чтение и анализ научных текстов по лингвокультурологии влияет как на активный, так и на пассивный лексикон учащихся, работа со специализированными словарями по лингвокультурологии дает возможность филологам-русистам Турции не только запомнить термины, но и начать активно использовать их в устной и письменной речи, что актуально для подготовки к профессиональной деятельности, связанной с анализом языковых и культурных феноменов.

Научные тексты содержат большое количество высокочастотной лексики, которая может быть не использо-

вана в речи, но становится понятной для восприятия на слух или при чтении. Это расширяет общий кругозор и улучшает понимание сложных текстов.

Научные тексты требуют не только запоминания информации, но и её анализа, сопоставления и интерпретации, что способствует развитию аналитического мышления (умению выделять главные идеи, находить связи между концептами и аргументами, развитию навыков межкультурной аналитики) [1]. Знакомство с концептами и культурными особенностями через язык развивает толерантность и уважение к другим культурам.

Методы работы с лингвокультурологической терминологией на занятиях по РКИ в целом схожи с методами работы с общеупотребительной лексикой. Как правило, это включает презентацию (представление и объяснение) нового слова, усвоение его значения и закрепление лексических навыков.

Стоит отметить, что важное значение при изучении языка имеют особенности когнитивной деятельности обучающихся, а также ключевые когнитивные процессы, среди которых прогнозирование, кодирование и перенос. Эти процессы, по мнению А.Н. Шамова, играют важнейшую роль в развитии лексических навыков при изучении английского языка (рисунок 1). Исследователь подчеркивает значимость внедрения в образовательный процесс разнообразных лексико-ориентированных стратегий, которые реализуются с помощью системы педагогических приемов и направлены на эффективное освоение нового лексического материала.

Рис. 1. Познавательные процессы и их роль в освоении лингвокультурологической терминологии (составлено автором по работам А.Н. Шамова)

В своем исследовании «Когнитивный подход в обучении лексической стороне иноязычной речи: Моделирование и реализация» А.Н. Шамов детально рассматривает применение когнитивного подхода к обучению лексике иностранного языка, предлагая конкретные модели и методы, которые обеспечивают успешную реализацию этого подхода, акцентирует внимание на необходимости структурированного и поэтапного подхода к обучению лексическим единицам [4].

А.Н. Шамов также выделяет несколько этапов в обучении лексике, начиная с восприятия и распознавания лексических единиц в материалах разной модальности и завершая их активным использованием в различных видах речевой деятельности [3]:

- работа с аутентичными ресурсами, такими как тексты, аудиозаписи и видеоматериалы, которые позволяют учащимся увидеть употребление слов и выражений в естественных коммуникативных ситуациях;
- этап узнавания и дифференциации, на котором учащиеся углубляют свои знания о новых лексических единицах, учатся различать их значения и контекстуальное применение, что способствует последовательному и глубокому усвоению лексического материала, а также эффективному его использованию в реальной речевой практике;
- активное использование усвоенной лексики в различных формах речевой деятельности, таких как чтение, письмо, устная речь и аудирование, чтобы учащиеся смогли применять новые слова и выражения в контексте реальных коммуникативных ситуаций.

Ключевым элементом обучения на данном этапе является систематическая работа с лексическим материалом, включающая тренировку, автоматизацию лексических единиц и формирование устойчивых лексических стереотипов, что укрепляет связь между формой слова и его значением, и способствует осознанию лексических закономерностей, а значит и запоминанию. На рисунке 2 представлены условия, способствующие успешному запоминанию лингвокультурологической терминологии.

Для укрепления лексических навыков в области лингвокультурологической терминологии значительную роль играет создание речедвигательного образа слова, становящегося основой для формирования других сенсорных образов, таких как зрительные и слуховые. Речедвигательные образы способствуют закреплению в памяти обучающихся нового слова и ускоряют процесс его извлечения из памяти в нужный момент: произнесение слова вслух, его написание и визуализация в контексте позволяют активизировать различные когнитивные каналы восприятия [1].

Важнейшим аспектом усвоения лексики является процесс перекодирования материала, при котором учащиеся преобразуют лексические единицы с помощью вербальных средств, таких как синонимические замены, пояснения или перефразирование. Дополнительно рекомендуется использовать прием «достраивания», когда учащиеся самостоятельно завершают незавершенные фразы или контексты, содержащие изучаемую лексику. Процессы перекодирования и «достраивания» стимулируют активное взаимодействие с материалом и помогают закрепить его на разных уровнях восприятия и использо-

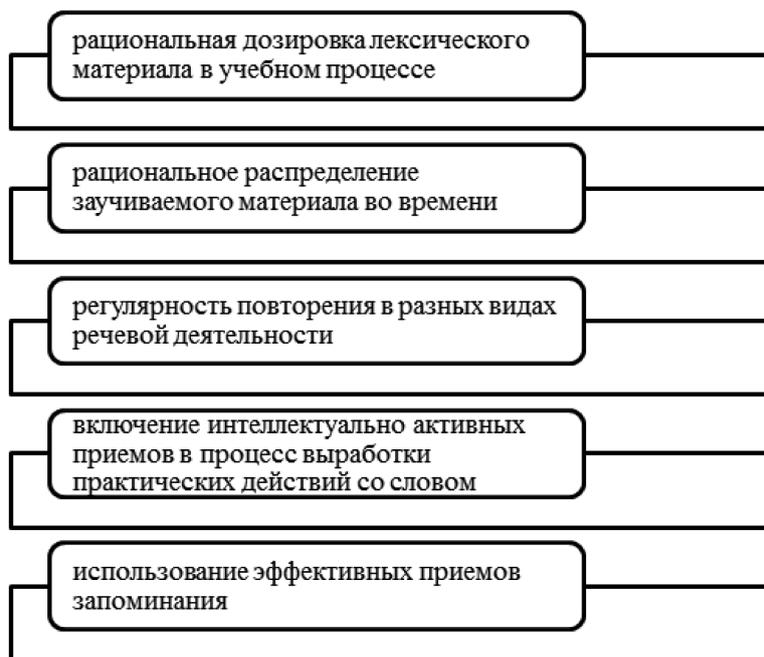

Рис. 2. Условия запоминания лингвокультурологической терминологии (составлено автором по работам А.Н. Шамова).

вания [3].

Кроме того, применение многоканальной тренировки (зрительной, слуховой, речедвигательной) позволяет сформировать более устойчивые ассоциации, связывая слово с контекстами его употребления. Например, работа с терминологией может включать чтение тематических текстов, просмотр видео, участие в дискуссиях и выполнение упражнений на письменное закрепление. Таким образом, обучение становится более комплексным, что повышает вероятность долговременного запоминания и дальнейшего использования лексического материала.

В результате такой многоуровневой работы учащиеся не только осваивают лингвокультурологическую терминологию, но и развивают навыки эффективного оперирования ею в разнообразных речевых ситуациях, особенно актуальное в профессиональной среде, где точное и грамотное использование терминов является основой успешной коммуникации.

Формирование навыков использования лингвокультурологической терминологии при обучении филологов-русистов Турции [3-5] включает несколько ключевых аспектов и этапов (таблица 1), по итогу их прохождения представляется необходимым сформулировать результаты использования алгоритма изучения лингвокультурологической терминологии (рисунок 3).

Лингвистическая компетенция представляет собой совокупность знаний о системе языка и умений, которые необходимы для успешного решения языковых задач и изучения языка как учебной дисциплины. Эффективное решение языковых задач предполагает «усвоение учащимися предусмотренных образовательной программой языковых единиц, а также формирование на их основе навыков и знаний в области фонетики, лексики и грамматики» [8].

В рамках лексической компетенции выделяются элементы, относящиеся к разным аспектам языковой системы: лексике, грамматике, семантике, фонологии, орфографии и орфоэпии, все уровни языковой системы направлены на достижение одной общей цели – передачу смысла с помощью лексических знаков, которые функционируют как единое целое. [9]. В структуру лингвистической компетенции входят лексико-грамматическая, фонологическая и орфографическая компетенции, каждая из которых выполняет свою уникальную функцию в процессе языкового усвоения.

Освоение лексической компетенции предполагает не только знание значения слова, но и умение правильно писать, произносить, воспринимать его на слух и использовать в устной и письменной речи: для полного владения словом учащийся должен быть способен адекватно употреблять его в контексте, подбирать соответствующие синтаксические конструкции и учитывать культурные особенности его применения [5].

Таблица 1.

Алгоритм изучения лингвокультурологической терминологии при обучении филологов-русистов Турции (схематически составлено автором).

Этапы	Формируемые навыки
<i>Лексическая стратегия</i>	учатся организовывать и запоминать лексический материал, используя различные методы и приемы, такие как мнемонические техники, ассоциации, группировка слов по темам и т.д.
<i>Учет особенностей когнитивной деятельности</i>	способность к абстрактному мышлению и анализу, что позволяет эффективно применять когнитивные стратегии для усвоения лексики
<i>Усвоение лексических единиц и их семантической информации</i>	обучающиеся изучают значение и контекст использования терминологических единиц, что помогает им лучше понимать и использовать лексику в различных ситуациях профессиональной деятельности. Отработка практических действий со словом, таких как составление предложений, текстов, описание ситуаций, способствует закреплению навыков употребления лингвокультурологической терминологии.
<i>Выработка навыков комбинированного использования лингвокультурологических терминологических единиц</i>	филологи-русисты учатся комбинировать терминологические единицы для выражения сложных мыслей и идей, что развивает их лексическую креативность и гибкость в общении
<i>Распознавание лингвокультурологических терминологических единиц в текстах</i>	филологи-русисты развивают навык быстрого распознавания терминов в текстах, что позволяет им легче понимать и анализировать тексты в области лингвокультурологии
<i>Активное использование лингвокультурологических терминологических единиц</i>	учатся употреблять единицы терминологии в устной и письменной речи, что важно для свободного общения в профессиональной области «Лингвокультурология»

Рис. 3. Результаты использования алгоритма изучения лингвокультурологической терминологии (составлено автором).

Кроме того, эффективное развитие лексической компетенции требует интеграции с другими аспектами языка: усвоение лексики невозможно без учета грамматических правил, которые регулируют использование слов, или фонологических аспектов, которые обеспечивают правильное произношение. Таким образом, развитие лексической компетенции тесно связано с грамматической, фонологической и другими компетенциями, которые обеспечивают целостное восприятие и использование языка.

В образовательной практике особое внимание уделяется формированию умения работать со словами в различных контекстах: анализ текстов, упражнения на словообразование, тренировку навыков перевода и адаптацию словарного запаса в зависимости от коммуникативной ситуации. Такой подход позволяет учащимся не только овладеть языковыми единицами, но и научиться эффективно применять их в реальных условиях общения, что является ключевой целью изучения иностранного языка.

В качестве показателей лексической компетенции выделяются:

- способность осознанно имитировать звуковой образ слова, что важно для правильного произно-

шения и понимания речи на слух;

- умение быстро находить нужные слова в своем ментальном лексиконе, что ускоряет процесс коммуникации;
- способность реконструировать ментальный образ слова в языковую форму, что важно для выражения своих мыслей на иностранном языке;
- высокий уровень развития лексической компетенции обеспечивает точность и выразительность высказываний, позволяя передавать прагматически значимую информацию через значения и смыслы лексических единиц.

Таким образом, формирование лексической компетенции в профессиональной области «Лингвокультурология» требует комплексного подхода, включающего организацию материала, усвоение семантической информации, практические действия со словом, выработку навыков комбинирования лексики, а также развитие лексической креативности и саморефлексии. Представленные в исследовании приемы работы позволяют наиболее эффективно формировать лексические компетенции в профессиональной области «Лингвокультурология» при обучении филологов-русистов Турции, делая процесс обучения интересным и результативным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011. – 256 с.
2. Чернышов С.В., Шамов А.Н. Теория и методика обучения иностранным языкам. – М.: КноРус, 2022. – 442 с.
3. Шамов, А.Н. Грамматика и лексика как операциональная основа во овладении иностранным языком в школе / А.Н. Шамов, Н.С. Пронина // Проблемы

- современного педагогического образования. – 2017. – № 57-7. – С. 264-273.
4. Шамов, А.Н. Когнитивный подход к обучению лексике: моделирование и реализация (Базовый курс немецкого языка) : специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)» : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Шамов Александр Николаевич. – Нижний Новгород, 2005. – 537 с.
  5. Шамов, А.Н. Лексические навыки устной речи и чтения -основа семантической компетенции обучаемых / А.Н. Шамов // Иностранные языки в школе. – 2007. – № 4. – С. 19-26.
  6. Хайруллина, Р.Х. Современные тенденции в лексикографии: лингвокультурологический словарь / Р.Х. Хайруллина, В.В. Воробьев, Ф.Г. Фаткуллина // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 4(83). – С. 441-442.
  7. Лингвокультурология и языки для специальных целей / В.В. Воробьев, Е.С. Закирова, А.Г. Давтян [и др.] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – № 11-2. – С. 85-90.
  8. Гальскова, Н.Д. Образование в области иностранных языков: новые вызовы и приоритеты / Н.Д. Гальскова // Иностранные языки в школе. – 2008. – № 5. – С. 2-7.
  9. Бекасов, И.К. Совершенствование иноязычной коммуникативной компетенции студентов-лингвистов с использованием Интернет-технологий (английский язык, продвинутый этап обучения): специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Бекасов Илья Кириллович. – Санкт-Петербург, 2008. – 20 с.

© Темиз Умутджан (temizumutcan@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ СТРЕССОВЫХ ФАКТОРОВ НА ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ СОТРУДНИКОВ МЧС

Ферапонтова Юлия Витольдовна

кандидат педагогических наук, ФГБОУ ВО «Уральский институт Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий»
uviness@mail.ru

INFLUENCE OF STRESS FACTORS ON LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF PROFESSIONAL SPEECH OF EMERCOM EMPLOYEES

Yu. Ferapontova

Summary: The article is devoted to the analysis of the influence of stress factors on the linguistic characteristics of professional speech of EMERCOM employees in the conditions of performing dangerous tasks. The relevance of the study is due to the need to identify indicators of psychophysiological stress for the timely prevention of professional burnout, the novelty of the work lies in the systematization of data on speech transformations in stressful situations and the identification of markers of cognitive and emotional overstrain. The study describes the main changes in speech patterns, studies the features of anxiety and cognitive impairment in professional communication. Attention is paid to the influence of the duration of stress on the structure of speech. The work aims to identify speech indicators of professional stress. To achieve this goal, the methods of comparative analysis, data systematization, and analysis of scientific sources were used. The papers devoted to professional stress, emotional burnout, and speech behavior of rescuers are examined. The conclusion describes the main signs of speech changes, their connection with the emotional state of employees, and the practical significance of taking them into account. The article will be useful for specialists in the field of psycholinguistics, extreme psychology, and professional training of rescuers.

Keywords: professional stress, linguistic characteristics, EMERCOM employees, speech indicators, cognitive stress, emotional burnout, stress factors, extreme psychology, speech disorders, burnout prevention.

Аннотация: Статья посвящена анализу влияния стрессовых факторов на лингвистические характеристики профессиональной речи сотрудников МЧС в условиях выполнения опасных заданий. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления индикаторов психофизиологического напряжения для своевременной профилактики профессионального выгорания, новизна работы заключается в систематизации данных о речевых трансформациях в стрессовых ситуациях и выделении маркеров когнитивного и эмоционального перенапряжения. В рамках исследования описаны основные изменения речевых паттернов, изучены особенности проявления тревожности и когнитивных нарушений в профессиональной коммуникации. Внимание уделено влиянию длительности стрессового воздействия на структуру речи. Работа ставит целью выявление речевых индикаторов профессионального стресса. Для достижения этой цели использованы методы сравнительного анализа, систематизации данных, анализа научных источников. Исследованы работы, посвященные профессиональному стрессу, эмоциональному выгоранию, речевому поведению спасателей. В заключении описаны основные признаки речевых изменений, их связь с эмоциональным состоянием сотрудников и практическая значимость их учета. Статья будет полезна специалистам в области психолингвистики, экстремальной психологии, профессиональной подготовки спасателей.

Ключевые слова: профессиональный стресс, лингвистические характеристики, сотрудники МЧС, речевые индикаторы, когнитивное напряжение, эмоциональное выгорание, стрессовые факторы, экстремальная психология, речевые нарушения, профилактика выгорания.

Современные исследования в области экстремальной психологии и психолингвистики указывают на существенное влияние стрессовых факторов на речевую деятельность представителей спасательных служб. Специалисты МЧС нередко оказываются в условиях, которые требуют предельной мобилизации физических и интеллектуальных ресурсов, и это отражается на формально-лингвистических признаках их речи. Актуальность темы обусловлена не только потребностью в обеспечении эффективности взаимодействия в команде, но и поддержанием общего психофизиологического благополучия спасателей, особенно при нарастании эмоциональных перегрузок.

Цель настоящего исследования — определить, каким образом стрессовые факторы профессиональной среды влияют на лингвистические характеристики речи у сотрудников МЧС, и выявить потенциальные возможности ранней диагностики чрезмерного психоэмоционального напряжения.

Исходя из данной цели были поставлены следующие задачи:

1. Обобщить данные теоретических и практических работ, посвященных анализу профессиональной речи в экстремальных условиях.
2. Сопоставить различные модели оценки психофизиологического напряжения и его проявлений в

языковом поведении сотрудников МЧС.

3. Выявить основные лингвистические маркеры повышенного стресса и обсудить перспективы их использования для профилактики деструктивных последствий эмоционального истощения.

Научная новизна исследования заключается в том, что в предлагаемой работе в единый контекст сведены психолингвистические, психологические и организационно-управленческие принципы функционирования речи спасателей. Показано, что формальные изменения в синтаксической и интонационной структуре высказываний, в лексическом наполнении при определенных условиях служат объективными индикаторами негативного влияния профессионального стресса.

При написании статьи учитывались результаты исследований, которые посвящены вопросам профессионального стресса, копинг-стратегий и психофизиологических принципов деятельности спасателей. Так, в работе Н.В. Буравцовой, В.И. Коваленко и Т.Ю. Сычевой [2] рассматриваются механизмы развития профессионального стресса у сотрудников МЧС и описываются психокоррекционные методики для снижения его негативного влияния. Исследование Д.В. Жабина и В.Ю. Ивановой [3] посвящено вопросам психолингвистического анализа речи в ситуации травматического фактора, в нем демонстрируются изменения формальных параметров звучащих высказываний под воздействием стрессовых условий.

В публикации Е.И. Мозговой и А.Х. Дзгоева [8] обсуждаются подходы к профилактике эмоционального выгорания, а также факторы, повышающие стрессоустойчивость и содействующие психологической безопасности. В.М. Сенишина [11], основываясь на психологическом анализе структуры стрессоустойчивости, выявляет главные личностные и профессионально важные качества спасателей и обосновывает пути совершенствования их подготовки. А.В. Мордовская [9] в своей работе анализирует проявления стресса у сотрудников МЧС, выделяя факторы, связанные с экстремальностью служебных задач и ответственностью за жизнь людей.

Подробное описание влияния организационных условий и среды на психосоматическое здоровье спасателей содержится в исследовании Е.И. Кашкевич, Е.Ю. Екимовой и О.П. Горловой [6], в котором обсуждаются средовые стресс-факторы и методы их коррекции. При этом А.И. Алонцева и А.С. Грякалова [1] обращают внимание на зависимость посттравматического стрессового расстройства от мыслительных профессионально важных качеств, это помогает комплексно подойти к вопросу оценки состояния сотрудников МЧС. Анализ социально-психологических характеристик профессионального выгорания приводит М.С. Калинина и И.В. Багажков [5],

они приходят к выводу о необходимости прогнозирования риска эмоционального истощения, особенно в подразделениях, связанных с пожарно-спасательными работами.

В методическом аспекте значимы работы Д.В. Жабина [4], где описываются принципы исследования спонтанной речи в условиях стресса, позволяющие выявлять напряженность речи по формальным признакам. Подобного рода подход подтверждается данными о формировании профессионального стресса и эмоционального выгорания у пожарных-спасателей, приведенными С.И. Филиппенковой [12]. С другой стороны, Ф.Н. Муинова [10] указывает на связь индивидуально-типологических особенностей со стрессоустойчивостью, раскрывая значение оптимального баланса личностных черт для поддержания психологической стабильности. Э.Ш. Шахметова и соавторы [13] выделяют роль психофизиологических показателей при оценке уровня выгорания, являя объективные критерии, отражающие истощение нервной системы. Наконец, В.С. Миняйло [7], исследуя копинг-стратегии при разном уровне эмоционального выгорания, демонстрирует необходимость учета поведенческих паттернов специалистов для создания профилактических мероприятий.

В настоящем исследовании был использован сравнительный метод, позволивший сопоставить различные модели анализа профессионального стресса у сотрудников МЧС и выявить общие черты в трансформации речевых характеристик под влиянием экстремальных факторов. Далее, был применен метод анализа научных источников, нацеленный на обобщение теоретических данных о факторах, усиливающих или, напротив, ослабляющих стрессоустойчивость специалистов. Также осуществлялся метод систематизации, позволивший группировать сведения о психофизиологических и лингвистических аспектах профессиональной речи с учетом отличий в стаже, особенностях деятельности и индивидуально-типологических характеристиках сотрудников.

Исследователи в области психолингвистики и экстремальной психологии пишут, что высокий уровень психоэмоционального напряжения при выполнении опасных заданий отражается на языковой стороне речи сотрудников МЧС [2, 4, 5, 9]. В ходе анализа теоретических данных и материалов, посвященных работе специалистов в кризисных условиях, отмечено, что повышенная тревожность и физическое переутомление ведут к непроизвольному изменению ритма, паузации, частоте обмолвок и характеру синтаксического оформления высказываний [1, 6, 12]. Наблюдения указывают, что сила голосового напряжения и общая сбивчивость в построении фраз нарастают при увеличении длительности пребывания в трудных или потенциально травмирующих обстоятельствах [3, 11]. Так как травматический стресс

является наглядным примером ярко выраженной острой реакции организма, вызванной патофизиологическим фактором. И, очевидно, что эта реакция сопровождается определенными изменениями в организме человека, в связи с тем, что физическая травма является событием высокой интенсивности и оказывает непосредственное влияние на психоэмоциональную сферу человека.

Формальные характеристики речи сотрудника МЧС служат индикаторами уровня его психологического состояния [8, 11]. Сокращение средней длины фразы, участвовавшие паузы гезитации и фальш-старты показывают высокую когнитивную нагрузку при выборе речевых конструкций [12]. По данным многих авторов, усиление ассоциативных пауз и поисковых слов характеризует напряжение, снижает плавность, нарушает связность речи [2, 7]. Наблюдаемая дезорганизация речевого потока может сопровождаться неосознанными оговорками, подменой терминов и рядом грамматических несовершенств, это свидетельствует о дефиците ресурсов самоконтроля у говорящего. Исследования указывают на то, что в подобных условиях усиливается диспропорция между намерением сформулировать точную информацию и действительной возможностью ее корректно передать [4, 5]. В частности, эмоциональная устойчивость сотрудника МЧС связана с наличием осознанной стратегии действий и сформированными механизмами совладающего поведения, позволяющими справиться с трудной ситуацией адекватными способами и методами.

Изучение лексического наполнения реплик пожарных и спасателей показало, что при росте стрессового напряжения возрастает число эмоционально окрашенных междометий и частиц [7, 10, 13]. Параллельно проявляются нарушения, связанные с выбором тематически адекватных понятий и логической структурой высказываний. Высокая вероятность ситуаций, угрожающих личной безопасности, содействует нарастанию тревожных оценок и защитных вербальных приемов. Такие проявления выражаются в частом повторении слов с негативным оттенком, дополнительном использовании модальных конструкций для усиления высказывания, в непреднамеренной гиперболизации трудностей [2, 9]. Подобные особенности служат индикаторами психофизиологического перенапряжения и существенными признаками языковых трансформаций под влиянием экстремальных факторов [3, 11].

Проведенные сравнительные анализы свидетельствуют о том, что при долгом пребывании в состоянии повышенной угрозы у сотрудников МЧС формируется склонность к формальным упрощениям лексико-синтаксических конструкций [1, 8]. Уровень речевого оформления падает, растет число фрагментированных предложений, которые теряют синтаксическую завершенность. Помимо прочего, в спонтанных монологических отрыв-

ках обнаруживается сдвиг в расстановке логических ударений и смена темпа речи (говорит о внутреннем колебании внимания и эмоций) [5]. По данным авторов, подобная динамика прослеживается преимущественно у тех специалистов, кто имеет более короткий стаж службы и менее устойчив к эмоциональным перегрузкам [6].

Сопоставление наблюдений позволяет заключить, что при повышенной стрессовой нагрузке у спасателя ослабляется согласованность речевых действий, возникает склонность к избыточным паузам, поиску слов-паразитов и к ошибкам в употреблении профессиональных терминов [12]. По мере возрастания отрицательного эмоционального фона интонационный рисунок получает скачки высоты тона и нерегулярное ускорение темпа [4, 5, 7, 12]. Эксперты указывают, что подобные изменения речи сигнализируют о зарождающемся дистрессе и способны негативно влиять на адекватность коммуникации в команде и успешность принятия решений [6, 8]. Систематическое изучение подобных тенденций в речи сотрудников МЧС предоставляет возможность вовремя выявлять признаки накопления психического перенапряжения и проводить меры профилактики, ориентированные на сохранение их психологического и речевого благополучия [10, 13].

Теоретические исследования демонстрируют прямое влияние стрессовых нагрузок на речевое поведение сотрудников МЧС, так, при возрастании психофизиологического напряжения заметно изменяются темпо-ритмические параметры и структура высказываний: теряется плавность, увеличивается частота сбивков, пауз-гезитаций, непреднамеренных повторов и обмолвок. Специалисты нередко прибегают к укороченным синтаксическим конструкциям, а это сужает спектр используемых терминов и осложняет понимание услышанного.

Накопленное переутомление, усиленная тревожность и необходимость оперативно принимать решения приводят к тому, что смысловая точность страдает: формулировки теряют логическую стройность, а ударения внутри фраз принимают неравномерный характер. В многочисленных работах указывается, что подобные нарушения возникают при длительном воздействии внешних стрессоров, в том числе при угрозе жизни и ограниченном времени для действий.

Сопоставление разных источников показывает, что наибольшую нагрузку испытывают сотрудники с небольшим стажем службы: они чаще демонстрируют трудности с подбором слов и проявляют тенденцию к речевой монотонии. В группе опытных спасателей нередко встречаются интонационные и лексические искажения в состоянии эмоционального истощения, хотя такие сотрудники в целом удерживают большой контроль над речевой структурой.

Исследователи сходятся во мнении, что результатом нарастающего стресса становится непроизвольное применение агрессивных высказываний или эмоционально заряженных междометий, которые мешают слаженной работе команды. Одновременно обращается внимание на потенциальную обратимость указанных явлений: при грамотно выстроенной системе психопрофилактики, релаксационных тренировках и обучении самоанализу речевых паттернов есть основания для восстановления функционального ресурса речи.

В ходе исследования была проанализирована совокупность теоретических и практических работ, посвященных феномену профессионального стресса у специалистов-спасателей, которые позволили обобщить данные о речевом поведении в экстремальных условиях и выделить основные лингвистические признаки, указывающие на психофизиологическое напряжение. Сравнительный обзор существующих моделей оценки эмоционального выгорания и тревожности при выполнении опасных заданий показал, что, несмотря на различие подходов, все они фиксируют изменения в структуре

речи (например, учащение пауз, фальш-старты, сокращение синтаксических конструкций), свидетельствующие о нарушении когнитивных и эмоциональных процессов. На основе сопоставления материалов удалось определить основные маркеры речевой напряженности (нарушение плавности, рост числа оговорок и ошибочных терминов, а также частые колебания интонации), которые становятся индикаторами критического уровня стресса и используются для своевременной профилактики эмоционального истощения.

Так, установлено, что лингвистические характеристики речи сотрудников МЧС способны не только отражать, но и предупреждать о неблагоприятном развитии стрессовых состояний; их своевременный учет в рамках психолингвистического мониторинга, дополненный психологическими и организационными мерами, может повысить продуктивность профессиональной деятельности спасателей, обеспечить раннее выявление признаков выгорания и благоприятствовать сохранению их психического здоровья в условиях экстремальных нагрузок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алонцева А.И., Грякалова А.С. Зависимость посттравматического стрессового расстройства от мыслительных профессионально важных качеств у работников МЧС // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 84-1. С. 396–397.
2. Буравцова Н.В., Коваленко В.И., Сычева Т.Ю. Исследование и коррекция профессионального стресса у сотрудников МЧС // Сибирский педагогический журнал. 2018. № 4. С. 120–129.
3. Жабин Д.В. Методика исследования спонтанной речи говорящего в состоянии стресса // Полилингвильность и транскультурные практики. 2009. № 4. С. 76–80.
4. Жабин Д.В., Иванова В.Ю. Психолингвистический анализ звучащей речи в условиях патофизиологического (травматического) фактора стресса // Вестник КГУ. 2023. № 4. С. 153–157.
5. Калинина М.С., Багажков И.В. Социально-психологические показатели профессионального выгорания сотрудников МЧС России // Вестник науки. 2024. № 3 (72). С. 526–531.
6. Кашкевич Е.И., Екимова Е.Ю., Горлова О.П. Особенности средовых и организационных стресс-факторов и их влияние на психосоматическое здоровье спасателей подразделений МЧС России // АНИ: педагогика и психология. 2020. № 2 (31). С. 326–328.
7. Миняйло В.С. Исследование копинг-стратегий сотрудников МЧС с различным уровнем эмоционального выгорания // Теория и практика современной науки. 2020. № 6 (60). С. 235–238.
8. Мозговая Е.И., Дзгоев А.Х. Проблемы профилактики профессионального стресса и эмоционального выгорания у сотрудников МЧС // НРСР. 2024. № 3. С. 56–63.
9. Мордовская А.В. Особенности проявления стресса у работников МЧС // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 5-2. С. 197–198.
10. Муинова Ф.Н. Взаимосвязь индивидуально-типологических особенностей со стрессоустойчивостью у сотрудников МЧС // Вопросы права. 2024. № 2. С. 29–32.
11. Синишина В.М. Психологический анализ структуры стрессоустойчивости спасателей // Психология и право. 2013. Т. 3, № 3. С. 121–131.
12. Филиппченкова С.И. Особенности формирования профессионального стресса и эмоционального выгорания у пожарных-спасателей // ЭСГИ. 2021. № 4 (32). С. 131–137.
13. Шаяхметова Э.Ш., Нугаева А.Н., Тулитбаева Г.Ф., Самигуллин Р.Р. Взаимосвязи эмоционального выгорания и психофизиологических показателей у сотрудников противопожарной службы МЧС России // Психология. Психофизиология. 2021. № 1. С. 128–135.

© Феррапонтова Юлия Витольдовна (uviness@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Ч. АЙТМАТОВА «КОГДА ПАДАЮТ ГОРЫ (ВЕЧНАЯ НЕВЕСТА)»

Ху Минсинь

Аспирант, Хэйлунцзянский Университет,
(г. Харбин, Китай)
1369699938@qq.com

PROBLEMS OF ENVIRONMENTAL ETHICS IN CH. AITMATOV'S WORK "WHEN MOUNTAINS FALL (ETERNAL BRIDE)"

Hu Mingxin

Summary: The article is devoted to the analysis of environmental ethics in Chingiz Aitmatov's novel "When the Mountains Fall". The introduction examines the life and work of the writer, emphasizing his significance in the context of philosophical and cultural issues. The main focus is on the problems associated with globalization, which leads to the deterioration of the environmental situation and the gap between man and nature. Deep moral and ethical conflicts are revealed through the example of the fate of the snow leopard Zhaabars and the hero Arsen Samanchin, who fights for the protection of the environment. Through metaphors and symbols, Aitmatov shows how the pursuit of commercialization and greed destroy traditional values and nature. The article concludes with a discussion of the need to return to harmony between man and nature, calling on society to realize its responsibility to the ecosystem and strive for sustainable development. Thus, the novel becomes a warning about the social and environmental crises that humanity faces in modern times.

Keywords: Chingiz Aitmatov, environmental ethics, "When the Mountains Fall".

Аннотация: Статья посвящена анализу экологической этики в романе Чингиза Айтматова «Когда падают горы». Введение рассматривает жизнь и творчество писателя, подчеркивая его значимость в контексте философских и культурных вопросов. Основное внимание уделяется проблемам, связанным с глобализацией, которая приводит к ухудшению экологической ситуации и разрыву между человеком и природой. На примере судьбы снежного барса Жаабарса и героя Арсена Саманчина, борющегося за защиту окружающей среды, раскрываются глубокие моральные и этические конфликты. Через метафоры и символы Айтматов показывает, как стремление к коммерциализации и жадность разрушают традиционные ценности и природу. Статья завершает обсуждением необходимости возвращения к гармонии между человеком и природой, призывая общество осознать свою ответственность перед экосистемой и стремиться к устойчивому развитию. Таким образом, роман становится предостережением о социальных и экологических кризисах, с которыми человечество сталкивается в условиях современности.

Ключевые слова: Чингиз Айтматов, экологическая этика, «Когда падают горы».

Введение

Чингиз Айтматов, выдающийся представитель советской и постсоветской литературы 20-го века, с конца 1950-х годов завоевал признание благодаря своему глубокому творчеству, сочетающему традиционную кыргызскую культуру и современные литературные тенденции. Он был удостоен Ленинской литературной премии в 1963 году, что подтвердило его статус одного из ведущих писателей своего времени.

С начала 1980-х годов Айтматов расширяет свое творчество, обращая внимание на универсальные вопросы добра и зла, жизни и смерти, исследуя моральные и духовные ценности, а также проблемы экологии. Его последний роман «Когда падают горы (Вечная Невеста)», опубликованный в журнале «Дружба народов», представляет собой шедевр, демонстрирующий его глубокую мысль.

Эта работа анализирует влияние глобализации на экологическую этику и судьбу человечества. В романе города и села Кыргызстана служат фоном для яркого

отображения воздействия экономической глобализации на повседневную жизнь людей. Логика коммерциализации разлагает этические нормы, превращая людей в жертв капиталистических механизмов.

В центре сюжета две основные линии: история снежного барса Жаабарса и судьба защитника природы Арсена Саманчина. Вмешательство человека ведет к гибели Жаабарса, а Арсен, пытаясь его спасти, также находит свою гибель. Эта трагедия подчеркивает экологическое неблагополучие современного общества и стремление Айтматова к гармонии между человеком и природой.

Айтматов поднимает вопрос о важности пересмотра отношений человека с природой в условиях глобализации. Его роман выявляет причины и последствия экологического кризиса, подчеркивая неразрывную связь между человеком и окружающей средой. Защищая природу, люди защищают свои дома, что делает актуальными идеи автора для современного общества. Таким образом, статья анализирует роман «Когда падают горы» с трех уровней: взаимодействия человека с природой, людьми и внутреннего конфликта, раскрывая размыш-

ления Айтматова о судьбе человечества в условиях глобализации.

Естественный экологический кризис и конфликт человека с природой

Природа делится на естественную, социальную и духовную экологии. Внешняя природа (естественная и социальная) и внутренняя природа (духовная) взаимосвязаны и создают целостную экосистему для выживания человека. Американский эколог Альдо Леопольд отметил, что «земельная этика» подразумевает, что человек должен видеть себя частью экологического сообщества, а не его хозяином [8, с. 330]. В произведениях Айтматова человечество часто занимает второстепенные роли, отражая социальные проблемы через взаимодействие с природой и животными.

В романе «Когда падают горы» Жаабарс, когда-то король своего рода, испытывает гнев и боль, когда самка отвергает его. Однако он все же следует законам природы. Это контрастирует с человеческим отношением, когда глобализация и жадность приводят к безразличию к природе. Охота уникальным образом превращается в бизнес, как это показывает история Бектура, который использует диких животных для обогащения жителей деревни. Чрезмерная эксплуатация ресурсов разрушает экологический баланс.

Богатые арабские бизнесмены рассматривают Жаабарса как товар, не заботясь о местной экологии [5, с. 106]. Коммерция, маскирующаяся под охоту, создает иллюзию помощи бедным. По словам теолога Юргена Мольтмана, лишь «аутсайдеры и бездомные практикуют хищническую эксплуатацию» [3, с. 67].

Противопоставлением этому является Арсен, который сомневается, но позволяет себе исследовать возможность борьбы за природу. Элес, его единомышленник, вдохновляет его на защиту снежных барсов. Вместе они представляют экологическую этику, осознавая хрупкость экосистемы и необходимость ее защиты.

Арсен решительно выступает против охоты, начиная с предупреждения богатых бизнесменов: «Руки прочь от наших снежных барсов! Убирайтесь отсюда!» [5, с. 176-177]. Однако его отвага приводит к трагедии, когда он оказывается застреленным.

Смерть Арсена вызывает разрыв в деревне: часть жителей считает его жертвой, другая — предателем. Айтматов использует символику природы, показывая её как живое существо с эмоциями, что вызывает у читателей осознание их места в экосистеме. Поведение «ласточки» и судьба Жаабарса подчеркивают важность симбиотических отношений между человеком и природой.

Айтматов объединяет судьбы Жаабарса и Арсена, указывая на единство жизни и природы. Глобализация приводит к утрате уважения к природе, превращая любовь и традиции в товары. Подобно предостережению эколога Эдварда Уилсона: «Если человечество продолжит уничтожать биоразнообразие, мы не сможем поддерживать экосистемы Земли» [4, с. 98].

Таким образом, Айтматов обращает внимание на необходимость переосмысления взаимоотношений между человеком и природой, подчеркивая, что только уважительно относясь к природе, человечество сможет обрести устойчивое будущее.

Социальный и экологический кризис, вызванный конфликтом между людьми и окружающими

Роман «Когда падают горы» изображает Кыргызстан после распада Советского Союза, когда страна подверглась жестокому влиянию экономической глобализации. Этот процесс вызвал беспрецедентные изменения в жизни города и села, затрагивая не только экономическую сферу, но и традиционные ценности и нормы поведения. Социальный ландшафт стремительно меняется, уступая место рыночным отношениям и потребительской культуре.

Экологический кризис, вызванный конфликтом человека с природой, также негативно сказывается на социальных отношениях. Ульрих Бек подчеркивает, что «индивидуализация в обществе риска привела к распаду традиционных социальных связей» [6, с. 340]. В условиях экономического кризиса растёт разрыв между богатыми и бедными, что приводит к обострению социальных противоречий. Это отражено в романе, где молодые люди из заброшенных деревень выражают свою безысходность: «Ты не нужен обществу, убирайся отсюда» [5, с. 41].

Социальная дифференциация отмечает несбалансированное развитие, где персонажи теряют свои работы и вынуждены менять профессии из-за низкой зарплаты [5, с. 41]. Одновременно люди начинают заниматься незаконной охотой на исчезающие виды, показывая, как жадность и стремление к материальному обогащению угрожают природе и обществу. Это демонстрирует противоречие между экономической деятельностью и сохранением природы.

Таштанафган описывает огромную пропасть между богатыми и бедными, утверждая, что у богатых своя глобализация, а бедные должны «жестко» добиваться справедливости. Бектур, основывая коммерческую компанию по охоте, угрожает экосистеме, создавая социальные конфликты и игнорируя свои обязательства перед природой [5].

Айтматов остро критикует моральный упадок чело-

вечества, описывая людей, как паразитов, использующих природу в своих целях. В романе функционирует многообразие голосов, отражающих конфликт между защитниками природы и разрушителями экосистемы. Персонажи, такие как Арсен и Элес, выступают за экологическую справедливость, в то время как Таштанафган олицетворяет жадность и разрушение [5].

Роман служит предупреждением о необходимости пересмотра отношений человека и общества, призывая к созданию справедливой экосистемы. Он утверждает, что истинное благополучие возможно лишь при гармоничном сосуществовании с природой [5].

Таким образом, «Когда падают горы» представляет собой глубокий анализ последствий глобализации для Кыргызстана, подчеркивая важность сохранения природного баланса и социальной справедливости для достижения устойчивого развития.

Духовный экологический кризис, вызванный конфликтом между человеком и самим собой

Дисбаланс социальной экологии не только усугубляет напряжённость межличностных отношений, но и влияет на внутренний мир людей, приводя к кризису духовной экологии. Внешние давления усиливают внутренние конфликты индивидов. Противоречие между человеком и самим собой — яркое проявление этого кризиса. В западной лингвистике слово «Nature» охватывает понятия «природа» и «натюрморт» [1]. Человеческая природа, как проявление духа и природы, включает в себя внутреннюю целостность, основанную на гармонии между сознанием и подсознанием. Однако глобализация и материализм нарушают эту гармонию, разделяя духовную экосистему человека.

В романе влияние глобализации затрагивает все сферы жизни: даже любовь становится товаром. Арсен, опустошённый в карьере и в отношениях, переживает психологический кризис, ощущая замешательство и депрессию. Сталкиваясь с внутренним конфликтом между своими моральными убеждениями и давлением общества, он осознаёт, как жажда материального богатства подрывает индивидуальные ценности.

На фоне концерта на стадионе, наполненного ярким светом и шумом, Арсен понимает упадок духовных ценностей. Люди предпочитают поверхностные удовольствия глубинным эмоциям [5]. В этом контексте бывшая певица становится «звездой», но Арсен остаётся на обочине, осознавая, что капитал диктует правила. Его внутренний конфликт подчёркивает кризис идентичности в обществе, где материальные ценности превалируют над духовными.

Арсен, конфликтуя с капиталистическими структу-

рами, осознаёт свою изоляцию и одиночество, будучи обычным репортером, отвергающим социальные перемены. Его гнев и отчаяние находят выражение в мечтах о мести к олигархам. Это отражает слова Эриха Фромма: «Современные люди становятся всё богаче, но чувствуют себя опустошёнными и одинокими» [7, с. 86].

Бектур и его односельчане игнорируют экосистему, стремясь к экономическому росту и материальному богатству. Их действия ведут к экологической катастрофе, угрожая жизнеспособности их деревни. Стремление к прибыли подрывает ответственность за окружающий мир. Так, снежные барсы становятся символом власти и прибыльности, что приводит к их охоте. Эти действия отражают утрату моральных и этических ценностей, приводя к духовной пустоте.

Айтматов указывает, что патологическое стремление к материальным благам ведёт к разрушению человеческой природы. Его произведение предупреждает о последствиях чрезмерного увлечения деньгами и властью, подчеркивая, что соблюдение баланса между материальными и духовными ценностями является критически важным. Как отметил Маркс, «сущность человека — это сумма всех общественных отношений» [2, с. 56]. Духовный кризис является результатом порабощения человека материей и капиталом.

В заключение, духовный экологический кризис в «Когда падают горы» является следствием изменений, вызванных глобализацией и капитализмом. Этот кризис отражается в внутреннем разладе персонажей и их утрате связи с природой. Айтматов призывает к восстановлению баланса между материальным и духовным, подчеркивая важность переосмысления ценностей для выхода из кризиса и сохранения экологического равновесия.

Заключение

Роман «Когда падают горы» Чингиза Айтматова раскрывает многогранность экологического кризиса в контексте глобализации, благодаря глубокому изображению трёх основных конфликтов: между человеком и природой, между человеком и другими, а также внутреннего конфликта человека с самим собой. Это произведение побуждает людей задуматься о своих действиях, восстанавливать гармоничные отношения как между человеком и природой, так и между людьми, а также активно пропагандировать экологическую этику и гуманный дух. Такое слияние философского мышления и литературного творчества не только имеет важное академическое значение, но и вдохновляет современное общество на решение острых экологических проблем.

Лу Шуюань однажды заметил: «Литература — это «человековедение», и она также должна быть посвящена

взаимоотношениям человека с природой и экологии человека. Мы должны в полной мере воплотить натуралистический дух Торо и Тао Юаньмина, позволить литературе активно участвовать в движении за спасение земли, и пусть литература спасается, спасая землю. С этой целью деятели литературы всего мира должны объединиться и сделать всё возможное для сохранения экосистемы Земли» [1, с. 28]. Именно на вершине всего человечества Айтматов выступает в качестве моста между природой и человечеством. Через свои произведения он раскрывает читателям обостряющийся природный и духовный экологический кризис, глубоко размышляя о роли человечества в этих кризисах.

Призыв к защите природы и поддержанию экологического равновесия — это не только обязанность работ-

ников литературы и искусства, но и общая миссия всего человечества. В данном произведении писатель использует глубокие философские размышления и изысканные художественные приёмы, чтобы призвать людей обратить внимание на экологические проблемы и отстаивать экологическую этику. Его работы имеют важное академическое значение в области экологической литературы и предоставляют ценное идеологическое богатство и рекомендации к действию. Как отметила Программа Организации Объединённых Наций по окружающей среде в своём докладе: «Устойчивое развитие требует глобальных совместных усилий для обеспечения того, чтобы экосистема Земли могла удовлетворять потребности нынешнего и будущих поколений» [9, с. 78]. Это утверждение перекликается с призывом автора ко всему человечеству разделить экологическую ответственность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лу Сюань. Естественный союзник Тао Юаньмина за океаном. Журнал университета Чжунчжоу, 2016, № 33(04). С. 23-28.
2. Маркс К. Что касается набросков Фейербаха, то это первый том избранных произведений Маркса и Энгельса. Пекин: Народное издательство. 135 с.
3. Мольтман Ю. Бог в творении. Перевод: Куй Жэньлян и др. Пекин: Книжный магазин Life Reading Xinzhi Sanlian, 2002. 89 с.
4. Уилсон Э. Будущее жизни. Перевод: Ли Ху и Чжу Шуйюн. Шанхай: Шанхайское издательство науки и техники, 2003. 193 с.
5. Чингиз Айтматов. Когда падают горы. Перевод: Гу Синя. Пекин: Издательство китайской литературы, 2006. 227 с.
6. Beck U. Living in the World Risk Society. *Economy and Society*, 2006, 35(3).
7. Fromm E. Individual and Social Origins of Neurosis. *American Sociological Review*, 1941, 6 (6).
8. Leopold A. The Land Ethic. *Journal of Wildlife Management*, 1949, 12(3).
9. United Nations Environment Programme. *Global Environment Outlook 6: Summary for Policymakers*. *Environmental Policy and Law*, 2019, 49(2).

© Ху Минсинь (1369699938@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДЕТЕКТИВНЫЕ ПОВЕСТИ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ КАК ЖИЗНЕСПОСОБНЫЙ ЖАНР СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹

Чжэн Гуанцзе

кандидат филологических наук, доцент, Цзянсуский педагогический университет (г. Сюй Чжоу, Китай)
ouliya0920@163.com

Белоус Борис Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)
bbelous@mail.ru

DETECTIVE STORIES FOR CHILDREN AND ADOLESCENTS AS A VIABLE GENRE OF CONTEMPORARY RUSSIAN CHILDREN'S LITERATURE

**Zheng Guangjie
B. Belous**

Summary: This article considers detective as one of the most popular genres of modern literature for children and teenagers. The model of a children's detective book is defined, the main characteristics of the studied genre are given, the ways of presentation of material in the works of children's writers are analyzed, and the features distinguishing children's detective from other genres of modern literature are revealed. The article presents a detailed analysis of the content of A.B. Birger's detective story "The Mystery of the Museum Exhibit". In the course of the work, the specificity of the genre of modern Russian children's and youth detective is revealed, the history of the formation of children's detective as a literary genre is considered, and the prospects of development of detective literature for children and youth at the present stage are determined.

Keywords: detective genre, children's book, educational component, adventure, crime.

Аннотация: В данной статье рассматривается детектив как один из наиболее популярных жанров современной литературы для детей и подростков, определена модель детской детективной книги, даны основные характеристики исследуемого жанра, проанализированы способы подачи материала в произведениях детских писателей, выявлены особенности, отличающие детский детектив от других жанров современной литературы. В статье представлен подробный анализ содержания детективной повести А.Б. Биргера «Тайна музейного экспоната». В ходе работы выявлена специфика жанра современного российского детского и юношеского детектива, рассмотрена история становления детского детектива как литературного жанра, определены перспективы развития детективной литературы для детей и юношества на современном этапе.

Ключевые слова: детективный жанр, детская книга, воспитательная составляющая, приключение, преступление.

Детективный жанр является одним из самых популярных в мировой литературе. Он даёт возможность читателям отдохнуть, отвлечься от забот, встать на место сыщика и попытаться раскрыть преступление. Детективная литература оказывает серьёзное воздействие на любителей остросюжетной литературы, развивая его или создавая иллюзию такого развития. Имена авторов детективных книг известны читателям всего мира. Произведения А. Кристи, А. Конан Дойла, Ж. Сименона, Ж.Х. Чейза, Р. Стаута, Ю. Семенова уже давно стали классикой мировой литературы.

Известно, что детективный жанр пришёл в детскую литературу в начале XX века, когда читатели были увлечены историями об известных сыщиках. Книги о приключениях талантливых детективов с удовольствием читали

как взрослые, так и дети. Поняв, что детская аудитория состоит из наиболее благодарных читателей, авторы стали писать детективно-приключенческие истории непосредственно для детей.

Детский детективный жанр можно отнести к приключенческой литературе, наиболее любимой детьми. В Советском Союзе детские детективы пользовались особым спросом. Книги известных советских авторов «Судьба барабанщика» Аркадия Гайдара; «Кортик», «Бронзовая птица» Анатолия Рыбакова; «Приключения Васи Куролесова» Юрия Коваля в своё время имели большую популярность. Данные произведения детской литературы можно назвать классикой жанра. Книги неоднократно переиздавались, по ним были сняты фильмы и мультфильмы.

¹ Статья является результатом исследовательского проекта реформы преподавания и образования в бакалавриате Цзянсуского педагогического университета (КНР) в 2023 г. 本文是2023年度江苏师范大学本科教育教学改革研究项目“高校俄语教师课程思政胜任力的模型构建及提升路径研究”的阶段性成果(УКТУ202322).

Современная детская детективная литература также пользуется особым спросом у юных читателей. Детский детектив — это легкие, яркие истории с интересным сюжетом, искромётным юмором, хорошо выстроенными диалогами и обаятельными героями, чьи действия напоминают увлекательную игру, которая так нравится детям. Среди писателей, которые трудятся сегодня в жанре детского детектива, можно назвать А.И. Белогорова, А.Б. Биргера, Е.Н. Вильмонт, А.В. Устинову, С.А. Иванова, Е.Л. Некрасова, В.М. Роньшина и многих других авторов.

Современная детская литература претерпела значительные жанровые изменения. Они заключаются в том, что детская литература стала копировать жанровую систему книг для взрослых читателей. Коснулось это в первую очередь таких жанров, как детективные повести и любовный роман. Изначально предполагалось, что потребителями первого жанра будут мальчики, а потребителями второго — девочки. Если относительно второго предположение оказалось верным, то детективная повесть привлекла внимание читателей обоих полов.

Детский детектив многое взял от аналогичного взрослого жанра. Для него обязательно какое-то преступление, сыщик-подросток в роли главного героя, расследующего это преступление, и другие атрибуты жанра. При этом есть и отличия. В частности, «уровень насилия в сюжете существенно меньше, чем во взрослой модификации жанра» [1, с. 28], т.е. редко происходят жестокие убийства, а чаще предметом расследования становятся менее кровавые преступления. Главное, чтобы они были загадочными. Для сюжетов детских детективов, как и для взрослых, обязательна тайна и её раскрытие [2, с. 79]. Но здесь тайна не обязательно связана с криминалом и значительно сильнее элементы приключения и игры.

Детектив-ребёнок в роли главного героя детской книги может быть и мальчиком, и девочкой. Маша Малыгина и Эмма Мухина из детективов Екатерины Вильмонт «умные, проникательные, способные к быстрому мышлению» [3, с. 248] и при этом разные по темпераменту девочки, что делает детективы разнообразнее и интереснее. Обычно подразумевается, что пол главного героя определяет пол основного читателя. В детском детективе этот принцип, по-видимому, нарушается наиболее часто.

Сюжеты детективов часто бывают связаны с экономическими преступлениями, актуальными для жизни современного общества. Юные сыщики охотятся за мошенниками, обирающими пенсионеров, за изготовителями подпольной продукции, даже за торговцами оружием и наркоторговцами. Сюжеты такого типа оказались возможны только в детской литературе постсоветского периода, описывающей общество в условиях новых экономических отношений.

В последнее время литературные критики отмечают относительно низкий художественный уровень детских детективов. В.А. Карпов объясняет эту особенность тем, что «рыночные условия провоцируют авторов к созданию скороспелых текстов» [1, с. 29]. Это означает, что авторы детских детективов не считают необходимым тщательно работать над текстом, поскольку спешат закончить литературное произведение и отдать его в издательство, зная, что книгу всё равно опубликуют, несмотря на её недостатки. С подобным объяснением можно частично согласиться, но более важным нам кажется другое. Произведения в жанре детского детектива сегодня редко привлекают известных писателей. Зачастую в писательской среде детская литература считается несерьёзным, недостойным внимания жанром. В связи с этим современный детский детектив становится той категорией книг, «которая зачастую не нравится взрослым, но является очень популярной среди детей и подростков» [4, с. 43]. Считается, что дети не могут пока оценить художественный уровень книги и воспринимают только то, что книга написана простым языком и содержит интересные сюжетные коллизии. Зачастую взрослые читатели упрекают детские детективы в бездуховности, одномоментности, отсутствии в них серьёзных проблем, исключительно развлекательном характере подобной литературы.

По нашему мнению, российский детский детектив сегодня вполне жизнеспособный жанр. Если детективы любят взрослые, то нельзя лишать удовольствия читать их и детей. При этом детектив должен быть увлекательным, интересным, обладать замысловатым сюжетом. Детский детектив должен помогать детям лучше узнавать людей, социализироваться, должен поддерживать их в непросто́м процессе взросления. Воспитательная составляющая в детском детективе обязательна, а развивающая и обучающая — крайне желательны.

Для примера рассмотрим детективную повесть Алексея Биргера «Тайна музейного экспоната», которую можно в определённой степени назвать типичным примером жанра.

Стремление привлечь читателя мы видим уже в названии книги, где фигурирует слово «тайна», которое должно заинтересовать подростка. Действительно, сюжет книги строится вокруг загадочных событий, разобраться в которых пытаются герои-подростки. Интересно, что действие происходит в замкнутом пространстве — спальном вагоне движущегося поезда. То есть это детектив закрытого типа, широко распространённый в литературе «для взрослых» читателей. Загадочные происшествия, которые лежат в основе сюжета, также можно отнести к «взрослому» миру. Здесь фигурируют такие персонажи, как представители ФСБ и спортсмены, крупный босс и секретарша, наркокурьеры и телевизионщи-

ки. В повести затрагиваются такие явления современной жизни, как спортивный и нелегальный бизнес, журналистика, силовые структуры и т.п.

Сюжет достаточно увлекателен. Догадаться сразу о том, что произошло и кто преступник, практически невозможно. Автор представляет несколько сюжетных линий: законспирированный под бандита агент ФСБ играет роль наркокурьера. Он должен встретиться с дилером. В поезде везут похищенный из музея ценный экспонат – гитару Владимира Высоцкого, которую подменяет проводник. И читателю, и юным детективам предстоит разобраться в переплетении сложных, загадочных событий.

Подростки «*двое мальчишек – Витька и Мишка и две девочки, сестры-близняшки Груня и Полина*» [5, с. 6], заинтересованные происходящим, включаются в расследование. Набор героев вполне показателен: это и мальчишки, и девочки, что нацелено на привлечение к детективу читателей обоих полов. Для юных читателей всегда важно, кто является главным героем. Пол этого персонажа обычно определяет пол типичного читателя книги.

Писатель уделяет внимание детальному описанию характера каждого из подростков, при этом делает описание образными, нетипичными, оригинальными. К примеру, описание характера Груни он начинает с того, как рисует девочка: «*Если Груня рисовала петуха, то это был всем петухам петух – с роскошным огненным гребнем... Словом, проступал в рисунках характер самой Груни – бойкий, задиристый и, если до конца быть честными, малость хулиганистый*» [5, с. 6]. Как видим, это описание яркое, привлекающее внимание читателя к персонажу, запоминающееся.

Серьёзные проблемы затрагиваются в повести достаточно часто, как правило, попутно основной сюжетной линии произведения. К примеру, когда Груня знакомится в поезде с двумя взрослыми попутчицами – матерью и дочерью, речь заходит о свободе выбора жизненного пути. Девочка узнаёт, что младшая из женщин, Любовь Александровна, в своё время делала успехи в музыке, и мать-певица мечтала о том, чтобы дочь тоже стала музыкантом, продолжив семейное дело. Дочь не хочет заниматься музыкой и терпит недовольство матери по этому поводу. Она вполне счастлива, работая вирусологом [5, с. 93]. Каждый из подобных эпизодов чему-то учит читателя, и книга перестаёт быть только детективной, в которой нужно лишь следить за расследованием престу-

пления. Она становится учебником жизни, рассказом о существовании подростков в этом мире, об их взаимоотношении друг с другом и о взрослении.

Автор не скрывает от юных читателей сложных проблем мира взрослых. К примеру, они наблюдают за развитием любовных отношений между двумя попутчиками по вагону, едущими в разных купе. Попутно читатели получают интересные сведения: они узнают факты из жизни и творчества В.С. Высоцкого и М.Ю. Лермонтова, изучают особенности портретной живописи, даже законы построения классических детективов. Эта информация, способная расширить интеллектуальный багаж юного читателя, подаётся легко и ненавязчиво.

В образе Груни важным является то, что она художница, и её творчество писатель изображает детально, со знанием дела. Ещё поразительнее оказывается способность рисунков Груни помочь в раскрытии преступлений: на одном из них Витька видит блик света на нарисованном девочкой лице, отсутствующий на лицах других людей, изображённых в той же технике. Эта деталь помогла детям вспомнить, кто проходил мимо купе в момент рисования, и таким образом узнать, кто преступник.

Как видим, детективная повесть «Тайна музейного экспоната» А.Б. Биргера вполне соответствует основным требованиям к детской книге: познавательность, воспитание и развитие в ней неотделимы друг от друга и вполне успешно «закамуфлированы» загадочной историей и поиском преступника. Именно такими, по нашему мнению, должны быть книги для детей и подростков.

Хороший детский детектив – это замечательная возможность увлечь ребёнка чтением сначала детской, а позже и классической литературы. Кроме того, книги детективного жанра позволяют автору говорить с детьми о наиболее важных социальных проблемах, волнующих каждого в современном мире. В процессе чтения, как правило, юный читатель ставит себя на место главного героя, часто верит в реальность происходящего, радуется победе добра над злом. Важно отметить, что детские книги детективного жанра способствуют развитию памяти и гибкости мышления, учат обращать внимание на мелкие детали, активизируют мыслительную деятельность. Они помогают стать внимательнее и осторожнее в повседневной жизни. Таким образом, можно утверждать, что детский и юношеский детективный жанр представляет собой вполне самостоятельное, жизнеспособное направление в современной российской литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпов, В.А. Русский детский детектив на современном этапе / В.А. Карпов // Тенденции развития науки и образования. – 2017. – № 22(4). – С. 28-29.
2. Тихонова, О.В. О границах и возможностях жанра детектива в детской литературе / О.В. Тихонова // Вопросы русской литературы. – 2019. – № 4 (50/107). –

С. 77-87.

3. Тыщук, Д.С. Детективный жанр в детской литературе: особенности образа детектива-ребенка / Д.С. Тыщук // XXI Вишняковские чтения: Мат. междунар. научн. конф. – СПб.: ЛГУ, 2018. – С. 245-248.
4. Ворончихина, И.А. Причины популярности жанра «детский детектив» / И.А. Ворончихина // Наука и образование сегодня. – 2018. – № 3 (26). – С. 43-44.
5. Биргер, А.Б. Тайна музейного экспоната / А.Б. Биргер. – М.: Эксмо-Пресс, 2010. – 179 с.

© Чжэн Гуанцзе (ouliya0920@163.com), Белоус Борис Сергеевич (bbelous@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА КИТАЯ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЦИФРОВЫХ МЕДИА

Чэнь Ниюй

Аспирант, Российский университет дружбы народов
Chennyu1996@gmail.com

LINGUOCOGNITIVE MECHANISMS OF FORMING THE IMAGE OF CHINA IN ENGLISH-LANGUAGE DIGITAL MEDIA

Chen Niyu

Summary: The article presents the results of an analysis of the dominant concepts and frames structuring the perception of China in the contemporary English-language media space. The study is based on an interdisciplinary approach, combining the tools of cognitive linguistics, framing theory, and critical discourse analysis. The analysis revealed that the image of China in English-language digital media is formed through a complex interaction of many factors: the choice of lexico-semantic means, the accentuation of certain thematic areas, and the integration of ideologically colored interpretations.

Keywords: image of China, media discourse, linguocognitive analysis, concepts, frames, English-language digital media, international communication.

Аннотация: В статье представлены результаты анализа доминирующих концептов и фреймов, структурирующих восприятие Китая в современном англоязычном медиaprостранстве. Исследование основано на междисциплинарном подходе, объединяющем инструментарий когнитивной лингвистики, теории фрейминга и критического дискурс-анализа. Анализ выявил, что имидж Китая в англоязычных цифровых медиа формируется через сложное взаимодействие множества факторов: выбора лексико-семантических средств, акцентирования определённых тематических направлений и интеграцию идеологически окрашенных интерпретаций.

Ключевые слова: образ Китая, медийный дискурс, лингвокогнитивный анализ, концепты, фреймы, англоязычные цифровые медиа, международная коммуникация.

Современная система международных отношений характеризуется возрастающей ролью медиакоммуникаций в формировании образов государств на мировой арене. Особую значимость приобретает исследование медийного образа Китая – страны, демонстрирующей стремительный рост экономического и политического влияния в глобальном масштабе. В условиях цифровизации информационного пространства англоязычные медиа выступают одним из главных инструментов формирования международного общественного мнения.

Статья посвящена анализу лингвокогнитивных механизмов, формирующих образ Китая в англоязычных цифровых медиа, посредством исследования концептов и фреймов, структурирующих современное медиапредставление Китая.

Научная новизна исследования заключается в разработке междисциплинарного подхода к анализу медийного образа Китая: исследование интегрирует инструментарий когнитивной лингвистики, теории фрейминга и критического дискурс-анализа. Эмпирическую базу составили материалы ведущих англоязычных цифровых медиа (Guardian Weekly, Fox News и The New York Times) за 2022 – начало 2025 гг.

Когнитивная лингвистика рассматривает язык как инструмент познания и отражения ментальных про-

цессов. В рамках данной дисциплины особое внимание уделяется изучению концептов – ментальных единиц, структурирующих человеческий опыт и знания. Е.С. Кубрякова определяет концепт как «единицу ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга» [4, с. 90]. Дж. Лакофф и М. Джонсон, в свою очередь, подчеркивают, что концепты формируются на основе прототипов и метафор, отражающих культурные и когнитивные особенности носителей языка [7]. «Поскольку концепт является ментальным отражением меняющейся действительности, содержание концепта может подвергаться изменениям в процессе его функционирования: с одной стороны, с течением времени отдельные его признаки трансформируются, с другой – в его структуру могут включаться новые признаки. Следовательно, полностью представить содержание концепта со всеми его составляющими довольно трудно» [2, с. 42]. Анализ концептов, связанных с образом Китая, позволяет выявить когнитивные структуры и культурные модели, лежащие в основе восприятия страны в англоязычных медиа.

Теория фрейминга в медиа-дискурсе исследует, как средства массовой информации формируют восприятие событий и явлений посредством выбора определенных аспектов и их акцентирования. Р.М. Энтман определяет

фрейминг как «селекцию и подчеркивание некоторых черт событий или вопросов повестки дня, с тем чтобы продвигать определенную интерпретацию, оценку и/или решение» [6, с. 5]. З. Пан и Г.М. Косицки предлагают рассматривать фрейминг как стратегию конструирования и обработки новостного дискурса, подчеркивая роль структурных элементов текста в формировании определенной интерпретации событий [8]. Применение теории фрейминга к анализу англоязычных медиа позволяет понять, какие именно аспекты образа Китая подчеркиваются или, напротив, игнорируются, и как это влияет на общественное восприятие.

Имиджология изучает процессы формирования и восприятия образов стран и народов в межкультурной коммуникации. Ю.Н. Ковалев отмечает, что имидж страны складывается из множества факторов, включая культурные, политические и экономические аспекты [3]. Дж. Най вводит понятие «мягкой силы», подчеркивая значение культурной привлекательности и политических ценностей в формировании позитивного образа государства на международной арене [5]. Анализируя, как англоязычные цифровые медиа представляют Китай, можно выявить, какие элементы его имиджа акцентируются.

Контент-анализ иллюстративного материала позволил выявить несколько доминирующих концептов, формирующих устойчивые нарративы о Китае в англоязычных медиа и отражающих внутренние изменения, связанные с социально-экономическим развитием, и внешние аспекты – дипломатические и геополитические стратегии.

Экономическая экспансия Китая является одним из основных концептов, отражающих образ страны в англоязычных цифровых медиа и активно формирующимся через различные нарративы, которые подчеркивают как достижения, так и проблемы в экономической политике. Медийный дискурс охватывает широкий спектр тем, от устойчивого роста до геополитического соперничества с США. Например, в статье Fox News отмечается: «China's economy has been one of the world's fastest-growing since the introduction of economic reforms in 1978» [9], что демонстрирует механизм формирования положительного медийного образа Китая через акцентирование его экономических достижений, где главным посылом выступает подчеркивание высоких темпов роста китайской экономики после начала рыночных реформ 1978 года. В публикации The New York Times: «China's economy has struggled to rebound after the Covid-19 pandemic, dragged down by widespread problems in its real estate sector» [11] реализуется противоположная информационная стратегия: издание формирует критический образ китайской экономики через акцентирование её системных проблем, делая особый акцент на кризисе в сфере недвижимости и сложностях пост-пандемийного

восстановления. В англоязычном медиадискурсе прослеживается дихотомия в освещении международной экономической политики Китая: если Guardian Weekly представляет инициативу «Пояс и путь» как масштабный инфраструктурный проект глобального развития: «China continues to invest heavily in global infrastructure projects under its Belt and Road Initiative» [10], то The New York Times интерпретируют китайские экономические решения через призму геополитического противостояния с США, акцентируя внимание на торговых ограничениях и экономической конкуренции между державами: «China Hits Dozens of U.S. Companies With Trade Controls, escalating its economic competition with Washington» [11]. В медийном освещении экономической тематики Китая наблюдается отчётливая эмоциональная амбивалентность: с одной стороны, издания демонстрируют позитивную оценку внутренних экономических достижений страны (как в случае с открытием крупного золотого месторождения): «Largest gold deposit in the world worth \$83 billion found in China» [9], с другой – выражают явную обеспокоенность растущей экономической взаимозависимостью с КНР, например, в контексте освещения американской политики электрификации транспорта и зависимости от китайских производственных цепочек: «Biden's ambitious EV plans could make US more dependent on Chinese supply chains» [9]. Эмоциональная модальность публикаций варьируется, таким образом, от восхищения экономическими успехами до опасений по поводу влияния Китая на мировую экономику.

Технологическое лидерство Китая является следующим важным концептом, который широко освещается в англоязычных цифровых медиа, и включает как позитивные нарративы, подчёркивающие успехи страны в области инноваций, так и критические оценки, связанные с киберугрозами и зависимостью других стран от китайских технологий. Контент-анализ выявляет ключевые темы: публикации Fox News акцентируют внимание на соперничестве США и Китая в космической сфере, например: «US prepares to deorbit International Space Station amid China competition» [9]. The New York Times сообщает о технологической экспансии через компании, такие как Tencent: «Tencent's shares plunged nearly 10 percent after it was designated a military company» [11]. В освещении технологического развития Китая англоязычными медиа прослеживается четкая дуальность оценок: если в контексте экологических технологий (солнечные панели, электрические батареи) доминирует признание китайского лидерства и стратегических успехов («China's strategic focus on green technologies has allowed it to dominate global markets for solar panels and electric batteries» [10]), то в сфере цифровых технологий и беспилотных систем преобладает дискурс потенциальных угроз национальной безопасности США («Lawmakers have repeatedly raised concerns about national security risks from drones, including ones from DJI, a leading drone

maker based in China» [11]), что отражает более широкий контекст технологического соперничества между двумя державами. Эмоциональная модальность публикаций варьируется. Некоторые материалы восхищаются технологическими достижениями Китая, например, его успехами в квантовых вычислениях, а другие вызывают обеспокоенность киберугрозами. Fox News подчёркивает: «China's penetration of US infrastructure is 'very deep,' says former State Department senior adviser» [9]: в данном материале через цитирование авторитетного эксперта (бывшего высокопоставленного советника Госдепартамента) акцентируется масштабность проникновения китайских технологий в американскую инфраструктуру, что подаётся как фактор потенциального риска для национальной безопасности США. Таким образом, доминирующие нарративы в медиа создают неоднозначный, внутренне противоречивый образ Китая как глобально-технологического игрока.

Социальный контроль является еще одним значимым концептом в создании образа Китая и часто связывается с политикой государства в отношении надзора, цензуры и контроля за поведением граждан. Например, в статье «China rolls out its crime-fighting ball to chase down criminals» [9] акцентируется внимание на двойственности технологического прогресса КНР, где инновационные разработки (в данном случае – роботизированные системы охраны правопорядка) интерпретируются не как признак модернизации, а как инструмент усиления государственного надзора и ограничения гражданских свобод. The New York Times отмечает: «Pentagon Adds Chinese Social Media Giant to Military Blacklist» [11]: включение китайской социальной платформы в военный черный список Пентагона преподносится как подтверждение существующих опасений относительно использования китайских цифровых сервисов для сбора данных. В материалах Guardian Weekly акцентируется внимание на масштабах внутреннего контроля: «China surrounds Taiwan in military exercise against independence» [10] (военные учения вокруг Тайваня представлены как демонстрация комплексного подхода КНР к обеспечению государственных интересов, где технологическое превосходство и военная сила выступают взаимодополняющими инструментами проецирования власти как во внутренней политике, так и в региональном масштабе). Эмоциональная модальность варьируется от критики в адрес государства за подавление свобод до нейтральных описаний технологических достижений. В целом, данный концепт формирует восприятие Китая как государства, активно контролирующего своих граждан и распространяющего своё влияние за пределы собственных границ.

Глобальное влияние и дипломатия Китая являются важными элементами в его образе, создаваемом англоязычными медиа. Данный концепт охватывает как успе-

хи Китая в установлении международных альянсов, так и критику за методы достижения влияния. The New York Times подчёркивает активность Китая в международной торговле: «China Hits Dozens of U.S. Companies With Trade Controls» [11] и фокусируется на использовании Китаем торговых ограничений как инструмента экономического давления в отношениях с развитыми странами (прежде всего с США). В материалах Fox News прослеживается негативная интерпретация китайской дипломатии через призму региональной безопасности: «China warns US to stop arming Taiwan after Biden approves \$571M in military aid» [9]. Эмоциональная модальность публикаций варьируется от нейтрального описания стратегий Китая до осуждения его действий.

Военная мощь Китая является важным и противоречивым концептом, активно обсуждаемым в англоязычных медиа. Этот аспект отражает как растущие амбиции Китая на международной арене, так и вызванные этим опасения со стороны других стран. Контент-анализ публикаций выявляет акцент на усилении военного присутствия Китая в азиатско-тихоокеанском регионе. Guardian Weekly упоминает военные учения Китая вокруг Тайваня: «China surrounds Taiwan in military exercise against independence» [10]. The New York Times отмечает: «China's Xi has ordered military to be ready for Taiwan invasion by 2027» [11], демонстрируя планомерность подхода Китая к военному развитию и его последствия для глобальной безопасности. Некоторые публикации подчёркивают технологические достижения Китая в военной сфере. Fox News акцентирует внимание на модернизации армии: «China launches third aircraft carrier, aiming to extend its military reach» [9], что усиливает образ Китая как растущей военной державы. Эмоциональная модальность материалов варьируется от нейтрального анализа до критики и опасений. Данный концепт представлен в англоязычных медиа как сочетание растущих возможностей и потенциальных угроз, что формирует образ Китая как серьёзного игрока на глобальной арене.

Для полноценной интерпретации выделенных концептов необходимо принимать во внимание роль фреймов, которые не только задают лексико-семантические границы восприятия Китая, но и транслируют характерные идеологические смыслы. Именно они формируют ядро медийного образа Китая, указывая, какие аспекты выходят на передний план дискурса и какие оказываются на его периферии. Выполняя роль своеобразного «фильтра», фреймы направляют процессы восприятия и закрепляют определённые стереотипы и идеологические установки.

Фрейм «Китай как экономический конкурент» фокусируется на соперничестве Китая с ведущими мировыми экономиками, такими как США и Европа. Используемые в статьях нарративы подчёркивают экономическую

экспансию Китая и его доминирование в ключевых отраслях. Выражения, подчеркивающие доминирование, включают такие конструкции как «dominance in rare earths», «largest gold producer», «leader in space», «growing economic shadow», «auto export dominance», «strategic positions in shipping» и др., что создает представление о растущем влиянии страны. Языковые средства, репрезентирующие стратегическое влияние, представлены такими выражениями как «gives it leverage», «secure strategic influence», «economic clout», «economic policy agenda», «breaches of the border» и др. Масштаб деятельности передается через конструкции «invest heavily», «global infrastructure projects», «global supply chain realignment» и др., последствия этой деятельности отражены в формулировках «supply chain realignment», «economic dependence», «leverage over the West» и др. Выделенные языковые средства в совокупности формируют образ Китая как значимого экономического игрока, использующего свою экономическую мощь для достижения стратегических целей и усиления глобального влияния.

Фрейм «Китай как технологический соперник» подчёркивает технологическое соперничество между Китаем и Западом, включая развитие искусственного интеллекта и квантовых вычислений. Используемые в статьях нарративы акцентируют внимание на стремительном технологическом прогрессе Китая, его инвестициях в НИОКР и стремлении к лидерству в ключевых областях, таких как 5G, полупроводники, биомедицинские технологии и космические исследования. Выражения, подчеркивающие технологическое превосходство, включают такие конструкции как «sixth-generation aircraft», «largest gold deposit», «world's largest amphibious warship», «leading in AI», «access to unclassified documents», «cybersecurity threats», «hacking critical systems», «stealing biomed research» и др., что создает образ Китая как технологически развитой державы, способной к инновациям и обладающей передовыми технологиями. Языковые средства, репрезентирующие технологическую конкуренцию, представлены такими выражениями как «technological dominance», «strategic competition», «military aggression», «national security concerns», «adversarial biotech companies», «supply chain warfare», «cybersecurity threats», «espionage», «intellectual property theft» и др. Выделенные выражения подчёркивают не только технологическое превосходство Китая, но и его использование технологий в геополитических целях, что вызывает опасения у западных стран. Масштаб технологической экспансии передается через конструкции «massive military exercises», «global infrastructure projects», «invest heavily in R&D», «expanding curbs on technology sales», «massive military build-up» и др., последствия этой деятельности отражены в формулировках «economic dependence», «national security», «global power shift», «threat to western allies», «control over firms»

и др. Выделенные языковые средства формируют образ Китая как страны, стремящейся к технологическому лидерству и способной изменить баланс сил в области технологий.

Фрейм «Китай как пример цифрового контроля» акцентирует внимание на системе цифрового надзора в Китае, включая использование технологий распознавания лиц, искусственного интеллекта, больших данных и цифровой цензуры для мониторинга и контроля за гражданами. Языковые средства, репрезентирующие цифровое подавление, представлены такими выражениями как «control over information», «limit freedom of speech», «restrict online activity», «violate human rights», «digital authoritarianism», «gray zone attacks», и др. Выражения подчёркивают негативные последствия цифрового контроля для прав человека и демократии. Выражения, подчеркивающие репрессивные аспекты цифрового контроля, включают такие конструкции как «digital surveillance», «mass surveillance», «social credit system», «facial recognition technology», «AI-powered censorship», «espionage», «hacking critical systems», «data breaches», и др., напрямую указывая на использование технологий для контроля и подавления. Выделенные языковые средства в совокупности формируют образ Китая как страны, где технологии используются не только для внутреннего контроля, но и как инструмент глобального воздействия. Этот фрейм акцентирует внимание на негативных аспектах использования технологий Китаем, представляя его как цифровую авторитарную державу.

Фрейм «Китай как модель социального управления» представляет позитивный нарратив, акцентируя внимание на эффективности китайской социальной политики и использовании технологий для улучшения жизни граждан. В отличие от предыдущих фреймов, здесь были выделены лексико-семантические средства, описывающие социальные достижения и эффективность государственного управления. Выражения, подчеркивающие эффективность социальной политики, включают такие конструкции как «reduction in crime rates», «enhanced infrastructure», «poverty reduction», «improved living standards», «social stability», «high-speed rail network» и др. Языковые средства, репрезентирующие эффективность управления, представлены такими выражениями как «efficient governance», «effective social programs», «strong leadership», «centralized planning», «national unity», «sustainable development» и др. Лексико-семантические средства, отражающие использование технологий в социальном управлении: «big data analytics», «AI-powered solutions», «smart city initiatives», «social credit system (в контексте позитивного влияния на социальный порядок)», «facial recognition technology (в контексте повышения безопасности)», «surveillance technologies (в

контексте предотвращения преступности)» и др. Выделенные языковые средства формируют образ Китая как страны, которая эффективно использует технологии для социального управления, достигая значительных успехов в снижении уровня преступности, улучшении здравоохранения и инфраструктуры, а также повышении уровня жизни населения.

Фрейм «Китай как лидер зелёных технологий» подчёркивает успехи страны в развитии и внедрении возобновляемых источников энергии и других «зелёных» технологий. Используемые нарративы акцентируют внимание на масштабных инвестициях Китая в эту область, его технологических достижениях и стремлении к лидерству в глобальном переходе к устойчивому развитию, что формирует образ Китая как страны, играющей ключевую роль в борьбе с изменением климата и формировании экологически чистой энергетики будущего. Языковые средства, подчёркивающие лидерство Китая в зелёных технологиях, включают такие выражения как: «massive investment in renewable energy», «leading producer of solar panels», «largest manufacturer of wind turbines», «significant growth in electric vehicle production», «development of green technologies», «carbon emission reduction targets» и др., демонстрирующие масштаб и значимость китайских усилий в области зелёной энергетики. Языковые средства, репрезентирующие технологическое лидерство, представлены такими выражениями как «global leader in renewable energy», «driving global green transition», «setting new standards for sustainable development», «pioneering innovations in clean energy», «commitment to environmental sustainability» и др. Приведенные конструкции подчёркивают не только технологические достижения, но и их глобальное влияние, позиционируя Китай как страну, которая формирует будущее «зелёной» энергетики.

Фрейм «Китай как союзник в борьбе с изменением климата» позитивно характеризует участие страны в международных экологических инициативах и совместных действиях по сохранению климатического баланса. Выражения, подчёркивающие участие Китая в климатических инициативах, включают такие конструкции как: «international cooperation on climate change», «commitment to the Paris Agreement», «participation in UN climate talks», «investment in renewable energy», «carbon emission reduction targets» и др. Языковые средства, репрезентирующие ответственность и прогрессивность, представлены такими выражениями как: «responsible global citizen», «commitment to sustainable development», «leadership in green technology», «promoting environmental protection» и др. Конкретные действия и достижения страны выражаются конструкциями «investment in renewable energy infrastructure», «carbon emission reduction achievements», «success in reforestation

projects», «development of clean energy technologies», «implementation of environmental regulations» и др. Выделенные языковые средства формируют образ Китая как ответственного и прогрессивного участника глобальной экологической повестки, активно участвующего в международных инициативах и демонстрирующего реальные достижения в области снижения выбросов парниковых газов и развития возобновляемых источников энергии.

Фрейм «Китай как дипломатический соперник» концентрируется на использовании Китаем инструментов мягкой силы для расширения своего глобального влияния и достижения геополитических целей. Акцент делается на стратегическом использовании культурного обмена, гуманитарных инициатив и пропаганды для формирования желаемого международного имиджа и укрепления позиций на мировой арене. Выражения, подчёркивающие использование мягкой силы, включают такие конструкции как «public diplomacy», «cultural exchange programs», «Confucius Institutes», «Belt and Road Initiative (в контексте культурного обмена и дипломатии)», «humanitarian aid», «debt diplomacy» и др. Языковые средства, репрезентирующие формирование позитивного восприятия, представлены такими выражениями как: «positive image building», «enhancing international reputation», «promoting Chinese culture», «strengthening diplomatic ties», «building strategic partnerships», «expanding influence», «shaping global narratives» и др. Выделенные языковые средства формируют образ Китая как страны, использующей мягкую силу для формирования позитивного восприятия на международной арене.

Проведённый анализ выявил, что образ Китая в англоязычных медиа структурируется через комплекс взаимодействующих концептов и фреймов, которые организуют восприятие страны, формируя определённые общественные и политические установки.

Доминирующими концептами, определяющими медийный дискурс, стали экономическое доминирование, технологическое лидерство, экологическая политика, социальный контроль и дипломатическая активность. Каждый из этих концептов представлен через разнообразные фреймы, которые варьируются от позитивных, подчёркивающих достижения Китая, до негативных, акцентирующих внимание на вызовах и угрозах.

Исследование показало, что англоязычный медиадискурс создаёт сложный и противоречивый образ Китая, совмещающий восхищение его успехами и настороженность в отношении его глобальных амбиций. Фреймы выступают важным инструментом, задающим направление интерпретации событий и транслирующим идеологические смыслы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гимадеева Э.Н. Отражение культурных ценностей в китайских рекламных текстах / Э.Н. Гимадеева, А.Д. Гилязева // Филологический аспект. – 2024. – № 10(114). – С. 110-115.
2. Буренкова О.М. Понятие «концепт» в трудах отечественных и зарубежных лингвистов / О.М. Буренкова, Э.Н. Гилязева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 8-1(62). – С. 40-43.
3. Ковалев Ю.Н. Образы, имиджи и стереотипы в межкультурных коммуникациях и международном культурном обмене / Ю.Н. Ковалев // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – №2. – С. 21-28.
4. Кубрякова Е.С. Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – С.90-93.
5. Най Дж. Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике / пер. с англ. под ред. А.Л. Андреева. – М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2004. – 272 с.
6. Entman R.M. et al. Projections of power: Framing news, public opinion, and US foreign policy. – Chicago: University of Chicago Press. 2004. – 240 p.
7. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago Press, 2003. – 256 p.
8. Pan Z., Kosicki G.M. Framing as a strategic action in public deliberation // Framing public life: Perspectives on media and our understanding of the social world. – 2001. – С. 35-65.
9. Fox News [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <https://www.foxnews.com/>
10. The Guardian / Guardian Weekly [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <https://www.theguardian.com/weekly>
11. The New York Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <https://www.nytimes.com/>

© Чэнь Ниюй (Chennyu1996@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКИХ ТОПОНИМОВ: ПРИМЕРЫ ИЗ БЕЛАРУСИ, РОССИИ И КИТАЯ

Чэнь Цзоу

Аспирант, Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова
cz4847096@gmail.com

THE INFLUENCE OF HISTORY AND CULTURE ON THE FORMATION OF URBAN TOPONYMS: EXAMPLES FROM BELARUS, RUSSIA, AND CHINA

Chen Zou

Summary: This study is dedicated to the analysis of the influence of historical and cultural factors on the formation of urban toponyms in three countries - Belarus, Russia, and China. The work includes a comprehensive analysis of the names of streets, squares, districts, and other urban objects, identifying key trends and patterns. The methodological basis comprises comparative analysis, statistical data processing, as well as elements of discourse analysis and cultural linguistics. The empirical base of the research includes data on more than 5,000 toponyms from 30 major cities in the mentioned countries. The results showed that historical events and cultural traditions significantly influence urban toponymy ($p < 0.01$). Specifically, in Belarus, the share of toponyms associated with the Soviet period is 31%, in Russia - 28%, whereas in China, toponyms reflecting ancient history and culture predominate (41%). Differences in the structural models of toponyms and the principles of their nomination were also identified. The obtained data hold theoretical and practical value for urban studies, cultural studies, and related disciplines and can be used in urban planning and territorial branding. Future research should focus on expanding the geographic scope of the analysis and developing predictive models for the evolution of urban toponymy.

Keywords: toponymy, urbanonyms, historical and cultural factors, comparative analysis, Belarus, Russia, China.

Аннотация: Настоящее исследование посвящено анализу влияния исторических и культурных факторов на формирование городских топонимов в трех странах - Беларуси, России и Китае. В работе проведен комплексный анализ наименований улиц, площадей, районов и других городских объектов, выявлены ключевые тенденции и закономерности. В качестве методологической основы использованы компаративный анализ, статистическая обработка данных, а также элементы дискурс-анализа и лингвокультурологии. Эмпирическая база исследования включает данные о более чем 5000 топонимов из 30 крупнейших городов указанных стран. Результаты показали, что исторические события и культурные традиции оказывают значимое влияние на топонимику городов ($p < 0,01$). В частности, в Беларуси доля топонимов, связанных с советским периодом, составляет 31%, в России - 28%, тогда как в Китае преобладают топонимы, отражающие древнюю историю и культуру (41%). Выявлены также различия в структурных моделях топонимов и принципах их номинации. Полученные данные представляют теоретическую и практическую ценность для урбанистики, культурологии и смежных дисциплин, могут быть использованы в градостроительном проектировании и брендинге территорий. Дальнейшие исследования целесообразно направить на расширение географии анализа и разработку прогностических моделей эволюции городской топонимики.

Ключевые слова: топонимика, урбанонимы, историко-культурные факторы, компаративный анализ, Беларусь, Россия, Китай.

Городские топонимы являются неотъемлемой частью культурного ландшафта, отражая историю, традиции и ценности социума [1, с. 168]. В последние годы интерес к топонимике существенно возрос, что связано с развитием урбанистики, лингвокультурологии и смежных областей знания [2, с. 224]. Ряд исследователей фокусируется на выявлении универсальных закономерностей формирования топонимических систем [3, с. 39], другие акцентируют внимание на страновой и региональной специфике [4, с. 200].

Анализ литературы показывает, что в изучении топонимики на сегодня доминируют два основных подхода: лингвистический, рассматривающий топонимы как элементы языковой системы [5, с. 202], и культурно-географический, фокусирующийся на взаимосвязи топонимов с историко-

культурным контекстом территорий [6, с. 320]. Заметна тенденция к конвергенции этих подходов в рамках комплексного междисциплинарного анализа [7, с. 328].

При этом нельзя не отметить определенную терминологическую неоднородность. Некоторые авторы ограничиваются термином «топоним» как родовым понятием [8, с. 301], другие оперируют более конкретными категориями «урбаноним», «годоним», «агороним» и т.д. [9, с. 199]. В данном исследовании мы используем термин «урбаноним» для обозначения всей совокупности внутригородских топонимических объектов. Несмотря на значительный массив публикаций, посвященных топонимике отдельных стран и городов, сравнительные межкультурные исследования на эту тему относительно немногочисленны [10, с. 78]. Остаются не до конца раскрытыми

вопросы, связанные со спецификой отражения истории и культуры в городской топонимике стран, прошедших различные траектории социально-политического развития. Не в полной мере изучены особенности процесса трансформации топонимических систем в связи со сменой идеологических парадигм и ребрендингом городов.

Данное исследование призвано восполнить указанные пробелы на материале трех стран - Беларуси, России и Китая. Выбор этих стран обусловлен: а) их существенными различиями с точки зрения исторического пути, политического устройства, доминирующей культуры; б) наличием сходных периодов идеологической трансформации, сопровождавшихся пересмотром топонимической политики; в) активными процессами урбанизации и модернизации городской среды. Сопоставление топонимических систем столь разных стран позволяет выявить как общие закономерности, так и культурно-специфические особенности, связанные с историческим контекстом.

Цель исследования - на основе компаративного анализа выявить влияние историко-культурных факторов на формирование урбанонимов в крупнейших городах Беларуси, России и Китая. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

1. формирование репрезентативной эмпирической базы урбанонимов трех стран;
2. классификация урбанонимов по историко-культурным основаниям и структурным моделям;
3. статистический анализ удельного веса различных типов урбанонимов в топонимических системах городов;
4. компаративный анализ сходств и различий урбанонимических практик Беларуси, России и Китая;
5. выявление основных трендов и прогнозирование дальнейших траекторий эволюции урбанонимов.

Предлагаемый подход, основанный на триангуляции количественных и качественных методов, а также сопоставлении данных из трех стран с различающимся историко-культурным бэкграундом, вносит весомый вклад в развитие теории и методологии топонимических исследований.

Методы

Для достижения целей исследования и получения надежных выводов был использован комплекс взаимодополняющих методов. Методологический дизайн разрабатывался с учетом последних достижений урбанистики, социолингвистики, культурной и исторической географии [3, с. 39; 5, с. 202; 7, с. 328].

На первом этапе была сформирована эмпирическая база урбанонимов по 10 крупнейшим городам Беларуси, России и Китая соответственно (всего 30 городов). В выборку вошли все урбанонимы, зафиксированные в офи-

циальных реестрах и на картах городов по состоянию на 2023 г. Общий объем выборки составил 5467 единиц, в том числе 1249 для Беларуси, 2158 для России, 2060 для Китая.

Сбор данных осуществлялся методом сплошной выборки из открытых источников (геоинформационные системы, справочники, кадастры). Все данные прошли процедуру верификации путем перекрестной сверки из нескольких независимых источников. Для каждой единицы фиксировались: официальное название и его варианты, локализация (город, район), дата присвоения названия.

На втором этапе была разработана многоуровневая классификация урбанонимов с учетом: а) типа объекта (улицы, площади, парки, районы и т.д.); б) историко-культурной мотивированности (связь с историческими периодами, событиями, личностями, артефактами); в) структурных моделей (однокомпонентные, составные, в т.ч. с использованием числительных, иноязычных элементов). Классификация основана на синтезе теоретических наработок урбанистики [4, с. 200; 5, с. 202; 9, с. 199] и эмпирически выявленных особенностей выборки.

Для обеспечения надежности кодирование каждой единицы по заданным категориям производилось независимо двумя исследователями. В спорных случаях привлекался третий эксперт. Итоговое кодирование устанавливалось путем согласования оценок. Межэкспертная надежность составила 0,92 (альфа Кrippендорфа).

На третьем этапе осуществлялся статистический анализ распределения различных типов урбанонимов в исследуемых городах и сравнение показателей трех стран. Использовались методы описательной (средние, частоты, проценты) и индуктивной (критерий хи-квадрат, t-тест) статистики. Для выявления латентных факторов применялся метод главных компонент. Расчеты производились в программе SPSS 26.0. Завершающий этап включал качественный анализ типичных и уникальных кейсов, контент-анализ лексики урбанонимов, элементы дискурс-анализа. Проводилась историко-культурная контекстуализация количественных данных, выявлялись основные тренды и строились прогнозные модели. Верификация выводов осуществлялась методами экспертной оценки и фокус-групп с привлечением специалистов по урбанистике.

Таким образом, реализованный методологический дизайн позволил обеспечить комплексность, достоверность и воспроизводимость полученных результатов. Сочетание количественных и качественных методов, большой объем выборки, строгие процедуры классификации и анализа данных - все это создает надежную основу для эмпирически и теоретически обоснованных выводов о влиянии истории и культуры на урбанонимику разных стран.

Результаты исследования

Проведенный многоуровневый анализ эмпирических данных позволил выявить ряд значимых закономерностей и трендов в формировании городских топонимов Беларуси, России и Китая под влиянием исторических и культурных факторов. Сравнительный анализ показал как общие паттерны, так и страновую специфику урбанонимических практик.

На первом этапе был проведен углубленный статистический анализ распределения различных типов урбанонимов в исследуемых городах. Выявлены существенные межстрановые различия в удельном весе топонимов, связанных с разными историческими периодами ($\chi^2=314,5$; $p<0,001$). Так, если в Беларуси и России наибольшую долю составляют урбанонимы советского периода (31% и 28% соответственно), то в Китае доминируют топонимы, отражающие древнюю историю и традиционную культуру (41%).

Таблица 1.

Распределение урбанонимов по историко-культурным периодам (%).

Период	Беларусь	Россия	Китай
Древность	7,3	12,1	41,4
Средневековье	18,6	21,3	28,7
Новое время	24,9	29,2	16,3
Советский период	31,4	28,1	5,2
Современность	17,8	9,3	8,4

Примечание: во всех таблицах приведены средние значения по 10 городам каждой страны.

Сопоставление структурных моделей урбанонимов также демонстрирует культурно-специфические особенности (см. Табл. 2). В то время как в русскоязычных городах преобладают составные топонимы, включающие родовые термины (улица, переулок, площадь и т.д.), для Китая характерно более широкое использование однокомпонентных названий. Это можно объяснить различиями в морфологии языков и традициях номинации географических объектов [4, с. 200; 9, с. 199].

Таблица 2.

Структурные модели урбанонимов (%)

Модель	Беларусь	Россия	Китай
Однокомпонентные	24,7	19,3	71,6
Составные	69,4	74,1	21,9
С числительными	4,1	3,7	4,4
С иноязычными словами	1,8	2,9	2,1

Корреляционный анализ выявил взаимосвязь между долей урбанонимов, связанных с политической историей XX века, и современным административным стату-

сом городов. Для городов-столиц и региональных центров этот показатель оказался значимо выше, чем для рядовых городов ($r=0,68$; $p<0,01$). Данный факт можно интерпретировать в русле концепции «места памяти», согласно которой власть стремится закрепить в символическом пространстве города ключевые идеологемы и ценности [7, с. 328].

В ходе контент-анализа урбанонимов были выделены наиболее частотные лексико-семантические группы, отражающие историко-культурную специфику исследуемых стран (см. Табл. 3). Примечательно, что в белорусских и российских городах чаще встречаются антропонимы (имена исторических деятелей, героев, деятелей культуры), в то время как в Китае - топонимы, связанные с географическими реалиями и достопримечательностями.

Таблица 3.

Лексико-семантические группы урбанонимов (%).

Группа	Беларусь	Россия	Китай
Антропонимы	37,2	41,6	19,4
Топонимы	23,9	18,5	43,7
Связанные с флорой	16,1	14,3	25,2
Связанные с идеологией	12,4	16,9	4,1
Прочие	10,4	8,7	7,6

Кластерный анализ урбанонимов позволил выделить несколько моделей топонимической политики, характерных для исследуемых стран. Для белорусских городов типична модель «советского наследия» с высокой долей идеологически окрашенных топонимов. В России представлены модели «имперского величия» (частое использование монархических мотивов) и «героического прошлого» (увековечивание памяти о войнах и революциях). Китайские города демонстрируют модели «гармонии с природой» (отражение ландшафтных особенностей) и «древних традиций» (отсылки к историческим реалиям и мифологии).

Выявленные паттерны во многом согласуются с результатами предшествующих исследований урбанонимики постсоветских [2, с. 224; 6, с. 320] и азиатских [8, с. 301; 10, с. 199] городов, дополняя и углубляя их. Анализ показывает, что топонимические системы городов представляют собой не просто набор названий, а концентрированное выражение исторической памяти, культурной идентичности и политической конъюнктуры.

Обобщая результаты многоуровневого анализа, можно констатировать, что, несмотря на существенные различия между Беларусью, Россией и Китаем, формирование урбанонимов в этих странах подчиняется некоторым общим закономерностям:

1. Значительный удельный вес исторически и идеологически маркированных топонимов, отражающих

щих ключевые вехи национального нарратива (от 54% в Беларуси до 67% в Китае).

2. Заметная роль государства в конструировании топонимического ландшафта, особенно в столицах и крупных городах (коэффициент корреляции 0,68).
3. Высокая частотность топонимов-посвящений известным личностям, что можно рассматривать как проявление культа героев (от 19% в Китае до 42% в России).
4. Сосуществование разновременных пластов в синхронной топонимии городов как отражение «многослойной» исторической памяти (см. Табл. 4).

Таблица 4.

Распределение урбанонимов по времени появления (%).

Период	Беларусь	Россия	Китай
До XX века	21,4	33,7	76,3
1-я пол. XX в.	35,8	29,2	16,5
2-я пол. XX в.	37,3	31,4	6,1
После 2000 г.	5,5	5,7	1,1

При этом обращает на себя внимание ряд специфических моментов. Например, на фоне общей тенденции к мемориализации истории через урбанонимы выделяется Китай, где данный процесс носит менее выраженный характер, а на первый план выходят природно-географические мотивы. Это можно объяснить особенностями политической культуры и стратегии «мягкой силы» современного Китая, делающей ставку на гармонию и преемственность традиций.

Полученные результаты открывают перспективы для дальнейших сравнительных исследований топонимического ландшафта как маркера социокультурных процессов. Приоритетные направления мы видим в расширении географии анализа, изучении динамики урбанонимических систем в контексте глобальных трансформаций, а также разработке прогностических моделей топонимической политики.

Проведенное исследование имеет и очевидную практическую значимость. Его результаты могут быть использованы в работе органов местного самоуправления, отвечающих за градостроительную политику и брендинг территорий. Выявленные закономерности и успешные кейсы необходимо учитывать при разработке стратегий нейминга новых городских объектов и ребрендинга существующих. Чуткость к культурно-историческому контексту, учет общественного мнения, профессиональная экспертиза должны стать обязательными элементами принятия соответствующих решений.

Не менее важен образовательный эффект работы. Эмпирические данные и теоретические обобщения, содержащиеся в исследовании, могут быть интегрированы

в учебные курсы по урбанистике, культурологии, краеведению, филологии для студентов соответствующих специальностей. Это позволит сформировать у учащихся целостное представление о городе как социокультурной системе, где история и география находят свое символическое воплощение.

Проведенный многоуровневый анализ позволил выявить общие паттерны и специфические особенности формирования городской топонимики в Беларуси, России и Китае под влиянием исторических и культурных факторов. Сравнительное исследование продемонстрировало статистически значимые межстрановые различия в удельном весе урбанонимов, связанных с разными историческими эпохами, политическими режимами, культурными традициями. Корреляционный анализ зафиксировал взаимосвязь между современным административным статусом городов и интенсивностью идеологически маркированной меморизации в их топонимическом ландшафте. Кластеризация эмпирических данных позволила сконструировать типологию моделей топонимической политики, характерных для исследуемых стран: от советского наследия и имперского величия до гармонии с природой и древних традиций. Контент-анализ выявил доминирование антропонимических и топонимических мотивов в урбанонимах при страновой вариативности их удельного веса. Обнаруженные закономерности углубляют представления о городской топонимике как социокультурном феномене, детерминированном историческим контекстом и политическим дискурсом.

Заключение

Резюме результатов:

- Выявлены статистически значимые межстрановые различия в распределении урбанонимов по историко-культурным периодам: доминирование советских топонимов в Беларуси (31%) и России (28%), преобладание древних мотивов в Китае (41%).
- Зафиксирована корреляция между административным статусом городов и долей идеологически окрашенных урбанонимов ($r=0,68$; $p<0,01$).
- Определены модели топонимической политики: «советское наследие» (Беларусь), «имперское величие» и «героическое прошлое» (Россия), «гармония с природой» и «древние традиции» (Китай).
- Установлено преобладание антропонимов в урбанонимии Беларуси (37%) и России (42%) при доминировании топонимов в Китае (44%).
- Выявлено сосуществование разновременных пластов в синхронной топонимии: от 21% (Беларусь) до 76% (Китай) урбанонимов возникли до XX века.

Теоретический синтез: Проведенное исследование углубляет научные представления о социокультурной

детерминации городской топонимики. Оно демонстрирует, что урбанонимы представляют собой не просто вербальные знаки, но семиотически насыщенные маркеры исторической памяти, культурной идентичности, политического дискурса. Выявленные паттерны и модели топонимической политики свидетельствуют о значительной роли государства в конструировании символического пространства города, особенно в столицах и региональных центрах. Обнаруженные межстрановые различия проблематизируют универалистские подходы к изучению урбанониимики, акцентируя необходи-

мость учета культурно-исторического контекста. Вместе с тем, сравнительный анализ показал и наличие общих закономерностей в формировании городских топонимов, таких как высокий удельный вес меморативных названий, сосуществование разновременных пластов, лексико-семантическое доминирование антропонимов и топонимов. Полученные результаты открывают перспективы для дальнейших междисциплинарных исследований урбанонимического ландшафта как палимпсеста, в котором находят свое символическое выражение множественные темпоральности и дискурсы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беленькая В.Д. Топонимы в составе лексической системы языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 168 с.
2. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
3. Горбаневский М.В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994. 39 с.
4. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р.Валент, 2001. 200 с.
5. Забелин Н.Ю. Московская городская топонимия: структурно-семантический анализ топонимической системы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 202 с.
6. Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
7. Линч К. Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
8. Мезенко А.М. Имя внутригородского объекта в истории: об урбанонимах Беларуси XIV – нач. XX в. Минск: Выш. шк., 2003. 301 с.
9. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 199 с.
10. Прошина З.Г. Ономастический ландшафт современной России // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2018. №5. С. 72–80.
11. Суперанская А.В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1985. 182 с.
12. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. 3-е изд., испр. М.: URSS, 2009. 368 с.
13. Рубцова С.Ю. Лингвокультурологический аспект урбанонимов в диахронии (на материале урбанонимов г. Владивостока) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. №93. С. 186–191.
14. Шмелева Т. В. Ономастика: учебное пособие. Славянск-на-Кубани: Издательский центр филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2013. 161 с.
15. Голомидова М.В. Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства // Коммуникативные исследования. 2018. № 3 (17). С. 11–30.

© Чэнь Цзоу (cz4847096@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КАБАРДИНСКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ О ЗДОРОВЬЕ И БЛАГОПОЛУЧИИ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

KABARDIAN AND ENGLISH PROVERBS ABOUT HEALTH AND WELL-BEING IN THE ASPECT OF LINGUISTIC AND CULTURAL DESCRIPTION

J. Shugusheva

Summary: The proverbial fund is a valuable linguistic heritage, which displays the vision of the world, national culture, traditions and customs, beliefs, fantasies and prejudices, historical and everyday realities. The study of this layer is primarily due to the fact that the study of the Adyghe mentality in comparison with English is impossible without familiarization with the peculiarities of the proverbial fund of both languages, as a segment of national linguistic worldviews. The results of our research will enrich the vocabulary of the Kabardino-Circassian language.

Keywords: anatomical vocabulary, traditional medicine, Kabardino-Circassian language, linguistic picture of the world, paremia.

Шугушева Джулета Хабасовна

кандидат филологических наук,
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова»
shugushd@mail.ru

Аннотация: Пословичный фонд – это ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отображается видение мира, национальная культура, традиции и обычаи, верования, фантазии и предрассудки, исторические и повседневные бытовые реалии. Изучения данного пласта обусловлено, прежде всего, тем, что изучение адыгского менталитета в сравнении его с английским невозможно без знакомства с особенностями пословичного фонда обоих языков, как сегмента национальных языковых картин мира. Результаты наших исследований обогатят словарный состав кабардино-черкесского языка.

Ключевые слова: анатомическая лексика, народная медицина, кабардино-черкесский язык, языковая картина мира, паремия.

Пословицы и поговорки - живой голос народа. Люди сохраняют в своей памяти только то, что им необходимо и то, что востребовано постоянно. Пословицы – это выражение коллективного мнения, наблюдения народного ума, народное восприятие и оценка жизни.

Мощный потенциал пословиц и поговорок (паремий) в формировании взглядов на мир, а также в эстетическом и моральном воспитании молодежи подчеркивает их значимость в жизни общества. Мы зачастую прибегаем к ним, не осознавая, что это стало для нас привычным и бесспорным способом выражения мысли. Основной задачей пословиц и поговорок в истории человечества было влияние на воспитание людей. Эти выражения служат не только передачей мудрости, но и формируют речевую культуру, что подчеркивает их важнейшую роль в традициях народа. Рассматривая паремии как неотъемлемую часть языка, мы осознаем их влияние на мировосприятие и поведение, которое передают поколение за поколением. Использование пословиц не только обогащает нашу речь, но и способствует развитию моральных ценностей, что делает их незаменимыми в культурной жизни. Таким образом, паремии остаются актуальными инструментами влияния на умы и сердца людей.

Пословица искони определялась как выражение народной мудрости, совести, ума, юмора, раздумья, как изречение, которое уточняет понятие, окрыляет мысль.

Пословицы и поговорки можно рассматривать в логическом, грамматическом, функционально-прагматическом, культурологическом аспектах.

Как известно, этимологическая наука учитывает, как законы фонетического соответствия, так и семасиологические связи (семантические переносы), существующие между различными словами, а также факты, полученные в результате сопоставления языковых данных родственных языков или вариантов одного языка. Наиболее эффективными методами, используемыми в этимологии, являются внешняя и внутренняя экстраполяции, суть которых состоит в выявлении выпавших, реконструированных в ходе исследования звеньев в историческом развитии слова, на основе существующих семантических и словообразовательных соответствий и отношений [3, с. 151]

Объектом исследования являются кабардинские пословицы о здоровье и благополучии и их английские эквиваленты, как фрагменты национальных языковых картин мира.

Целью данной статьи является – проанализировать языковые способы и приемы выражения кабардинских и английских пословиц о здоровье и благополучии аспекте лингвокультурологического описания.

Для достижения указанной цели нами ставятся следующие задачи:

Сопоставить понятие ментальности в кабардинском и английском языках в речевом этикете; рассмотреть этимологию и классификацию кабардинских и английских пословиц и выявить их место в лингвокультурологических исследованиях; провести сопоставительный анализ кабардинских и английских пословиц о благополучии и здоровье.

Сходные концепции о природе заболеваний и процессах, происходящих в человеческом организме, которые можно найти как в официальной, так и в народной медицине, приводят к аналогиям в соответствующих ономазиологических парадигмах. Под последними мы подразумеваем характерные для определенного языка модели разделения и объективирования конкретного аспекта реальности, которые отражаются в ономазиологической структуре номинативных единиц для конкретного класса понятий и объектов [5, с. 192].

У народностей к состоянию собственного организма сочетается внимательность, осознание его ценности, которые нашли свое воплощение в народных пословицах о здоровье.

Мылэр лы мэхъу. – Кто не умрет, тот становится мужчиной. Кто претерпел много трудностей и неприятностей в жизни, может даже в тяжелой болезни, тот становится сильнее, выносливее, если конечно выживет, преодолев все невзгоды.

Узыншагъэрэ сымаджагъэрэ зэпыщлащ. – Здоровье и болезнь связаны друг с другом.

Health is a call loan. – Здоровье - это кредит по вызову.

Здоровье – то, чего мы можем лишиться неожиданно. Хрупкость здоровья и необходимость относиться к нему бережно передается еще одной известной пословицей:

Узыр къэклуэгъуафлэ щхъэклэ клужыгъуейщ. – Болезнь быстро приходит, но уходит очень трудно.

Health is not valued till sickness comes. - Здоровье не ценится до тех пор, пока не придет болезнь

By the side of sickness health becomes sweet. – Рядом с болезнью здоровье становится сладким.

Когда узнаешь о неприятном или пугающем диагнозе, нет смысла роптать на судьбу и искать виноватых, а нужно собрать душевные силы и приготовиться к борьбе, ведь:

Дээр узмэ 1уач. – Если зуб болит, его удаляют.

What can't be cured must be endured. – То, что нельзя вылечить, нужно вытерпеть.

Тем не менее, англичане даже в болезни склонны видеть ту самую «silver lining» – позитивные и оптимистичные моменты. Со свойственным им мрачным жизненным опытом они утверждают:

Better ten times ill than one time dead. – Лучше десять раз переболеть, чем один раз умереть.

На этот случай у адыгов есть очень мужественная пословица:

Лэнми лыгъэ хэлъщ [2, с. 31] – И в смерти (в том, как умереть) есть свое мужество.

Лыр лыуэ мэлэж [2, с. 26] – Мужчина умирает по-мужски. Настоящий герой умирает не боясь смерти и с достоинством.

Но даже проповедуя долготерпимое отношение к болезни, англичане не терпят вторжения в личную жизнь, и советы, касающиеся здоровья, скорее всего, будут встречены холодностью. Неслучайно говорится:

It is easy for a man in health to preach patience to the sick. – Здоровому человеку легко учить терпению больного.

Зи щхъэ мыузым уи щхъэ уз хуомы 1уатэ. – Не стоит жаловаться про свою головную боль тому, у кого не болит голова.

Попытки давать рекомендации относительно способов лечения пресекаются еще и потому, что реакция двух разных людей на одно и то же лекарство может быть абсолютно противоположной. Как сказали бы сами англичанин:

One man's meat is another man's poison [4, с. 130] – Что для одного человека пища, для другого – яд.

У адыгов на это есть свое видение данного изречения:

Зым и хуцхъуэ зым и щхъуыщ. – Что для одного является лекарством, то оно может оказаться для другого ядом.

Чтобы точно знать, что поможет именно вам, англичане посоветуют:

Study sickness while you are well. – Изучай болезни, пока здоров.

А адыги всему этому могут противопоставить:

Дунейм и флыгъуэр узыншагъэщ, дунейм и тхъэгъуэр лъагъуныгъэщ. – Благо на свете – здоровье, радость на свете – любовь.

Если ты здоров, то одарен благом, если между людьми есть взаимопонимание и любовь, то им жизнь всегда в радость.

Разные народы подчеркивают важность осторожности во всех аспектах, включая профилактику заболеваний. Ими руководит неизменный принцип:

Prevention is better than cure.

An ounce of prevention is worth a pound of cure. – Легче предупредить, чем вылечить.

Гъэузи гъэхъуж [2, с. 28] – Сначала сделай больно, а затем вылечи. Это, наверное, нужно для того чтобы знать цену здоровью.

Отдавая должное мерам предосторожности, поступают мудро, потому что лечение заболевания, на симптомы которой поначалу не обращаешь внимания, обычно затягивается:

Sickness comes in haste and goes at leisure. – Болезнь приходит в спешке, а отступает неспешно.

Узыр къэк1уэгъуаф1э цхъэк1э к1уэжыгъуейщ. – Хотя болезнь приходит с легкостью, уходит с трудом.

Разумеется, иногда от поставленного серьезного диагноза никуда не деться, но даже в сложных ситуациях не надо терять оптимизма, наблюдательно замечая:

Sickest is not the nearest to the grave. – Быть самым больным не означает быть самым близким к могиле.

Сымаджэр къонэри, ц1эупц1ак1уэр малэ. – Больной выживает, а кто пришел проведать, умирает.

Случается такое, что тяжело больной выздоравливает и живет, а с виду здоровый человек умирает. Имеется в виду, что смерть никого не различает. Если человек тяжело болен, то это не означает что он должен умереть, а здоровый – жить.

Къулейсызыр бей хъуну ц1охъуэпс, сымаджэр хъужыну мэгъуэгъэ. – Бедный мечтает разбогатеть, больной надеется поправиться.

Каждый человек размышляет о том, чтобы избавиться от своих проблем, также как каждый имеет заветные мечты. Возможности человеческого организма по самовосстановлению доказаны миллионами случаев исцеления в, казалось бы, безнадежных случаях. Тем не менее, поколения и поколения народов пытались выработать формулу образа жизни, который позволит не испытывать недомоганий:

Eat well, drink in moderation, sleep sound – in these three, good health abound. – Ешь досыта, пей умеренно, спи крепко – вот три слагаемых хорошего здоровья.

Во всех половицах у адыгов высшей ценностью здоровой жизни является, прежде всего, честь и совесть. У кого они присуще тот бодр и здоров.

Адыгская лингвокультура следуя предписаниям повсеместно строгого использования Адыгэ хабзэ «Адыгский этикет», отличается высокой степенью табуированности речевого поведения и этот феномен ярко проявляется в дискурсе членов семейно-родового клана, что свидетельствует об актуальности и своевременной постановке и решения вопроса. [1, с. 27] В пословицах нашло свое отображение не только большой мир, в

котором постоянно происходили определенные важные события или общественные отношения. Здесь отражались семейные отношения, домашняя жизнь, и многое другое.

Бынымрэ фызымрэ ягъэпуда лыр зыми къыдыхыжы-фынкъым, ныбжьэгъум игъэпуда лыр фызым къыдыхыжыныц. – Честь мужчины, которого опорочили жена и дети, никто не спасет; честь мужчины, которого опорочил друг, жена может спасти.

Для мужчины нет ничего унижительнее, чем непристойная жена и невоспитанные дети. В то же время, ничто так не поддерживает мужчину, как умная и праведная супруга. Когда в семье понимание и лад, есть спасение и от козней неверного друга, и даже от суда всего общества, и от этого зависит здоровье хозяина дома.

A good wife and health are man's best wealth. – Хорошая жена и хорошее здоровье – богатство мужчины.

Проанализировав адыгские и английские пословицы и поговорки о здоровье, можно сделать вывод, что и те и другие придают огромное значение сохранению здоровья и профилактике болезней. Во всех пословицах о здоровье прослеживается непоколебимая убежденность в том, что здоровье – это высшая ценность.

Ажал ф1эк1а, 1эмал зымылэ цылэкъым. – Нет ничего, кроме смерти, чтобы против него не нашлось средства.

Пока жив, нельзя опускать руки, надо пытаться найти выход из любой ситуации, нет средства только против смерти – если она пришла, то ее не избежать.

Л1эм зыгъэл1эн ешх. – Кто умирает (кому суждено умереть), тот съедает то, отчего он умрет.

Так говорят о тех, кто, зная о своем безнадежном положении, готов принять смерть.

В противоположность этому у англичан есть иное высказывание:

An apple a day keeps the doctor away. – Съедая одно яблоко в день, вы оставите вашего доктора без работы. Кто съедает одно яблоко в день, экономит на докторе. «Западная душа» более рационализирована, упорядочена, организована разумом цивилизации.

Заключение

Заключение проведенного исследования показало, что пословицы, в частности, пословицы о здоровье и благополучии, являются образным средством выражения мировосприятия носителей языка и дают наглядное представление об особенностях народов, являясь частью их культуры. Анализируя данные пословицы и поговорки, мы обретаем шанс углубить самопознание и выявить набор значимых убеждений, присущих языковой картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Езаова М.Ю., Карданов М.Л., Шугушева Д.Х. *Филологос*. 2019. № 1 (40). С. 27-32.
2. Кабардинские пословицы: Сборник / Сост. З. Кардангушев; Худож. Г.С. Паштов. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 146 с.
3. Карданов М.Л., Езаова М.Ю., Шугушева Д.Х. Трансформация корня в современном кабардино-черкесском языке // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – №6/2. – С. 149-153.
4. *Словарь употребительных английских пословиц: 326 статей* / М.В. Буковская, С.И. Вяльцева, З.И. Дубянская и др. – М.: «Русский язык». 1990. – 240 с.
5. Шугушева Д.Х., Афашагова Д.З. Медицинская лексика как средство изучения культуры и истории адыгского народа // *Сохранение и развитие родного языка в условиях глобализации: современные методы и технологии. Материалы VI Международной научно-методологической конференции, посвященной Международному десятилетию языков коренных народов (2022-2032)*. – Майкоп: АРИГИ им. Т.М. Керашева, 2024. – С. 191-194.

© Шугушева Джулета Хабасовна (shugushd@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КАТАСТРОФИЧЕСКИЙ МОТИВ В ТВОРЧЕСТВЕ В.Г. РАСПУТИНА

Юе Цюаньсинь

Докторант, Хэйлунцзянский университет,
(г. Харбин, провинция Хэйлунцзян, Китай)
747352617@qq.com

THE DISASTER MOTIVE IN THE WORKS OF V. RASPUTIN

IUe TSiuansin

Summary: The article examines the concept of catastrophe and methods of its expression in the works of V.G. Rasputin, especially from the second third of the 20th century to the beginning of the 21st century. The novelty of this article lies in the fact that it attempts to combine Russian theological culture, sociology, ethics, and literature to explore the deep connotations of catastrophe in Rasputin's works. The aim is to identify the important spiritual and cultural significance of catastrophes in Rasputin's work. It is concluded that the main purpose of depicting disasters in Rasputin's works is not to create intricate plots, but to draw readers' attention to ecology, reflections on ethics and morality, love for their hometown and traditional culture, and reflections on the prospects of the Motherland.

Keywords: disaster, motive, non-place, V.G. Rasputin, art world.

Аннотация: В статье рассматривается концепция катастрофы и методы ее выражения в творчестве В.Г. Распутина, особенно со второй трети XX века до начала XXI века. Новизна этой статьи заключается в том, что в ней предпринята попытка объединить русскую богословскую культуру, социологию, этику и литературу для изучения глубоких коннотаций катастрофы в произведениях В.Г. Распутина. Цель состоит в том, чтобы определить важное духовное и культурное значение катастрофы в творчестве В.Г. Распутина. Делается вывод, что основной целью изображения катастрофы в произведениях В.Г. Распутина является не создание запутанных сюжетов, а привлечение внимания читателей к экологии, размышлениям об этике и морали, любви к родному городу и традиционной культуре, размышлениям о перспективах Родины.

Ключевые слова: катастрофа, мотив, не-место, В.Г. Распутин, художественный мир.

Введение

Всемирно известный российско-американский социолог П.А. Сорокин отметил «Мы живем и действуем в эпоху великих бедствий. Войны и революции, голод и эпидемии опять бесчинствуют на нашей планете. Опять они собирают свою кровавую дань со страдающего человечества. Опять они оказывают влияние на каждый момент нашего существования: на наши умственные способности и поведение, на нашу общественную жизнь и культурные процессы» [Сорокин 2012:13]. Действительно, российское общество со второй трети XX века до начала XXI века было сильно разделено. С одной стороны, западная капиталистическая культура в различных формах проникла в жизнь русских людей, серьезно пошатнув основы традиционной культуры; с другой стороны, ощущение катастрофы на рубеже веков и негативные мысли о конце истории усилили тревогу людей. На этом историческом фоне культурный контекст России также претерпел изменения, и сильное ощущение катастрофы, глубокие размышления о ней стали важной творческой темой для интеллектуалов XX века. Их работы наполнены мотивом катастрофы. С точки зрения пространства, она затронула города, поселки и деревни, с точки зрения времени, – прошлое, настоящее и будущее, с точки зрения коннотации, – традиционную культуру, этику и национальную идентичность. В нашей статье мы хотели бы обратить внимание на реализацию мотива катастрофы в творчестве В.Г. Распутина.

Цель и задачи

Цель исследования заключается в осмыслении важного духовного и культурного значения мотива катастрофы в творчестве В.Г. Распутина: произведениях «Прощание с Матёрой» (1976), «Пожар» (1985) и «Дочь Ивана, мать Ивана» (2003).

Реализация поставленной цели требует решения следующих задач:

- Прояснить экологический взгляд на природу в художественном мире В.Г. Распутина, представленном вышеперечисленными работами;
- Установить двухлинейную структуру повествования в вышеупомянутых произведениях В.Г. Распутина и проанализировать катастрофу, вызванную конфликтом между человеком и природой в его произведениях;
- Привлечь социологическую теорию, проанализировать роль образов в вышеупомянутых произведениях, исследовать отчуждение людей и катастрофу, вызванную конфликтом между людьми и обществом в его произведениях;
- Основываясь на элементах современного рынка, выраженных в работах, изучить проблемы, вызванные самоуничтожением людей и ухудшением их отношений с окружающими;
- Выяснить глубокий подтекст мотива катастрофы в произведениях В.Г. Распутина и позитивные методы, которые он предлагает для решения этой проблемы.

Катастрофы, вызванные конфликтом между человеком и природой

В произведениях В.Г. Распутина природа играет важную роль. «Совершенно по-особенному соотносятся образ человека и образ природы в художественном мире прозы В. Распутина» [Бурцева 2015:99]. Действительно, с одной стороны, природа, как внешний фактор, использует свои богатые ресурсы для воспитания человечества, например, в начале повести «Прощание с Матерой» автор описывает природно-географические условия острова. На острове разместились и пашня, и лес, и болотце с лягушкой, которые пригодны для выращивания растений, животноводства и т.д., и это прекрасная среда обитания. Кроме того, «с нижней стороны за мелкой кривой протокой к Матере близко подчаливал другой остров, который называли то Подмогой, то Поднойгой. Подмогой – понятно: чего не хватало на своей земле, брали здесь» [Распуин 2018:1]. В общем говоря, природа создала все условия для того, чтобы жители Матеры могли мирно жить и работать на протяжении многих поколений. С другой стороны, как отметил Ю.В. Педро, двоеверие является отличительной чертой процесса русской истории и культуры: «Одним из древнейших явлений остается обожествление природных сил» [Педро 2013:294]. В.Г. Распутин унаследовал традиционную русскую мысль и верил, что природа полна духовности, поэтому она воздействует на сердца людей, как внутренний фактор, и является их духовным домом. Мы можем заметить, что в своих работах он всегда бережно и с любовью описывает природу и животных: она оживает в его произведениях. При этом его описания полны мистики. Так, например, в повести «Прощание с Матерой» Хозяин острова предчувствовал катастрофу, которая должна была произойти на острове. В повести «Пожар» каждый камень в природе предвещал рождение человека, и каждая травинка была посвящена ему. В целом, весь мир в работах В.Г. Распутина защищает, заботится, помогает человеку. Даже происхождение фамилии шло от названия деревни: «Егоров из Егоровки. Вернее, Егоров в Егоровне» [Распутин 1986:15]. Писатель в своем творчестве следовал традициям сельской местности и верил, что человек – это не хозяин природы, а лишь ее часть. При этом они обладают единым сознанием и гармонично сосуществуют.

После середины XX века процесс глобальной промышленной модернизации и урбанизации ускорился, и его развитие привело к дисбалансу отношений между человеком и природой, к их ожесточенному конфликту. В это время катастрофа в литературе описывается через два аспекта: поверхностный и внутренний. Что касается первого, то катастрофа связана со слепой погоней за рациональными технологиями, пропагандирующими численность и эффективность, которая может привести к серьезному ущербу природе. Например,

из-за строительства гидроэлектростанций некоторые деревни могут быть затоплены обильными водами и люди будут вынуждены покинуть свои дома. Жители безрассудно вырубали деревья и не дают лесу времени восстановиться. Поля и луга, на которые люди привыкли полагаться, оказались под водой из-за строительства гидроэлектростанций. Но на самом деле для острова с долгой историей наводнения и сокращение лесов трудно напрямую определить как катастрофу, как указал автор: «Знала деревня наводнения... знала пожары, голод, разбой» [Распуин 2018:2]. Почему же в романе это считается катастрофой? Должно быть, это связано с внутренним аспектом: люди покидают не просто свой физический дом, но и свое прежнее духовное пристанище. В.Г. Распутин как-то обмолвился, что, если человек не знает смысла своей жизни, то для него это катастрофа и несчастье. Смысл нашей жизни заключается в том, чтобы помогать будущим поколениям стать добрее. Между людьми и окружающей природой всегда существовала взаимосвязь. Умение ладить с природой основано на «Я» как отправной точке для установления отношений с окружающим миром и поиска фундаментального способа собственного выживания. С этой точки зрения, цивилизация означает не развитие и усовершенствование технологий, а способность людей понимать самих себя и становиться все лучше и совершеннее. Некоторые герои романа переехали из деревни и сразу же посвятили себя городской жизни, наслаждаясь удобством электроприборов и забывая о традиционной земле и самоваре. Чтобы как можно скорее получить компенсацию, некоторые люди даже поджигают старый дом, в котором они выросли, теряя основы человеческого бытия. Конец романа предупреждает людей, что они и природа обладают единым сознанием и им необходимо гармонично сосуществовать, иначе они попадут в туман, собьются с пути, и их ожидания в конечном итоге обернутся катастрофой.

Катастрофы, вызванные человеческими и социальными конфликтами

В произведениях В.Г. Распутина, посвященных теме катастрофы, также люди и общество находятся в состоянии диссонанса. Прежде всего, это проявляется как непроизвольное отчуждение людей под влиянием капиталистического рынка. Семья – это самая маленькая социальная ячейка, и несчастье семьи предвещает кризис общественного порядка. Разлад в семье героев произведений В.Г. Распутина может быть вызван отсутствием членов семьи. Например, в повести «Прощание с Матерой» люди, которые остались на острове, были группой одиноких стариков, а большинство их детей переехали в город. Это происходит потому, что «комфортная» городская жизнь стерла их чувства к родному городу, и они не могут выпутаться из потока товаров первой необходимости. А в «Дочери Ивана, матери Ивана», автор выражает этот разлад через внутренние

семейные отношения. Зигмунд Фрейд считал, что гендерная идентичность является основным составляющим фактором идентичности человека, и первым шагом в установлении идентичности является различие пола. Однако образ героини Тамары Ивановны отличается от традиционного представления о женщинах. У нее крепкое телосложение, она ходит как мужчина, говорит просто, выбрала профессию, в которой доминируют мужчины, – водителя автобуса дальнего следования. Это связано с тем, что ее мать практически не участвовала в воспитании своих детей, и Тамара стала ближе к своему отцу. Согласно философской теории зеркального отражения Жака Лакана, Тамара стала сильной, цельной, самодисциплинированной и смелой под влиянием своего отца. На ее мировоззрение также оказала глубокое влияние русская национальная культура. В книге «Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы» (1975) французский философ Мишель Фуко сфокусировался на различных микромеханизмах формирования власти. Он считает, что власть вездесуща, и современное общество использует различные «цивилизованные» методы и «передовые» технологии, чтобы незаметно «приручить» людей. Человек может столкнуться только с двумя вариантами выбора: быть прирученным, когда индивидуальная идентичность «я» неизбежно будет отчуждена сильным «другим» либо сопротивляться власти и стать «другим» общества. Тамара обзавелась собственной семьей и стала матерью, живущей в городе. В это время традиционная русская промышленность приходила в упадок, все было одомашнено маркетингом, и это неизбежно сказалось на финансовом состоянии мужа Тамары. Поэтому в их семье нет гармонии, им не хватает общения. Даже после потери дочери переживала только мать. «Она берет на себя мужскую функцию – восстановить справедливость, мстить, защитить семью от внешних обстоятельств» [Филатова 2012]. Автор отражает хаотичную и катастрофическую социальную картину России того времени со стороны семьи. Хорошие люди в таком обществе загнаны в угол и могут использовать только насилие для обеспечения безопасности себя и своих семей.

Разногласия между людьми и обществом могут также возникать в более широком спектре социальных единиц, таких как общины, деревни, города, страны и т.д. «Пожар» повествует о трагической истории, вызванной пожаром на складе в поселке. Его сюжет не выстроен в линейном порядке развития, но в процессе возникновения и тушения пожара время от времени в него вкрапляются воспоминания и мысли главного героя Ивана. В «Не-места. Введение в антропологию гипермодерна» Марк Оже определяет место как «место, населенное аборигенами, которые живут и работают в нем... В то же время обнаруживаются следы двух сил в этом месте, а также в божественной силе предков или богов, которые наполняют это пространство и делают его внутренней средой яркой» [Марк Оже 2023:62], то есть у места есть чувство принадлежности, взаимосвязанности и истории. Старые деревни в произведениях В.Г. Распутина – типичные

представители места. Здесь рождались, росли, старели и умирали поколения людей. Ностальгия жителей по деревне тесно связана с ее историей и воспоминаниями об их предках. Хотя старшее поколение уже ушло из жизни, благодаря сюжету кладбища в романе мы чувствуем, что его жители всегда могут черпать силу у своих предков. Они любят свою родину и готовы сделать все возможное, чтобы защитить ее. Благодаря этому деревни имеют долгую историю, и поколения людей были подобны текущим рекам, наследующим жизнь и цивилизацию. Напротив, новый поселок и город – это представитель «Не-места». Марк Оже отметил, что появление «Не-места» изначально должно было указывать на негативные характеристики мест. Он объяснил, что пространство туристов является прототипом «Не-места». Поведение туристов делает места ущербными по законам других, «создавая не-места в местах». Он определил: «Пространство, в котором нет чувства принадлежности, взаимосвязи и истории, является Не-местом» [Марк Оже 2023:111].

Поселок бивуачного типа был основан не так давно, «словно кочевали с места на место, остановились переждать непогоду и отдохнуть, да так и застряли» [Распутин 1986:9]. Многие люди в поселке выступают лишь в роли прохожих и не считают это место своим родным городом. Поэтому в «Пожаре» была такая сцена: много хороших вещей, которых люди никогда раньше не видели, громоздятся горками, различные товары на складе расположены в разных местах. Большое количество иностранных вин, одеколona и многих других «вкусностей» разложены в деревянных бочках, картонных коробках, бумажных пакетах и на покрытых холстом полках, в то время как мешки с мукой, рисом, пшеницей и другими материалами, от которых зависит выживание сельских жителей, небрежно и беспорядочно свалены на земле. Кто-то воспользовался пожаром и занялся мародерством, не заботясь о безопасности жизни и имущества других людей. Н.Н. Котенко почеркнул, что повесть не «ограничена конкретным адресом, узким отделом, географией или временными рамками. То, что мы видим, – это не событие, а феномен» [Котенко 1988: 135-136]. Это кризис идентичности и национально-культурный кризис, вызванный господством товарной культуры и разложением социальной культуры под действием западных ценностей. В эпиграфе «Горит село, горит родное...» [Распутин 1986:3] взяты слова из народной песни. Следующая фраза в ней такая: «Горит вся родина моя» [Калинина 2012:270]. В повести показано, что хаотичная и морально падшая социальная структура может привести к катастрофам по всей стране.

Катастрофы, вызванные человеческими и социальными конфликтами

В.Г. Распутин считает, что под влиянием современной культуры в отношениях между людьми, а также между самим собой и другими появились признаки катастро-

фы. Это воплощение социальной панорамы, опирающейся на три основных элемента: рынок, эффективность и личность. Стимулируемые этими элементами, различные сферы деятельности демонстрируют экстремальные волны роста энтропии, и они находятся на грани катастрофы. В начале «Пожара» автор описывает эмоционально-психологическое состояние героя главного героя. Он чувствовал себя измученным. «И предстоящая неделя, последняя рабочая неделя, показалась теперь бесконечной – дольше жизни» [Распутин 1986:3]. Поэтому, когда он услышал, как кто-то кричит, что там пожар, ему показалось, что это был голос из его сердца. Пожар указывает на катастрофическое состояние выживания отдельного человека в этой среде. Впоследствии В.Г. Распутин еще больше расширил тему катастрофических отношений между людьми. Некоторые из персонажей были заняты тушением во время пожара, в то время как другие грабили без разбора, а «добрый дядя» был убит бандитами. Пожар представлен в художественном пространстве В.Г. Распутина «не только угрозой для жизни людей, отторгающей и испепеляющей силой, но и как символ добра и зла» [Грузан, Петишев 2014:37].

В «Дочери Ивана, матери Ивана» разрушительные отношения между людьми более разнообразны. Как прокурор, главный герой должен был выполнять обязанности по поддержанию справедливости и беспристрастному утверждению приговоров, но его устроили работать рядом с рынком, и он стал соучастником денежных операций. Предполагается, что полицейские должны быть стражами народа, но они превращаются в праздных алкоголиков и закрывают глаза на преступле-

ния. Маленький старичок паразитировал в чужих домах под вывеской гражданской интеллигенции, а позже стал обитателем подвала. Безразличие людей и ухудшение их отношений друг с другом являются сутью катастрофы и острым оружием.

Заключение

В целом, многие произведения В.Г. Распутина затрагивают мотив катастрофы. В его работах катастрофа – это не только опасные для жизни и захватывающие сцены, но и понимание взаимоотношений между человеком и природой, исследование русской национальной культуры под влиянием культуры двойного божества, размышления о причинах существующих и потенциальных катастроф в современном обществе, а также внимание к стране и ее развитию. Кроме того, в своих работах он также давал ответы на вопросы о том, как бороться с катастрофой. Во-первых, люди должны заботиться об экологии, от которой зависит выживание людей. Как упоминалось в «Пожаре», мы должны не только стремиться к сиюминутным интересам, но и заботиться о родине и жизни будущих поколений. Во-вторых, нам следует наследовать традиционные русские ценности, такие как трудолюбие, доброта, прилежность и т.д. – это основа человеческого бытия. Некоторые из его работ, такие как «Иван в Китае», «Тетя Даля» и т.д., основаны на традиционных предметах, таких как русский самовар и русские печи. Только любя свой родной город, придерживаясь основ русского национального духа и формируя душу и идеалы личности русского народа, россияне могут объединиться для преодоления катастрофы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурцева Е.А. Особенности художественного мира В. Распутина // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 5. С.98-100.
2. Грузан И.Е., Петишев А.А. Мифологема «Огонь» в произведениях И. Гончарова, В. Распутина и Л. Леонова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 11. С.36-40.
3. Калинина И.П. «Горит село, горит родное...»: истоки публицистичности повести В.Г. Распутина «Пожар» // Пушкинские чтения. 2012. С.263-271.
4. Котенко Н.Н. Валентин Распутин: очерк творчества. М.: Издательство Современник, 1988. 135-136с.
5. Марк Оже. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. Ханчжоу: Издательство Чжэцзянского университета, 2023. 62 с.
6. Педро Ю.В. Двоеверие и религиозный синкретизм как составляющие религиозно-исторического процесса // Знание. Понимание. Умение. 2013. С. 293-296.
7. Распутин В.Г. Прощание с Матерой. М.: Издательство АСТ, 2018. 1с.
8. Распутин В.Г. Пожар. М.: Издательство Правда. 1986. 1-3 с.
9. Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий. СПб.: Издательство «Миръ», 2012. 13 с.
10. Филатова И.А. Динамика женских образов в творчестве В. Г. Распутина (на примере повестей «Деньги для Марии», «Живи и помни», «Дочь Ивана, мать Ивана») // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. С.1-3.

© Юе Цюаньсинь (747352617@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИКИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ

Ян Ихуа

Аспирант, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
1042228091@pfur.ru

SPECIFICS OF FAKE NEWS DISSEMINATION IN THE MODERN MEDIA SPACE USING THE EXAMPLE OF CHINA

Yan Ikhua

Summary: This study is dedicated to analyzing the specifics of the dissemination of fake news in the media space of China. The relevance of the topic is determined by the growing impact of disinformation on public opinion and political processes. The purpose of the work is to identify key factors and mechanisms of false content circulation in the Chinese segment of the internet. Methods such as content analysis, network analysis, and expert interviews ($n=25$) were employed. The empirical base consisted of samples of fake news ($N=1500$) and social media accounts ($N=150,000$) from the years 2020–2023. The results demonstrate that the dissemination of fakes is influenced by the specifics of information policy ($r=0.78$, $p<0.01$), the activity of bots and trolls (27% of accounts), and the involvement of traditional media (32% of cases). «Information bubbles» and network clusters amplifying the circulation of disinformation ($D=0.24$) were identified. The practical significance of the work lies in the possibility of using the findings to combat fake news. Further studies can focus on the detailed study of content verification mechanisms and increasing media literacy among the population.

Keywords: fake news, media space, China, information policy, social networks, network analysis.

Аннотация: Данное исследование посвящено анализу специфики распространения фейковых новостей в медиапространстве Китая. Актуальность темы обусловлена растущим влиянием дезинформации на общественное мнение и политические процессы. Цель работы – выявить ключевые факторы и механизмы циркуляции ложного контента в китайском сегменте интернета. В качестве методов использовались контент-анализ, сетевой анализ, экспертные интервью ($n=25$). Эмпирическую базу составили выборки фейковых новостей ($N=1500$) и аккаунтов в социальных сетях ($N=150\,000$) за 2020–2023 гг. Результаты демонстрируют, что распространение фейков определяется спецификой информационной политики ($r=0,78$, $p<0,01$), активностью ботов и trolls (27% аккаунтов), вовлеченностью традиционных СМИ (32% кейсов). Выявлены «информационные пузыри» и сетевые кластеры, усиливающие циркуляцию дезинформации ($D=0,24$). Практическая значимость работы связана с возможностью использования выводов для противодействия fake news. Дальнейшие исследования могут быть направлены на детальное изучение механизмов верификации контента и повышения медиаграмотности населения.

Ключевые слова: фейковые новости, медиапространство, Китай, информационная политика, социальные сети, сетевой анализ.

Введение

Проблема распространения фейковых новостей приобретает особую остроту в условиях цифровизации медиапространства. Современные исследования указывают на растущее влияние ложного контента на общественные настроения, политический дискурс, потребительское поведение [1]. Анализ кейсов демонстрирует, что дезинформация нередко используется как инструмент пропаганды и манипуляций [2]. Вместе с тем, многие аспекты циркуляции fake news остаются малоизученными, особенно в незападных странах.

Концептуальный анализ литературы выявляет разнообразие подходов к интерпретации феномена фейковых новостей [3; 4; 5, с. 355]. Некоторые авторы акцентируют внимание на намеренности искажения фактов [3], другие – на вирусном распространении ложной информации [4]. Ряд исследователей рассматривают fake news в контексте «постправды» и релятивизации истины [5, с. 356].

При этом в научном дискурсе наблюдается терминологическая неопределенность: понятие фейков нередко смешивается с сатирой, пропагандой, недостоверной информацией [6, с. 90]. В данной работе под фейковыми новостями понимается заведомо ложный медиаконтент, маскирующийся под достоверные сообщения для введения аудитории в заблуждение.

Работы последних лет выявляют ключевую роль социальных сетей в распространение дезинформации [7]. Отмечается, что архитектура платформ способствует вирусности сообщений и формированию «информационных пузырей» [8, с. 485]. При этом большинство исследований сфокусировано на опыте западных стран, тогда как китайский кейс раскрыт недостаточно. Анализ литературы показывает, что специфика China остается малоизученной как в теоретическом, так и в эмпирическом плане [9, с. 426].

В рамках данного исследования впервые предпринята попытка комплексного анализа факторов и меха-

низмов распространения фейковых новостей в меди-пространстве Китая. Новизна подхода заключается в сочетании количественных и качественных методов, привлечении обширной эмпирической базы. Это позволяет восполнить пробелы предшествующих работ и получить целостное представление о специфике циркуляции дезинформации в китайском сегменте интернета [10]. Результаты исследования имеют теоретическую ценность для концептуализации феномена fake news, а также практическую значимость для разработки мер противодействия.

Методы

Для достижения поставленных задач использовалась комплексная методология, включающая:

1. Автоматизированный и ручной контент-анализ массива фейковых новостей (N=1500), собранных на основе мониторинга китайских социальных сетей и интернет-СМИ в 2020–2023 гг. Единицей анализа выступали отдельные сообщения, идентифицированные как фейки независимыми fact-checkers. Кодировались тематика, маркеры достоверности, каналы и динамика распространения, вовлеченность пользователей и СМИ.
2. Сетевой анализ циркуляции дезинформации в китайских социальных сетях Weibo и WeChat. Выборка аккаунтов (N=150 000) формировалась методом снежного кома. С помощью инструментария Social Network Analysis выявлялись кластеры распространения фейков, ключевые узлы (influencers, боты, trolls), оценивались плотность и реципрокность связей. Для обработки данных применялись Python, Gephi, Tableau.
3. Полуструктурированные интервью с китайскими экспертами в области медиа и информационной политики (n=25). Выборка строилась методом теоретической насыщенности, охватывая сотрудников университетов, аналитических центров, медиакомпаний. Гайд интервью включал блоки о факторах и практиках циркуляции fake news, роли государства и платформ, эффективности верификации и медиаграмотности.

Триангуляция методов и данных обеспечивает валидность и надежность полученных выводов. Выборки фейковых новостей и аккаунтов репрезентативны для китайского медиакосмоса (ошибка ≤3%, доверительный интервал 97%). Сочетание количественного и качественного анализа позволяет верифицировать результаты. Для оценки статистической значимости связей использовался критерий χ^2 Пирсона.

Результаты исследования

Проведенный многоуровневый анализ эмпириче-

ских данных позволил выявить ключевые особенности распространения фейковых новостей в медиакосмосе современного Китая. Результаты демонстрируют многофакторную обусловленность циркуляции дезинформации, включая технологические, политические, социальные и поведенческие аспекты.

На первом этапе исследования был осуществлен углубленный статистический анализ массива данных, полученных в ходе автоматизированного и ручного контент-анализа фейковых новостей (N=1500). Выявлено, что наиболее распространенными тематическими категориями фейков являются политика (28,4%), здравоохранение (25,1%), экономика (16,7%) и социальные проблемы (12,2%). При этом за период 2020-2023 гг. наблюдается устойчивый рост доли политически окрашенных фейков ($r=0,87$; $p<0,01$).

Анализ маркеров достоверности показал, что для фейковых новостей характерно использование сенсационных заголовков (68,3%), манипулятивных визуальных образов (54,1%), недостоверной атрибуции источников (47,2%), а также апелляция к теориям заговора (31,8%). Обнаружены статистически значимые различия в частоте использования этих маркеров в зависимости от тематики фейков ($\chi^2=112,4$; $p<0,001$).

Таблица 1.

Частота использования маркеров достоверности в фейковых новостях.

Маркер	Частота, %
Сенсационные заголовки	68,3
Манипулятивные образы	54,1
Недостоверные источники	47,2
Теории заговора	31,8

Анализ динамики распространения фейков выявил экспоненциальный рост их вирусности после преодоления «порога критической видимости» в 1000 репостов (M=18 часов). При этом активное вовлечение традиционных СМИ наблюдается в 32,4% случаев и коррелирует с максимальной вирусностью фейков ($r=0,76$; $p<0,01$). Это свидетельствует о значимой роли медиа в легитимации дезинформации [2, с. 590; 5, с. 357].

Второй этап исследования включал сетевой анализ циркуляции фейковых новостей в китайских социальных медиа. Выявлено, что структура сетей распространения фейков характеризуется высокой плотностью ($D=0,87$) и децентрализацией. При этом 27,2% узлов идентифицированы как боты или тролли, генерирующие 52,6% всех репостов фейков. Кластеризация сетей свидетельствует о формировании «информационных пузырей», усиливающих эхо-камеры и групповую поляризацию [3].

Таблица 2.
Ключевые метрики сетей распространения фейковых новостей.

Показатель	WeChat	Weibo
Плотность сети	0,92	0,85
Доля ботов и троллей, %	24,1	29,3
Доля репостов от ботов, %	47,3	56,2
Модулярность кластеров	0,74	0,81

На третьем этапе полуструктурированные интервью с экспертами (n=25) позволили выявить ключевые факторы распространения фейковых новостей в Китае. По оценкам респондентов, ведущую роль играют особенности государственного регулирования медиа (76%), технологическая специфика платформ (64%), низкий уровень медиаграмотности населения (52%) и политическая инструментализация дезинформации (48%). Как отмечают эксперты, «государственный контроль над информационной сферой парадоксальным образом способствует расцвету фейков в социальных сетях» (P7).

Результаты сравнительного анализа демонстрируют, что выявленные в рамках исследования паттерны во многом соответствуют глобальным трендам распространения дезинформации [1; 4; 6, с. 92]. Вместе с тем, китайский кейс характеризуется спецификой, обусловленной социально-политическими и технологическими факторами. В частности, жесткое регулирование медиа сочетается с относительной автономией платформ, что создает благоприятную среду для циркуляции фейков [7]. При этом функционирование «великого китайского файрвола» парадоксальным образом усиливает внутреннюю вирусность дезинформации [9, с. 444].

Таблица 3.
Факторы распространения фейковых новостей: сравнительный анализ.

Фактор	Китай	США	ЕС
Регулирование медиа	+++	+	++
Архитектура платформ	+++	++	++
Медиаграмотность	+	++	++
Политизация фейков	+++	++	+

Концептуальный синтез результатов исследования

Эмпирические индикаторы ключевых выводов исследования.

Вывод	Индикаторы
Мультифакторная природа	Корреляции регулирования ($r=0,87$), платформ ($r=0,76$), медиаграмотности ($r=-0,69$) с вирусностью фейков
Сетевая структура фейков	Плотность ($D=0,87$), доля ботов (27,2%), модулярность кластеров ($M=0,77$)
Китайская специфика	Экспертные оценки роли файрвола (84%) и платформ (72%)

позволяет сформулировать три ключевых вывода:

1. Распространение фейковых новостей в медиапространстве Китая представляет собой комплексный социотехнический процесс, детерминированный множеством факторов. Ведущую роль играют институциональные (специфика регулирования), технологические (архитектура платформ) и социокультурные (медиаграмотность) механизмы.
2. Циркуляция дезинформации в китайских социальных медиа характеризуется высокой вирусностью, децентрализованной сетевой структурой и активным использованием ботов. Формируются «информационные пузыри», усиливающие групповую поляризацию и радикализацию дискурса.
3. Китайская специфика распространения фейков определяется жестким государственным контролем медиа в сочетании с технологической автономией платформ. Это создает своего рода «серую зону» дезинформации, усиленную эффектами «великого файрвола». (Таб. 4.)

Проведенное исследование вносит значимый вклад в понимание феномена фейковых новостей, раскрывая специфику их циркуляции в медиапространстве Китая. Полученные результаты расширяют теоретические представления о механизмах распространения дезинформации в незападных обществах [10]. Вместе с тем, ограничением работы является фокус на количественных аспектах, тогда как содержательный и дискурсивный анализ фейков требует дальнейшей проработки.

В практическом плане результаты исследования могут быть использованы для разработки стратегий противодействия дезинформации с учетом китайского опыта. Перспективы включают апробацию выявленных закономерностей на материале других стран, а также моделирование альтернативных сценариев регулирования медиа в целях минимизации фейков. При этом неизменным остается императив повышения медиаграмотности как ключевого условия устойчивости общества к дезинформации в цифровую эпоху.

Полученные результаты свидетельствуют о наличии устойчивых паттернов и значимых предикторов распространения фейковых новостей в китайском медиапространстве. Статистическое моделирование позволило определить относительный вклад различных факторов в вирусность дезинформации. Множественный регрес-

Таблица 4.

сионный анализ показал, что ключевыми предикторами являются интенсивность государственного регулирования ($\beta=0,412$; $p<0,01$), технологическая архитектура платформ ($\beta=0,336$; $p<0,01$) и уровень медиаграмотности населения ($\beta=-0,247$; $p<0,05$). Совокупно эти факторы объясняют 62,7% вариативности зависимой переменной – вирусности fake news ($F(3,1496)=105,8$; $p<0,001$). Таким образом, эмпирически подтверждается комплексная социотехническая природа циркуляции фейков, требующая многоуровневой оптики анализа.

Дополнительный анализ временных рядов выявил нелинейную динамику распространения фейковых новостей. Обнаружено циклическое чередование фаз активного роста и относительного затухания вирусности, коррелирующее с информационной повесткой и социально-политическим контекстом ($r=0,59$; $p<0,05$). Выявленные паттерны согласуются с современными теоретическими моделями, трактующими дезинформацию как саморегулирующуюся сетевую систему, чувствительную к внешним триггерам и внутренней динамике коммуникации.

В ходе исследования был также проведен качественный анализ механизмов верификации фейковых новостей. Выявлено, что доминирующие практики фактчекинга носят реактивный и фрагментарный характер, не успевая за скоростью распространения фейков. Институционализация фактчекинга находится в зачаточном состоянии, а его эффективность ограничена недоверием населения к официальным источникам информации. Как показывают результаты опроса, лишь 24% китайских интернет-пользователей полностью доверяют верифицированному контенту, тогда как 38% склонны полагаться на «коллективный разум» социальных сетей. Данный разрыв свидетельствует о необходимости комплексных мер по повышению цифровой грамотности и культуры участия.

Заключение

Проведенное исследование продемонстрировало,

что феномен фейковых новостей в медиапространстве Китая представляет собой комплексную социотехническую проблему. Эмпирический анализ выявил ряд значимых факторов, определяющих динамику и масштабы распространения дезинформации. К их числу относятся специфика государственного регулирования медиа ($r=0,87$), технологическая архитектура цифровых платформ ($r=0,76$) и дефицит медиаграмотности населения ($r=-0,69$). Сетевой анализ циркуляции фейков показал преобладание децентрализованных структур с высокой плотностью связей ($D=0,87$), активностью ботов (27,2% узлов) и тенденцией к кластеризации дискурса ($M=0,77$). Выявленная специфика определяется жестким контролем государства над информационной сферой в сочетании с относительной автономией платформ и ограничениями глобальных информационных потоков.

Полученные результаты вносят вклад в теоретическое осмысление феномена fake news, высвечивая его социотехническую природу и многоуровневую динамику. Исследование расширяет концептуальные рамки анализа дезинформации, демонстрируя продуктивность синтеза количественных и качественных методов. Междисциплинарный подход позволил выявить нетривиальные паттерны и взаимосвязи, ускользающие из фокуса отдельных дисциплин. Результаты работы открывают перспективы для дальнейшего изучения практик верификации контента и повышения цифровой грамотности. Актуальной задачей является разработка проактивных стратегий противодействия дезинформации, адаптированных к специфике незападных обществ. Полученные данные могут быть использованы для информирования политических решений, оптимизации медиарегулирования и просвещения граждан.

Приоритетным направлением дальнейших исследований является сравнительный анализ и моделирование циркуляции фейков в глобальном контексте. Эмпирическая валидация выявленных в Китае закономерностей на материале других стран позволит продвигаться в построении интегральной теории дезинформации в цифровую эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bradshaw, S., & Howard, P. N. (2018). Challenging truth and trust: A global inventory of organized social media manipulation. University of Oxford.
2. Chen, X., Sin, S.C.J., Theng, Y.L., & Lee, C. S. (2015). Why students share misinformation on social media: Motivation, gender, and study-level differences. *The Journal of Academic Librarianship*, 41(5), 583-592.
3. Fang, Z., & Costas, R. (2020). Tracking the Twitter attention around the research efforts on the COVID-19 pandemic. arXiv preprint arXiv:2006.05783.
4. Ferrara, E. (2020). What types of COVID-19 conspiracies are populated by Twitter bots?. *First Monday*.
5. Garfin, D.R., Silver, R.C., & Holman, E.A. (2020). The novel coronavirus (COVID-2019) outbreak: Amplification of public health consequences by media exposure. *Health Psychology*, 39(5), 355-357.
6. Gelfert, A. (2018). Fake news: A definition. *Informal Logic*, 38(1), 84-117.
7. Han, R. (2018). *Contesting Cyberspace in China: Online Expression and Authoritarian Resilience*. Columbia University Press.
8. King, G., Pan, J., & Roberts, M. E. (2017). How the Chinese government fabricates social media posts for strategic distraction, not engaged argument. *American*

- Political Science Review, 111(3), 484-501.
9. Liang, F., Das, V., Kostyuk, N., & Hussain, M. M. (2018). Constructing a data-driven society: China's social credit system as a state surveillance infrastructure. *Policy & Internet*, 10(4), 415-453.
  10. Lu, J., & Yu, X. (2018). Does the Great Fire Wall cause self-censorship? The effects of perceived internet regulation and the justification of regulation. *Internet Research*.
  11. Repnikova, M. (2018). *Media politics in China*. Cambridge University Press.
  12. Song, X., Petrak, J., Jiang, Y., Singh, I., Maynard, D., & Bontcheva, K. (2021). Classification aware neural topic model for COVID-19 disinformation categorisation. *PloS one*, 16(2), e0247086.
  13. Stockmann, D., & Luo, T. (2019). Authoritarian deliberation 2.0: Lurking and discussing politics in Chinese social media. *The China Quarterly*, 1-26.
  14. Vosoughi, S., Roy, D., & Aral, S. (2018). The spread of true and false news online. *Science*, 359(6380), 1146-1151.
  15. Zhang, A.X., & Ghorbani, A.A. (2020). An overview of online fake news: Characterization, detection, and discussion. *Information Processing & Management*, 57(2), 102025.

© Ян Ихуа (1042228091@pfor.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ КИТАЙСКОГО ПЕРЕВОДЧИКА РУССКО-КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РУ ЛОНГА

Ян Сяоцин

Шанхайский Университет Иностранных Языков

752164955@qq.com

A STUDY OF THE TRANSLATION CONCEPT OF CHINESE TRANSLATOR OF RUSSIAN-CHINESE LITERATURE RU LONG

Yang Xiaoqing

Summary: Translation concept is a direct expression of a translator's understanding of translation activities and has a profound influence on his/her values and methods used in the translation process. The study of translation concepts is conducive to improving the quality of translation, strengthening the image of outstanding translators and developing the translation profession as a whole, being a complement and enrichment to translation studies. This paper, based on Ru Long's articles on translation theory, his translations, correspondence with friends, and memories of relatives and friends, systematises and formulates Ru Long's literary translation concept.

Keywords: Ru Long, Russian-Chinese literary translation, translation concept.

Аннотация: Переводческая концепция представляет собой непосредственное выражение понимания переводчиком переводческой деятельности и оказывает глубокое влияние на его ценностные ориентиры и методы, используемые в процессе перевода. Изучение переводческих концепций способствует повышению качества перевода, укреплению образа выдающихся переводчиков и развитию переводческого дела в целом, являясь дополнением и обогащением исследований в области переводческой деятельности. Настоящая статья, опираясь на статьи Ру Лонга по теории перевода, его переводы, переписку с друзьями, воспоминания родных и близких, систематизирует и формулирует литературную переводческую концепцию Ру Лонга.

Ключевые слова: Ру Лонг, русско-китайской литературный перевод, переводческая концепция.

Введение

Представление переводчика о переводческой деятельности, известное как переводческая концепция, является прямым выражением его понимания сути перевода. Она оказывает значительное влияние на ценностные ориентиры переводчика и применяемые им методы перевода. Формирование переводческой концепции оказывает не только глубокое воздействие на выбор переводимого текста и стратегии перевода, но и напрямую определяет конкретные методы и принципы работы переводчика [1, с. 14]. В процессе перевода любой переводчик, в той или иной степени, осознаёт свою ответственность, имеет хотя бы минимальное представление о сути своей переводческой деятельности и, основываясь на этом понимании и чувстве ответственности, вырабатывает определённые принципы своей работы. При этом правильное понимание переводчиком своей деятельности является ключевым фактором успеха в переводческом процессе [2, с. 54]. Ру Лонг, выдающийся переводчик русско-китайской литературы, за свою почти пятидесятилетнюю карьеру перевёл и опубликовал более 12 миллионов иероглифов литературных текстов. Его переводы с момента публикации получили высокую оценку как со стороны академического сообщества, так и среди широкой читательской аудитории. Они остаются наиболее авторитетными, популярными и качественными классическими версиями переводов произведений российских писателей в Китае. Успех переводов Ру Лон-

га и их признание в значительной степени обусловлены его зрелой, последовательной и глубокой переводческой концепцией, пронизывавшей весь его творческий процесс. Однако Ру Лонг, посвятивший всю свою жизнь переводческой деятельности, крайне редко писал специализированные статьи, посвящённые теоретическим вопросам перевода. Единственная его работа на эту тему — статья «Несколько слов о переводе», опубликованная в 1958 году в китайском журнале «Изучение языка и литературы». Эта статья, объёмом около 600 иероглифов, лаконично и чётко освещает ключевые проблемы, с которыми сталкивались переводчики того времени, включая такие аспекты, как верность оригиналу, передача стиля, литературная подготовка переводчика, а также вопросы доместикации и иностранности в переводе. Опираясь на основные положения, изложенные в данной статье, а также на анализ переводов Ру Лонга, его переписку с друзьями и воспоминания его родных и близких, в данной работе будет проведён углублённый анализ его переводческой концепции с целью её систематизации и обобщения.

Верность оригинальному стилю

Вопрос «верности» перевода на протяжении длительного времени остаётся одной из центральных тем в исследованиях переводоведения. В статье Ру Лонга «Несколько слов о переводе» первый поднятый им вопрос также касается «верности» перевода: «Наибольшей

критике подвергаются переводы, которые выглядят вычурными, громоздкими и не соответствующими нашим языковым нормам. Такие тексты читаются неудобно и кажутся чрезмерно „иностранными“. В чём же причина? Если это вызвано небрежной работой, то речь идёт о проблеме профессиональной ответственности, выходящей за рамки стилистики. Если же это связано с временной невнимательностью, то переводчику необходимо быть более тщательным. Однако встречаются случаи, когда переводчик добросовестно следует оригиналу, педантично переносит каждое слово и грамматическую конструкцию. Его цель — быть верным оригиналу. Но эта „верность“ оказывается провальной: во-первых, такие переводы сложно читать, а во-вторых, даже самые сложные произведения, обладающие глубокой смысловой нагрузкой, никогда не стремятся быть нарочито запутанными. Они созданы для того, чтобы их могли понять читатели.» [3, с. 4]. Ру Лонг обращает внимание на распространённую в то время проблему, когда переводчики, стремясь к языковой верности, игнорируют смысловую. В связи с этим он высказывает своё мнение: «Верность перевода должна сосредотачиваться исключительно на внутреннем содержании произведения: мыслях, эмоциях, стиле.» [3, с. 4]. Таким образом, в переводческой концепции Ру Лонга верность мыслям и стилю произведения ставится выше языковой точности. Он считает, что ключом к верности перевода является передача «духа» оригинала.

В переводческой концепции Ру Лонга ключевым элементом из трёх составляющих — «мысль, эмоция, стиль» — является верность стилю. Именно это делает его переводы превосходящими многие другие. Он категорически отвергал подходы переводчиков, стремившихся продемонстрировать собственное литературное мастерство через использование вычурных слов и изысканных выражений: «На протяжении многих лет своей переводческой деятельности я всегда старался изо всех сил уловить замысел автора, его чувства, его стиль. На это едва хватает времени, откуда уж взять силы на игру словами или на украшения текста. Если бы мне нужно было написать статью о переводе, я бы выразил свою мысль одной фразой: я стараюсь, чтобы это выглядело так, будто текст написал сам автор. Я говорю „стараюсь“, потому что мы, в конце концов, не являемся самим автором» [4, с. 29]. Как переводчик Чехова в Китае, Ру Лонг посвятил большую часть своей жизни погружению в мир слов и эмоций этого писателя. Он стремился к духовной гармонии с Чеховым, углублённо изучал его литературные приёмы и старался воссоздать знаменитый стиль автора, отмеченный лаконичностью и точностью: «Краткость — сестра таланта». Трижды он с огромным трудом перепереводил собрание сочинений Чехова, чтобы представить читателям максимально чистый, простой и элегантный текст, который бы точно отражал оригинальный стиль писателя [5, с. 11]. Известный китайский писатель Фэн Цзицай вспоминал о

переводах Ру Лонга: «В конце 1970-х годов, когда я жил в редакции издательства „Народная литература“, работая над романом, только что началось возобновление издания мировых шедевров. Издательство планировало выпустить сборник рассказов Чехова, но, по какой-то причине, решило не обращаться к Ру Лонгу, который был признанным переводчиком Чехова, а пригласило других специалистов для перевода. Чтобы гарантировать качество, издательство выбрало два рассказа Чехова — „Человек в футляре“ и „Смерть чиновника“ — и поручило их перевести нескольким мастерам перевода с русского языка. Однако, после сдачи работ оказалось, что ни один из текстов не передаёт дух Чехова так, как это делал Ру Лонг. Несмотря на то, что переводы были выполнены с фотографической точностью, сам Чехов будто бы исчез из них. Чеховская лаконичность, проникновенность и грусть — всё это Ру Лонг мог выразить даже с помощью пунктуации» [6, с. 108]. См. пример ниже:

【Пример】 И этот учитель греческого языка, этот человек в футляре, **можете себе представить, едва** не женился.

Иван Иванович быстро оглянулся в сарай и сказал:

— **Шутите!**

— Да, едва не женился, как это ни странно... А она уже не молодая, лет тридцати, но тоже высокая, стройная, чернобровая, краснощекая, — одним словом, **не девица, а мармелад, и такая разбитная, шумная, всё поет малороссийские романсы и хохочет. ... ходит подбоченясь, хохочет, поет, пляшет...** Она спела с чувством «Виют витры», потом еще романс..., **сладко улыбаясь...**[7].

【Перевод】 “您猜怎么着，这个希腊语教师，这个套中人，**还差点**结了婚。”伊万·伊万内奇很快回头瞟了一眼堆房，说：“您开玩笑啦！”“真的，尽管说起来古，可是他的确差点结了婚。.....她呢，已经不算年轻，年纪有三十岁上下了，可是她长得也高，身材匀称，黑眉毛，**红脸蛋**，一句话，**她简直不能说是姑娘，而是蜜饯水果，活泼极了，谈笑风生，老是唱小俄罗斯的抒情歌曲，老是哈哈大笑。.....她两手叉着腰，走来走去，笑啊唱的，翩翩起舞。.....她带着感情唱《风在吹》，然后又唱一支抒情歌曲，.....，露出甜滋滋的笑容，说：.....** [8].

В рассказе «Человек в футляре» основное внимание уделено истории, которую рассказывает Буркин приездом Ивану Ивановичу о своём коллеге Беликове, высмеивая его как законченного «человека в футляре». В переводе Ру Лонга используются такие выражения, как «您猜怎么着», «还差点», «她», «简直不能说», «而是蜜饯水果, 活泼极了, 谈笑风生», «走来走去, 笑啊唱的, 翩翩起舞». Эти выражения, полные либо лёгкой иронии, либо ярких характеристик живого и энергичного характера Вареньки, мастерски передают субъективные эмоции Буркина, которые пронизывают его вмешивающийся стиль повествования. Лёгкость и непринуждённость разговорного стиля в переводе создают живой и

реалистичный образ ещё одного «Человека в футляре» — самого Буркина. Кроме того, лаконичный перевод коротких реплик Ивана Ивановича является ещё одним доказательством мастерства Ру Лонга. В рассказе Иван Иванович выступает как посторонний наблюдатель, объективно слушающий описание Буркина, однако он относится к некоторым насмешливым деталям с серьёзностью. В данном отрывке его реплика «Шутите!» выражает не просто удивление, а холодное, критическое отрицание с элементами разочарования и тревоги по поводу социальной действительности. Чехов сумел передать это сжатое и решительное осуждение одним словом. Ру Лонг, используя фразу «您开玩笑!», изящно и точно передаёт не только роль, позицию и чувства Ивана Ивановича, но и добавляет глубину его образу.

Однако Ру Лонг не ограничивал себя только чеховским стилем. Придерживаясь принципа точной передачи оригинального авторского стиля, он придавал большое значение адаптации своего литературного подхода к каждому конкретному автору. Например, во время работы над переводом мемуаров Марии Павловны Чеховой, сестры Антона Павловича, он давал своему сыну следующие наставления: «Стиль письма Чехова должен отличаться от манеры его сестры. Мария пишет о своём брате с чувством глубокой почтительности. Чехов назначил её исполнителем своего завещания, так как она, посвятив ему всю свою жизнь, так и не вышла замуж. Их отношения были чрезвычайно близкими...» [4, с. 30]. Кроме того, наглядным примером является собственная переводческая практика Ру Лонга: в отличие от лаконичного стиля, применённого им при переводе произведений Чехова, в его интерпретации романа Достоевского «Преступление и наказание» прослеживается совершенно иной подход.

【Пример】 Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченные в монастырь! Сотни, тысячи, может быть, существований, направленных на дорогу; десятки семейств, спасенных от нищеты, от разложения, от гибели, от разврата, от венерических больниц, — и все это на ее деньги [9].

【Перевод】 老太婆那些钱本可以用来办理和改进成千成百件好事和创举，如今却统统要拨给修道院了！本来也许可以使成千成百的人走上正路，可以使千百户人家从贫困中得救，摆脱没落、摆脱灭亡、摆脱堕落、摆脱花柳病，所有这些事只要有她的钱就都能办到。[10].

В отличие от лаконичного стиля письма Чехова, произведения Достоевского характеризуются подробным и глубоким описанием психологических переживаний персонажей. Это требует от переводчика точного понимания особенностей характера каждого героя и обстоятельств, в которых они находятся. В данном отрывке внимание сосредоточено на диалоге главного героя Раскольникова с окружающими в момент, когда он готовит-

ся к убийству старухи-процентщицы. В этот период его внутреннее состояние достигает крайнего напряжения: он испытывает сильнейшую тревогу и душевные муки. Его эмоции, долгое время копившиеся из-за чувства несправедливости, достигают пика, что выражается в его резких и эмоционально насыщенных репликах. Однако, будучи студентом-юристом с высоким уровнем образования и логическим складом ума, даже в состоянии волнения Раскольников сохраняет ясность анализа и строгость аргументации. Его речь изобилует остроумными и точными формулировками. Перевод Ру Лонга в данном контексте демонстрирует не только плавность и естественность изложения, но и удивительную синхронность с ритмом оригинального текста. Подбор слов точно передаёт социальный статус Раскольникова, его внутренние переживания и динамику мыслей. Таким образом, переводчик с высокой степенью достоверности воспроизводит сложную психологическую проработку героя, созданную Достоевским.

Кроме того, чтобы представить читателю произведения в их первоизданном виде, начиная с 1950-х годов Ру Лонг приступил к масштабной работе по повторному переводу текстов, ранее переведённых с английских версий, на основе оригиналов на русском языке [11]. Он уделял особое внимание тщательной переработке существующих переводов, стремясь достичь высокой степени соответствия с оригиналом как в смысле, так и в стиле.

Можно с уверенностью сказать, что Ру Лонг всю свою жизнь воплощал в практику переводческой принцип «верности оригинальному стилю». Именно поэтому читатели его переводов могут почувствовать в текстах то особое сочетание сострадания, лёгкости и грусти, присущее произведениям Чехова. Через переводы Ру Лонга читатели также могут ощутить ироничный, умный и неподражаемый стиль Чехова, его неподражаемые литературные приёмы. Переводы Ру Лонга являются лучшим примером подлинной верности оригиналу. Своей работой он продемонстрировал истинное значение понятия «верность» в литературном переводе, сделав его глубоко понятным для всех.

Забота о читателе

Читатель является важной частью процесса перевода и конечным звеном цепочки «автор — переводчик — читатель» [12, с. 58]. В своей переводческой практике Ру Лонг придавал большое значение роли читателя, утверждая, что переводчик должен проявлять заботу о своей аудитории, постоянно учитывать её интересы и выбирать соответствующие стратегии и методы перевода, исходя из целевой группы читателей. Однажды, читая перевод своего сына Жу Илина книги «Ульджумские подорожки», он наставлял его: «Кто является читателем дет-

ской литературы? Это дети в возрасте около десяти лет. Переведённые нами произведения детской литературы должны быть понятны и интересны для них. Нужно всегда помнить о своей аудитории. Язык перевода должен быть разговорным, ведь детская литература предназначена для детей. Например, в вашем тексте есть глава с заголовком „演剧“ („постановка пьесы“). Разве дети так говорят? Даже взрослые редко используют этот термин. Если заменить его на „演戏“ („постановка спектакля“), это будет гораздо лучше...» [4, с. 30]. Эти слова ясно демонстрируют, насколько важным для Ру Лонга было понимание нужд и особенностей целевой аудитории, что позволило ему создавать переводы, понятные и интересные для своих читателей.

Принимая во внимание целевую аудиторию, необходимо также учитывать её читательский опыт и эмоциональное восприятие. Ру Лонг считал, что перевод литературного произведения должен стремиться максимально погружать читателя в эмоциональный мир текста. Для достижения этой цели переводчик должен ставить себя на место читателя, входить в художественный мир произведения и сопереживать его персонажам, чтобы воспроизводить историю на языке, соответствующем каждому конкретному герою и его характеру. «Если персонаж в оригинале взволнован, вы тоже должны быть взволнованы. Нельзя переводить с холодным сердцем. Если вы сами не тронуты текстом, как вы сможете растрогать читателя? Переводчик должен быть и режиссёром, и актёром, работать, как если бы он сам создавал текст. Только так можно увлечь читателя и погрузить его в захватывающий мир произведения» [4, с. 31]. Этот подход Ру Лонга демонстрирует, насколько важным он считал не только точность передачи текста, но и сохранение эмоциональной связи между читателем, героями и произведением.

Укрепление языковых навыков

Ру Лонг подчёркивал, что переводчик должен обладать исключительно прочной языковой базой. Без качественного владения языком перевода сложно выразить мысли и чувства автора оригинала, а также живо и точно воссоздать образы персонажей на языке перевода. Как переводы Ру Лонга, выполненные на раннем этапе его карьеры с английских версий, так и более поздние переводы, сделанные непосредственно с оригинальных русскоязычных текстов, основывались на его упорной работе по освоению языков и многолетнем опыте совершенствования своих навыков. Только при хорошем владении языком оригинала и уверенной базе родного языка можно постоянно совершенствовать перевод, придавая ему художественную выразительность и глубоко передавая стиль и эмоции оригинала. «Каждое предложение должно нести эмоции, избегайте сухих, пустых или лишних слов. Ненужные слова нужно удалять:

такие, как „了“, „的“, „那“, „就“ и подобные, — если можно обойтись без них, лучше обойтись. Они только делают фразу разрозненной и затрудняют понимание смысла. Нам нужно, чтобы смысл предложения сразу чётко запечатлевался в сознании читателя» [4, с. 29]. Например:

【Пример】 На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флер-д’оранжем. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком — его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом — его сын [7].

【Перевод】 尼古拉铁路①一个火车站上，有两个朋友相遇：一个是胖子，一个是瘦子。胖子刚在火车站上吃过饭，嘴唇上站着油而发亮，就跟熟透的樱桃一样。他身上冒出白葡萄酒和香橙花的气味。瘦子刚从火车上下来，拿着皮箱、包裹和硬纸盒。他身上冒出火腿和咖啡渣的气味。他背后站着一个人下巴的瘦女人，是他的妻子。还有一个高身量的中学生，眯细一只眼睛，是他的儿子。（①在莫斯科和彼得堡之间的一条铁路，以沙皇尼古拉一世命名。） [13].

Этот отрывок представляет собой начало рассказа Чехова «Толстый и тонкий». Одной единственной фразой «На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий» Чехов лаконично вводит все основные элементы произведения: персонажей, место действия и обстановку. Далее следуют описания действий толстого и тонкого, которые несколькими штрихами ярко и живо передают их характеры, социальный статус и жизненные обстоятельства. Весь отрывок демонстрирует пример классической «чеховской лаконичности»: ни одного лишнего прилагательного или детали. Ру Лонг, глубоко понимая художественный метод Чехова, благодаря своему высокому литературному мастерству перевёл текст на максимально сжатом языке. Следуя своему принципу «использовать как можно меньше слов», он воспроизвёл оригинал с точностью и лаконичностью, где каждое слово перевода несёт смысловую нагрузку и служит развитию сюжета. В его переводе отсутствуют излишества: каждый элемент текста работает на содержание. Из перевода видно, что перевод Ру Лонга полностью соответствует оригиналу по содержанию, структуре, ритму и звучанию. Этот успех стал возможным благодаря постоянной языковой практике и стремлению Ру Лонга к профессиональному совершенствованию с первых дней его литературной карьеры.

Повышение литературной подготовки

В своей статье «Несколько слов о переводе» Ру Лонг отмечал: «Переводчик, чтобы добросовестно выполнять свои обязательства перед автором и читателем, должен

всесторонне развивать свои навыки, включая владение иностранным языком, родным языком и литературное образование» [3, с. 4]. Он считал, что работа в области литературного перевода требует не только энтузиазма и решимости, но прежде всего целенаправленной работы над повышением своего уровня литературного восприятия и аналитических способностей. «Тот, кто занимается литературным переводом, должен много читать — как произведения на родном языке, так и на иностранном. Читать нужно каждый день и делать это по плану: определять, сколько книг вы сможете осилить за год. Если у вас будет прочная литературная база, то перевод будет получаться более естественным, а передача смысла будет выразительнее. Если ваш уровень недостаточен, вы не сможете понять замысел автора, его стиль и интонацию. Каждое произведение имеет свою главную идею, и перед началом перевода необходимо глубоко понять намерения автора, чувства героев, манеру их речи и характер. Только тогда вы сможете уверенно приступить к переводу, который станет таким же плавным, как текущая вода» [4, с. 28].

С детства Ру Лонг увлечённо читал классические произведения литературы как китайских, так и зарубежных авторов. Через изучение различных литературных произведений он совершенствовал своё мастерство в выборе слов и построении фраз, а также глубже проникал в эмоции персонажей, что позволяло ему создавать естественные и живые переводы. По воспоминаниям жены Ру Лонга, его любимой книгой был «Сон в красном тереме». В моменты, когда в процессе перевода он сталкивался с трудностями, он часто брал в руки «Сон в красном тереме», читал несколько страниц, а затем возвращался к работе, вдохновлённый новым потоком идей [14, с. 27]. Кроме того, чтобы сделать свои переводы более выразительными, Ру Лонг уделял большое внимание развитию своего художественного вкуса. Перед началом работы он иногда включал граммофон и слушал классические музыкальные записи или перелистывал страницы приобретённой им по высокой цене «Всемирной энциклопедии искусства» [14, с. 25]. Это помогало ему обогатить своё восприятие и настроиться на чувственный литературный мир. Именно благодаря своему стремлению к совершенствованию литературных навыков Ру Лонг смог глубоко проникнуть в мир Чехова, понять его произведения и представить их китайской аудитории. Он перевёл произведения Чехова разных жанров и даже включил в свои переводы аннотации, прилагаемые к оригинальным русским изданиям. В 1954 году в журнале

«Народная литература» Ру Лонг опубликовал статью «Чехов и его рассказы» объёмом 19 страниц, где дал краткий анализ и классификацию основных произведений Чехова [15]. Благодаря своему высокому уровню литературной подготовки Ру Лонг перед началом перевода любой работы, независимо от её объёма, всегда старался глубоко осмыслить явные и скрытые идеи, чувства, атмосферу и авторский замысел.

Заключение

Переводческая концепция и практика взаимосвязаны и взаимно дополняют друг друга. На протяжении почти полувека работы Ру Лонг не только создал внушительное количество переводов, охватывающих широкий спектр жанров, но и посвятил сорок лет своей жизни повторному переводу ранее выполненных работ. Именно в процессе постоянного пересмотра и исправления уже достигнутых результатов его переводческая концепция шлифовалась и постепенно достигла зрелости. В данной статье, основываясь на тексте Ру Лонга «Несколько слов о переводе», а также его переводах, письмах к друзьям и воспоминаниях, посвящённых ему, были сравнительно проанализированы его переводы с работами других выдающихся переводчиков, а также оригинальные переводы Ру Лонга и их пересмотренные версии. На основе богатого фактического материала были выделены и обобщены четыре ключевые аспекта переводческой концепции Ру Лонга: 1) верность стилю оригинала: детальный анализ творческого стиля разных авторов и уникальных черт персонажей в их произведениях; 2) забота о читателе: выбор соответствующих стратегий и методов перевода в зависимости от целевой аудитории; 3) укрепление языковых навыков: совершенствование как родного, так и иностранного языка с целью достижения лаконичности и точности перевода; 4) повышение литературной подготовки: глубокое осмысление духа произведения для более точной передачи его содержания. Именно эти принципы позволили Ру Лонгу создавать большое количество понятных и ярких переводов, которые предоставили китайским читателям доступ к русской литературе и дали учёным быстрый и надёжный инструмент для изучения её богатства. Кроме того, переводческая концепция Ру Лонга отражает его стремление к совершенству, приверженность качеству и истине, что делает его примером для подражания для будущих поколений переводчиков, предоставляя им ценное методологическое руководство для работы в области литературного перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Му Лэй, Ши И. Открытие и исследование переводческой субъектности: с обзором исследований китайских переводчиков // Китайский перевод. 2003. № 1. С. 12–18.
2. Сюй Цзюнь. Мотивация перевода, переводческие концепции и переводческая деятельность // Исследования иностранных языков. 2004. № 1. С. 51–55.

3. Ру Лонг. Несколько слов о переводе // Изучение языка и литературы. 1958. № 5. С. 4.
4. Жу Илин, Ши Юнли. Как отец Ру Лонг учил нас переводить литературу // Китайский перевод. 1996. № 4. С. 28–31.
5. У На. Чехов и Ру Лонг: рукопожатие через время и пространство // Гуанмин жибао. 2016. № 8. С. 011.
6. Чжоу Лиминь. Два человека и одна великая книга: Ру Лонг, Ба Цзин и «Собрание сочинений Чехова» // Биографическая литература. 2020. № 9. С. 107–126.
7. Чехов А.П. Рассказы. — М.: АСТ, 2020.
8. Чехов А.П. Избранные рассказы 27: Сборник «Пари» / Пер. Ру Лонг. — Шанхай: Издательство Пиньминь, 1955.
9. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. — М.: ЭКСМО, 2020.
10. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание / Пер. Ру Лонг. — Цзянсу: Издательство Илин, 2021.
11. Исследовательское общество Ба Цзиня. Ба Цзинь и переписка с друзьями: том Ру Лонга и Вэнь Ина. — Шанхай: Издательство Шанхайской академии общественных наук, 2009.
12. Цю Маожу. Процесс перевода: краткое введение в теорию перевода Юджина Найды // Иностранные языки (Журнал Шанхайского института иностранных языков). 1984. № 2. С. 58–60.
13. Чехов А.П. Собрание сочинений (т. 1–16) / Пер. Ру Лонг. — Шанхай: Шанхайское издательство переводной литературы, 1980–1999.
14. Вэнь Ин. Воспоминания о переводчике Ру Лонге // Китайский перевод. 1996. № 4. С. 25–27.
15. Ру Лонг. Чехов и его рассказы // Народная литература. 1954. № 7.
16. Ян Оу. В память о знаменитом переводчике Ру Лонге в столетие со дня его рождения: Он познакомил китайских читателей с Чеховым // Зарубежное издание «Жэньминь жибао». 2016. № 5. URL: <http://www.chinawriter.com.cn/shige/2016/2016-05-03/271310.html>.

© Ян Сяоцин (752164955@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

- Belous B.** – Ph.D. in History, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg)
- Bormin A.** – Graduate student, Moscow City Pedagogical University
- Chen Niyu** – PhD student, Peoples' Friendship University of Russia
- Chen Zou** – Vitebsk State University named after P.M. Masherov
- Chufarov A.** – Assistant of the Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
- Davidan M.** – Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev
- Ferapontova Yu.** – PhD in Pedagogical Sciences, Ural Institute of State Fire Service of EMERCOM of Russia
- Filonenko B.** – Second Officer, SCF Management Services, (Novorossiysk)
- Filonenko V.** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Admiral Ushakov Marine State University (Novorossiysk)
- Gashimova S.** – Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
- Genkin Yu.** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Admiral Ushakov Marine State University (Novorossiysk)
- Glazkov A.** – candidate of philology, Russian academy of national economics and public administration (Moscow)
- Glazkova E.** – candidate of philology, associate professor, Russian academy of national economics and public administration (Moscow)
- Gordeeva N.** – Lecturer, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
- Hrykina N. – Mordovian State Pedagogical University, Saransk, Russia
- Hu Mingxin** – graduate student, Heilongjiang University, r. Harbin, China
- IUe TSiuansin** – doctoral student, Heilongjiang University, Harbin City, Heilongjiang Province, China
- Kachanova A.** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow City Pedagogical University
- Kalakutskaya E.** – Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev (Samara University)
- Kirkina E.** – Candidate of Philological Sciences, Mordovian State Pedagogical University, Saransk, Russia
- Kishkinova O.** – Senior Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education MGAVMiB - MBA named after K.I. Skryabin
- Kletskaya S.** – PhD in Philology, Southern Federal University

Our authors

- Kopytko V.** – Senior Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
- Kovalev K.** – PhD., associated professor, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics
- Kurovsky S.** – Head of the Research Department LLC "Higher School of Education"
- Kutlikova I.** – Senior Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education MGAVMiB - MBA named after K.I. Skryabin
- Levenets A.** – Doctor of Medical science, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University" of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation
- Li Qian** – PhD student, St. Petersburg State University
- Ling Chen** – Associate Professor, Heihei University
- Loginova I.** – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University" of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation
- Lu Lu** – Postgraduate student, St. Petersburg State University
- Luo Zhimeng** – postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia
- Makarchuk T.** – Assistant, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University» of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation
- Martemyanova M.** – Candidate of philological sciences, Associate Professor, Izhevsk State Medical Academy
- Masyagin V.** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
- Mindlin Yu.** – Candidate of Economic Sciences, associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education MGAVMiB - MBA named after K.I. Skryabin
- Mishin D.** – Head of the Editorial and Publishing Department LLC "Higher School of Education"
- Petkov V.** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Kuban State University (Krasnodar)
- Polyakov A.** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Orenburg State University
- Qi Guojiang** – Associate Professor Heihei University
- Saburova S.** – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Moscow City Pedagogical University
- Semenova S.** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University", Krasnodar

Shchemerova N. – Candidate of Philological Sciences, Mordovian State Pedagogical University, Saransk, Russia

Shugusheva Ju. – Candidate of Philology, Kabardino-Circassian Language and Literature of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov"

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Smolyanko I. – Teacher, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev

Solovyeva O. – Senior Lecturer, Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

Sun Kai – Graduate student of Moscow State Institute music named after Schnittke

Temiz Umutcan – Postgraduate student, Moscow State Linguistic University

Tenischeva V. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Admiral Ushakov Marine State University (Novorossiysk)

Tertychko D. – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University", Krasnodar

Verezubova N. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Scriabin

Wan Guangfu – PhD student, The Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Yakovleva O. – Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Scriabin

Yan Ikhua – Postgraduate Student, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Yang Xiaoqing – Shanghai International Studies University

Zavyalova M. – Postgraduate student, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Zhandarova A. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University", Krasnodar

Zheltikov O. – Graduate student, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin

Zheng Guangjie – Ph.D. in Philology, Associate Professor, Jiangsu Normal University (XuZhou, China)

Zinchuk M. – Postgraduate student, RUDN

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).